

Широков В.Н.
Чаиркин С.Е.

Наскальные изображения

Северного
и Среднего
Урала

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ**

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**В.Н. ШИРОКОВ
С.Е. ЧАИРКИН**

**НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
СЕВЕРНОГО И СРЕДНЕГО
УРАЛА**

Екатеринбург
2011

УДК 903:7.031.1(470.54)«633/636»

ББК 63.4(234.55):85

СОДЕРЖАНИЕ

В.Н. Широков, С.Е. Чаиркин
Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. —
Екатеринбург: 2011. — 182 с.

ISBN 978-5-91256-081-1

Научный редактор: к.и.н. В.Д. Викторова

Рецензенты: к.и.н. Н.М. Чаиркина

к.и.н. Ю.П. Чемякин

По берегам уральских рек и озёр древние «художники» оставили загадочные «наскальные полотна» с рисунками зверей, птиц, человекообразных существ и геометрических знаков, которые вместе образуют подчас великолепные композиции комплексного содержания. Где, когда, кем и с какой целью могли быть созданы древние наскальные изображения — вот те вопросы, на которые авторы пытаются ответить в предлагаемой книге.

Для специалистов археологов и всех, кому небезразлична древняя история и культура Урала

Введение	7
Глава 1. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала в природном окружении	9
Глава 2. Наследие: историография изучения наскальных изображений Северного и Среднего Урала	11
Глава 3. Краткое описание памятников	24
Глава 4. Типологическая классификация изобразительных мотивов	119
Глава 5. Время создания наскальных изображений на Северном и Среднем Урале	128
Глава 6. Ретроспективный калейдоскоп археологических культур и возможная этнокультурная принадлежность наскальных изображений Урала	138
Глава 7. О чем могут рассказать древние рисунки	145
Заключение	174
Литература	175
Список сокращений	183

© Текст, рисунки: В.Н. Широков, С.Е. Чаиркин, 2011
© Фотографии: В.Н. Широков, 2011
© Оформление: В.Н. Широков, 2011
© Макет: В.Н. Широков, А.С. Крупп, 2011

Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности народов России». Проект «Истоки культурного наследия древнего населения Урала»

Издание выполнено при финансовой поддержке ООО «Грачёв и Партнёры»

ISBN 978-5-91256-081-1

ВВЕДЕНИЕ

Землю можно сравнить с татуированным телом — почти повсюду на ней в местах обнажения горных пород есть древние изображения. Они известны сейчас более чем в ста двадцати странах мира в самых разнообразных условиях — от подземных пещер до высокогорных плато, от тундр до пустынь. Эти изображения, объединяемые термином «наскальное искусство», созданы преимущественно в период «детства» человечества — доистории.

Не является исключением и территория Урала. На Урале рисунки на скалах послеледникового времени — голоцена (от приблизительно 10,3 тыс. лет назад до современности), называют также «писаницы», «писанные скалы», «камни-писанцы». Они расположены на обнажениях горных пород, как правило, по берегам рек и, реже, озер. Уральский ареал наскального искусства охватывает территорию, протянувшуюся с севера на юг примерно на 800 км. Рисунки неизвестны пока на территории Полярного и Приполярного Урала. Северную границу отмечают памятники по рекам Колве и Вишере, южную - по р. Белой. Внутри этого ареала писаницы распространены неравномерно. На некоторых реках или озёрах известно только по одному или два пункта - на Белой, Зилиме, Уфе, Серге, Ирбите, Прокопьевской Салде, Туре, Чусовой, озёрах Б. Аллаки, Аргазии Аракуль и Аятское. Зато в бассейнах других рек наблюдается значительная концентрация писанных скал. На карте (рис. 7) можно видеть два основных района дислокации писаниц — на восточном склоне Среднего Урала по рекам Тагилу, Нейве и Режу, и на западном склоне Южного Урала — по рекам Ай и Юрюзань. Больше всего писаниц открыто сейчас на реке Тагил — 20. Все эти памятники связаны с горно-лесной зоной, обладающей известным единством природной среды. Наша книга посвящена наскальным изображениям Среднего и Северного Урала, где в соответствии с современным административным районированием расположены Свердловская область и Пермский край.

Рисунки наносились на различные горные породы, характерные для той или иной части Урала. По берегам рек западного склона чаще встречаются скалы из известняков, а на восточном — из гранитов, сиенитов, габбро, диоритов, а также гнейсов и сланцев. Фигуры создавались на вертикальных или наклонных скальных стенах, в то время как в других регионах, например, в Карелии или Швеции, для этого использовались горизонтальные поверхности. Для своих изображений древние «художники» выбирали плоскости, расположенные под навесом, либо имеющие отрицательный наклон. В этом заметна забота о предохранении фигур от разрушительного воздействия атмосферных осадков. Интересно, что выбиралась не всякая ровная плоскость, а в первую очередь та, которую покрывал светлый натёк. С этим связано, скорее всего, не только стремление усилить контрастность изображений, выделить их из сероватого фона скалы, акцентировать на них внимание зрителя, но и мифологические представления их создателей.

Высота скал с древними изображениями варьирует от нескольких метров до многих десятков метров. Кажется, размеры обнажений горных пород не имели решающего значения для создателей «наскальных полотен».

На Среднем и Северном Урале рисунки нанесены не только у земли, но и значительно выше человеческого роста. В некоторых пунктах изображения могли быть созданы только с применением искусственных конструкций. Таковы Писаные Камни по рекам Вишера, Тагил, Ирбит и Серга, где многие изобразительные мотивы находятся на высоте от 5 до 8 м. На Среднем и Северном Урале рисунки часто наносились в несколько ярусов, чему в немалой степени способствовала структура скальных обнажений, сложенных отдельными блоками с привлекательными для «художника» гранями на разной высоте от земли.

Почти все писаницы выполнены на фасадных частях скал, обращённых к реке, а многие панно напоминают своего рода алтарные части храмов. На некоторых скалах отдельные блоки полностью окрашены краской, как, например, на Змиевом Камне или Соколинских утёсах (р. Тагил), показывая пример интеграции скальной основы в изобразительный ансамбль.

Рисунки не спрятаны от постороннего взгляда: большая часть фигур доступна для обзора любого стоящего перед скалой. Наиболее яркие изображения, расположенные на значительной высоте, видны не только с реки, но и с противоположного берега, как в случае с верхней группой Зенковской скалы. Отдельные писаницы можно охватить взглядом с одного места, в других случаях для знакомства со всеми росписями нужно перемещаться вдоль плоскостей и блоков подчас десятки метров. Приходится удивляться, в каких рискованных ситуациях создавались некоторые мотивы, что усиливает понимание важности заложенных в них информации. Ориентировка скальных поверхностей с древними рисунками почти всегда южная, иногда с отклонениями к востоку или западу.

Если в Сибири или на Европейском Севере известно множество технических приёмов для создания изображений — рисунок краской, выбивка, гравировка, шлифовка, их комбинации, то на Урале мы знаем, за небольшим исключением, монохромный рисунок. Для приготовления краски отбирались гематит, гетит, лимонит и другие оксиды железа. Сведения об этом получены как в результате изучения образцов пигмента под микроскопом, так и по кусочкам этих минералов с надпилами, обнаруженных при раскопках под некоторыми писаницами. Пигмент готовился из порошка путём растирания оксидов. Затем в него могла добавляться связующая основа-наполнитель из растопленного жира животных и/или их крови. Такой состав известен по наблюдениям этнографов у современных коренных народов Урала и Сибири — манси и хантов. В зависимости от того, какие оксиды использовались для приготовления красящего пигмента, изменялся и её оттенок. Например, если применялся бурый железняк, то рисунки желтовато-коричневые или красновато-бурые, если же использовался гематит, то цвет ближе к бордовому или сиреневому.

В чем разводилась и содержалась краска, неизвестно; возможно, в небольших сосудах из керамики или других материалов, например, бересты. Вероятно, в отдельных случаях должны были использоваться плотно закрывающиеся ёмкости, о чем можно судить на примере 1-й группы Зенковской писаницы на р. Тагиле. Расположенная в 15 метрах над землёй, эта группа досягаема лишь с помощью скалолазного снаряжения или хотя бы толстой верёвки. Чтобы до-

браться до узкой полки, и, стоя на ней, выполнить не менее 9 рисунков, их создателю нужно было закрепить на теле такую ёмкость с краской для подстраховки её от падения и освобождения своих руки.

Все нарисованные фигуры можно объединить в четыре большие категории. Первую образуют животные, вторую человекообразные существа, третью различные геометрические изображения, или знаки, четвертую — неопределённые изобразительные мотивы. Конечно, это самый общий уровень классификации рисунков, и категории включают различные произведения. Среди изображений животных преобладают звери и птицы. А вот натуралистично нарисованные рыбы или насекомые практически не отмечены или спорны: есть только одна отчётливая фигура рыбы на Вишерском Писаном Камне.

Подробнее изобразительные мотивы будут охарактеризованы ниже, здесь же отметим только самые общие их черты. Почти все фигуры птиц и зверей выполнены в профиль: по справедливому мнению В.Н. Чернецова, так легче было показать наиболее характерные черты того или иного вида. Рисунки человекообразных существ в подавляющем большинстве фронтальные. Изображения выполнялись по-разному: тонированным силуэтом, контурной линией, так называемым «скелетным», или «рентгеновским» способом, отдельной линией, а также путём комбинирования этих приёмов. Как правило, рисунки создавались красочной линией, не превышающей ширины 1–1,5 см, скорее всего, пальцем руки. Но известны и широкие полосы — до 4–5 см, которые, может быть, выполнялись каким-то инструментом — щепой или кистью.

Копирование наскальных изображений — это сложный, длительный и трудоёмкий процесс (Шер, 1980; Дэвлет, 2002). Копирование уральских писаниц выполнялось нами в разные годы. Из-за бездорожья большая часть памятников доступна для изучения только водным путём. Поэтому обычными для нас были весенние сплавы по рекам на байдарках или резиновых лодках. Многие поездки совершались в зимнее время на лыжах: снежный покров создаёт дополнительное освещение и облегчает дешифровку наскальных изображений. В этих условиях средства и материалы для копирования не должны были превышать разумный вес и объём для подобного рода путешествий. Из-за таких ограничений приходилось не раз повторять одни и те же маршруты, что имело и свои положительные стороны: мы могли наблюдать рисунки в разное время года, суток и при различном освещении. Так, буквально шаг за шагом вслед за техническим прогрессом были выполнены копии изображений сначала на кальку, затем на полиэтилен и микалентную бумагу. Впоследствии копии пропорционально уменьшались до размера, позволяющего использовать их в публикациях. Нами применялись также зарисовки некоторых композиций на ватман и копирование на масштабную бумагу («миллиметровку»). Уменьшенные копии корректировались по фотографиям и в полевых условиях. В книге используются также материалы наших предшественников: Владимира Федоровича Генинга (1954), Валерия Николаевича Чернецова (1964, 1971) и Валерия Трофимовича Петрина. Стараниями участников их экспедиций выполнены удачные копии некоторых писаниц. В эти копии

нами внесены отдельные уточнения. Полноценное фотографирование изображений стало возможным только с появлением цифровых камер, позволяющих контролировать съёмку рисунков. Фотографирование на плёнку по большей части приводило к неудовлетворительным результатам. Применение цифрового фотографирования и компьютерной техники позволяет перейти на новый уровень документации этого вида источников, однако данная задача далека от своего завершения.

В этой книге мы подводим определённый итог длительного этапа исследований. Ранее такая работа уже выполнялась: опубликована серия «Уральские писаницы», издания которой имеют, преимущественно, источниковедческий характер (Широков, Чаиркин, Чемякин, 2000; Широков, Чаиркин, Широкова, 2005; Широков, 2007; Широков, 2009). Это позволяет нам избежать подробного описания памятников и представить материалы обобщённо.

Благодарности: мы искренне признательны всем тем, кто делил с нами романтику и трудности экспедиционных работ: водителям А.М. Кабалину и Г. Аверьянову, спелеологам Ю.М. Мамаеву и Е. Цурихину, биологу Н.Г. Ерохину, художникам Г.В. Шаройкину и Л. Баранову, археологам В.И. Стефанову, Ю.П. Чемякину, С.Н. Погорелову, В.Н. Святову, Р.Б. Волкову, С.Н. Паниной, С.Н. Савченко, фотографу С.А. Крылову, оператору и режиссёру В.Ю. Попову, а также Н.А. Широковой, М. Баранову, А. Тимошику, Т. Черемискину, А. Кузьминой, М. Вельбой, А. Грозных, Е.В. Кузнецовой, А. Тугаеву и многим другим.

Выражаем глубокую благодарность директору Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» Э.Р. Меркушевой.

И, конечно, с особым чувством благодарности мы вспоминаем нашего наставника и старшего друга Валерия Трофимовича Петрина.

Отдельное спасибо ООО «Грачёв и партнёры» за финансирование издания.

ГЛАВА 1. НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОГО И СРЕДНЕГО УРАЛА В ПРИРОДНОМ ОКРУЖЕНИИ

Уральская горная страна — одна из немногих в мире с отчётливо выраженной субмеридиональной складчатостью, — протянулась более чем на 2000 км между Русской и Западно-Сибирской равнинами, от Карского моря на севере до Каспия на юге. Этот «Земной», или «Каменный пояс», как называли Урал в Средние века и Новое время, обладает природными условиями, сочетание которых во многом уникально. На Урале прослеживается поясная и высотная зональность ландшафтов от тундры до полупустыни. Преобладают хвойные леса, проникающие в тундру, лесостепь и степь, а монотонность горно-лесной зоны прерывается реликтовыми лесостепями в пределах Среднего Урала. Такая сопряженность различных географических зон позволяла человеку на протяжении тысячелетий гибко приспосабливаться к изменениям среды обитания, вести многоотраслевое комплексное хозяйство даже в условиях присваивающего типа экономики. Не менее важной составляющей природных условий Уральского края является водное богатство рек и озёр, служивших не только для промысла, но и путями сообщений, евроазиатскими «голубыми дорогами». Через притоки Камы–Вишеру, Чусовую и Уфу Европа связана с Северным, Средним и Южным Уралом, откуда открываются выходы в Азию по рекам Северная и Южная Сосьва, Тавда, Тура, Исеть и Миасс. По рр. Уралу и Каме ведут пути в Среднюю и Центральную Азию. Уникальный озёрный край из нескольких тысяч озёр, вытянутый непрерывной цепочкой вдоль восточных отрогов Южного и Среднего Урала, также служил не только важным резервуаром промысловых угодий для древнего человека, но и связывал Север с Югом, Восток с Западом. Благоприятные природные условия предопределили богатство животного мира. На Урале известно более 70 видов млекопитающих, более 200 видов птиц и около 40 видов рыб, многие из которых имели и имеют важнейшее промысловое значение. Известны и значительные запасы на Урале горных пород, минералов и руд, в том числе высококачественных яшм и кремня, драгоценных и полудрагоценных камней, красок, меди и легирующих к ней добавок, железа, драгоценных металлов, создававших важнейшие запасы сырья для обеспечения жизнедеятельности древних людей.

Ширина собственно горного пояса составляет на севере менее 50 км, а на юге — свыше 150 км. Вместе с предгорными равнинами, входящими в состав уральской горной страны, ее ширина изменяется от 50–60 км в северной части до 400 км — в южной. Урал издавна считается границей между двумя частями света — Европой и Азией. Граница проводится по осевой части гор, а на юго-востоке по реке Урал.

Уральские горы невысоки: лишь отдельные вершины их превышают 1500 м. Вдоль простирания гор наблюдается чередование повышенных и пониженных участков, вызванное волнообразными движениями земной коры на протяжении длительной геологической истории края. Это позволяет выделить в пределах Урала несколько географических

областей, сменяющих друг друга при движении с севера на юг — Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный Урал.

Северный Урал начинается горой Тэльпозиз и заканчивается Конжаковским Камнем (1569 м). Высота хребтов здесь в среднем до 1000 м, но в северной и южной частях возрастает.

Средний Урал протягивается до горы Юрма. Это наиболее пониженная часть гор: средние их высоты составляют 500–600 м. Лишь гора Ослянка в северной его части достигает 1119 м, все остальные вершины ниже 1000 м. Горы здесь образуют дугу, слегка выгнутую к востоку. Возвышенную часть Среднего Урала представляют хребты осевой полосы. На вершинах гор видны скалы-останцы, сложенные прочными породами — кварцитами, габбро. Особенно живописны останцы гранитов, дающие при выветривании матрацевидные плиты (так называемые «каменные палатки»).

Для Урала характерно смещение главного водораздельного хребта к востоку от осевой части гор из-за асимметрии горного сооружения. В согласии с простираем геологических структур находится и гидрографическая сеть Урала. Отрезки долин меридионального направления располагаются по простиранию пород палеозойской складчатости, участки широтного направления — по широтным тектоническим разломам. Поэтому многие реки Урала имеют колчатовый рисунок: в продольных понижениях у них широкие долины, а при пересечении горных хребтов — узкие и крутосклонные. Реки восточного склона короче и сильнее врезаны. Они моложе и имеют до четырех-пяти террас, тогда как более древние реки западного склона в Предуралье насчитывают до восьми-девяти террас.

Наиболее сложный гидрографический рисунок и большая густота речной сети характерны для западного склона гор. Все реки западного склона от Вишеры до Уфы через Каму и Волгу принадлежат бассейну Каспийского моря, тогда как реки восточного склона от Лозьвы на севере до Исети на юге связаны с бассейном Ледовитого океана через Тобол, Иртыш и Обь. В целом системы рек восточного склона просты и имеют общее направление на юго-восток. Реки западного склона отличаются большим разнообразием направлений, часто изменяют его из-за хребтов, хотя во многих случаях движутся вкост их простирания. Из-за обилия больших и малых горных систем реки западного склона быстры и бурливы, их долины, особенно в верхнем течении, принимают каньонообразный вид, а русло изобилует порогами и перекатами. Пункты с древними изображениями тяготеют, в основном, к среднему течению рек и западного, и восточного склонов, но встречаются и в верхнем, и в нижнем. На восточном склоне Урала участки среднего течения рек пролегают через увалистую полосу, сужающую долины рек, берега которых обрамлены скальными обнажениями, чего нельзя наблюдать в верховьях.

Урал лежит в глубине материка Евразия, вдали от Атлантического океана. Это определяет континентальность климата края. Однако меридионально вытянутые горы довольно существенно влияют на циркуляцию воздушных масс, играя роль барьера на пути господствующих западных ветров. Поэтому хотя в горах и повторяются климаты соседних равнин, но в несколько измененном виде. При лю-

бом пересечения Урала в горах наблюдается климат более северных районов, чем на примыкающих равнинах предгорий, то есть климатические зоны в горах смещены к югу по сравнению с соседними равнинами. Таким образом, в пределах Уральской горной страны изменение климатических условий подчинено закону широтной зональности и лишь несколько осложнено высотной поясностью. Здесь наблюдается смена климата от тундрового до степного. На западных склонах Урала количество осадков больше, чем на восточных, на 150–200 мм. В то же время горы не мешают перемещению воздуха в южном или северном направлениях. Холодный воздух Арктики нередко проникает вдоль хребта далеко к югу, а тёплый и сухой с юга продвигается на север. Особенно весной и летом, к востоку от Урала эти перемещения вызывают неустойчивую погоду. Средняя температура воздуха колеблется в январе от -16 до -20°, в июле от +18 до +19°. Иногда случаются морозы -40 -50°. Безморозный период продолжается на юге Среднего Урала 110–120 дней, на севере 90–95 дней.

Зимой на Урале устанавливается снежный покров. Его мощность в Предуралье составляет 70–90 см. В горах мощность снега возрастает с высотой, достигая на западных склонах Северного Урала до 1,5–2 м. Особенно обильны снега в верхней части лесного пояса. В Зауралье снега значительно меньше. В южной части Зауралья его мощность не превышает 30–40 см. В целом в пределах Уральской горной страны климат изменяется от сурового и холодного на севере до континентального и достаточно сухого на юге. Степень континентальности климата в котловинах значительно выше, чем на горных хребтах.

Почти вся территория Северного и Среднего Урала располагается в зоне лесов. На юго-западе и юго-востоке, где климат теплее и суше, лес сменяется лесостепью. В лесной зоне преобладают хвойные леса: на западном склоне гор темнохвойная тайга, на восточном — светлохвойная. Самая распространённая древесная порода — сосна. В лесах западной части Северного и Среднего Урала много ели и пихты, на восточном склоне — лиственницы. Из лиственных пород в виде примеси в хвойных лесах преобладают берёза и осина, в некоторых местах заметна липа. Широко представлены на Урале мелколиственные берёзовые и берёзово-осиновые леса. Они распространены по всему Уралу, особенно много их на Южном и Среднем. Есть коренные берёзовые леса, но особенно много вторичных, возникших на месте вырубленных хвойных лесов. Верхняя граница леса на Северном Урале проходит на высоте 500–800 м, вершины Среднего Урала практически не выходят за пределы лесного пояса (800–900 м). Выше её находится неширокий подгольцовый пояс. Основу его растительности образуют низкорослые редкостойные лесочки в сочетании с лугами. Он сменяется горными тундрами, а на севере — и холодными гольцовыми пустынями. В предгорьях Среднего Урала появляются острова реликтовых лесостепей (Красноуфимская, Мясогутская). Основной фон почвенного покрова лесных массивов составляют горно-дерново-лесные и горные неоподзоленные почвы кислого состава, характерные только для Урала, а также лесные подзолистые.

Животный мир Урала не отличается оригинальностью. Его представители — тундровые, лесные и степные животные, распространённые на соседних равнинах. Настоящих горных животных в пределах

Уральской горной страны нет. Правда, каменистость гор и предгорий оказывает определенное влияние на условия жизни животных и их размещение. В лесах и по берегам рек обитают лось, бурый медведь, рысь, россомаха, соболь, куница, колонок, белка, бурундук, заяц-беляк, бобр, выдра, крот. Характерными таёжными птицами являются глухарь, рябчик, тетерев, кедровка, клесты. Обычны здесь горихвостка, славказавирушка, кукушка, синичка-гаечка, трехпалый дятел, поползень. Нередко встречаются хищные птицы: филин, ястреб-перепелятник, ястребиная сова, сокол-балабан. Мир водоплавающих птиц представлен утками, гагарами, поганками, гусями, лебедями и некоторым другими видами. Около половины млекопитающих Урала относится к промысловым видам.

В реках и озёрах водятся щука, окунь, ёрш, плотва, налим, судак, лещ, линь, карась, пескарь и другие рыбы. В чистых горных реках сохраняется хариус и таймень.

Неравномерное распределение снежного покрова в зависимости от географической долготы определяет поведение некоторых видов животных, что оказало влияние на хозяйственную жизнь и культуру древних жителей этого края, отразившись и в наскальном искусстве. Речь идёт о сезонных миграциях копытных животных, таких как лось и косуля, а до XIX в. и северного оленя, с западного склона на восточный (подробнее см. ниже) (обзор подготовлен на основе: Алисов, 1956; Игошина, 1964; Рябицев, 2001; Тектоника Урала, 1977; Урал и Приуралье, 1968; Щукина, 1948).

ГЛАВА 2. НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СЕВЕРНОГО И СРЕДНЕГО УРАЛА

Исследование наскальных изображений Урала длится более трёхсот лет. С изучением писаниц связаны различные по значению события и имена, кратковременные экскурсии и целенаправленные экспедиции, отрывочные описания и добротные публикации, беглые, высказанные скороговоркой мысли и интересные идеи с развёрнутой аргументацией.

Истории изучения наскальных изображений Урала посвящены отдельные разделы двухтомного свода В.Н. Чернецова «Наскальные изображения Урала» (1964; 1971). Однако, эти разделы носят, преимущественно, описательный характер. Нами предпринята попытка структурировать опубликованные им данные, подробнее проанализировать некоторые источники, на которые опирался этот исследователь для выделения наиболее существенных черт того или иного периода или работ отдельных исследователей. Разумеется, самое пристальное внимание уделено осмыслению научного наследия самого Валерия Николаевича — крупнейшего археолога и этнографа 40-х–60-х гг. XX в. С момента опубликования его второго тома «Наскальные изображения Урала» прошло сорок лет. За это время появились новые источники, которые позволяют уточнить, дополнить и даже пересмотреть некоторые его выводы.

Начальный период изучения наскальных изображений Урала приходится на конец XVII — первые десятилетия XIX вв. Наиболее ранние архивные материалы касаются двух памятников — Вишерского и Ирбитского Писаных Камней. В грамоте за 1699 г. сохранились имена подъячего Верхотурской приказной избы Якова Лосева и стрельцов П. Сапожников и П. Коптырева, которым верхотурский воевода К.П. Козлов поручил осмотреть и скопировать рисунки Ирбитской скалы: «А приехав к той горе, тое гору осмотреть и описать сколь велика и высока и в котором месте на камени писаны слова иль иные какие письмена и сколь высоко... от воды и сколько написано слов, написать на чертеже тое гору и подписать слова слово в слово, ничем не разно и во всем сходно» (цит. по: Чернецов, 1971, с. 12). Изображения, выполненные Я. Лосевым, были воспроизведены во втором издании труда голландца Н. Витзена «Северная и Восточная Татария» в 1705 г. (Чернецов, 1971, с. 9).

И Камень, и находящиеся на нем изображения переданы Я. Лосевым произвольно, без соблюдения масштаба, и только отдалённо напоминают оригинал. Местонахождение скалы указано весьма приблизительно: «... в Сибири, недалеко от города Верхотурья». О возрасте рисунков говорится, что нанесены они были ещё до прихода в этот край русских, но «когда же именно и кем они сделаны, никому неизвестно»; сами рисунки «принимаются за неизвестный род письма или за клейма, означающие определённые сведения». Имеются данные о жертвоприношениях, которые совершали здесь «в былое время вогулы и другие народы, жившие по соседству» (цит. по: Миллер, 1937, с. 526). Через шесть лет отец и сын Ремезовы побывали у Ирбитского Писаного Камня и выполнили копии изображений, поместив их в «Служб-

ную Чертёжную Книгу». Рисунки, сделанные Ремезовыми, еще более стилизованы по сравнению с копией Я. Лосева и поражают неточностью воспроизведения и вычурностью. В описании приводится ориентировка скалы — «на полдень», а также указывается «чюдское городище» наверху Камня. Изображения на нем квалифицируются как «слова ... чюдского письма» (цит. по: Чернецов, 1971, с. 13–15, рис. 5).

С некоторыми уточнениями, но все в той же барочной манере рисунки Ирбитского Камня опубликованы Ф.И. Страленбергом и И.Г. Мессершмидтом. Страленберг упоминает и Вишерский Писаный Камень. Его географическое положение приводится крайне приблизительно: «в Великой Перми, недалеко от города Чердыни». Относительно рисунков сказано, что они «либо выжженные, либо написанные нестираемой краской на скале» (цит. по: Чернецов, 1964, с. 9). В 1877 г. рисунок Ф.И. Страленберга с изображениями Вишерского Писаного Камня и кратким комментарием привел в своей сводной работе «Древности финно-угорского Севера» И.Р. Аспелин (Aspelin, 1877, p 46, 76).

Более подробные и точные сведения об Ирбитском Камне содержатся у известного историка XVIII столетия Герарда Миллера. Он, критически относясь к сведениям Ф.И. Страленберга, предпринимает поездку к «писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние её, и чтобы дать рисунок её, исполненный более исправно и искусно, чем прежде». Г.Ф. Миллер действительно даёт более точное описание скалы, её размеры, и вполне реально оценивает то, что на ней изобраили — «людей и животных». Цвет краски указан им верно. Историк делает интересное замечание и о технике выполнения рисунков, которые, по его мнению, могли выполняться пальцем. Уточняет Г.Ф. Миллер и сведения Ф.И. Страленберга о пещере в скале и городище наверху. Относительно опубликованных Ф.И. Страленбергом рисунков делает вполне справедливое замечание, что те «почти ничего общего не имеют с Ирбитской скалой, как она выглядит в наше время» (Миллер, 1937, с. 527–528). В так называемых портфелях Г.Ф. Миллера содержится также краткое описание писаницы на р. Туре у дер. Корелино (Чернецов, 1971, с. 7).

Подводя итоги этого периода, можно констатировать, что интерес к познанию старины, вызванный глубокой реформаторской деятельностью Петра Великого, оказал влияние и на изучение наскальных изображений Урала. Это было время основания первых Академических экспедиций, основной задачей которых являлось описание и изучение «земель российских». Вместе с тем участникам экспедиций предписывалось отыскание различных древностей. Петровский указ о пополнении Кунсткамеры от 13 февраля 1718 г. закреплял собирание и изучение памятников прошлого в России. А.А. Формозов считал даже, что в первую четверть XVIII века в стране возникает археологическая наука — настолько велики были достижения в этой области, вызванные деятельностью Петра в стремлении вывести российскую культуру на европейский уровень (Формозов, 1986, с. 17). В результате таких исследований впервые зарисованы изображения Ирбитского и Вишерского Писаных Камней и составлено их описание. Эти писаницы не были обнаружены в результате целенаправленных поисков данного вида памятников. Объектом внимания они стали из-за давней известности. Вишерский Пи-

Рис. 1. Камень Балабан I, р. Тагил. Зарисовка Д.П. Шорина.

Рис. 2. Караульный Камень, р. Тагил. Зарисовка Д.П. Шорина.

санный Камень упоминается ещё в 1689 г. в челобитной вишерских вогуличей и в царском указе «как пограничная скала, отделяющая мансийские рыболовные угодья от русских» (Чернецов, 1971, с. 52). А Ирбитский Писанный Камень приобрёл известность, вероятно, благодаря своей близости к знаменитой Ирбитской ярмарке, основанной в первой половине XVII века — второй по товарообороту в Российской империи.

Описания писаниц, составленные в то время, крайне фрагментарны и нечётки, зачастую разные источники противоречат друг другу. Зарисовки изображений несут отпечаток вычурности, манерности, выполнены без соблюдения масштаба. Общий уровень исторических и археологических знаний того периода не позволял сделать заключения и о том, кем были оставлены изображения. Сами же рисунки принимались, как правило, за «слова древних чудских племен», («чудь» — одно из летописных финно-угорских племен — *авт*). Особняком стоят работы Г.Ф. Миллера, у которого описание памятников выполнено более упорядоченно, вполне реально оценивается и характер изображений, что объясняется высоким профессионализмом придворного историка.

В первых попытках изучения древних рисунков можно отметить и некоторые положительные стороны, связанные со стремлением охарактеризовать памятник с различных сторон, указать какие-то существенные детали: ориентировку скалы, природные и археологические объекты возле писаниц, совершаемые на них жертвоприношения местного населения. Эти работы ценны для нас также тем, как справедливо заметил В.Н. Чернецов, что по опубликованным в то время отдельным фигурам можно судить о степени сохранности изображений за прошедший более чем трехсотлетний отрезок времени.

Вплоть до конца первого десятилетия XIX в. сведения о наскальных рисунках, наряду со специ-

альными работами, публикуются в изданиях общегеографического и статистико-экономического характера, посвящённых описанию Пермской губернии. Несколько расширяется круг источников: кроме имеющих давнюю известность Вишерского и Ирбитского Писаных Камней, приводятся краткие сведения о некоторых писанцах по реке Тагил (Попов, 1804, с. 4, 32–33).

Второй период изучения наскальных изображений Урала охватывает двадцатые годы XIX–начало XX столетий. Большим знатоком древностей нижнетагильского округа был Дмитрий Петрович Шорин. Свыше 50-ти лет он исполнял обязанности главного кассира Тагильских заводов. В 1857 г. за примерную службу и заслуги получил вольную. Увлекался живописью, архитектурой, историей, этнографией, собрал редкостную коллекцию минералов. Мамин-Сибиряк писал о нем в очерке «Платина».

Стараниями Д.П. Шорина был выполнен альбом рисунков в нескольких экземплярах, где воспроизводились некоторые писаницы по р. Тагилу (рис. 1–6). В.Н. Чернецов высоко оценивал работы Дмитрия Петровича на основании хорошего знакомства с его архивными материалами: «Судя по некоторым сохранившимся черновым тетрадям, Шорин по крайней мере часть изображений зарисовывал в довольно крупном масштабе, — около 1:2, а затем, с дальнейшим уменьшением, сводил их в композиции, приблизительно соответствующие действительным. Возможно, благодаря этому многие из рисунков Шорина отличаются хорошей точностью» (Чернецов, 1964, с. 10). Вместе с Дмитрием Петровичем зарисовкой тагильских писаниц занимался его двоюродный брат, смотритель Выйского училища Иродион Матвеевич Рябов. Он учился в Выйском заводском училище, окончил Московскую Коммерческую Академию. 25 лет состоял штатным смотрителем и учителем в заводском училище Н. Тагила.

В 40-е гг. XIX в. И.М. Рябов и Д.П. Шорин предприняли специальную поездку по всей северной части Н-Тагильской дачи для описания чудских городищ и курганов, и для зарисовки писаных камней по Тагилу. Описания были напечатаны в «Пермских губернских ведомостях». Результаты работ опубликованы также в «Ученых записках» Императорского университета в Казани в 1848 г. и в Записках УОЛЕ в 1891 г. Любопытно, что «Былина и временность», опубликованные в Казани, были написаны по заданию В.А. Жуковского, приезжавшего в Тагильские заводы с наследником престола.

Альбомы Д.П. Шорина и И.М. Рябова впоследствии были приобретены учебными и академическими учреждениями России, на основании которых писаницы Урала изучались научной общественностью вплоть до 50-х гг. XX в.

Дмитрий Петрович предложил свою версию интерпретации древних изображений: «Хотя нам ничего неизвестно о вере и обычаях Чуди, но о Зырянах, Пермьяках и Вогулах, оказывающихся перед лицом историка наследниками полумифического народа, есть сведения, несколько разъясняющие мифы. Так, в конце 14-го века Св. Стефан, уроженец города Устюга, проповедуя слово Божие соседним с его родиной Пермьякам и Зырянам, говорившим одним наречием, нашёл, что они состоят в грубом язычестве — поклоняются солнцу, огню, воде, камням, животным и старым деревьям, на которых навешивали с молит-

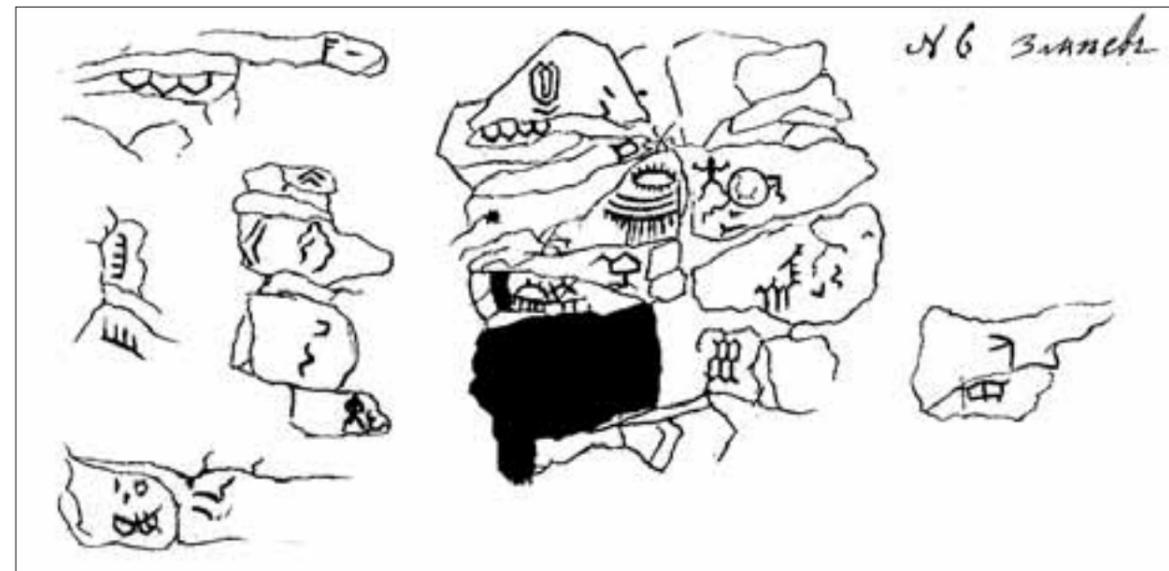

Рис. 3. Змиев Камень, р. Тагил. Зарисовка Д.П. Шорина

вою меха и другие жертвы... Ученому же путешественнику Георги, в 1773 году посетившему на Чусовой деревни Копчик и Бабёнки, населённые Вогулами, удалось собрать много интересных сведений об образе их жизни, обычаях, вере, жертвоприношениях ещё до крещения их. Бога, управляющего миром, и живущего на солнце они называли Тором, а дьявола — Куль. Всякий глава семейства сам совершает богослужение. С наступлением весны, празднуя новолетие, они приносят в жертву красного зверя или домашний скот, причём с убитого животного снимается шкура, мясо, обрезанное с костей, варится с головой и внутренностями и пожирается, кости вместе с кожей зарываются в землю, а мозг с прибавкою сала положенный на дощечку помещается на особый столб за столом и зажигается, причём молятся, кланяясь в землю.

Изображения на Балабане, на Караульном, на Сокольном по Тагилу и на Вишерском писаном камне, можно сказать, иллюстрируют тот же религиозный культ, что описывал Георги у Вогулов, а они переняли от предков чудаков. Только религиозное чувство у чуди в фазисе антропоморфизма выражалось явно в поклонении идолам вроде «Золотой Бабы», окружённым жертвоприношениями, а у вогулов идолы держались в секрете, а жертвы зарывались в землю из боязни со стороны поселившихся между ними русских людей. Из этого следует, что изображение в разных местах на утёсах богов в виде человекообразных фигур, кругов, треножников, столов, столбов с перекладинами, деревьев, рогов, как атрибутов идолослужения, медведей, лосей, соболей, как жертвенных животных, сделано до появления русских людей, сделано не однолично кем нибудь, а представителями народа, который собирался перед изображениями для молитв и жертвоприношений торжественно, но без всякого опасения. Особенно замечателен один из Змиевых утесов, на котором сверху изображено нечто вроде северного сияния с одной стороны, с дру-

гой же двойной круг вместо солнца а меж ними человеческая фигура с раскинутыми руками и ногами, под ней зигзаг в виде молнии. По сторонам разбросано несколько симметрических украшений и загадочных знаков, внизу же два больших камня сплошь покрытые красною краскою и закопчённые от раскладки под ними огня. Знаки, сделанные особняком на отдельных камнях, могли означать принадлежность места какому либо племени, роду или семейству, в виде условного тавра или клейма, какие в употреблении у горцев и у кочевников для отметки своей собственности» (Шорин, рукопись..., с. 847–848). Удивительно, насколько тонко чувствовал материал археолог-любитель середины XIX века. Фактически, он во многом предвосхитил выводы специалистов XX столетия! Многие его предположения были развиты в дальнейшем Валерием Николаевичем Чернецовым.

В августе 1874 г., на 3-ем археологическом съезде в г. Киеве, была составлена инструкция для описания городищ, курганов и пещер. Любопытно, что в ней предлагалось при обследовании пещер обращать внимание, нет ли на их стенах рисунков и подписей (пункт 4). В этом можно видеть осознание на-

Рис. 4. Змиев Камень, р. Тагил. Зарисовка Д.П. Шорина.

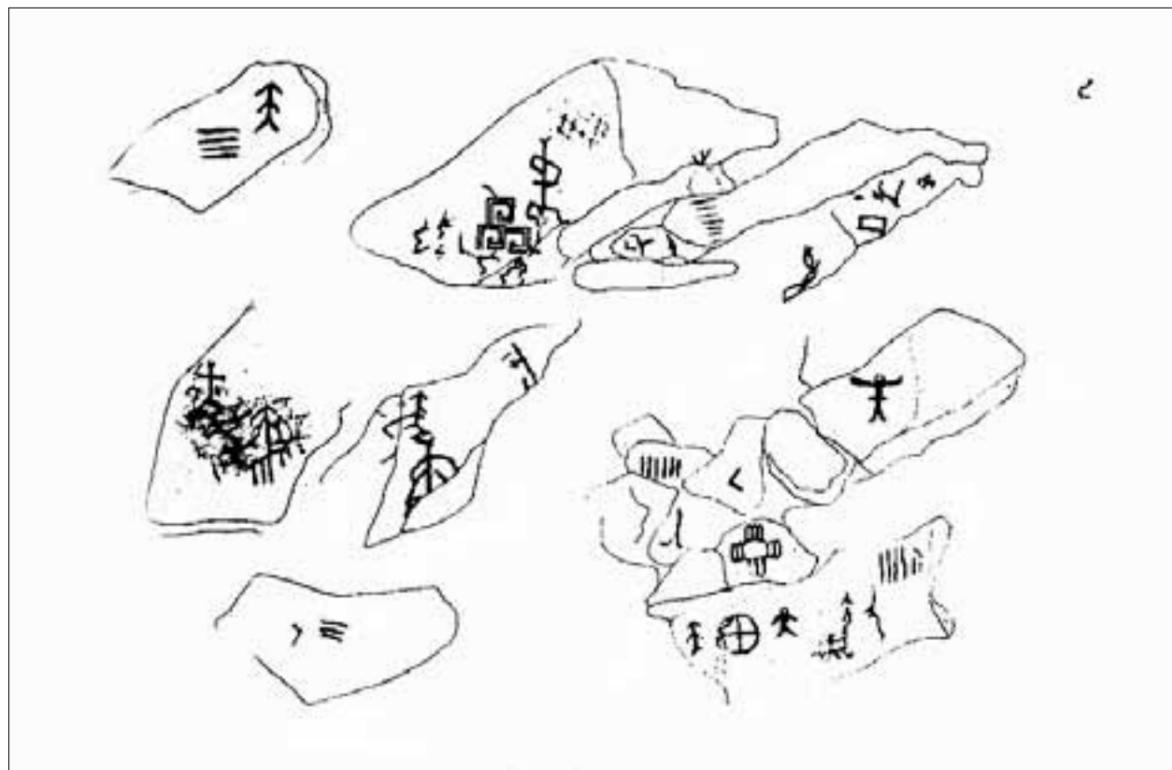

Рис. 5. Камень Писаный, р. Тагил.
Зарисовка Д.П. Шорина.

учной общественностью России значимости наскальных изображений как особого вида источников для изучения древнейшего прошлого.

С образованием на Урале научного Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ) расширяется и углубляется изучение древностей уральского края, включая и наскальные рисунки. Уже в 1877 г. М.В. Малахов в числе других памятников археологии Пермской губернии публикует длинный перечень писаниц с их краткой характеристикой: «Надписи на утёсах красною краскою, принадлежащие к лядиарным, иероглифическим. Они состоят: из вертикальных черт, прямолинейных, прерывающихся, угловатых и решёток. Памятники эти находятся по берегам рек, служивших древним обитателям главными путями сообщения. Так, мы находим их по рекам: Каме, Чусовой, Вишере, Туре, Тагилу, Салде, Исети и др.» (Малахов, 1884, с. 114). В этой же работе он приводит данные о писанице, найденной им в 70-х гг. на Каменном Острове Исетского озера (там же, с. 117). Не ясно, какими источниками пользовался М.В. Малахов, приводя такой длинный перечень рек с наскальными рисунками. Несмотря на хорошую археологическую изученность Западного Предуралья, на Каме и Чусовой не было известно писаниц вплоть до начала 90-х гг. XX в. Лишь в середине 90-х гг. В.Н. Широкову и Ю.М. Мамаеву во время разведки по Чусовой от с. Коуровки до г. Чусового удалось найти два пункта с остатками древних изображений. На р. Прокляевской Салде, правом притоке реки Туры, в 70-х гг. прошлого века были обнаружены две писаницы (см.

стр. 36-38). Но какую Салду имел в виду М.В. Малахов – приток Туры или Тагила — не ясно. Пока вопрос о наскальных рисунках по р. Каме остаётся открытым. Возможно, М.В. Малахов мог использовать при составлении перечня данные ономастики. На географической карте Урала имеются топонимы «Писаный», в том числе по берегам Камы и Чусовой. Их то и мог М.В. Малахов принять за места с наскальными рисунками, по аналогии с Писаными Камнями по рекам Ирбиту, Тагилу и Вишере. Но слово «писаный» имеет и другой смысл и может означать «расписной или цветистый, пёстрый, украшенный, красивый» (Даль, 1980, с. 113). Поэтому названия «писаный, писаная» могли и могут быть связаны с красивой, живописной местностью, в связи с чем не следует считать, что возле каждой такой деревни или на Камне должны быть древние рисунки. А вот в проверке такие ономастические данные нужны. В этой связи стоит упомянуть обозначенный на географической карте Свердловской области Писаный Камень в долине р. Ивделя. Трижды мы пытались отыскать эту «скалу с рисунками». Однако никаких древних изображений на указанной местными жителями скале не оказалось. На её поверхности были заметны лишь естественные натеки причудливых очертаний красного цвета.

Продолжались поездки членов УОЛЕ и к уже известным памятникам. В 1874 г. Н.П. Булычев посетил Ирбитский Писаный Камень, опубликовав впоследствии зарисовку основной группы изображений и результаты своих наблюдений. Им отмечена пещера «у подошвы утёса, с левой стороны его», которой в настоящее время нет: она была взорвана. В этой пещере, по сведениям Н.П. Булычева, местные жители нашли «два медных

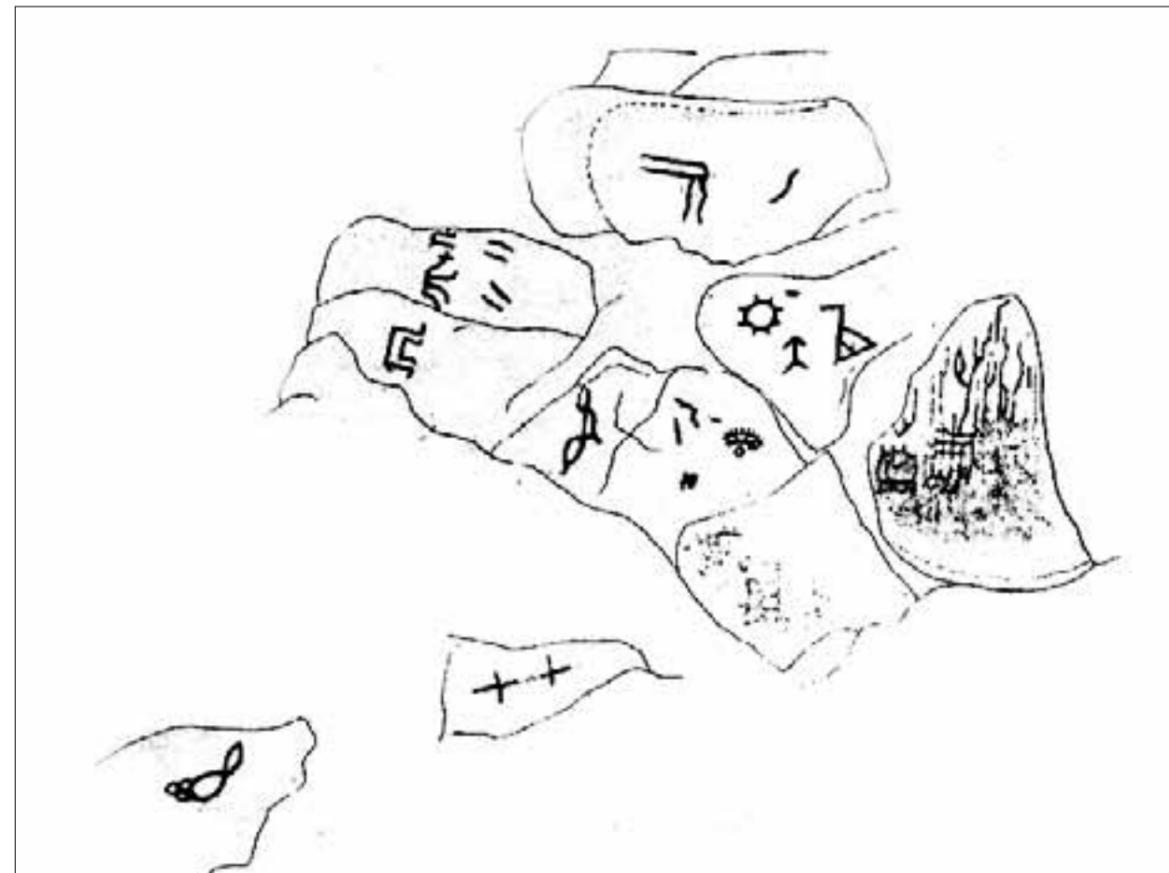

Рис. 6. Камень Писаный, р. Тагил.
Зарисовка Д.П. Шорина.

наконечника, по-видимому копья и стрелы». Зарисовка, выполненная краеведом, схематична, но, в целом, верно отражает основные фигуры. О «надписи» на утёсе он приводит совершенно фантастическую легенду, записанную со слов «местных обывателей». Сам же он «более склонен подчиняться мнению, высказанному Поповым Н.С., что писаные камни были священными местами какого-то доисторического народа, а может быть и вогул». Правда, чуть ниже приводится уже совершенно противоположное высказывание: «Но чтобы надпись была начертана дикими Вогуличами, то по-моему это сомнительно: Могли ли дикари составить такую прочную краску, которая сопротивляется почти без ущерба себе целым векам, а может быть и тысячелетиям? Желательно-бы, чтобы кто-нибудь краске на утёсе произвёл химический анализ» (Булычев, 1876, с. 121). Последний призыв и сегодня звучит актуально.

Во второй половине 80-х гг. XIX века тагильские писаницы посетили Н.М. Ядринцев и Н.Л. Гондатти. Это были видные путешественники, работавшие в Сибири, на Алтае, в Китае, Монголии и Северной Америке, оставившие заметные труды, посвящённые археологии и этнографии (Н.Л. Гондатти в 1910 г. стал приамурским генерал-губернатором, был также генерал-губернатором Тобольской и Томской губерний). Они не оставили сколько-нибудь значительных документов об уральских писаницах, однако эти поездки показывают уже не только региональную, но и общероссийскую известность этих памятников.

В 1890 г. действительный член УОЛЕ С.И. Сергеев, активно занимавшийся археологическими работами в Пермской губернии и возглавлявший некоторое время Археологическую комиссию Общества, подготовил свой перевод статьи профессора И.Р. Аспелина о сибирских писанцах. Эти действия можно расценивать, как попытку начать изучение наскальных изображений Урала в сравнении с аналогичными памятниками других территорий, а также овладение методами исследования этого вида источников.

Факт формирования сравнительно-исторического подхода можно заметить в предложении О.Е. Клера опубликовать в Записках УОЛЕ работу Н.Н. Оглобина «Остяцкие знамена XVII века». При этом Клер О.Е. указал на связь таких исследований с предпринятыми некоторыми членами Общества собранием материалов писанцев. Предложение было принято и материалы Н.Н. Оглобина были опубликованы (Оглобин, 1891-1892).

Приблизительно в 90-х гг. XIX столетия предпринималась попытка создания первого обобщающего труда об известных, к тому времени, уральских писанцах. Для этого почётным секретарём УОЛЕ О.Е. Клером был приглашён художник Андрей Андреевич Шереметьевский, учитель рисования и

каллиграфии мужской гимназии г. Екатеринбург. А.А. Шереметьевский в своей работе использовал как опубликованные, так и неопубликованные данные, в числе которых были рукописи Д.П. Шорина, И.М. Рябова, И.М. Гендрихова (или Гендрикова — горного инженера, подпоручика, члена УОЛЕ, занимавшегося раскопками культового холма у дер. Кокшарово близ реки Тагил в 1891 г. Вероятно, именно в это время им и были зарисованы некоторые тагильские камни-писаницы) (Зорина, 1996, с. 124, 131) и некоторых других. В итоге оказался составлен «изящный альбом планов городищ, надписей на скалах и изображений находок», но он так и не был опубликован. А.А. Шереметьевский же в связи с удачным завершением работы над альбомом был избран в 1890 г. действительным членом УОЛЕ.

В 1910 г. И.Я. Кривощёков на основании архивных материалов УОЛЕ опубликовал реестр из 13 писаниц по реке Тагил, 1 писаницы в долине Режа и 1, несохранившейся на р. Нейве (Кривощёков, 1910, с. 12), повторив этот список в издании 1914 г. (Кривощёков, 1914).

В 1914 г. по поручению Императорской Археологической комиссии начинает собирать сведения об уральских писаницах Владимир Яковлевич Толмачёв. Кроме уточнения старых данных о писанцах по реке Тагил, исследователь уделил много внимания и другим пунктам: Писаному Камню на р. Нейве, Бородинской и Исаковской скалам на р. Реже, Ирбитскому Писаному Камню, исетским писаницам, писанице на оз. Большие Аллаки и некоторым другим. По свидетельству В.Н. Чернецова, ознакомившегося с архивными материалами В.Я. Толмачева, им были зарисованы и частично сфотографированы древние рисунки двадцати семи местонахождений (Чернецов, 1964, с. 12). Но и эта работа, к великому сожалению, так и не была подготовлена к печати.

Итак, на протяжении второго периода мы видим формирование отчетливого интереса к наскальным изображениям Урала как к особому источнику изучения древней истории. Наряду с работами общегеографического и статистико-экономического направления, писаницы становятся объектом исследования сначала краеведов, а затем и специалистов, в области археологии и древней истории, главным образом, членов УОЛЕ. Этот интерес носит не только региональный, но и общероссийский характер, что отражает уровень развития археологии в России XIX столетия. В этот период значительно расширяется круг источников по данной проблематике, предпринимаются первые попытки обобщающих публикаций материалов, которые, правда, остались не реализованными. Складывается «комплексный» подход к описанию памятников: исследователей интересуют не только рисунки, но и их окружение — пещеры, археологические памятники, древние вещи, найденные поблизости. Развивается способ описания объектов, появляется интерес к составу древней краски. В.Я. Толмачёвым осуществляются раскопки в ряде мест под писаницами. Хочется выделить и такой факт. В конце 1914 г. Пермский Губернатор по поручению Императорской Археологической комиссии просил в своём письме УОЛЕ принять меры для сохранения «древних начертаний на скалах, так называемых писаниц, находящихся у д. Писаной, Ирбитского уезда, против д. Одиной... и желательности отделения и перенесения разрушающейся писаницы близ дер. Исаковой, Ирбитского уез-

да, на хранение в музей общества». Общество, в свою очередь, готово было «употребить все старания к сохранению писаниц и в случае возможности принять меры к перенесению разрушающейся писаницы» («О принятии мер...», 1915), для чего предполагалось привлечение специалиста-археолога В.Я. Толмачева. Поразительно, что ещё в последнем десятилетии XIX века ученые и граждане России были озабочены не только тем, как исследовать, но также и тем, как сохранить эти замечательные памятники.

И все же способ описания объектов далёк от полноты и систематичности, изображения зарисовываются, причём, как правило, произвольно, а не в масштабе, а также не копируются в полном смысле этого слова. Основное внимание уделяется отдельным, наиболее выразительным и хорошо сохранившимся фигурам, а не всем изображениям. О датировке, этнической принадлежности и назначении древних рисунков строятся, главным образом, предположения гадательного характера, иногда, впрочем, довольно верные. Сравнительно-исторический подход к изучению этих памятников еще не выработан окончательно. Отсутствуют общепринятые методы исследования источников, понятие об их критике, нет общей методологии изучения наскальных изображений.

Следующий, третий период можно определить в рамках с начала 20-х гг. и до начала 70-х гг. XX в. В начале этого периода, в 20-е — 30-е гг., благодаря работам краеведов становятся известными новые местонахождения наскальных изображений. Так, в 20-х годах краеведом Н.Н. Хрущевым обнаружена писаница на р. Серге (приток р. Уфы), где им отмечены «фигуры оленей, людей и разнообразные знаки и насечки. Некоторые из рисунков очень хорошо сохранились и ясно видны с реки на расстоянии в тридцать-сорок метров; другие полустерты и не имеют ясных очертаний» (Хрущев, 1959, с. 75).

В 1931 г. археологические разведки по Нейве проводил заведующий Алапаевским районным музеем А.И. Тереножкин, который осуществил раскопки в пещере скалы «Писанец». Согласно данным В.Н. Чернецова, ссылающегося на рукопись археолога Н.А. Прокошева, А.И. Тереножкин обнаружил в пещере два культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой. В верхнем были найдены угли, зола, обожжённые и расколотые кости крупных животных, кремневые и костяные орудия. В нижнем слое обнаружены «6 плоскочерешковых наконечников стрел, сделанных из трубчатых костей крупных животных... Найдены два кремневых наконечника треугольной формы с усечённым основанием... и один небольшой кремневый скребок» (Чернецов, 1971, с. 23). Судя по всему, коллекция к настоящему времени утеряна.

В 1938 г. неизвестные ранее рисунки в долине Нейвы открыл рабочий Зыряновского поселка П.И. Фролов и сообщил о них в Алапаевский музей. Местный краевед П.И. Чернавин совместно с Г. Масловой, Литувевым и Ивашевским осмотрели эту скалу с рисунками и частично зарисовали и скалькировали изображения писаницы, получившей в дальнейшем название «Двуглазый Камень». Помимо рисунков «Двуглазого Камня» им удалось открыть изображения на Коптеловом Камне, и, вероятно, зарисовать их, о чем пишет В.Н. Чернецов, ссылаясь на рисунок, приведённый в его книге, хотя на самом деле он является копией одной из групп писаницы на «Двуглазом Камне» (Чернецов, 1971, с. 25, рис. 14-2).

В 1939 г. по заданию Государственного Исторического музея на Нейву выехал археолог Д.Н. Эдинг. Им были скопированы на целлофан рисунки «Двуглазого» и Коптелова Камней, воспроизведённые позже в работе В.Н. Чернецова, а также осуществлены раскопки в пещере скалы «Писанец» (В.Н. Чернецов называет её также Алапаевской скалой). Эти материалы, вероятно, также утеряны, однако в архиве Д.Н. Эдинга В.Н. Чернецов обнаружил зарисовки части коллекции А.И. Тереножкина, которые и воспроизвел во втором томе своей книги «Наскальные изображения Урала» (1971, с. 24, рис. 12).

В 20-х гг. археологическую разведку и поиск Корелинской писаницы по реке Туре производит археолог П.А. Дмитриев. Писаницу, правда, ему не удалось отыскать. В 1927 г. состоялось первое знакомство с тагильскими писаницами у В.Н. Чернецова, уделившего, впоследствии, много времени их изучению (Источники по этнографии Западной Сибири, 1987, с. 252 и далее). В 1938 г. он совершил поездку по Тагилу уже по заданию Музея антропологии и этнографии СССР (там же, с. 252-258).

Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война прервала археологическое изучение уральского края. Лишь в конце 40-х гг. XX в. писаницы Урала вновь становятся объектом археологических исследований.

В 1948-49 гг. Камской археологической экспедицией впервые были скопированы фигуры Писаного и Мохового Камней на реке Вишере. Учитывая размещение фигур на Писаном Камне, В.Ф. Генинг выделил 10 групп изображений, а отличия рисунков по цвету краски послужили ему для разделения всей писаницы на четыре хронологических комплекса: неолит, эпоху бронзы, вторую половину I тыс. до н.э. и середину II тыс. н.э. (Генинг, 1954, с. 268). Такой подход вызвал, впоследствии, критику со стороны В.Н. Чернецова. По его мнению «оттенки, наблюдаемые в настоящее время, являются результатом первоначального цвета краски, происшедшего под воздействием различных факторов, отнюдь не имеющих прямолинейной временной характеристики. Часто можно наблюдать, как даже тонкий известковый натёк, покрывающий часть одного изображения, сгущает в этом месте оттенок краски до тёмно-вишневого, бордо или буроватого цвета, тогда как остальная часть сохраняет при этом более или менее светлый красный цвет. В высшей степени сомнительно и то, что в неолите люди подбирали краски непременно тёмно-красного цвета, в эпоху бронзы — по-светлей, в раннее железо — ярко-красную, а в I тыс. н.э. — светло-красную охру». О такой «псевдозакономерности», по мнению В.Н. Чернецова, говорит и характер многих изображений на копии В.Ф. Генинга, что противоречит его же выводам (Чернецов, 1971, с. 54). И всё же нужно признать, что в некоторых случаях наблюдения над цветом краски могут позволить сделать заключение об относительной хронологии рисунков, а также их композиционном построении. Необходимо в каждом конкретном случае учитывать самые различные факторы, влияющие на изменение оттенка: покрыт или нет рисунок натёком, степень разрушенности изображений, их расположение на плоскости — какие-то могут находиться под навесом, другие будут менее защищены от воздействия атмосферной влаги и т.п. Можно проиллюстрировать на следующем примере, насколько важны такие наблю-

дения. Во время одной из поездок в первой половине 80-х гг. прошлого века на р. Нейву мы посетили в начале марта Камень «Двуглазый». На нем находится одна из наиболее ярких по сохранности писаниц. Рассматривая фигуру копытного на центральном панно, мы обнаружили, что этот рисунок подновлялся. Особенно хорошо это было заметно по ушам (рогам?): первоначально они были длиннее, а при ретушировании впоследствии их уменьшили. Теперь остатки более ранней фигуры выглядят бледнее, чем вся остальная фигура зверя. Это наблюдение вносит существенные коррективы в выводы самого Валерия Николаевича, о чем мы поговорим в соответствующем разделе.

Для датировки комплексов В.Ф. Генингом привлекались также параллели в материалах наскальных изображений Восточной Сибири и Карелии, и предметы из археологических раскопок. На этом основании силуэтные рисунки I комплекса Писаного Камня сходны, по его мнению, с неолитическими сибирскими и карельскими, особенно беломорскими. С сибирскими сближает Писаный Камень и наличие «счётных знаков» (группы отрезков — *авт.*). И в Карелии (на Онеге), и в Сибири он находит аналогии вишерской фигуре в виде дуги с отрезками, которую А.П. Окладников считал изображением жилища (Генинг, 1954, с. 271).

Для второго комплекса, по В.Ф. Генингу, основным признаком является схематизация изображений, сближающая тем самым эти рисунки с изображениями Восточной Сибири эпохи бронзы. По этому признаку II комплекс сближается и с Бурановской писаницей на р. Юрюзани.

Изображениями третьего комплекса В.Ф. Генинг находит аналогии в медном литье второй половины I тыс. до н.э. среди птицевидных идолов. К таким аналогиям впоследствии прибегал и В.Н. Чернецов.

В четвертый комплекс вошли изображения «человека или его лица», и различные геометрические фигуры — крестики, углы, чёрточки и т.п. Некоторым из этих рисунков исследователь также подобрал аналогии среди археологических материалов, подкрепляя тем самым выводы по хронологии.

В.Н. Чернецов указывал впоследствии на слабые места этой схемы, связанные, в первую очередь, с ненадёжным критерием выделения комплексов по цвету краски, на который опирался В.Ф. Генинг. Всё же хочется отметить важную роль этого специалиста, который доброту скопировал и ввёл в научный оборот материалы Вишерского Писаного Камня. Большие размеры этой писаницы и расположение некоторых фигур на значительной высоте над землёй (более 7 м) создают значительные трудности для работы с рисунками. Правда, во время копирования был применён способ заливки фона мелом, что вызвало вполне справедливую критику со стороны В.Н. Чернецова, так как при под слоем мела оказываются иногда целые фигуры. Такой приём действительно страдает значительными недостатками, о чем свидетельствуют результаты исследований последних лет на Шишкинских писаницах (Мельникова, 1993, с. 36). Впрочем, нельзя забывать, что методика копирования наскальных изображений только складывалась, и не существовало сколько-нибудь принятых норм работы с этими памятниками. Как несомненную заслугу В.Ф. Генинга следует отметить тщательное и по-

следовательное описание материалов, подбор аналогий наскальным рисункам среди археологических находок (изображения на глиняных сосудах и в культовом металлическом литье). С некоторыми трактовками рисунков В.Ф. Генингом нельзя согласиться, особенно тогда, когда дело касается плохо сохранившихся изображений или их фрагментов, о чем справедливо писал и В.Н. Чернецов (дешифровка неопределённых мотивов в качестве рисунков пеликана, белки, лисицы и т.п.). Расшифровка отдельных композиций произвольна. Видимо, в стремлении как можно быстрее извлечь историческую информацию из этого вида источников, исследователь писал, что «содержание некоторых групп изображений комплекса I показывает, что обществу, оставившему нам этот памятник, были присущи элементы развитого тотемизма и охотничьей магии, развившихся в условиях материнского рода» (Генинг, 1954, с. 272), не представив при этом никаких доказательств. Вероятно, отсутствие в то время сколько-нибудь полных данных о писаницах Урала побудило В.Ф. Генинга искать аналогии рисункам Вишеры на территории Карелии и Восточной Сибири, включая тем самым Урал в широкую культурную общность, сложившуюся на севере Евразии ещё в эпоху неолита (Генинг, 1954, с. 277). Только для самого позднего комплекса он видит определённые параллели в тагильских рисунках.

Работы Камской археологической экспедиции интересны изучением не только наскальных рисунков, но и их археологического контекста. О.Н. Бадер во время раскопок под рисунками на площади 33 кв. м обнаружил жертвенное место. Среди найденных вещей упоминаются осколки кремня, каменные, костяные, медные, бронзовые, железные и серебряные поделки, немногочисленные фрагменты керамики и множество костей животных. Вещи, кости животных и раковины были обнаружены и в расщелинах скалы. Весь материал, по мнению О.Н. Бадера, датируется от неолита до средневековья. Анализ топографии участка суши под скалой и культурных остатков, найденных на нём во время раскопок, позволили О.Н. Бадеру сделать выводы о формировании культурного слоя «здесь в результате многочисленных кратковременных остановок с целью посещения места со священными изображениями на протяжении около трёх с половиной тысяч лет...» (Бадер, 1954, с. 254). Таким образом, Писаный Камень с его изображениями был признан древним святилищем, существовавшим с завершающих этапов каменного века. На священном месте совершались жертвоприношения животных, среди которых преобладали, судя по найденным костям, лоси. Наличие огромного числа кусков кремня исследователь считал своеобразной эмблемой огня, по аналогии с жертвенным местом с древними изображениями Сурукта-ах-Хайа на р. Мархе в бассейне Лены, где с комплексом отщепов находился «деревянный прибор для высверливания огня, а среди приношений недавнего времени — спички» (там же, с. 256). Было сделано и предположение о возведении под рисунками сооружений типа лабазов и амбарчиков, где могли храниться кости животных и зоо-или антропоморфные изображения тотемов; столбы этих сооружений могли вкапываться и подправляться массивными каменными мотыгами, найденными во время раскопок. Жертвенное место под Писаным Камнем О.Н. Бадер сближал с родовыми святилищами вогулов (там же).

В 1950 г. была опубликована статья А.А. Формозова, в которой затрагивались проблемы изучения уральских наскальных изображений (Формозов, 1950, с. 71-76). При её подготовке автор пользовался рисунками В.М. Флоринского и Ф.И. Страленберга, изобилующих неточностями. Это не могло негативно не сказаться на качестве публикации и далеко идущих выводах, построенных на основании их анализа, на что ранее обращал внимание В.Н. Чернецов. Высказано верное суждение о датировке писаниц, которую можно устанавливать, основываясь на сходстве рисунков на скалах с изображениями на керамике. Правда, у В.Н. Чернецова впоследствии вызвало возражение привлечение А.А. Формозовым ограниченного во времени круга аналогий, что сужало тем самым хронологические рамки существования традиции наскальных росписей (1964, с. 14; 1971, с. 107-110).

В 1957–1960 гг. коллективом Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР проводилось целенаправленное изучение наскальных изображений Урала. Возглавлял эти работы Валерий Николаевич Чернецов. Результаты исследований были опубликованы в двухтомном своде археологических источников «Наскальные изображения Урала» (1964 и 1971 гг.), в 1970 г. автором защищена диссертация доктора исторических наук (анализ его взглядов см. ниже).

В 1969 г. издаётся книга А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству». В ней помещён раздел о наскальных изображениях Урала. В целом этот раздел носит обзорный, компилятивный характер. В нём А.А. Формозов отстаивает свои ранее обозначенные позиции по поводу датировки уральских писаниц и их содержания. В качестве оригинальной черты наскальных изображений Урала по сравнению с другими территориями автор выделяет «орнаментальные композиции геометрического характера». В вопросах датировки он продолжает придерживаться мнения о создании рисунков не ранее конца III – II тыс. до н.э. Полевые исследования, проведенные О.Н. Бадером, В.Ф. Генингом и В.Н. Чернецовым, свидетельствуют, по А.А. Формозову, лишь о почитании писаниц «ещё в железном веке». Подтверждение своей точки зрения А.А. Формозов видит в культовых местах Урала эпохи железа с многочисленными бронзовыми фигурками, никогда не приуроченных к писаницам: «и аналогий в рисунках эти фигурки не находят». Отсюда следует вывод: большая часть рисунков возникла в неолите и бронзе, «а позднее к ним добавлялись лишь отдельные знаки, когда около скал совершались моления» (1969, с. 135). С первой частью этого утверждения можно согласиться, а вот со второй дело обстоит иначе. Ещё В.Ф. Генингом были найдены аналогии рисункам Вишерского Писаного Камня среди культовых металлических изделий Урала (1954, с. 273). Об этом же писал и В.Н. Чернецов (Чернецов, 1971, с. 79). Ещё одно слабое место в позиции своих оппонентов А.А. Формозов видит в том, что «как и А.П. Окладников, уральские археологи склоны относить к разным хронологическим группам изображения зверей и людей. Вспомним, однако, что те и другие фигуры на карельских петроглифах сплошь и рядом объединяются в композиции, и это предположение покажется, по крайней мере, недоказанным». В отношении глобального контекста уральских писаниц он считает, что они «перекликаются, с одной сто-

роны, с карельскими и скандинавскими, а с другой — с сибирскими... Связующим звеном между зауральскими и енисейскими писаницами являются, по видимому, росписи Восточного Казахстана...» (там же). Такое сопоставление, хотя и поверхностное, было сделано впервые.

В 70-е гг. выходят ещё две статьи А.А. Формозова, касающиеся проблем изучения наскальных изображений Урала (1973; 1979). В целом у этого исследователя содержится позитивная критика позиции В.Н. Чернецова, особенно в отношении вопросов датирования. Что же касается выделения таких экзотических сюжетов в наскальных рисунках Урала, как «соляная ладья» (Формозов, 1969, с. 41 – 42), то для этого нет никаких оснований.

Подводя итоги этапа 20-х – 70-х гг. XX столетия можно отметить, в первую очередь, значительное увеличение источников. Это увеличение произошло как за счёт вновь найденных пунктов, так и за счёт внимательного осмотра ранее известных. В этот период совершенствуется методика фиксации наскальных изображений — рисунки копируются на кальку и целлофан, изготавливаются точные масштабные зарисовки, привлекается фотографирование. Сформирована авторская система описания памятников, методика датирования объектов. Впервые был подготовлен и опубликован корпус всех известных на то время источников: наскальные изображения Урала получили научное освещение. Огромная заслуга здесь принадлежит В.Н. Чернецову. В этот же период, в связи с открытием палеолитических росписей в Каповой пещере был поставлен вопрос о преемственности с ними писаниц под открытым небом голоценового возраста (Чернецов, 1971, с. 111).

С конца 60-х гг. XX столетия происходит существенное накопление новых материалов. Особенно большое число пунктов с древними изображениями открыто на Южном Урале, где ранее были известны лишь единичные местонахождения. На Среднем Урале также были найдены неизвестные ранее памятники, и уточнены материалы уже опубликованных. Исследовательский импульс исходил от В.Т. Петрина, в 60-70-х гг. работавшего в Уральском университете им. А.М. Горького г. Свердловска, а позднее в Институте археологии и этнографии СО РАН. Он возглавлял неформальное объединение студентов и сотрудников УрГУ, вместе с которыми в работах участвовали и далёкие от археологии люди. Авторам посчастливилось вырасти в романтической атмосфере археологического поиска и принять участие в открытии многих неизвестных ранее памятников.

На Среднем Урале открыты наскальные рисунки по р. Прокопьевской Салде — притоке р. Туры. В.Т. Петриным были впервые скопированы изображения Корелинской писаницы, оставшиеся, правда, так и не изданные. Неизвестные ранее памятники были найдены в долинах рек Режа и Исети. Некоторые из этих материалов были подробно опубликованы (Петрин, 1971: он же, 1977; он же, 1978: он же, 1983; он же, 1984), другие вошли в сводную работу В.Т. Петрина «Новые наскальные изображения Урала», которая носит, в основном, обзорный характер (Петрин, 1986, с. 99-132.).

В начале 80-х гг. было сделано несколько открытий. Преподавателем одной из школ г. Свердловска и краеведом В.Н. Прониным открыта Северская писаница в бассейне р. Исети. Сотрудниками УрГУ

В.И. Стефановым и Ю.П. Чемякиным обнаружены рисунки на Косом и Старичном Камнях по р. Нейве (Чемякин, 1998, с. 123–126). В. Бушуевым обнаружены писаницы Балакинская и на Соколом Камне по реке Тагил.

В 1996–1998 гг. у Вишерского Писаного Камня проводились стационарные раскопки под руководством А.Ф. Мельничука. Общая площадь раскопок составила 140 кв. м. В слое культового характера выявлены: пятно бордовой охры, грунтовый очаг с раздробленным черепом молодого лося, канавка, ориентированная с севера на юг и выходящая из небольшой карстовой полости, заполненная пережжёнными костями, скопление речного галечника, округлая яма, заполненная дробленным кремнем темного цвета.

Согласно А.Ф. Мельничуку и Д. Изосимову, артефакты из жертвенного комплекса у Писаного Камня составляют более шести тысяч отдельных предметов, в том числе 1969 кости животных, «3774 — каменные куски, осколки и орудия из камня разного качества (скребки, кресальные кремни, пластины, двусторонне обработанный топор, мотыга, наконечники стрел турбинско-сейминского типа). Костяные изделия представлены прямоугольными подвесками с отверстием в центре, ложилами, кинжалом, наконечниками стрел, кочедыками. Изделия из бронзы и меди включают розетковидную абашевскую подвеску, фрагмент изображения лошади. Найденны изделия из серебра — пластинки и бляшка в виде лунного серпа. Железные предметы состоят из листовидных и бронебойных черешковых наконечников стрел эпохи средневековья, пластинчатых кресал.

Основной вещественный комплекс периода позднего неолита — раннего энеолита и раннего железного века залегал от поверхности и до глубины 50–55 см, по всей площади полуостровка. Артефакты эпохи бронзы и средневековья собраны в расщелинах скал на высоте от 2 до 7 м».

Жертвенное место, по мнению авторов работ, «функционировало в период создания наскальных изображений на скале Камня Писаного в период позднего неолита — раннего энеолита (2 пол. IV — начало III тыс. до н.э., культура камского неолита с гребенчатой керамикой), в период эпохи бронзы (1 половина — середина II тыс. до н.э.; в сторону жертвенного места охотники, видимо, гаринской культуры, посылали наконечники стрел турбинско-сейминского облика с культовыми дарами), в период позднего средневековья (XIII-XIV вв., в качестве культового комплекса использовалась крупная расщелина в скале, куда носителями керамики родановской культуры и типа Саламатовского городища складывались жертвы в виде коровьих шкур, части скелета медведя, лося, северного оленя, лошади, овцы, собаки, волка).

Судя по наличию значительного количества дробленого кремня и изделий с чешуйчатой подтепской (кресальные кремни), пережжённых костей, здесь проводились культовые церемонии с активным использованием огня. В эпоху бронзы древние охотники посылали в сторону наскальных рисунков стрелы с дарами, что свойственно известному святилищу Камень Дыроватый на р. Чусовой. В эпоху средневековья одна из крупных расщелин жертвенного места использовалась как ритуальный комплекс, связанный, скорее всего, с культом плодородия» (Мельничук, Изосимов, 2004, с. 315–316).

Взгляды В.Н. Чернецова и современные проблемы изучения уральских наскальных изображений

Валерий Николаевич Чернецов оставил весомое научное наследие в области исследования истории, культуры и языка обских угров. Синтез знаний лингвистики, фольклора, археологии и этнографии позволил ему выдвинуть нетривиальные концепции, а тонкая интуиция — создать целостные, законченные исследования, часто опиравшиеся на незначительный по объёму материал. Несмотря на возросшее после его смерти количество источников, многие его работы не потеряли своей актуальности.

Наскальные изображения Урала — одна из тем, над которой Валерий Николаевич работал длительное время. Знакомство с уральскими писаницами состоялось у него в 1927 г., в студенческую пору. С того времени и вплоть до конца жизни В.Н. Чернецов обращался к этому материалу. Наиболее полно результаты его работ опубликованы в двухтомном своде археологических источников «Наскальные изображения Урала» (1964 и 1971 гг.). В издании приведена история изучения уральских писаниц, опубликованы все известные к тому времени пункты с древними рисунками, осуществлены их анализ и интерпретация.

Все это заставляет обратиться к наследию В.Н. Чернецова для проверки его основных концептуальных положений, обоснования возраста уральских писаниц и использованных при этом методов датировок, исторической реконструкции явления и предложенного для него места среди других регионов дислокации памятников наскального искусства.

Определение этнической среды, в которой существовала древняя изобразительная традиция, решалась исследователем путём сопоставления наскальных изображений с этнографическими данными из прикладного искусства обских угров — орнаментами на различных материалах, татуировками, рисунками современных хантов и манси, а также «охотничьими затёсами» и рисунками на деревьях. Эти изображения, сделанные вблизи культовых мест на р. Казыме, оказались близкими по содержанию к наскальным рисункам. Ареал известных к тому времени писаниц, по мнению В.Н. Чернецова, совпадал, в основном, с территорией распределения ранних, неолитических памятников Зауралья. Развитие же древних культур, по его мнению, надёжно прослеживается «в последующих эпохах, вплоть до исторического времени» (1964, с. 22). Среди писаниц были также отмечены фигуры, совпадавшие, как он считал, с мансийскими тамгами. Им были учтены некоторые сведения об исторической связи религиозной традиции манси с расписанными скалами (Чернецов, 1964, с. 46–47; 1971, с. 55). Такое сопоставление археологических и этнографических данных, использование картирования и письменных источников позволило В.Н. Чернецову соотнести феноменологически писаницы с предками обских угров, и, как он считал, более узко, с предками манси (1964, с. 22–24). Однако Валерий Николаевич не уточнял, с каким именно этапом развития угорского населения связана традиция нанесения изображений на скалы.

Эти вопросы напрямую сопряжены с проблемой датировки памятников. Следует заметить, что В.Н. Чернецов не датировал каждый конкретный

пункт с древними рисунками, а определял хронологические границы существования изобразительной традиции. Ранний её рубеж обоснован привлечением археологических источников. Первоначально он определён по сходству некоторых орнаментальных мотивов на энеолитической керамике с подобными фигурами на скалах. Особенно это касалось мотивов в виде зигзага с отрезками. В дальнейшем исследователь опустил этот рубеж ниже, используя близость гравированных мотивов на костяных изделиях из торфяников Урала и некоторых фигур на писаницах. Отметим трудность точной датировки материалов торфяников, он все же считал, что относятся они ко времени не позднее среднего неолита, а может быть, даже к мезолиту (1971, с. 108).

Верхняя граница устанавливалась по тамгообразным знакам на писаницах. Они позволили В.Н. Чернецову считать, что «традиции, связанные с наскальными изображениями, продолжались в какой-то степени сохраняться вплоть до исторического времени» (1964, с. 22), то есть на протяжении ряда тысячелетий. Заметим, что такая фраза вызывает двоякое толкование. Можно предположить, с одной стороны, что исследователь устанавливал хронологические рамки собственно изобразительной традиции. С другой — что сохраняются до «исторического времени» традиции, связанные с наносившимися ранее писаницами, например, традиция почитания данных мест позднее времени создания рисунков. К сожалению, автор нигде не оговаривает свою позицию. Можно предположить, что данный вопрос не был до конца ясен и самому Валерию Николаевичу, отсюда такая расплывчатая формулировка.

Проблемы, встающие при датировке уральских наскальных изображений, отмечает и А.А. Формозов. Он полагает, что «Чернецов, в сущности, отказался от датировки писаниц Урала, считая, что некоторые композиции, возникшие в неолите, а может быть даже в мезолите, воспроизводились многократно на протяжении ряда тысячелетий, вплоть до последних веков, когда их повторяли ханты и манси» (Формозов, 1979, с. 9). Сам А.А. Фомозов относил создание древних рисунков, в основном, к неолиту и бронзовому веку.

В репертуаре уральских писаниц, по В.Н. Чернецову, значительную часть составляют рисунки птиц и зверей. В меньшей степени представлены антропоморфные существа и относительно немногочисленны изображения растений. Достаточно часто встречаются геометризованные фигуры, среди которых основное место занимают простые и концентрические окружности и всевозможные зигзаги (Чернецов, 1964, с. 18). Видно, что здесь имеет место простое перечисление фигур, причём, далеко не полное. Отсутствуют полная характеристика изображений и их отсчёты. Знаки гораздо более разнообразны, но их классификация попросту не была произведена. А ведь характеристика этих нефигуративных мотивов важна с точки зрения их регионального распределения, ассоциаций с другими фигурами в композициях и возможности содержания. Это может, к тому же, позволить глубже сравнить уральские писаницы с наскальными изображениями других территорий. Ещё один недостаток работы — отсутствие в описании размеров всех фигур — существенной характеристики графического материала «наскальных полотен» (нами эта работа уже проделана и опубликована в серии монографий,

поэтому здесь эти данные опускаются: Широков, Чаиркин Чемякин, 2000; Широков, Чаиркин Широкова, 2005; Широков, 2007; Широков, 2009).

Анализ уральских наскальных рисунков позволил В.Н. Чернецову выделить несколько сюжетных групп, или сюжетов, с различными вариантами. Каждый сюжет выделялся, в первую очередь, на основании доминирующих в нем фигур. Всего было определено три основных сюжета. В первом сюжете главным изображением является копытное, во втором — птица, а в третьем «условно-антропоморфные и антропоморфные» фигуры. Еще два сюжета были намечены: четвертый включал стилизованные изображения птиц в геральдической позе, а пятый — медведя. При обсуждении последнего сюжета было высказано мнение, что «фигуры этого типа... уникальны среди наскальных изображений. Возможно, что они относятся к относительно позднему слою и, вероятно, связаны с действиями, посвящёнными культу медведя» (Чернецов, 1971, с. 59–82). Общее для первых двух сюжетов: изображения объектов промысла; рисунки «загородок и ловушек»; солярные и небесные символы; и, в редких случаях, фигуры людей. В третьем сюжете первый вариант включает «изображения охотничьих и рыболовных сооружений, около которых находятся условные и стилизованные фигуры». Второй вариант «представлен изображениями массовых групп условно-антропоморфных и птицеобразных фигур, нередко в сочетании с солярными знаками» (1971, с. 59–78).

По мнению исследователя, «устойчивая повторяемость таких композиций на всей территории распространения уральских писаниц и в некоторых случаях закономерная группировка их на отдельных скалах позволили... перейти к твёрдой уверенности в реальности существования этих сюжетных групп. Однотипность композиций в пределах каждой группы, построенных как бы по единым схемам, заставляет думать, что каждая из них соответствовала определённой теме в комплексе некогда проводившихся обрядов и действий, являясь как бы её графической формулой».

Анализ писаниц и этнографических данных позволил В.Н. Чернецову судить о назначении и содержании композиций. Наскальные рисунки отражают, по его мнению, коллективность мероприятий «в области быта, промысла и культа», так как практически отсутствуют индивидуальные орудия охоты. На связь с календарными обрядами указывает ориентировка скал с рисунками, наличие солярных и небесных символов, а также параллели в сезонных обрядах обских угров. Через содержание этих обрядов В.Н. Чернецов определяет содержание композиций первого и второго сюжетов, которые, по его мнению, сводятся к двум основным темам: 1. Привлечение добычи в ловушки и удержание её в них; 2. Весеннее оживление природы и идея увеличения количества рыбы и зверя. Переходный вариант второго сюжета имеет параллели с «птичьими» песнями. Они отражают тотемистические представления и связаны с идеей размножения в едином комплексе с весенним оживанием природы и растительности и появлением потомства. Третий сюжет связан с тотемистическими предками генеалогических групп манси, изображёнными в момент исполнения ими танцев «для счастья и удачи в промысле» (Чернецов, 1970, с. 6–29). Выделено также два дополнительных сюжета, о чем уже говорилось выше.

Направление и результаты содержательного анализа писаниц представляются в целом удачными. В то же время необходимо высказать следующие соображения. Выше уже говорилось, что нами проводилось обследование памятников, вошедших в сводную работу Валерия Николаевича. Выяснилось, что копии отдельных писаниц выполнены неточно, неверно скопированы некоторые фигуры и определена их ориентация. Незамеченными оказались отдельные композиции. Речь ни в какой мере не идёт о ревизии всех писаниц, изученных В.Н. Чернецовым. Хочется лишь заострить внимание на недостатках источниковедческого характера работы. А это позволяет пересмотреть и некоторые выводы исследователя. Спорность вызывает выделение некоторых сюжетов и их вариантов, поскольку исследование недостаточного чётко определяет критерии, на основании которых они вычленились. Найденные впоследствии наскальные изображения и их дальнейший анализ показали слабые места этой схемы. Многие композиции не находили в ней места, один сюжет объединял различные по содержанию, то есть как раз по сюжету в понимании В.Н. Чернецова сцены, отдельные фигуры были неверно интерпретированы. Отступив от предложенного деления, в рамках которого невозможно, на наш взгляд, дальнейшее обсуждение материала, мы будем говорить об отдельных фигурах и композициях. При этом мы отходим от выделения сюжетов в понимании В.Н. Чернецова, а их вариантов как редукции выделенных сцен. Кроме того, сами писаницы очень разные по количеству фигур и их археологическому контексту, в связи с чем следует пересмотреть вывод об отражении коллективных действий в области «быта, промысла и культа». На некоторых писаницах, к тому же, есть рисунки индивидуальных рыболовных ловушек, о чем писал и сам Валерий Николаевич.

На наш взгляд, такая классификация неудачна еще и потому, что выделенные исследователем варианты на самом деле содержат разные предметы изображения, то есть сюжеты в привычном понимании исследователей первобытного искусства. Так, выделяя второй сюжет с рисунками птиц, В.Н. Чернецов писал, что в целом он соответствует первому сюжету (выделенному по наличию рисунков копытных), но «иногда изображения птиц оказываются включенными вместе с другими животными в композиции...» (Чернецов, 1971, с. 66). Эти композиции, по его мнению, отражают как промысловые культы, так и древнейшие тотемистические представления создателей писаниц. При этом Валерий Николаевич отрицал наличие космогонических/космологических тем в наскальных изображениях Урала, поскольку, по его мнению, их создание связано с предками угорских народов, «вообще не развивших в своем мировоззрении представлений об особой шаманской космогонии».

Это утверждение выглядит ошибочно, поскольку сам автор выявил связь уральских писаниц с календарной обрядностью их создателей. А одной из важнейших особенностей такой обрядности было воспроизведение в ритуале космогонических/космологических мифов и модели мира (Окладникова, 1995, с. 272–273). Нам представляется, что предложенные ранее интерпретации можно дополнить с позиций связи содержания наскальных изображений Урала с мифом и ритуалом.

Спорно также высказывание о кратковременности значения уральских писаниц, поскольку,

по мнению исследователя, «смысловой акцент прихотился не на сам рисунок, а на его изготовление и сопровождающие его обряды» (Чернецов, 1972, с. 36). Этому противоречат найденные нами свидетельства подновления некоторых фигур, а также стремление их создателей предохранить изображения от атмосферной влаги, упрятав их под навес или на плоскости с отрицательным наклоном.

Определяя место уральских писаниц среди других районов распространения наскального искусства, В.Н. Чернецов наметил некоторые закономерности в развитии изобразительных традиций Урала, Норвегии, Западной и Восточной Сибири. Закономерности заключаются «в последовательности изменения форм изображений животных». Выделено три группы, отражающие стадии эволюции зооморфных изображений. К первой группе принадлежат «крупные, реалистически выполненные фигуры животных... По всей видимости, они являются наиболее ранними, хотя и не исключено, что в отдельных случаях они продолжали изготавливаться и в последующее время».

Вторая группа представлена упрощёнными и несколько схематизированными изображениями животных, которые хронологически относятся к несколько более позднему времени... Наряду со схематизмом, характерными чертами для этой группы являются передача элементов внутреннего строения — рёбер, сердца, внутренностей и линии жизни, а также появление своеобразных, для каждого района стилистических особенностей в рисунке.

К третьей группе, которая хорошо устанавливается как позднейшая, относятся очень условные и схематичные изображения, обычно локально стилизованные, контуры которых нередко нарушают природу объекта. Внутри эти фигуры бывают иногда заполнены пересекающимися линиями, приобретающими даже орнаментальный характер... Параллельно с этим повсеместно... увеличивается количество антропоморфных фигур и личин... и каких-то антропозооморфных существ» (1971, с. 106).

На наш взгляд, применительно к Уралу эта схема вызывает множество вопросов. Не ясно, что понимать под «крупными, реалистически выполненными» фигурами животных первой группы. Нет такого признака на уральских писаницах, как раскрытая пасть животных, который Валерий Николаевич считал особенностью выделенного ареала (1971, с. 101). Этот признак отмечен лишь в гравировках и плоском металлическом литье. Отсутствует сравнение птицевидных фигур, а также нефигуративных мотивов. Необходимо более детальное сравнение наскальных изображений Урала с подобными памятниками других территорий.

Отметим важность указания исследователя на связь писаниц и жертвенных месвблизи них, что подтверждено последующими работами.

Проведённый анализ наследия В.Н. Чернецова подводит к следующим выводам. Выбранный им путь изучения наскальных изображений Урала оказался очень плодотворным, и его труд можно считать важнейшим вкладом в изучении данной проблематики. Основным недостатком является отсутствие, по сути, источниковедческого анализа. Это создаёт, в некоторых случаях, впечатление, что выводы, сделанные исследователем, не находят опоры в конкретном материале.

Пожалуй, проблема связи традиции нанесения изображений на скалы с определённой этнической средой, в общем, не вызывает возражений. Однако в настоящее время требуется конкретизация вопроса о том, с каким этапом или этапами развития угорской, или финно-угорской общности следует соотносить создание уральских писаниц.

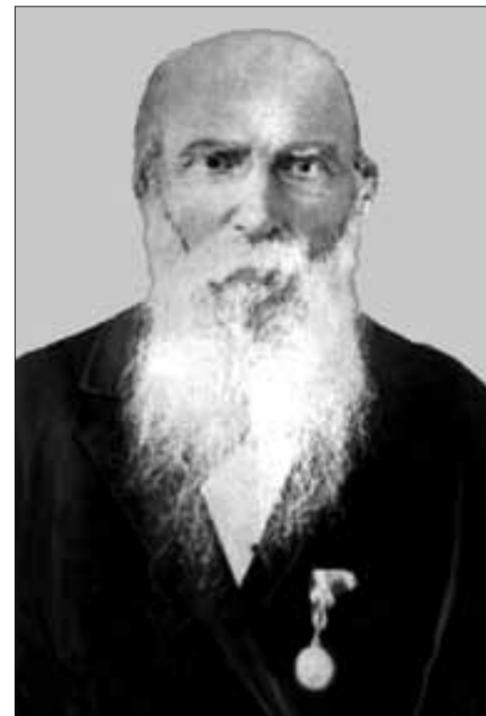
Данная задача связана с их датировкой. Она была решена Валерием Николаевичем в самых общих чертах, что не может удовлетворить нас сегодня. Необходимо осуществить типологию и классификацию мотивов. Это необходимо сделать, по крайней мере, по двум причинам. С одной стороны, чтобы попытаться найти им тождественные в материалах археологических культур. С другой — чтобы провести сравнительный анализ писаниц на всей территории их распространения. Это позволит выделить локальные различия внутри всего массива памятников, а также решить вопросы их культурно-хронологического взаимоотношения.

Нужно также попытаться проследить развитие археологических культур в широком временном диапазоне на территории распространения писаниц. Хотя Валерий Николаевич писал о преемственности культур с эпохи неолита, его выводы, по прошествии времени, нуждаются в уточнении.

С 1987 г. по 2008 г. с перерывами авторам поодиночке и совместно удалось обследовать и изучить все известные к настоящему времени писаницы на Северном и Среднем Урале, обнаружить неизвестные ранее древние рисунки в долинах рек Чусовой, Тагила, Режа, Исети и Шитовском озере, а также на Южном Урале.

В результате этих работ получены интересные материалы, которые и публикуются в данном издании.

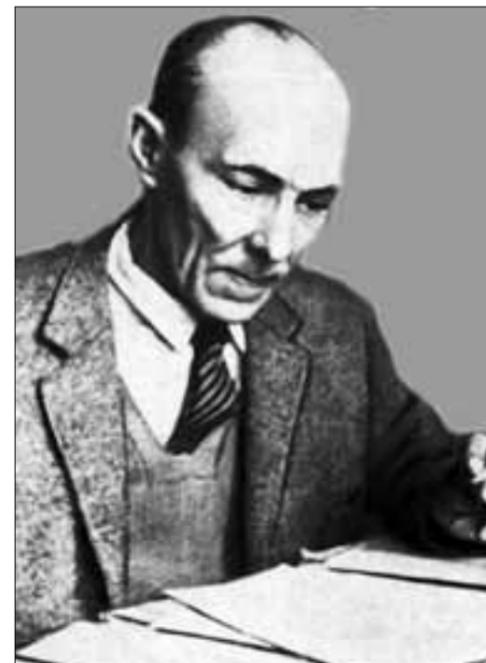
Исследователи, внесшие значительный вклад в изучение наскальных изображений Урала.

*Дмитрий Петрович Шорин
(1817-1907)*

*Владимир Яковлевич Толмачёв
(1876-1942)*

*Валерий Николаевич Чернецов
(1905-1970)*

*Валерий Трофимович Петрин
(1943-2002)*

ГЛАВА 3. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ

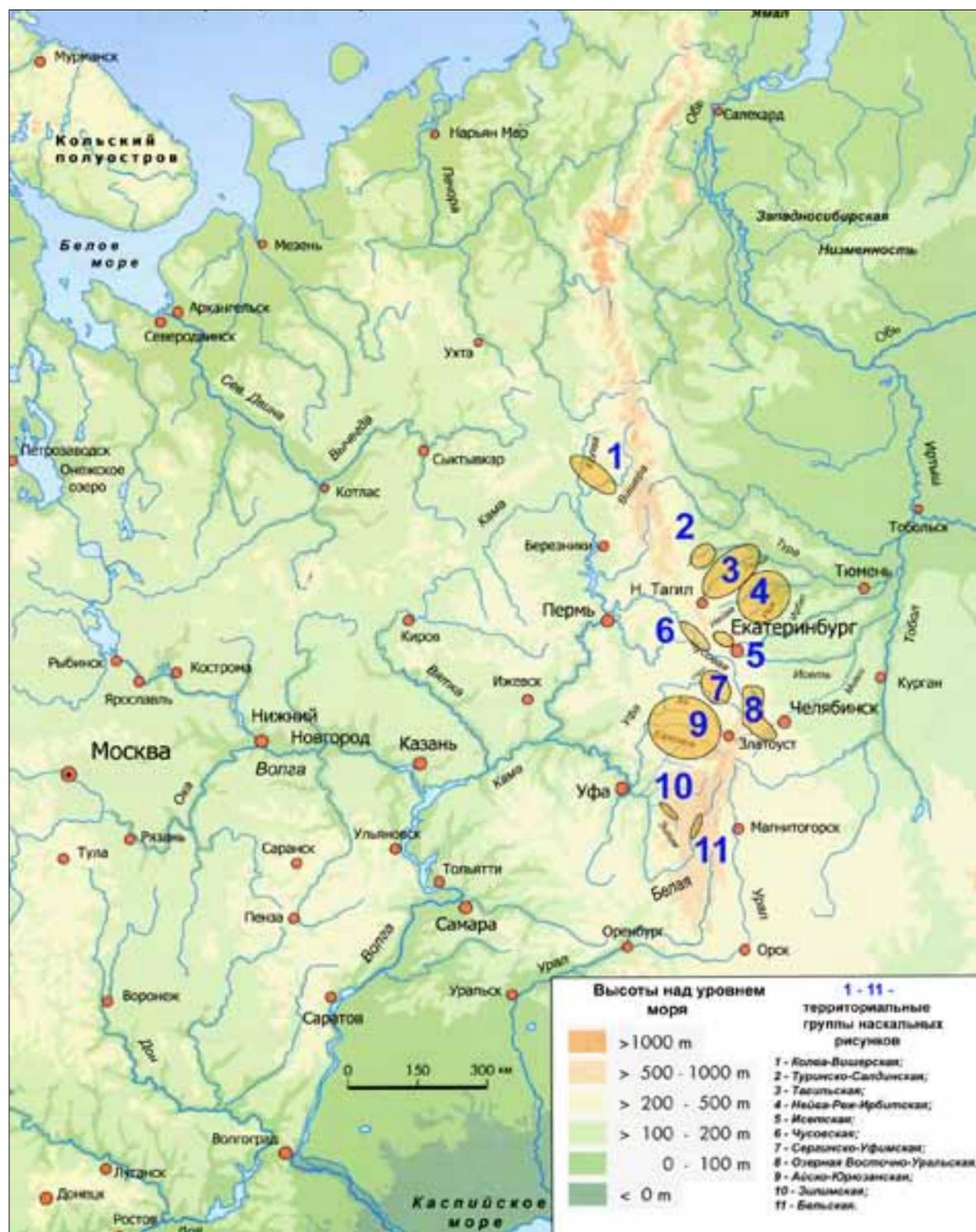

Рис. 7. Карта-схема распространения наскальных изображений на Северном и Среднем Урале

Список пунктов с наскальными изображениями на Северном и Среднем Урале

Река Колва:

— Дивий Камень.

Река Вишера:

— Моховой Камень;
— Вишерский Писаный Камень.

Река Тура:

— Писаница Корелинская.

Река Прокопьевская Салда:

— Писаница Салдинская I;
— Писаница Салдинская II.

Река Тагил:

— Балакинская писаница;
— Камень Балабан I;
— Камень Балабан II;
— Новожиловская писаница;
— Караульный Камень;
— Кваршинская писаница;
— Кислый Камень;
— Зенковская писаница;
— Верхний Балабанский утес;
— Нижний Балабанский утес;
— Змиев Камень;
— Кирьяшевская писаница;
— писаницы Маскальская I, Маскальская II, Маскальская III, Маскальская IV, Маскальская V;
— Писаный Камень;
— Соколинские утесы.

Река Нейва:

— Писаница Устьянчики;
— Коптелов Камень I;
— Коптелов Камень II;
— Косой Камень;
— «Двуглазый Камень»;
— Писаница Старичная.

Река Реж:

— Аятская писаница;
— Шайтан Камень;
— Бородинская III писаница;
— Бородинская II писаница;
— Бородинская I писаница;
— Першинская писаница;
— Сохаревская писаница;
— Гостьковская писаница;
— Раскатихинская писаница;
— Исаковская писаница;
— Исаковская II писаница.

Река Ирбит:

— Ирбитский Писаный Камень.

Река Чусовая:

— Коуровская писаница;
— Камень Боярин.

Река Исеть:

— Северская писаница;
— Писаница у оз. Мелкого;
— Палкинская писаница;
— Шитовская писаница;
— Макушинская писаница;
— Каменноостровская писаница;
— Гамаюнская писаница;
— Писаница на восточном берегу Исетского озера.

Река Серга:

— Сергинский Писаный Камень.

**ПИСАНИЦЫ ПО РЕКАМ
КОЛВЕ И ВИШЕРЕ**

Наскальные изображения по рекам Колве и Вишере самые северные не только на западном склоне Урала, но и вообще в этой горной стране. Здесь известно 3 писаницы — на Дивьем, Моховом и Писаном Камнях, расположенных в верхней части среднего течения бассейна Вишеры.

Дивий Камень

Расположен на территории Чердынского муниципального района Пермского края, на правом берегу р. Колвы (приток Вишеры), в 10–12 км к северу от г. Ныроба. Камень находится в 1–2 км выше по реке от знаменитой Дивьей пещеры (общая длина ходов более 12 км), которую впервые описал еще в XVIII в. Н.П. Рычков. Протяженность Камня, сложенного рыхлым мелкослоистым известняком, около 400 м, высота достигает 60–70 м, фасад обращен к реке, от которой он отделен участком осыпи, шириной 30–40 м. Долина реки поросла темнохвойной тайгой (фото 1).

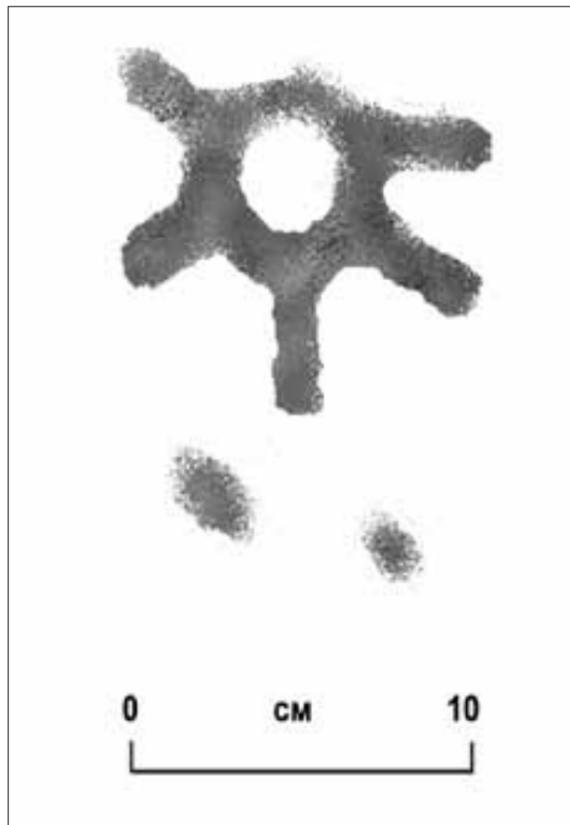
По низу скалы, на протяжении около 80 м, на высоте от 1 до 3 м над осыпью и около 16–20 м над рекой видны следы краски — остатки древних изображений, которые в настоящее время можно охарактеризовать как неопределенные изобразительные мотивы. Всего насчитывается 30 участков со следами краски. Лишь в одном месте сохранился знак, частично разрушенный, в виде окружности с лучами-отрезками, нанесенный на высоте 2,7 м над каменной осыпью (рис. 8).

Моховой Камень

Моховой Камень находится на территории Красновишерского муниципального района Пермского края, на левом берегу реки Вишеры, ширина которой достигает здесь 200 м, в 3,5 км выше деревни Акчим. Камень — верхний по течению утес в скальной гряде напротив острова; выше Камня протока. Берег залесен преимущественно темнохвойными породами деревьев с примесью берёзы (фото 2).

Камень Моховой, высотой около 10–12 м, сложен светлым тонкослоистым голубовато-серым известняком. В Камне два карстовых образования — скальный навес внизу и небольшой грот наверху. Навес начинается от самой воды. Его ширина 20 м, высота около 7–8 м, в глубину он простирается на 8–10 м. Дневная поверхность в виде глыбового завала плавно повышается от воды, с востока к западу: его самая верхняя точка находится на высоте около 2 м над водой. Здесь и нанесены древние рисунки приблизительно на высоте 3 м над завалом. Фигуры выполнены на двух гранях одного блока под навесом (фото 3).

На одной грани изображено, вероятно, антропоморфное двурогое существо (сохранность плохая), на другой — копытное, человекообразное существо с округлой головой и обобщенное животное, напоминающее собаку. Все рисунки исполнены в линейной манере (рис. 9).

*Рис. 8. Дивий Камень.
Копия символического знака*

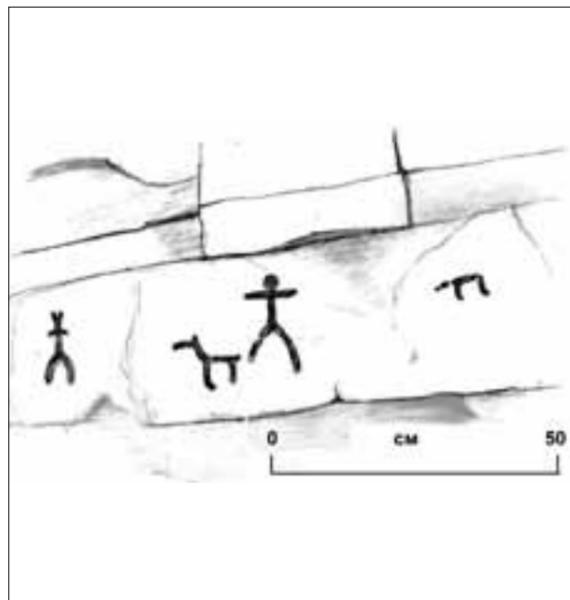

Рис. 9. Копия изображений Мохового Камня

Фото 1. Дивий Камень

Фото 2. Моховой Камень

Фото 3. Рисунки Мохового Камня

Фото 4. Вишерский Писаный Камень

суши, попасть на который можно только с воды. Во время высокого стояния воды в реке этот полуостров бывает затоплен.

Панно с рисунками находятся над участком суши, на высоте от 2,2 м до 7,15 м. Изображения нанесены на плоскости, обращенные к югу, между двумя пещерами. Всего учтено 213 фигур в 10 группах и еще 2 описаны из фондов хранения Чердынского музея (Генинг, 1954, с. 259–280).

Периферийные участки писаницы заняты геометрическими мотивами, нанесенными вблизи небольших пещерок. Среди изображений центральной части рисунки лосей, антропоморфных существ, двух медведей (один из них неудовлетворительной сохранности), ряды пятен и параллельных отрезков, более сложные геометрические фигуры, а также личины-маски (рис. 10; фото 5–8).

У подножия Писаного Камня выявлено жертвенное место, датированное по найденным артефактам от неолита до XIII – XIV вв. н.э., а может быть и более позднего времени (Бадер, 1954, с. 241–258; Мельничук, Изосимов, 2004, с. 315–316).

Фото 5. Вишерский Писаный Камень. Рисунки лосей и нефигуративных мотивов.

Фото 6. Вишерский Писаный Камень. Рисунки копытных и медведя (в центре) с рядами пятен

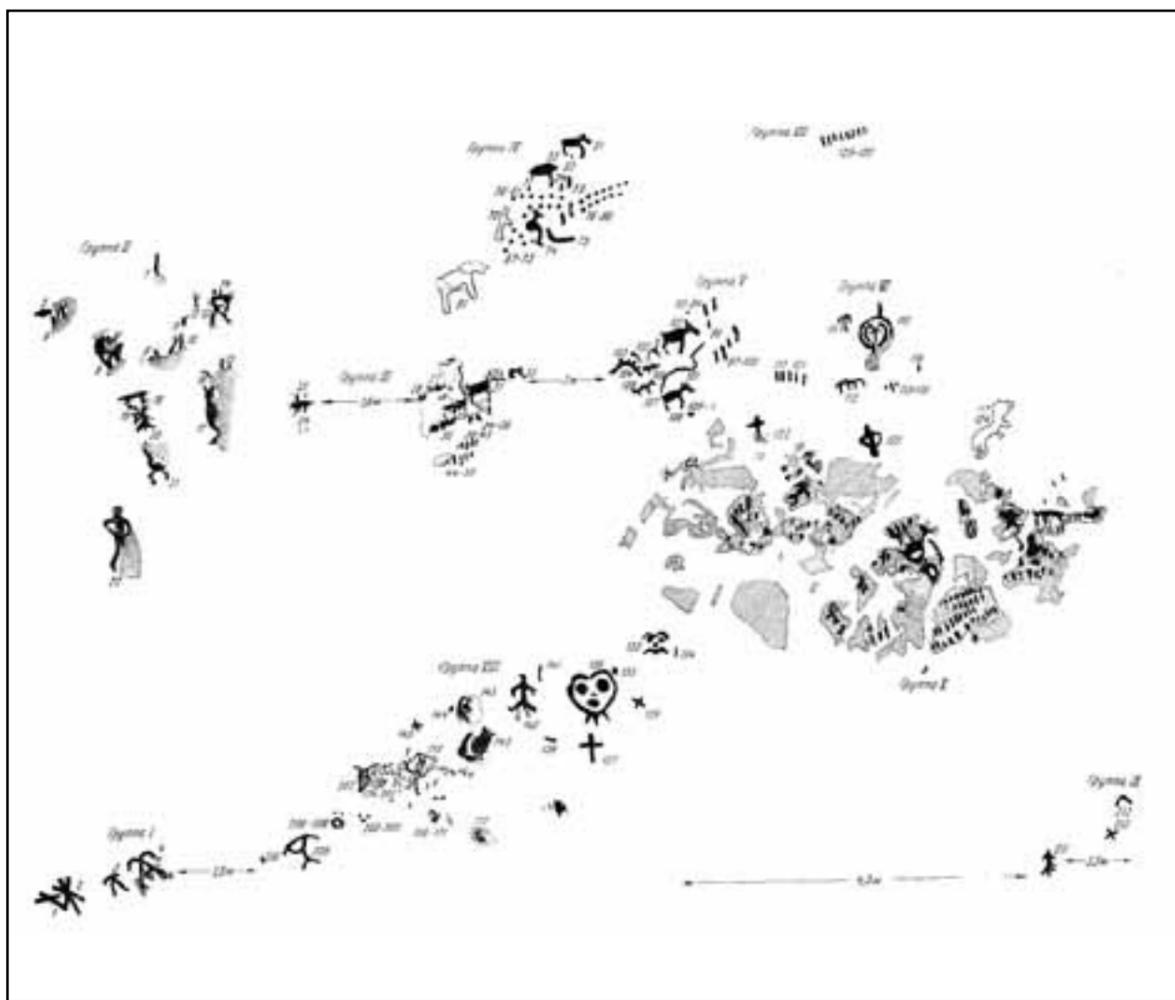

Рис. 10. Копия изображений Вишерского Писаного Камня По В.Ф. Генингу

Фото 7. Рисунки Вишерского Писаного Камня

Фото 8. Рисунки личин на Вишерском Писаном Камне.

**ПИСАНИЦЫ ПО РЕКАМ ТУРА
И ПРОКОПЬЕВСКАЯ САЛДА**

**Писаница Корелинская
(Туринский Писаный Камень)**

Расположена на территории Верхотурского городского округа Свердловской области, в 12–15 км выше по р. Туре от дер. Корелиной и в 2–3 км ниже бывшей дер. Лялинки.

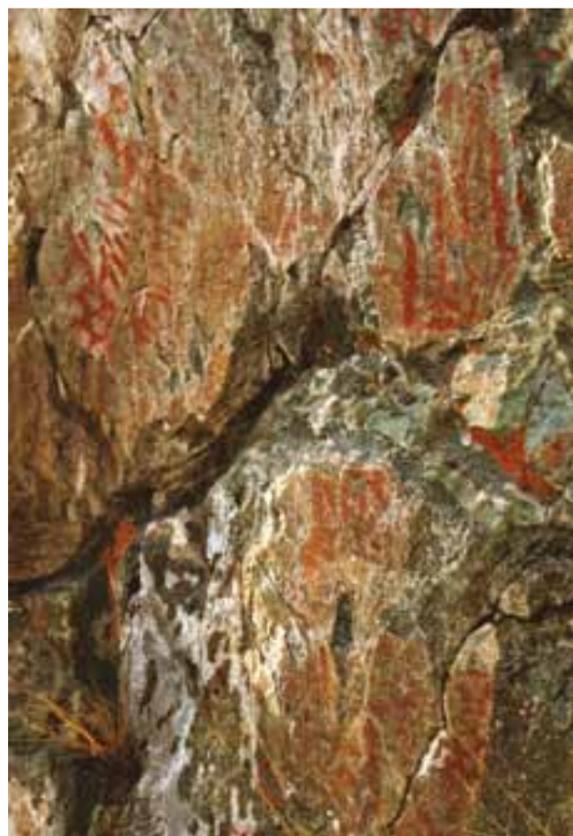
Скала с рисунками находится на левом берегу р. Туры, русло которой, шириной до 70 м, перемыто здесь драгой (фото 9). Долина реки с таежной растительностью достигает ширины около 300 м. Камень Писаный сложен зеленовато-серой породой, его фасадная часть, высотой от 8 до 12 м и протяженностью около 70 м выходит непосредственно к воде. В текстуре обнажения видны прослои кремнистых пород зеленого и темно-серого цветов. Скала обращена к югу. Сохранность изображений плохая.

Рисунки нанесены на скалу в трёх местах. Самое крупное центральное панно размещено на площади 2 x 2,5 м (фото 11; рис. 11). Нижние рисунки находятся на высоте около 1,5 м над водой. Цвет краски, по крайней мере, трёх оттенков, есть места со сплошной закраской, видны наложения фигур. Поддаются прочтению многочисленные пятна, короткие и длинные отрезки, двойной концентрический овал с пятном в центре и отходящими от него линиями, остатки расчерченных четырёхугольников и сетчатых мотивов, антропоморфная фигура, всадник на животном и фигура птицы (рис. 11). В левой части писаницы, в 8 м от центрального панно рисунки расположены непосредственно над водой, их сохранность плохая. Здесь как будто нанесено несколько вертикальных линий. В 4-5 м справа от основного панно находятся остатки рисунков плохой сохранности: возможно, фигура копытного и волнистые линии (не копировались). Рисунки разновременные.

В шурфе возле скалы, были обнаружены угли, а также обожжённые и необожжённые кости бурого медведя от 8 особей, что указывает на жертвенное место возле писаницы (Широков, 1998, с. 176–179).

*Фото 10. Корелинская писаница.
На снимке видна естественная конкреция
в скальной стене, подработанная в древности.
Ниже находятся остатки жертвенного места.*

*Фото 11. Корелинская писаница.
Основное панно с рисунками.*

*Фото 9. Долина р. Туры
в месте расположения Корелинской писаницы
(скалы по левому берегу).*

*Рис. 11. Копия изображений основного панно
Корелинской писаницы.*

Вблизи жертвенника в скальной породе имеется природное образование, напоминающее конкрецию почти правильной круглой формы диаметром около 1,2 м (фото 10). Это образование обрамлено в нескольких местах кремнистой полупрозрачной жидкой голубоватого, зеленого и темно-серого цветов со следами оббивки; куски кремня разного размера найдены нами при осмотре горизонтальной площадки возле писаницы. Представляется, что это конкреционное образование сыграло важную роль в выборе места для нанесения рисунков.

Писаница Салдинская I

Расположена на территории Верхотурского городского округа Свердловской области, в 15 км к юго-западу от дер. Верхняя Постникова.

Скала с рисунками находится на левом берегу реки Прокопьевская Салда — притоке р. Туры. Обнажение сложено горной породой зеленовато-серого цвета. Фасадная часть скалы высотой до 16 м протянулась вдоль реки на 60 м, расстояние от скалы до воды 10 м. Левый борт долины крутой и высокий, залесен, преимущественно, сосной и березой (фото 12). В 3 км ниже писаницы слева в П. Салду впадает речка Городишная, напротив которой находится Буксинское городище позднего железного века.

Изображения дислоцированы в левой и центральной частях скалы, обращенной к югу. Рисунки были выполнены по одному или небольшими группа-

ми, сохранность их по большей части неудовлетворительная. Все изображения были нанесены на блоки, поверхность которых покрыта белесым налетом. Отмечено шесть групп рисунков, расположенных на высоте от 4 до 7 м над водой. Среди сохранившихся имеется наполовину разрушенный рисунок копытного, фрагменты сетчатых мотивов и знак в виде 2 параллельных линий с перпендикулярно отходящими от них отрезками, по 3 с каждой стороны (фото 13, 14; рис. 12, 1–6) (Широков, 1998, с. 179–182).

Фото 13. Салдинская I писаница. Фрагмент рисунка копытного.

Фото 12. Салдинская I писаница.

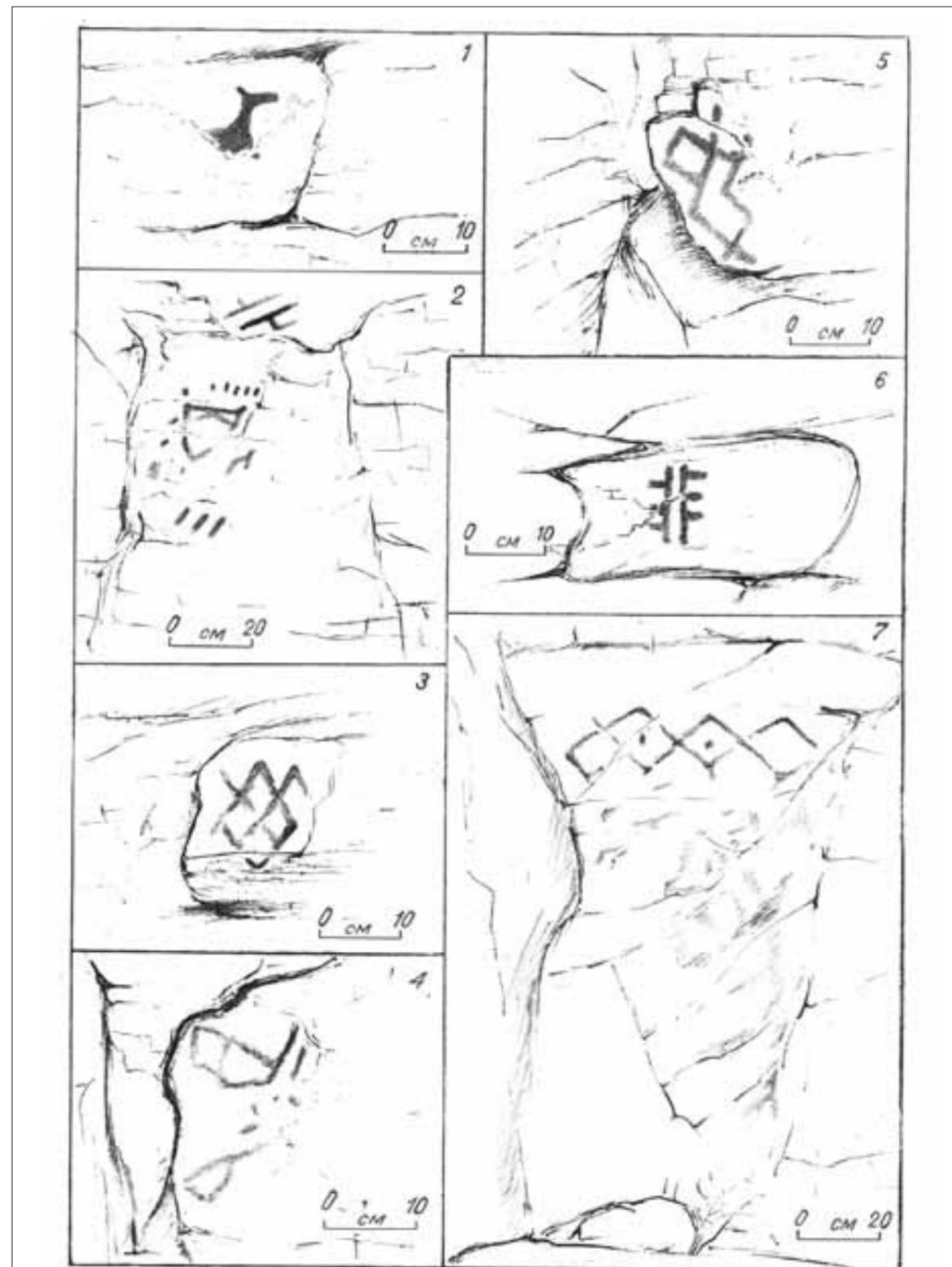

Рис. 12. Копия изображений Салдинской I (1-6) и Салдинской II (7) писаниц.

Писаница Салдинская II

Находится на территории Верхотурского городского округа Свердловской области, в 8 км к юго-западу от дер. Верхняя Постникова.

Древние рисунки нанесены на два скальных обнажения на левом берегу р. Прокопьевской Салды — притоке р. Туры, среди сосново-берёзовых лесов. Скалы выполнены зеленовато-серой сланцевидной породой. Одна из скал высотой около 10 м находится у самой воды

(фото 17). На фасадной стороне, обращенной к югу, на высоте около 4 м над водой видны отдельные фрагменты краски — остатки изображений 2-й группы. 1-я группа находится в 70 м выше по реке, на скале башнеобразной формы (фото 16). На высоте 6 м от подошвы скалы имеется небольшая ниша, образованная двумя сходящимися почти под прямым углом плоскостями. На одной из них сохранился сетчатый мотив с полями, заполненными красочными пятнами (фото 15, рис. 6 – 7) (Широков, 1998, с. 182-183).

Фото 14. Салдинская I писаница. Нефигуративный мотив.

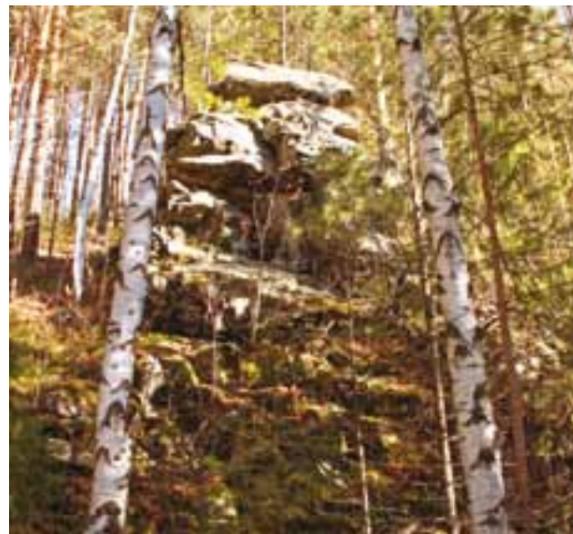

Фото 16. Салдинская II писаница. Скала с остатками 1-й группы рисунков.

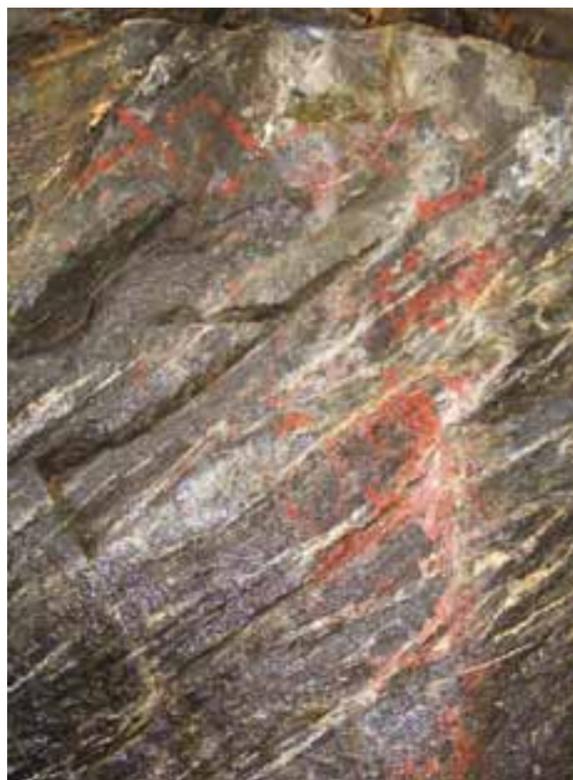

Фото 15. Салдинская II писаница. 1-я группа рисунков.

Фото 17. Салдинская II писаница. Скала с остатками 2-й группы рисунков.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ ТАГИЛ

Балакинская писаница

Находится на территории Горноуральского городского округа Свердловской области, на правом берегу р. Тагила, примерно в 12 км ниже по течению от села Балакино (фото 18).

Скальное обнажение, протяженностью около 200 м и высотой до 30 м, сложено зеленокаменной породой; его экспозиция южная. Остатки изображений имеются в трех местах, сохранность фигур неудовлетворительная. На вершине скалы В.В. Бушуевым заложено 4 шурфа. В них обнаружен углисто-золистый слой с мелкими и крупными фрагментами костей и зубов животных, часть которых принадлежала медведю и лосю. Найдены также фрагменты керамики и предметы из камня. Судя по рисункам, приведенным в дипломной работе В.В. Бушуева, орнаментированная керамика относится к петрогромскому типу. На этом основании жертвенный комплекс, по крайней мере, часть его следует датировать второй половиной I тысячелетия н.э. Несколько каменных изделий и тонкостенные фрагменты керамики В.В. Бушуев склонен был датировать более ранним временем (Широков, Чаиркин, Широкова, 2005, с. 9).

Фото 19. Балакинская писаница. Участок скалы с 1-й группой рисунков.

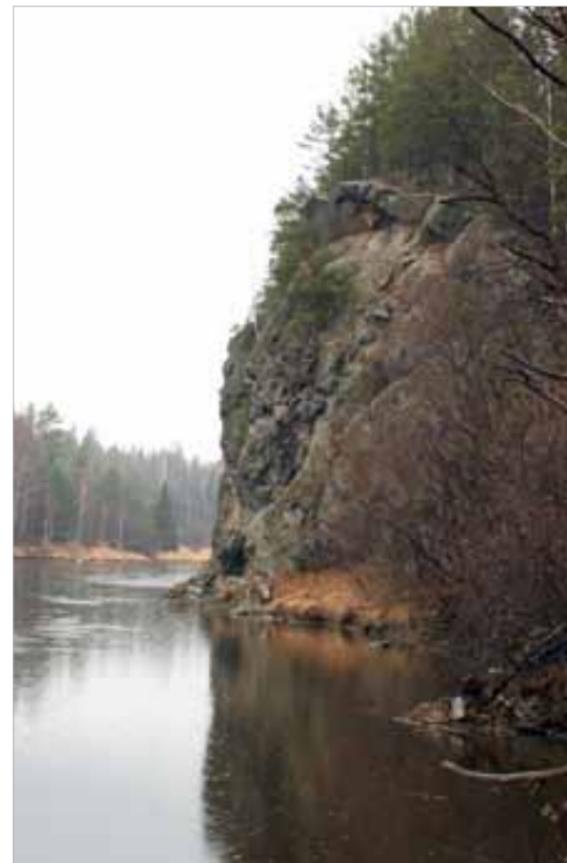

Фото 18. Балакинская писаница

Рис. 13. Копия 1-й группы рисунков Балакинской писаницы.

Камень Балабан I

Расположен на правом берегу р. Тагила, примерно в 5 км ниже по течению от бывшей дер. Прянишниковой и в 12 км к западу от пос. Тагильский, на территории городского округа «Закрытое административно-территориальное образование Свободный» Свердловской области.

Камень Балабан I состоит из трех утесов, два верхних по течению подходят близко к реке, на расстоянии около 5–10 м. Ширина русла в этом месте достигает 50 м, есть небольшая шивера или, как их называют местные жители, перебор. Берега залесены таежной растительностью с преобладанием темнохвойных пород деревьев, в меньшей степени черемухой и кустарниковой ивой. Утесы, сложенные отдельными крупными блоками крупнокристаллической породы, имеют легкий положительный наклон и достигают высоты около 15 м; расстояние между первым и вторым утесами 25–30 м (фото 20).

Условно писаницу на верхнем утесе можно разделить на 5 групп. Первая группа, нижняя по течению, самая яркая, расположена на высоте около 4 м над поймой. Состоит из рисунков двух вписанных

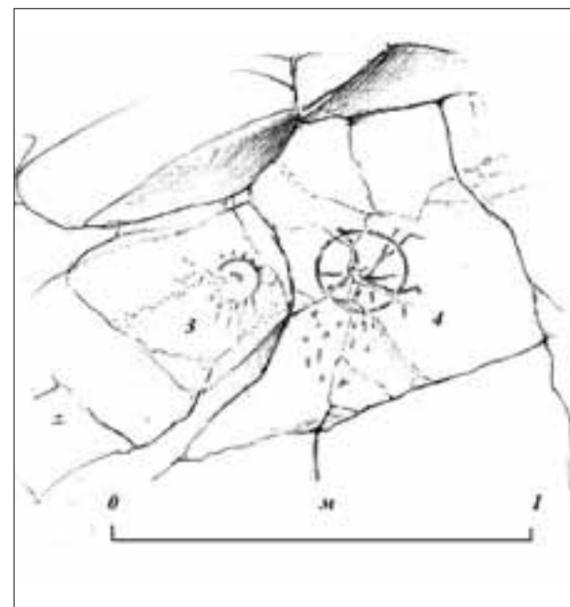
*Фото 21. Камень Балабан I
Рисунки Верхнего утёса.
Вверху - рисунок медведя в концентрических
окружностях, внизу рисунок лося.*

Фото 20. Камень Балабан I.

*Фото 22. Камень Балабан I. Антропоморфная
фигура Верхнего утеса.*

*Рис. 14. Камень Балабан I, Верхний утес.
Копия рисунков 2-й группы.*

*Фото 23. Камень Балабан I, Верхний утёс.
Рисунок лося.*

*Фото 24. Камень Балабан I, Верхний утес.
Нефигуративные мотивы.*

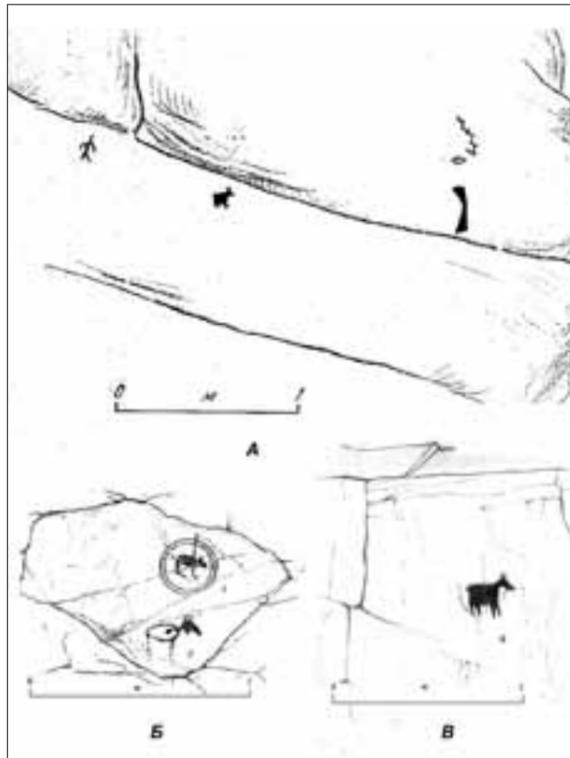

Рис. 15. Писаница на Камне Балабан I.
A - копия изображений 3-й, 4-й и 5-й групп (по В.Н. Чернецову);
Б - копия изображений 1-й группы;
В - копия изображений 4-й группы.

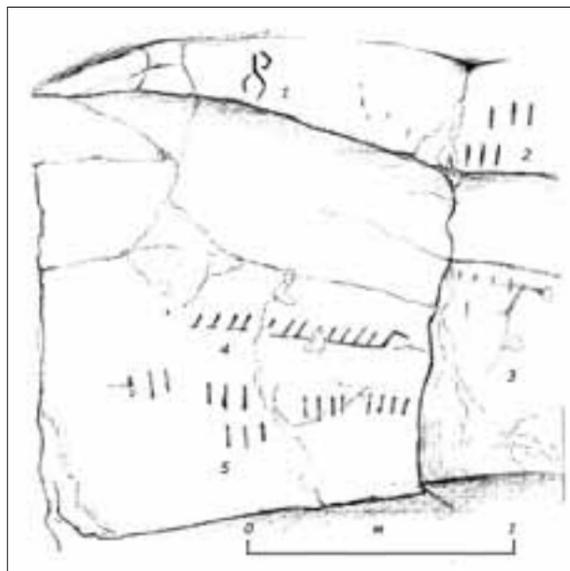

Рис. 16. Камень Балабан I.
Копия рисунков Среднего утёса.

окружностей, в центре которых силуэтом изображена фигура медведя, от спины которого вверх поднимается прямая вертикальная линия. Ниже изображены лось с выделенной серьгой, ушами и крупным пятном внутри контурного тела. Голова зверя силуэтная, шея показана одной линией (фото 21).

Вторая группа находится в 3,5 м ниже первой и состоит из пятна краски и двух плохо сохранившихся окружностей. Внутри правой окружности видны радиально расходящиеся отрезки, из них некоторые выходят за пределы окружности, ниже нее расходятся пунктирным веером. Внутри второй окружности заключено пятно, верхняя ее дуга обрамлена небольшими отрезками, а ниже окружности отрезки также расходятся веером (рис. 14).

Третья группа находится выше и справа от предыдущих рисунков, на расстоянии около 2 м. Здесь отчетливо видна антропоморфная фигура (фото 22), справа и выше, а также слева и выше которой есть следы краски. В четырех метрах от человекообразного существа и на той же высоте выполнена силуэтная фигура копытного с четырьмя ногами и двумя небольшими ушами (фото 23).

В 14 м справа пятая группа. На высоте около 2,5 м над поймой видны плохо сохранившиеся рисунки, состоящие из горизонтально вытянутого овала с острыми концами, внутри которого круглое пятно. Выше нарисован зигзаг с небольшими отходящими из его углов отрезками (фото 24). Вокруг этих фигур видны остатки краски; цвет ее во всех группах красный с оттенками от светлого до темного, ширина линий до 2 см.

На среднем утёсе видны остатки рисунка человекообразного существа, справа от которого в два яруса нанесены по три отрезка. Ниже, под небольшим козырьком остатки рисунка геометрической формы или копытного, который мы относим к неопределённым изобразительным мотивам. Слева, на небольшой панели изображение, состоящее из горизонтальной линии с наклонными отрезками, и изогнутой правой частью в виде схематичной головы животного. Эта фигура похожа на рисунки лодок на памятниках Феноскандии и Сибири и является уникальной для Урала. Под ней в два яруса нанесены вертикальные отрезки. Верхний ряд состоит из 15 линий с видимой группировкой по 4, в нижнем ряду 3 отрезка. Ниже видны пятна краски. Эта композиция расположена на высоте около 2 м над поймой (рис. 16). Оба утёса обращены на юго-юго-запад.

В.Н. Чернецовым проведены раскопки на верхнем и среднем утёсах. Согласно его данным, здесь «были обнаружены следы жертвенного места. В расщелинах и трещинах камней оказались угольки, мелкие кусочки пережженной кости и фрагменты керамики, а на верхнем утесе кованое медное плоское несомкнутое кольцо диаметром 6 см». Эти находки были отнесены к «поздней фазе синегорского этапа» и датированы концом I – началом II тысячелетия (Чернецов, 1964, с. 45-46). В 1979 г. площадки на вершинах Балабанских утёсов изучены шурфами В.В. Бушуевым. Им обнаружен углисто-золистый слой с обломками сосудов и костными остатками животных; среди диагностированных упоминаются медведь и лось. Судя по описанию и рисункам керамики, этот материал вместе с находками В.Н. Чернецова также относится к петрогромскому типу (Широков и др., 2005, с. 9-14).

Камень Балабан II

Расположен приблизительно в 1 км ниже по течению от Камня Балабан I, на левом берегу р. Тагила. Выходы темно-серой гранитной породы образуют скальную грядку, протяженностью около 100 м, сложенную крупными блоками. Верхняя по течению часть обнажения удалена от реки метров на сорок, нижняя — на 15-20 м. Общая экспозиция скалы близка к южной (фото 25). Ширина реки составляет здесь 40-50 м, правый борт долины не виден, пойма поросла березняком, ольхой и ивой. Согласно описанию В.Н. Чернецова, «... в верхней части этой скалы, невысоко над землей обнаружены изображения двух кругов диаметром около 25-30 см, с широкими расплывчатыми контурами. ... несомненно, что упоминание Шорина о камне Балабан на левом берегу реки относится именно к этой скале. В нескольких метрах от изображений ... находится небольшой навес, или грот. При разведочном раскопе около этого навеса был обнаружен небольшой культурный слой, в котором найдены мелкие фрагменты керамики» (Чернецов, 1964, с. 45).

При осмотре Балабана II нам удалось обнаружить ближе к середине скалы на высоте 0,5 м над осыпью изображение окружности, незамкнутой в правой части вследствие повреждения в этом месте скальной поверхности.

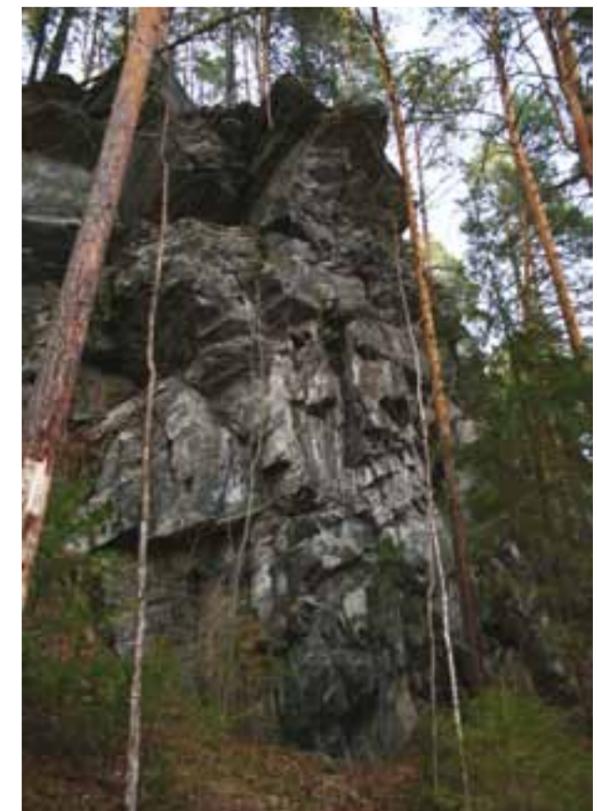

Фото 25. Камень Балабан II.

Второй рисунок не удалось распознать. В 20 м ниже по течению плохо сохранившаяся фигура, напоминающая силуэт копытного. Этот рисунок находится на высоте 4,5 м над осыпью. Вследствие неудовлетворительного состояния писаница не копировалась.

Соколий Камень

Находится на территории Верхнесалдинского городского округа Свердловской области, примерно в 7 км к юго-западу от пос. Басьяновского, на левом берегу р. Тагила, возле устья речки Соколки, небольшого левобережного притока Тагила.

Камень сложен гранито-гнейсами серого цвета и тянется вдоль левого берега реки, поросшего сосновым лесом, метров на 150. Ширина поймы между скалой и водой составляет от 6 до 20 м (фото 27).

Рисунки на Сокольном Камне локализируются в двух местах. Верхняя по течению группа расположена примерно в 40 м ниже устья речки Соколки, на невысоком, до 2,5 м обнажении (фото 26). Хорошо сохранились 4 широких наклонных отрезка, длиной около 0,2 м, рядом с которыми, слева видны ещё четыре таких же наклонных отрезка, но тоньше и бледнее, худшей сохранности. Высота нижнего изображения над поймой составляет 0,8 м (рис. 17).

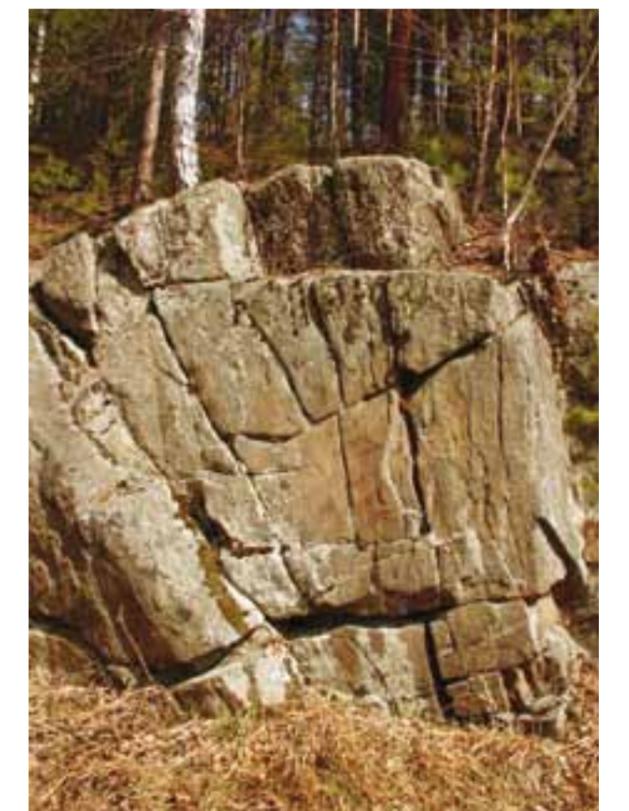

Фото 26. Соколий Камень.
Верхняя часть писаницы с остатками рисунков 1-й группы.

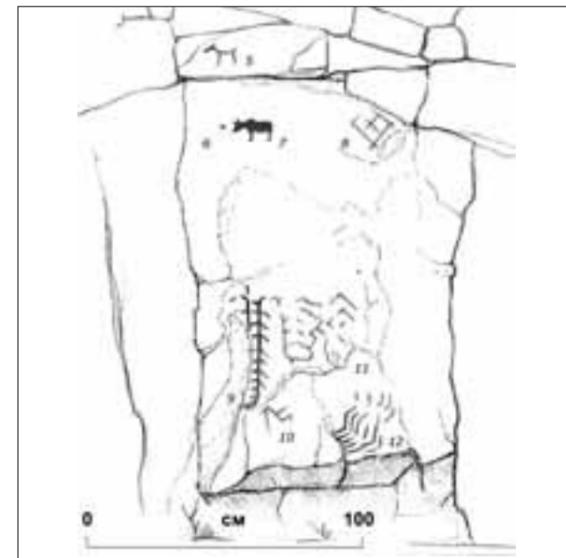
Фото 27. Соколий Камень.

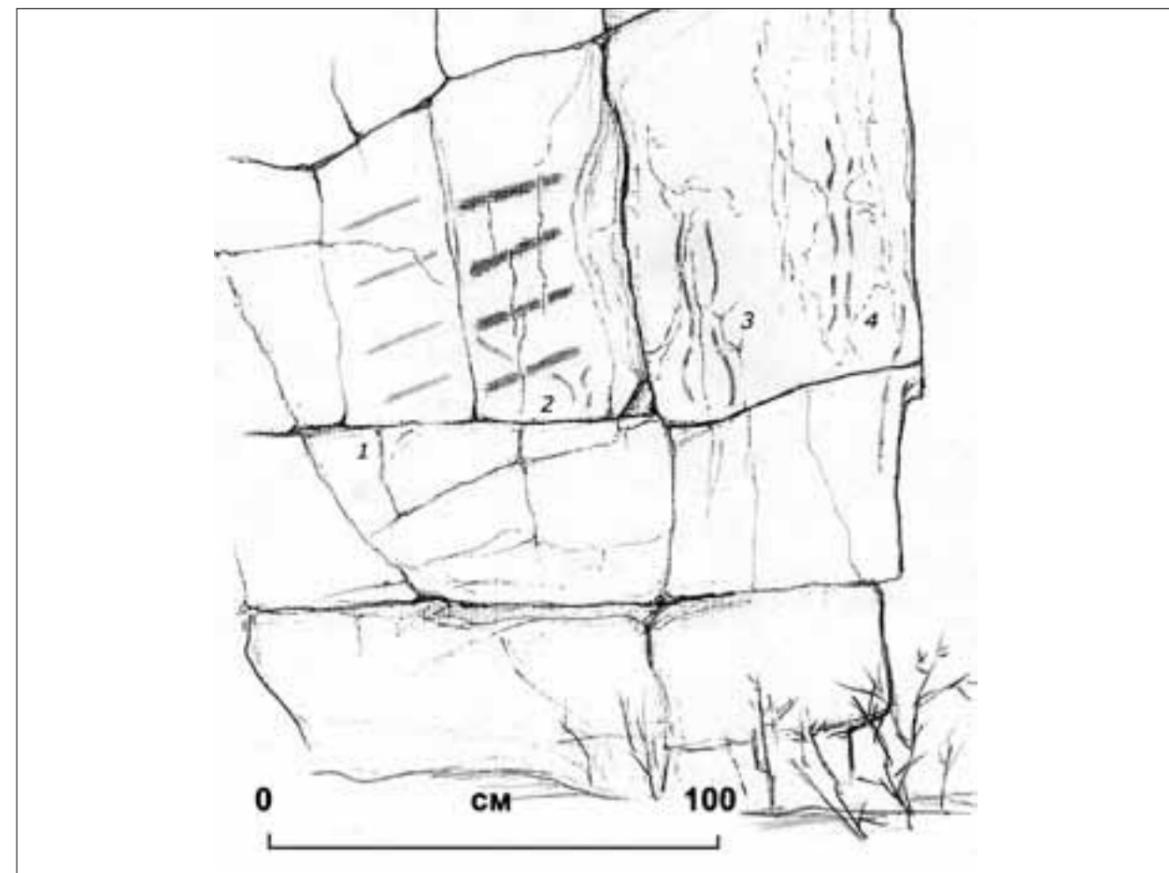
*Фото 28. Соколий Камень.
Рисунок медведя во 2-й группе.*

Приблизительно в 50 м ниже по течению, на площади 0,5 x 1,5 метров расположены рисунки второй группы. Верхнюю позицию здесь занимает фрагмент геометрической формы, под которой видна силуэтная фигура медведя, обращённого головой влево. У зверя каждая пара конечностей передана одной лапой (фото 28). Примерно в полуметре ниже видна фигура параболической формы, пересечённая восемью или девятью горизонтальными отрезками с наклонными концами. Справа от этого знака имеются неясные фрагменты каких-то изображений, а в 0,3 м справа от медведя нанесён ромб с вписанным в него крестом. Вся эта композиция чрезвычайно плохо видна на тёмном фоне скальной поверхности, из-за разрушения которой некоторые рисунки оказались повреждены (рис. 18).

В 1980 году на вершине скалы В.В. Бушуевым заложен шурф, в котором обнаружены остатки жертвенного места с углисто-золистым слоем, фрагментами керамики и каменными предметами. Согласно наблюдениям автора раскопок, выявлено два слоя, верхний из которых мы относим к петрогрому на основании описания и рисунков вещей; нижний датирован В.В. Бушуевым II тысячелетием до н.э. (Широков и др., 2005, с. 16-17).

*Рис. 18. Соколий Камень.
Копия рисунков 2-й группы.*

*Рис. 17. Соколий Камень.
Копия рисунков 1-й группы.*

Новожиловская писаница

Соответствует 4-й писанице в списке В.Н. Чернецова под названием «Скала без названия», расположенная на «самом берегу Тагила, в верхней части порога Большаковский перебор. Изображения на этой скале, очень слабо различимые, находятся на высоте 1,5 м» (Чернецов, 1964, с. 43).

Новожиловская писаница расположена на левом берегу реки, в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области, в 5,5 км к северо-северо-востоку от устья р. Салды и в 11,5 км ниже по течению от бывшей деревни Новожиловой (фото 29).

Скала, высотой до 30–40 м сложена зелено-каменной породой, трещиновата, обращена на юг. Местность вокруг поросла сосново-берёзовым лесом, неширокая полоса прибрежной осыпи покрыта зарослями кустарника. Остатки древних изображений обнаружены в верхней по течению (западной) части скалы, западнее первой значительной расщелины.

Всего выявлено 5 групп рисунков плохой сохранности на блоках с белесым налетом.

В первой группе на высоте 5 м над водой пересекающимися линиями нанесена сетка с зигзагообразным отрезком сверху, выше которой нарисован небольшой круг. Слева от него изображена силуэтная фигура копытного, обращённого головой влево, его задняя нога не сохранилась (фото 30, рис. 19, 1-3).

Вторая группа расположена выше первой на 2,53 м. Различимы две вертикальные линии с четырьмя наклонными отрезками между ними; справа видны отдельные пятна краски (рис. 19-4).

Третья группа нанесена примерно в 5 м справа и выше второй, на блоке, рассеченном вертикальной трещиной. Справа от нее видны остатки изображений. Одна из фигур — зигзаг с отростками в точках излома, в 5 см ниже пятно краски (фото 31).

Четвертая группа исполнена на углу массивного блока, расположенного в нижней части скалы, на высоте около 3 м от ее подошвы. В левой части блока видны только следы краски. Справа и выше различима крупная контурная человекообразная фигура (рис. 20, 1-2).

Пятая группа отмечена в 2,5 м справа от предыдущей, на высоте 1,8 м от подошвы скалы. На краю блока, на белесоватом налете удастся разобрать геометрическую форму в виде параболы с пересекающимися ее отрезками — знак, аналогичный нанесенному на Сокольном Камне (рис. 20-3) (Широков и др., 2005, с. 17-20).

Фото 30. Новожиловская писаница. 1-я группа рисунков.

Фото 31. Новожиловская писаница. Фрагмент 3-й группы.

Фото 29. Новожиловская писаница.

Рис. 19. Новожиловская писаница. Копия 1-й и 2-й (4) групп рисунков.

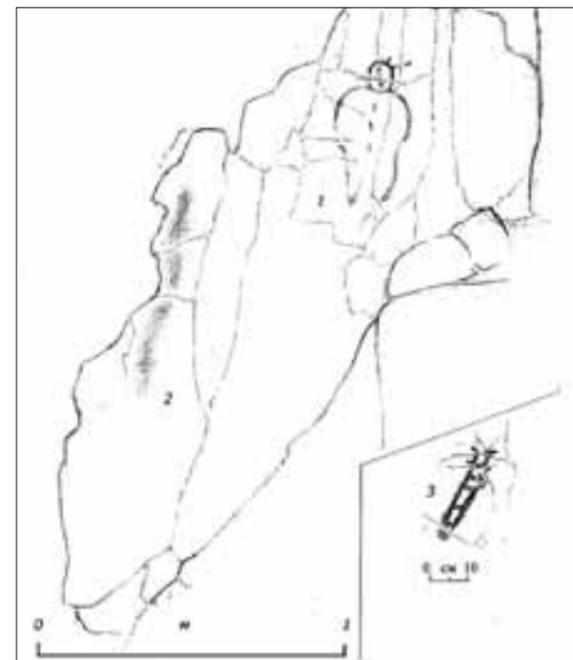

Рис. 20. Новожиловская писаница. Копия изображений 4-й и 5-й групп.

Караульный Камень

Находится на левом берегу р. Тагила, на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, в 9 км к северо-северо-востоку от устья р. Салды и в 4 км ниже бывшей дер. Новожиловой.

Скальное обнажение высотой до 40 м вплотную подходит к излучине реки, меняющей здесь свое направление с северного на восточное. Ширина русла около 50 м, долина залесена преимущественно сосной (фото 32). Верхнюю по течению часть скалы сечёт вертикальная трещина с текущим по ней ручьём. В средней части обнажения имеется грот, справа от которого, на расстоянии 10 м от воды, на высоте 2 м над осыпью расположена первая группа рисунков.

Здесь видны 11 горизонтальных отрезков (фото 33); в трех метрах вправо на высоте 1 м над землёй нанесено антропоморфное изображение. Голова персонажа округлая, с одной стороны имеется выступ-«рог», руки изогнуты и опущены на бедра, одна нога не сохранилась, от другой осталось только бедро. Справа видны пятна краски (фото 34, рис. 21-2).

Вторая группа находится в 17 м вниз по течению, в 15 м от воды и на высоте 1,8 м над осыпью. Здесь сохранились горизонтальные линии с двумя отрезками и зигзаг с отрезками из точек перелома (фото 35, рис. 21-4).

В 2 м вправо на соседнем блоке находятся рисунки третьей группы, начинающейся двумя наклон-

Фото 32. Караульный Камень.

Фото 33. Караульный Камень. Фрагмент 1-й группы рисунков.

Фото 34. Караульный Камень. Фрагмент 1-й группы рисунков.

Фото 35. Караульный Камень. 2-я группа рисунков.

Фото 36. Караульный Камень. 3-я группа рисунков.

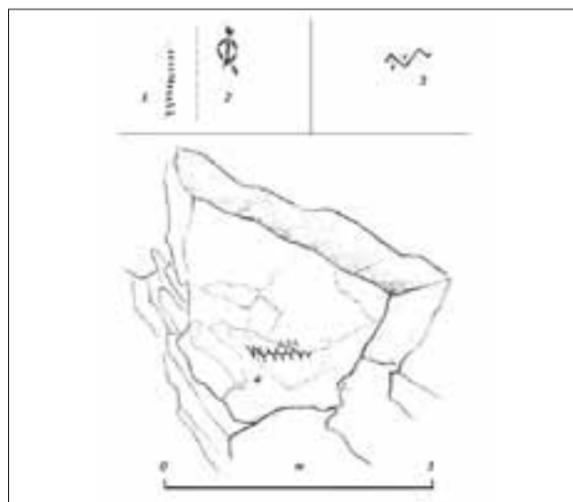

Рис. 21. Писаница Караульный Камень. Копия изображений 1-й (1, 2), 2-й (4) и 4 (3) групп.

ными широкими линиями. В 1,25 м над землей нанесена антропоморфная фигура. Туловище существа треугольной формы, контурное, рассеченное линией позвоночника, переходящего выше плеч в линию шеи, на которой покоится округлая голова с двумя выступами-рожками. Массивность фигуры подчёркивается широкими плечами; руки опущены вдоль корпуса, ноги не сохранились. Справа возле антропоморфа нанесены две слаболовлистые вертикальные линии, за ними сдвоенный вертикальный зигзаг и пятна краски, немного ниже V-образная фигура (фото 36, рис. 22).

Четвёртая группа расположена в 30 м ниже по течению. Рисунок нанесён на высоте 2,75 м от земли, в той части скалы, которая подходит к самой воде. Под небольшим козырьком на плоскости с белесоватым налетом изображён зигзаг. В двух его зонах между изломами линий находится по два пятна; в каждой зоне одно из пятен бледнее, чем другое. Такой эффект скорее всего получился в результате подновления фигуры: зигзаг был повторен по прежним границам, а пятна нанесены новые (фото 37) (Широков и др., 2005, с. 20).

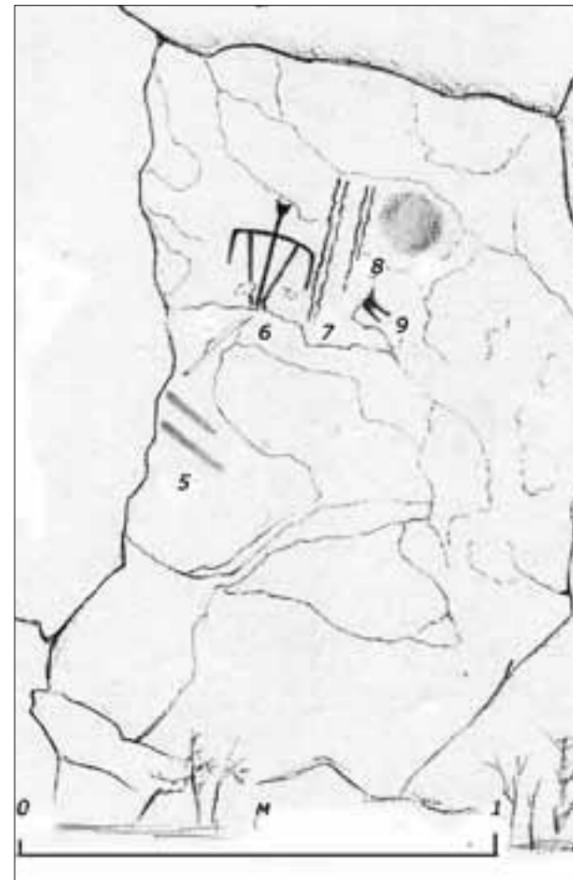

Рис. 22. Караульный Камень. Копия 3-й группы рисунков.

Фото 37. Караульный Камень. 4-я группа рисунков.

Кваршинская писаница

Расположена на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, в 13 км к северо-северо-востоку от с. Медведово.

Скала с писаницей находится на правом берегу, ниже по течению реки от бывшей здесь ра-

Фото 39. Кваршинская писаница.

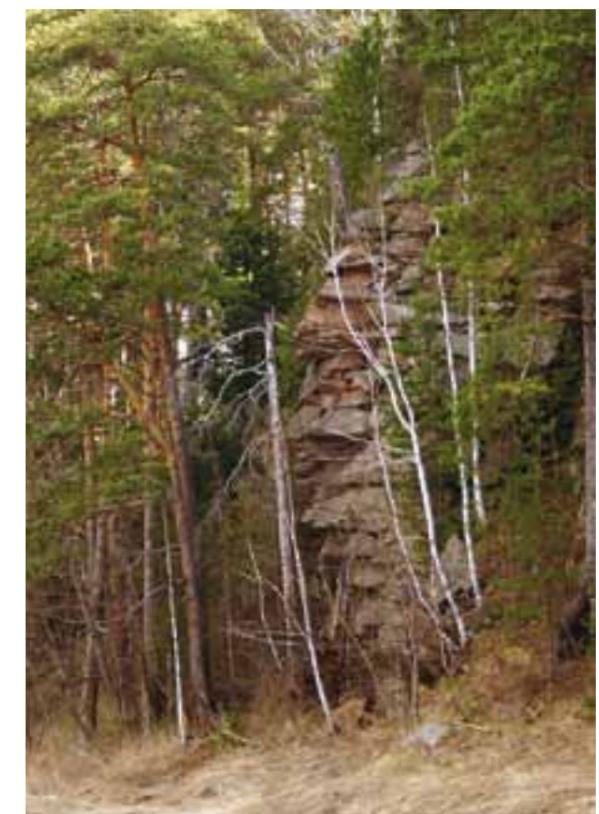

Фото 38. Кваршинская писаница.

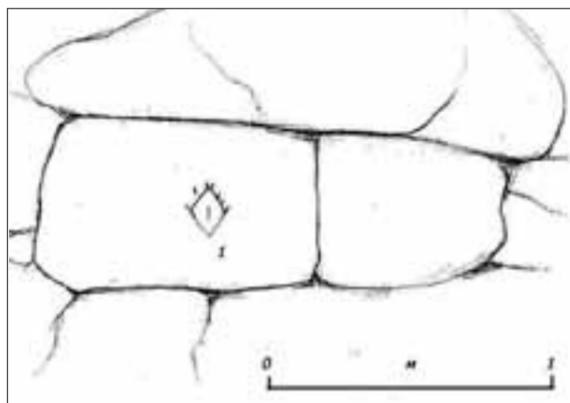

Рис. 23. Копия Кваршинской писаницы.

нее одноимённой деревни (фото 38). Рисунок нанесён на одиночную скалу, сложенную серыми гранитами с розоватым оттенком. Выполняющие скалу блоки образуют характерный навес, в нижней правой части которого находится фигура в виде ромба, изображённого на высоте 1 м над землёй и в 4,5 м над водой. В центре ромба вертикальная черта, на на верхних сторонах имеются небольшие вертикальные отрезки (фото 39, рис. 23). Эта геометрическая форма одновременно напоминает изображение головы антропоморфных персонажей на некоторых уральских писаницах, а также сосудах энеолитического или раннебронзового периодов. В.В. Бушуевым в обрыве берега найдено три неорнаментированных фрагмента керамики, два небольших отщепы и фрагмент венчика от сосуда раннего железного века (Широков и др., 2005, с. 20-23).

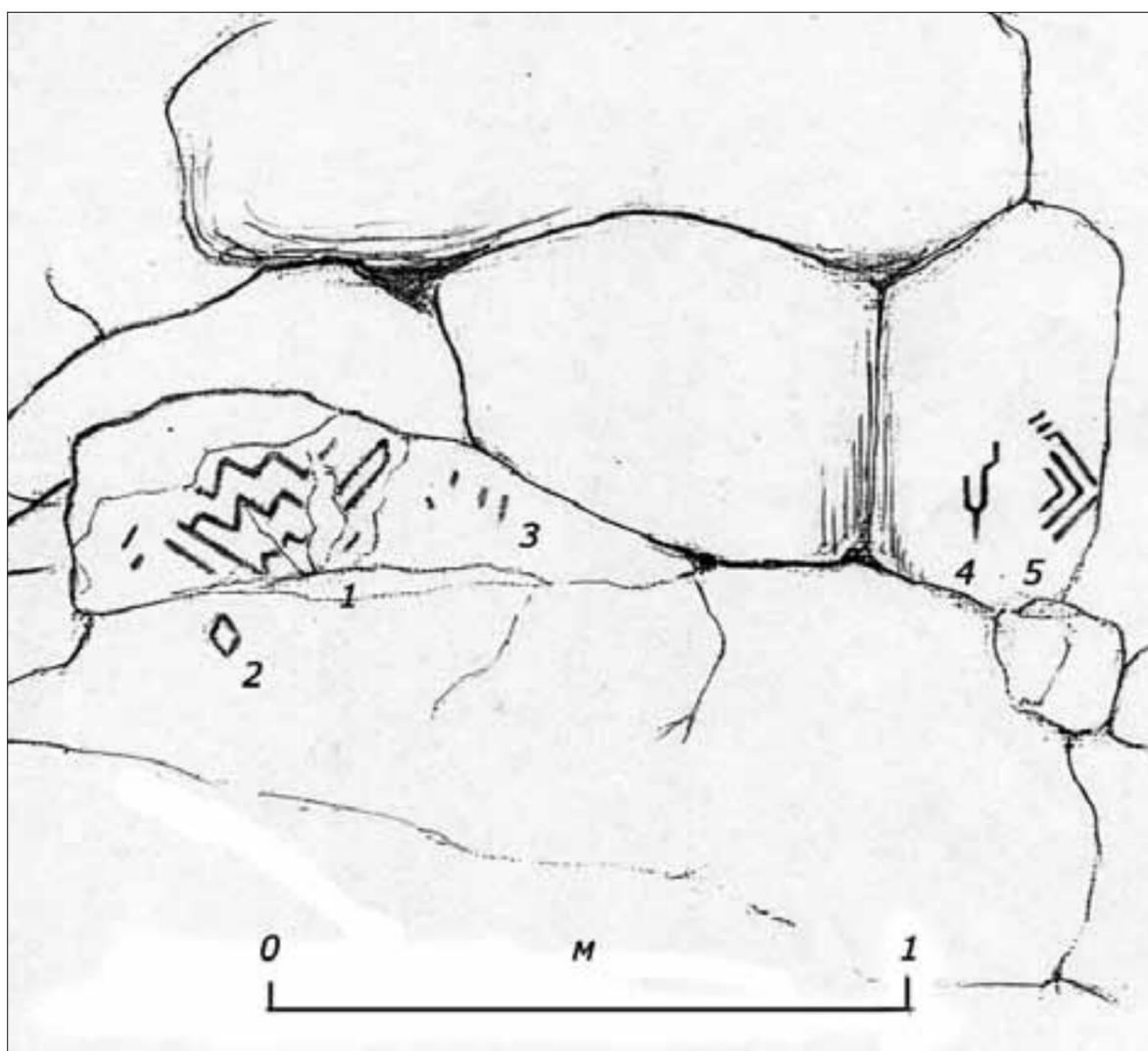

Рис. 24. Рисунки Кислого Камня.

Фото 40. Кислый Камень.

Фото 42. Зенковские скалы.

Фото 41. Рисунки Кислого Камня. Левая часть.

Фото 43. Зенковская писаница. 1-я группа рисунков.

Кислый Камень (Кислая гора)

Расположен на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, в 5 км к юго-востоку от дер. Гаева (фото 40).

На Кислом Камне нами скопированы 4 рисунка. В левом секторе частично разрушен и перекрыт натеком знак, образованный, насколько можно судить, парой сдвоенных прямых линий, сходящихся в нижней части знака. Между линиями видны три горизонтальных зигзага; максимальная длина фигуры около 35 см (фото 41, рис.24). Справа от этого рисунка есть несколько пятен краски, а ниже небольшой ромб. В правом секторе видны ещё две фигуры: три вложенных угла с тремя отрезками на краю блока и фрагмент нижней части многоугольника (Чернецов, 1964, с. 43; Широков и др., 2005, с. 23-24).

Зенковская писаница

Находится на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, примерно в 3 км вниз по течению от деревни Кваршиной, ныне не существующей, на левом берегу реки. Хорошим ориентиром служит впадающая немного

ниже Зенковских скал речка Зенковка, крупный правый приток Тагила (фото 42). Скалы, высотой около 25 м, вплотную подступают к реке и хорошо заметны издали. Изображения, нанесенные на два скальных обнажения, объединены в 7 групп: первая — пятая группы находятся на «собственно Зенковской скале — башнеобразном утесе, стоящем на самом мысу у воды. Группы шестая и седьмая обнаружены... на небольшой скале в некотором отдалении от берега» (Чернецов, 1964, с. 41).

Нами внесены уточнения в копии рисунков В.Н. Чернецова с первой по пятую группы. К первой группе (фото 43, рис. 25), расположенной на высоте около 15 м над землёй и до сих пор заметной, благодаря хорошей сохранности, даже с противоположного берега, можно подобраться только с использованием скалолазного снаряжения. Судя по всему, так же не просто было к ней подобраться и в древности, что не помешало исполнителю создать здесь великолепную композицию. Копия В.Н. Чернецова, воспроизводящая дугообразный знак с отрезками, концентрические окружности с лучами и шесть копытных, кажется нам верной. Замечание касается «копьевидного предмета, острием направленного в переднюю лосиху»: на самом деле это фрагмент фигуры, который сейчас

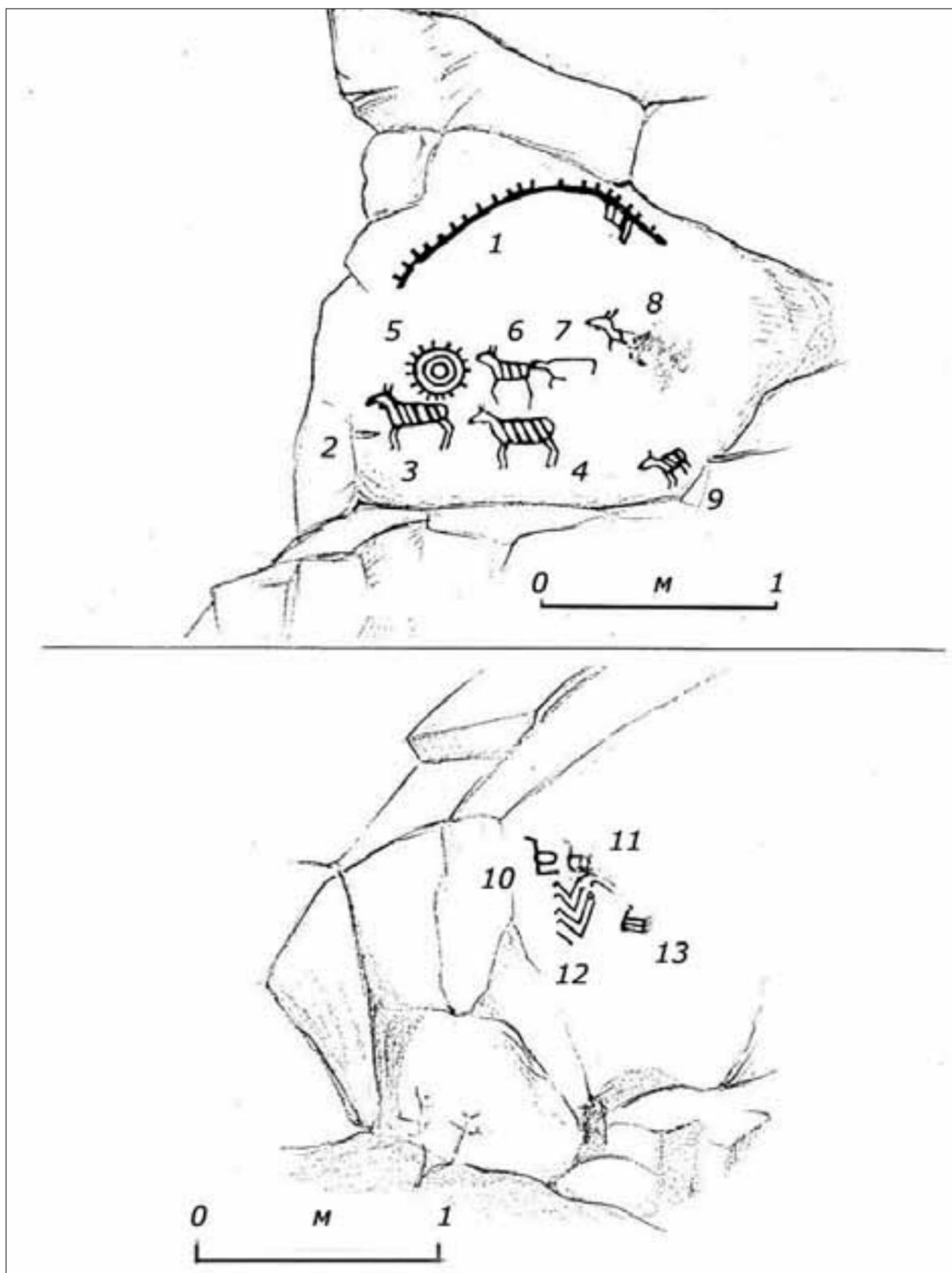

Рис. 25. Зенковская писаница. Копии 1-й (вверху) и 2-й групп рисунков. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

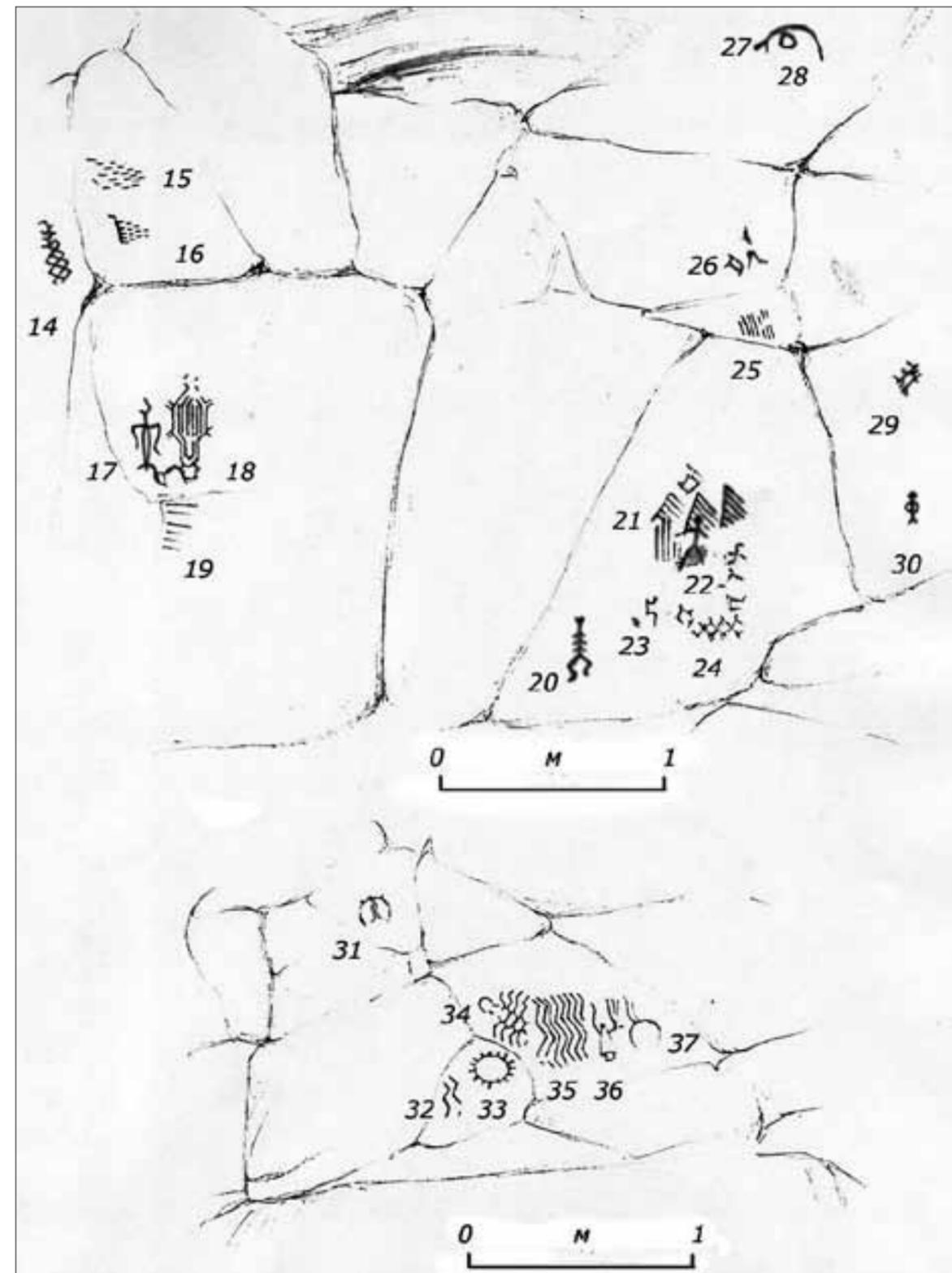

Рис. 26. Зенковская писаница. 3-я, 4-я и 5-я группы рисунков.

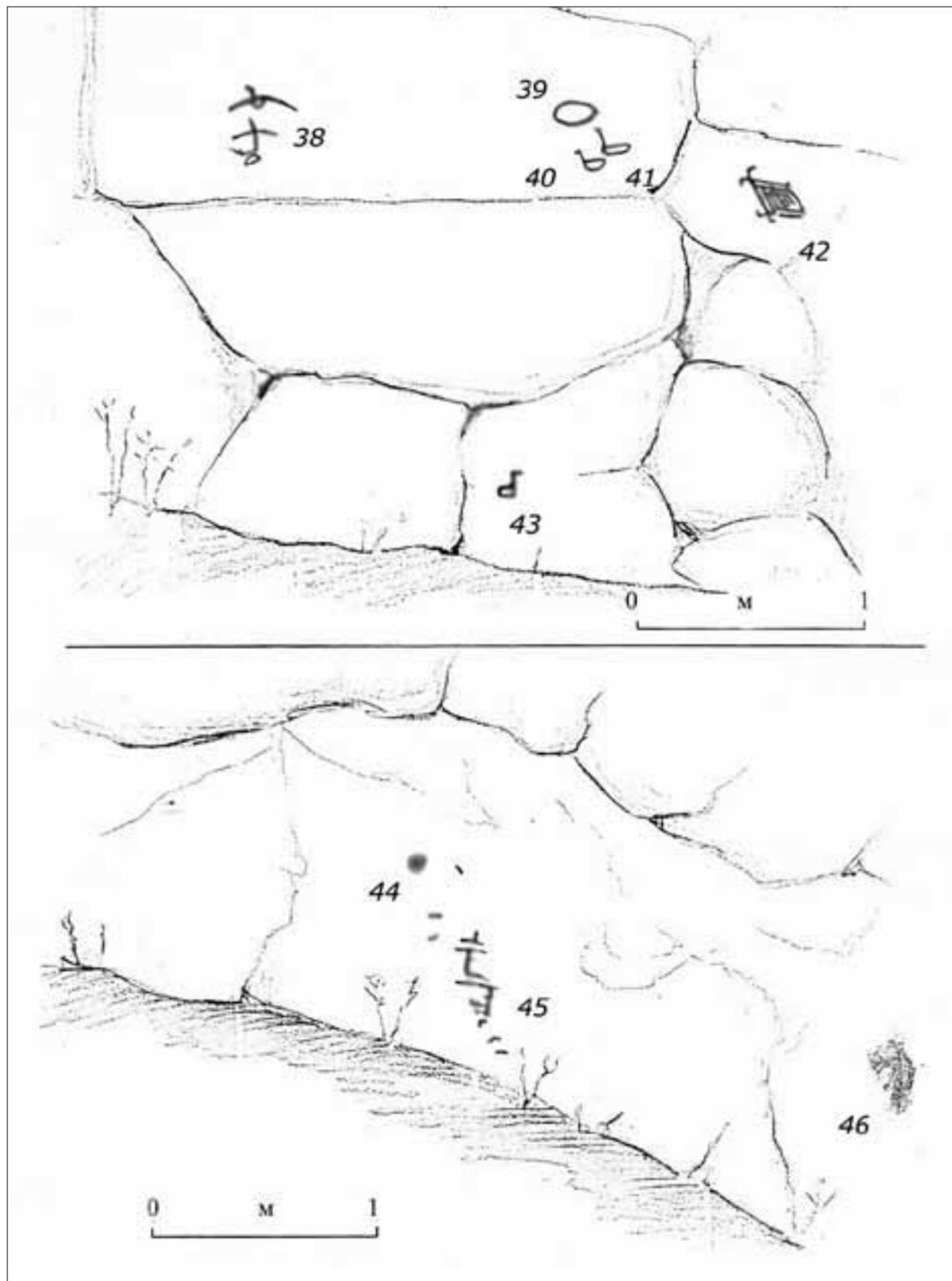

Рис. 27. Зенковская писаница.
Копии 6-й и 7-й групп изображений.

Фото 44. Зенковская писаница.
Рисунки 3-й группы.

Фото 45. Зенковская писаница.
Рисунки 3-й группы.

Фото 46. Зенковская писаница.
Рисунки 4-й группы.

следует квалифицировать лишь как неопределённый мотив. Ниже копытных, на вертикальной плоскости полки, с которой была выполнена эта группа, обнаружены неизвестные ранее изображения: фигура в виде двух concentрических овалов, вертикально ориентированный двоянный зигзаг и два ряда горизонтальных отрезков, по 6 в каждом ряду (фото 43).

Под первой группой, на высоте 2,5 м над землёй расположена пятая группа, состоящая, по В.Н. Чернецову, из «двух или трёх солярных знаков, антропоморфной фигуры и ряда зигзагов». К одной из окружностей нами добавлены две изогнутые линии; кроме того, не была упомянута одна сложная форма с основой из многоугольных ячеек с отходящими от них зигзагами (рис. 26, 31-37).

Во второй группе ранее были отмечены «два изображения уток и V-образные фигуры». Последние оставлены нами без изменений, одну из водоплавающих птиц, по нашему мнению, следует воспринимать как фрагмент знака, а в рисунок второй птицы внесены иные акценты: у нее крыло параболической формы и линейное туловище (рис. 25, 10-13).

В третьей группе, расположенной в 8 м ниже по реке от предыдущей нами исправлено воспроизведение сотовидного многогранника, внутри которого отмечено 6 вертикальных линий, а расположенные под ним решетчатые знаки заменены нами на 7 горизонтальных черт (фото 44, рис. 26, 17-19). Выше этой композиции изменён рисунок птицы, туловище и крылья которой выполнены горизонтальными отрезками; вероятно, выше находился ещё один такой

же рисунок, от которого сейчас видны только штрихи (фото 45, рис. 26, 15-16).

В четвёртой группе вместо неопределённых мотивов скопированы три заштрихованные угольковые фигуры, на фоне которых нанесён антропоморфный мотив и вертикальные линии. Кроме них здесь отмечены: рисунок утки с четырёхугольным туловищем плохой сохранно-

Фото 47.
Зенковская писаница.
Рисунок 4-й группы

Фото 48.
Зенковская писаница.
Рисунки 6-й группы

сти, горизонтальная цепочка многоугольников, две антропоморфные фигуры, одна из которых с рёбрами, но без рук (фото 46, 47), и неопределённые изобразительные мотивы (рис. 26, 20–30).

В копии рисунков шестой и седьмой групп не внесено изменений. В 6-й группе слева направо видны неопределённые изобразительные мотивы, овал с двумя водолавающими птицами, справа от которых на перпендикулярном блоке нанесён сложный ромбовидный знак, напоминающий стилизованное изображение лягушки в угорской изобразительной традиции (рис. 27–42). В нижней части группы одиночный рисунок водолавающей птицы (рис. 27–43). 7-я группа состоит только из фрагментов разрушенных рисунков.

Нами внимательно осмотрен камень, на котором, по сведениям В.Н. Чернецова, имеются семь выбитых полос. На наш взгляд, это естественная складчатость, создающая отдалённое сходство с подработанной поверхностью (Чернецов, 1964, с. 41–42; Широков и др., 2005, с., 24–29).

Верхний Балабанский утес

Расположен на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, метрах в двухстах ниже устья речки Зенковки (фото 49).

Здесь имеется только одна группа изображений, нанесенная под скальным козырьком, на высоте 4 м от земли. Лучше других сохранилась фигура из двух концентрических окружностей с отрезками-лучами, заканчивающимися уголковыми мотивами. Слева видны фрагменты краски (фото 50).

Фото 50. Рисунок Верхнего Балабанского утеса.

Фото 49. Верхний Балабанский утес.

Нижний Балабанский утес

Находится на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, на правом берегу р. Тагила, примерно в 1 км ниже по течению от первого, или верхнего утеса (фото 51).

Изображения плохой сохранности видны на трех блоках (фото 52, рис. 28). Среди них 5 окружностей, внутреннее пространство одной из которых заполнено косыми крестами, ромб, небольшой гребневидный знак, рисунок медведя в распластанной позе, зигзаг, мотив в виде вертикальной цепочки ромбов, остатки неопределенных мотивов (Широков и др., 2005, с. 29–31).

Змиев Камень

Находится на левом берегу р. Тагила, примерно в 2 км выше по течению от бывшей дер. Гаевой, на территории муниципального образования «посёлок городского типа Махнёво» Свердловской области (фото 53).

Змиев Камень по многочисленности нанесённых изображений сравним только с Зенковскими скалами, Писаным Камнем и Соколинскими утёсами.

Здесь выделено девять групп изображений. В их расположении отмечается компактность и приуроченность к плоскостям скалы, стоящим под некоторым углом одна к другой. В левой, верхней по течению части Камня, изображения дислоцированы

Фото 51. Нижний Балабанский утес.

Фото 52. Рисунки Нижнего Балабанского утеса.

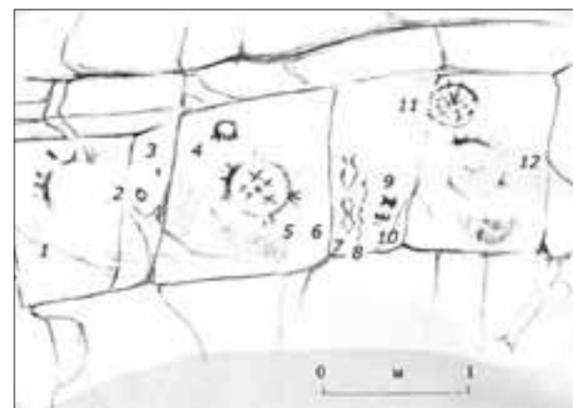

Рис. 28. Копия рисунков Нижнего Балабанского утёса

по низу скалы, на высоте не более 4-х метров от подошвы, (группы 1, 2, 6, 8), тогда как в правой части рисунки нанесены вдоль скальной полки не менее чем в 8 м от земли (группы 3, 5).

Первая группа представлена одной фигурой, напоминающей, по мнению В.Н. Чернецова, тамгообразный знак (рис. 29 – 1). Группа 2 состоит из древовидного символа, 3 специфических знаков из двух соединенных прямоугольников, горизонтального зигзага с отрезками, двух «вложенных» углов, многоугольника, треугольника, головы лося и фрагмента окружности с отрезками, антропоморфной фигуры в фертообразной позе, нескольких рядов отрезков и неопределённых мотивов. Отдельные плоскости Камня в этой части густо закрашены красной краской (фото 54, рис. 29). Обнаруженные между 2 и 7 группами два рисунка представляют гребневидный знак с прямым основанием и овал с вписанным в него расчерченным овалом; эти фигуры были нанесены на покрашенную поверхность блока. В итоге получается, что во второй группе отсутствуют рисунки птиц и животных, за исключением головы копытного, есть только одна антропоморфная фигура, а все остальные представлены знаками.

В седьмой группе (фото 58; рис. 32) изображены: многоногий (?) лось, древовидный и гребневидный мотивы, рисунок, напоминающий контурное туловище человека с раздвинутыми в «позе роженицы» ногами, рядом с которым вертикальная линия, пересеченная волнистой линией; выше видны две окружности с лучами, между ними фигура копытного, а на самом вершуге оригинальный мотив в виде «букета», интерпретированный В.Н. Чернецовым как болас. У самой земли под «многоногим» лосем сетчатый знак и пятна краски.

В восьмой группе воспроизведены: трехпалый антропоморфный персонаж, прямоугольный решетчатый знак, полукруг с фигурой лося, двухголовый змеи и знаками, а также неопределенные мотивы (фото 59; рис. 32, 93–95).

Таким образом, в этой части скалы также отсутствуют рисунки птиц, доминируют крупные знаки, дополненные человеческой фигурой и двумя копытными. Следующая за этими шестая группа также почти полностью состоит из знаков, среди которых сверху вниз отметим следующие: простую окружность на покрашенном участке скалы, гребневидный знак с прямым основанием, небольшой знак

Фото 53. Змиев Камень.

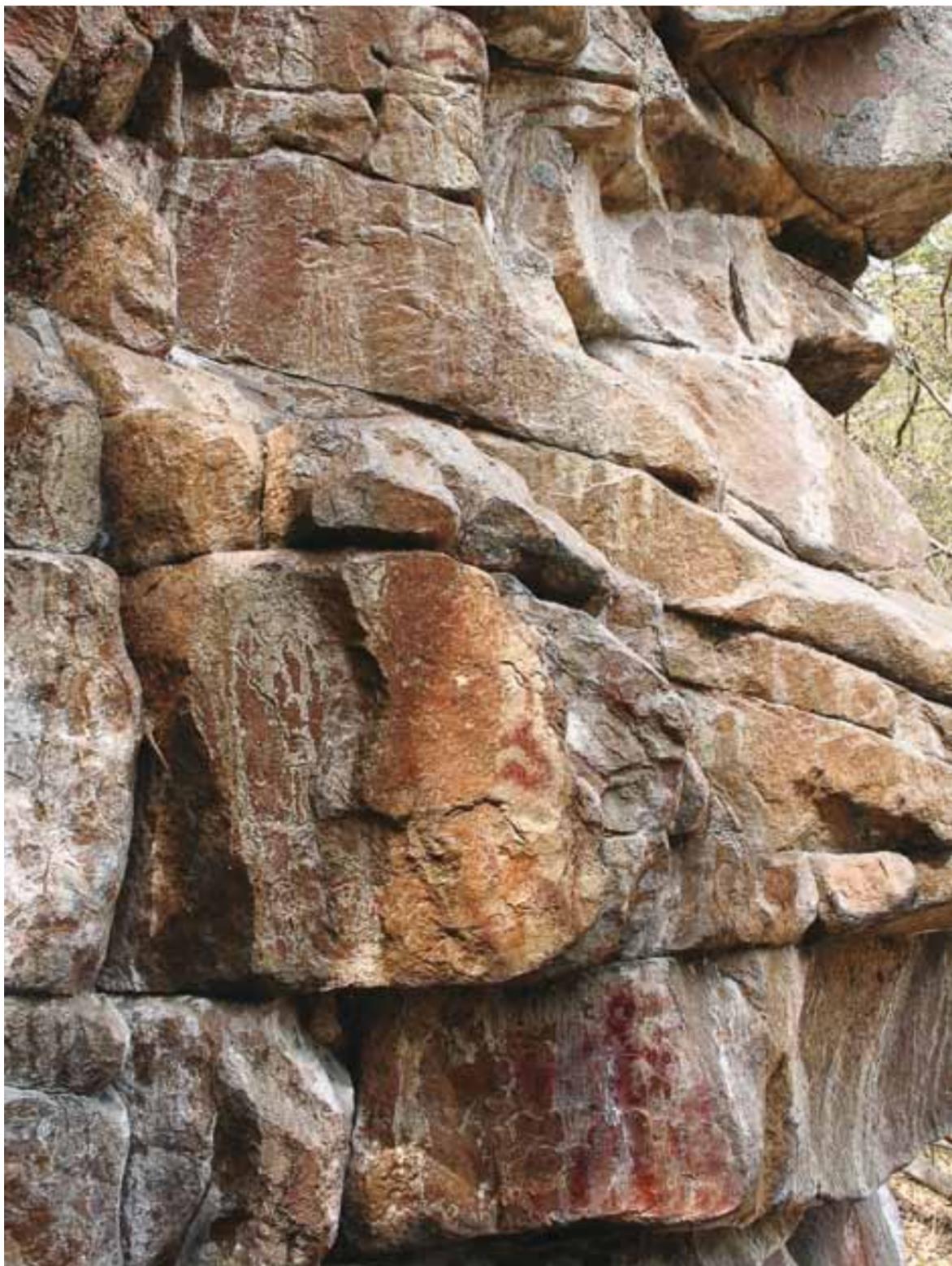

Фото 54. Змиев Камень.
Рисунки 2-й группы. Фрагмент.

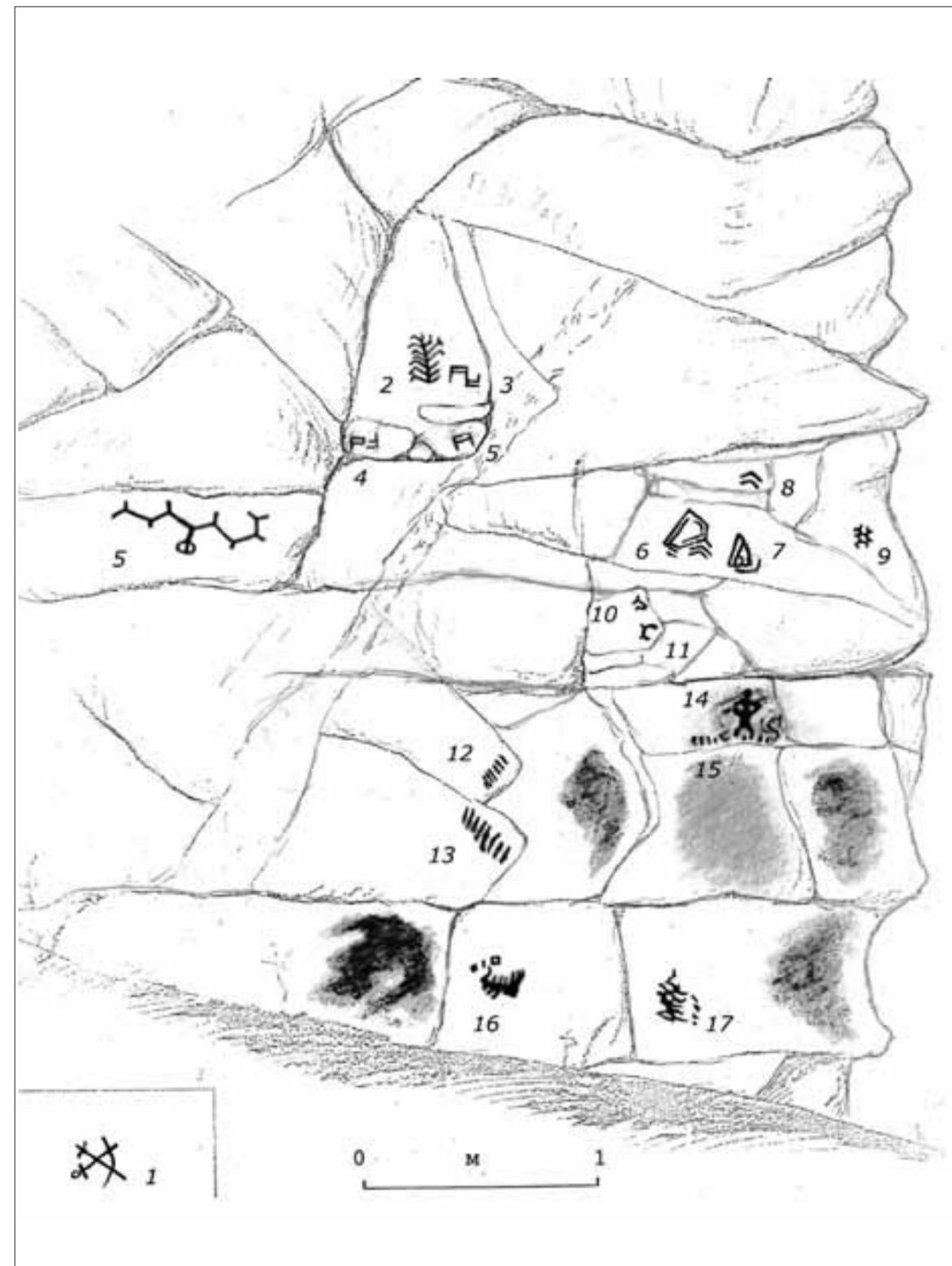

Рис. 29. Змиев Камень.
Копия 1-й и 2-й групп изображений. По В.Н. Чернецову с уточнениями.

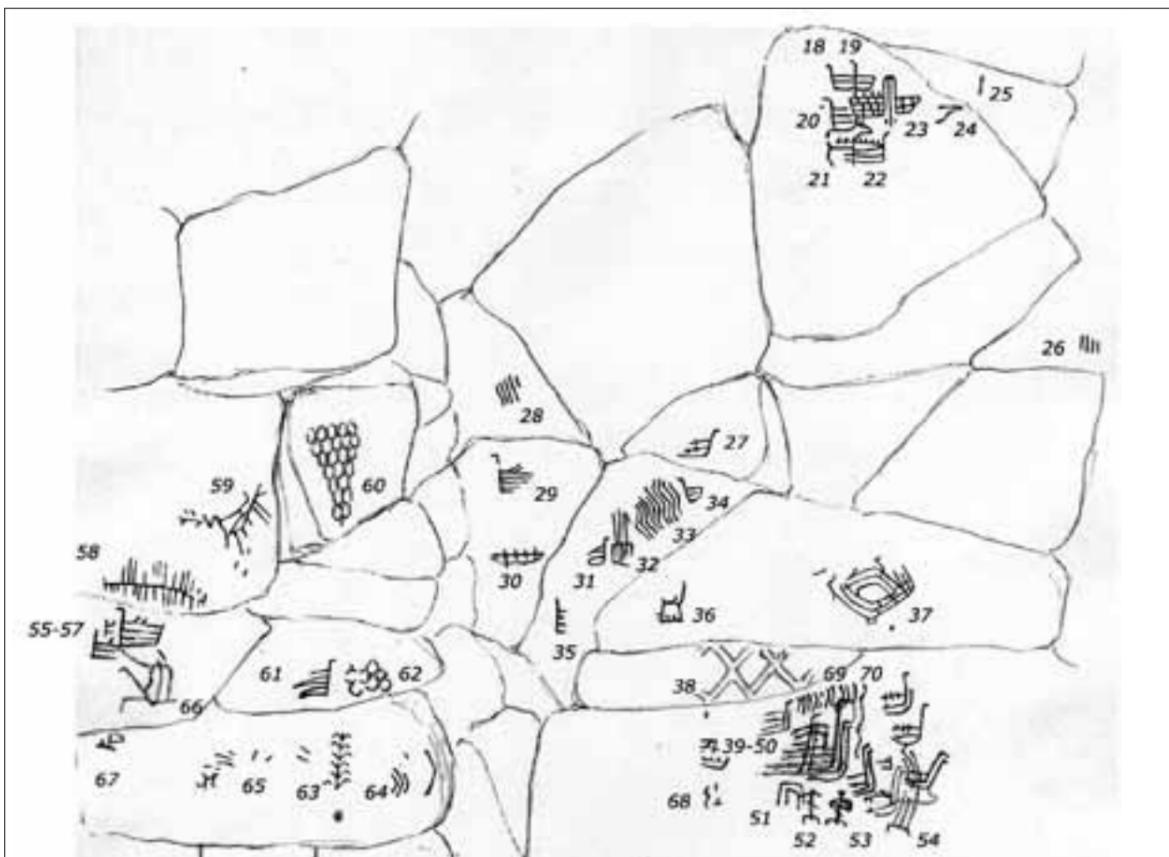

Рис. 30. Змиев Камень. Изображения 3-й, 4-й и 5-й групп.
По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

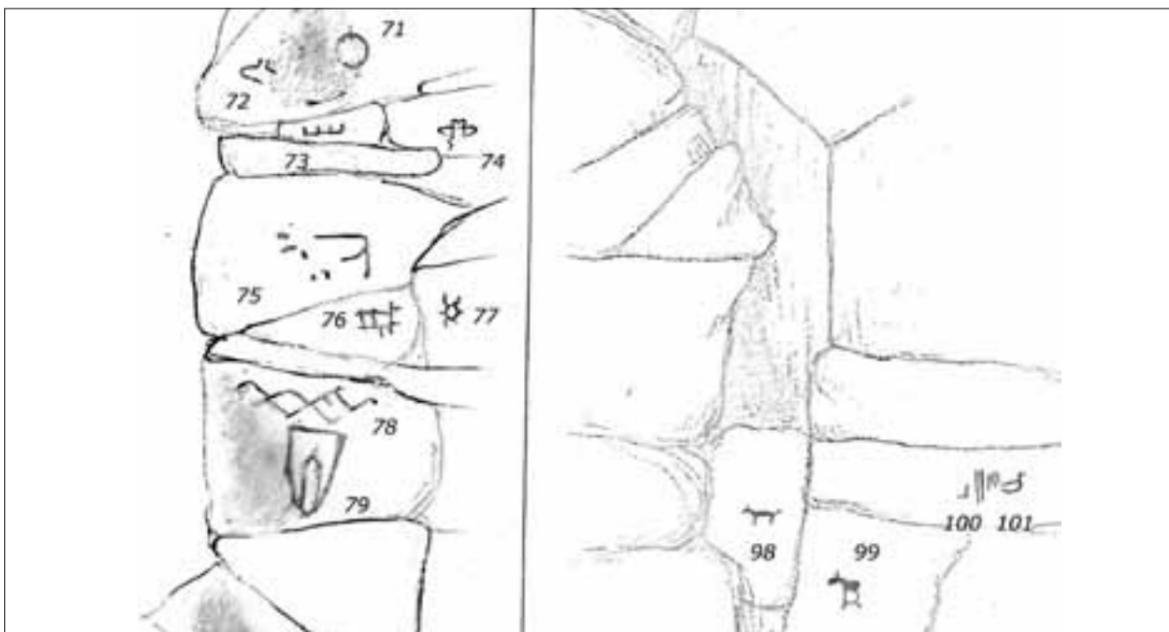

Рис. 31. Змиев Камень. Копии 6-й и 9-й групп изображений.
По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

Фото 55. Змиев Камень.
Рисунок сети с многоугольными ячейками.

Фото 56. Змиев Камень.
Изображения птиц, лося и змеи в самой верхней части писаницы (3-я группа)

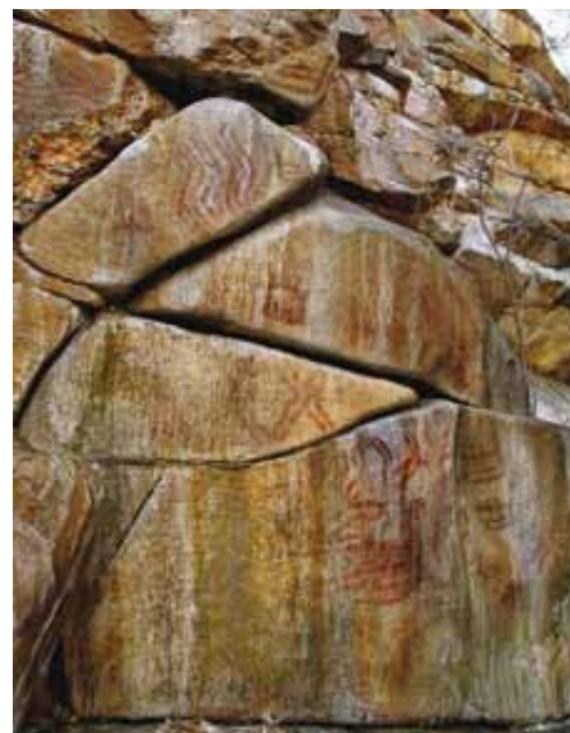

Фото 57. Змиев Камень. Фрагмент участка с изображениями 3-й, 4-й и 5-й групп.

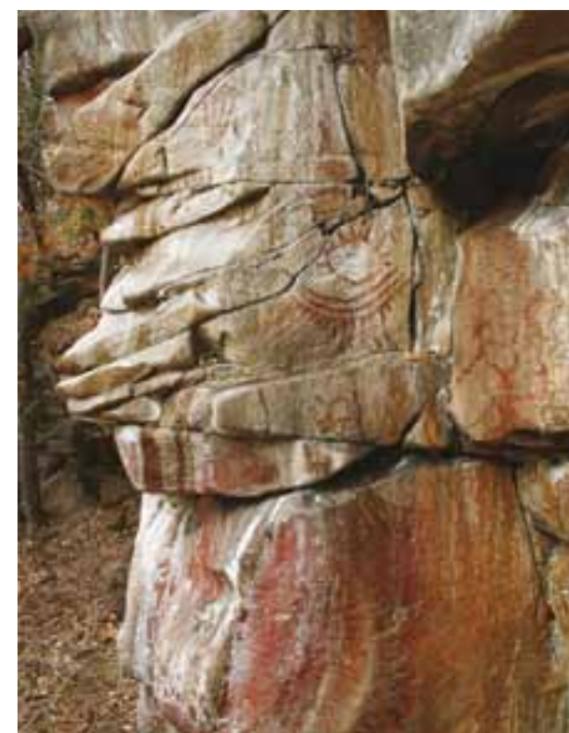
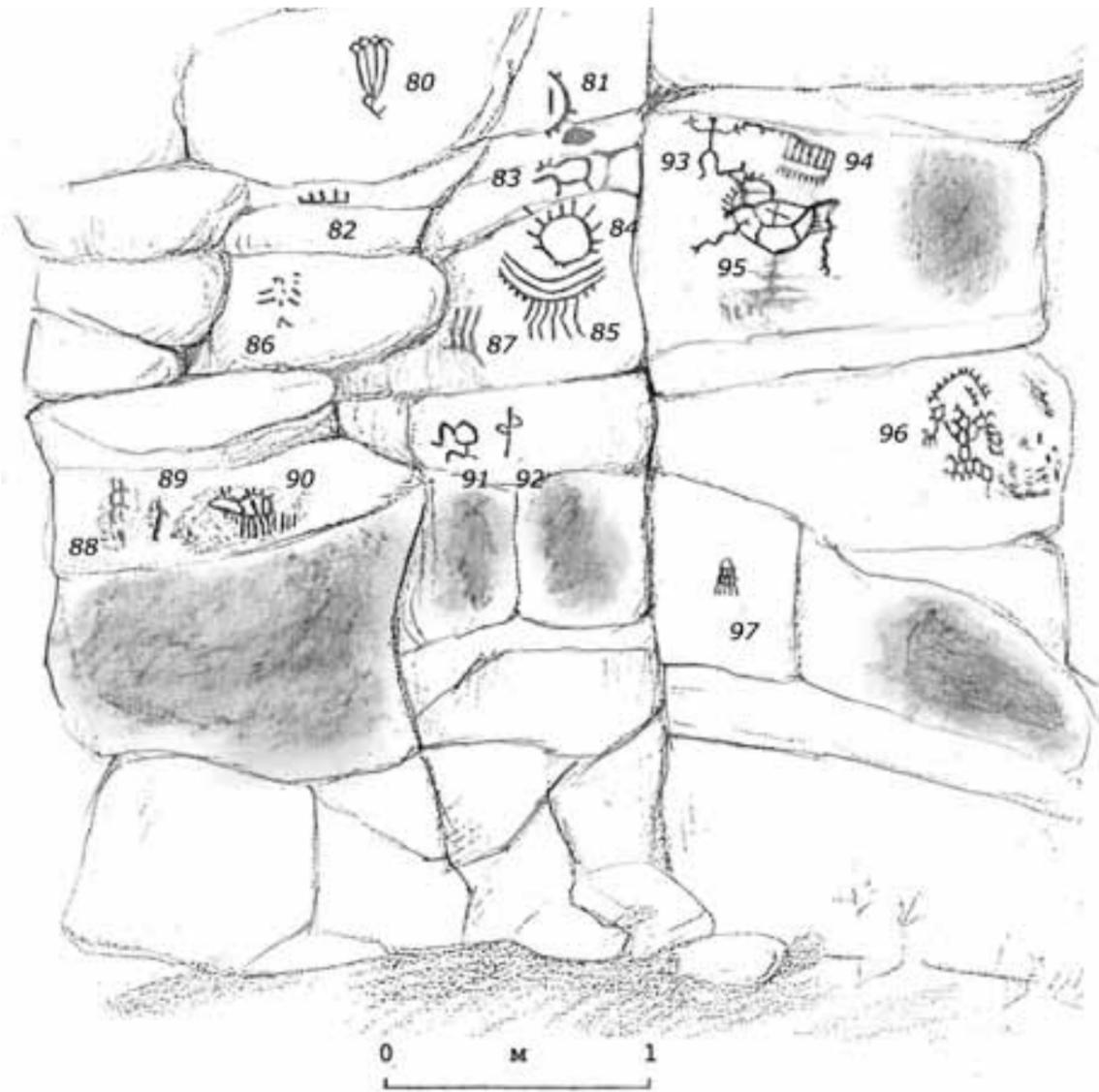

Фото 58. Змиев Камень. Участки скальной стены с изображениями 7-й и 8-й групп.

Кирьяшевская писаница

Расположена на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, на правом берегу реки, примерно в 1 км выше по течению от деревни Гаевой.

Русло реки в этом месте около 60 м, немного выше скалы пережат. В 20 м от воды находится скала около 30 м высоты, сложенная гранитогнейсами желтовато-серого цвета (фото 60). В верхней по течению части скалы имеется навес, шириной 8 м и высотой 4 м. В его правой части на двух плитах с незначительным положительным наклоном нанесены древние изображения. Эта композиция оказалась ключевой для понимания еще нескольких по р. Тагилу, о чем будет сказано позднее. Кирьяшевская скала обращена на запад.

Справа нанесено антропоморфное существо с корпусом в трехчетвертном повороте. Персонаж изображен с зооморфной головой с отходящими от нее вверх четырьмя лучами. Руки согнуты в локтях, кисти двухпалые, правая рука поднята вверх, левая опущена вниз. Правую плечевую кость пересекает отрезок, имитирующий, вероятно, бицепс как символ силы и мощи существа. Туловище контурное, изображено двумя параллельными линиями, слегка

изгибающимися к тазу. Поперек туловища нанесены четыре наклонных отрезка-ребра. Ноги полусогнуты, у одной сохранилась ступня. Показаны также фаллос и раздвоенный на конце хвост, в средней части пересеченный отрезком. Вся фигура исполнена напряжением и динамики пляски (фото 61, рис. 33-1).

Слева от антропоморфа, через трещину, нанесены две вписанных окружности. Внутри меньшей окружности пятно краски, от нее также расходятся линии-лучи к большей окружности: этих линий 8. Ниже нарисована фигура животного. Голова на длинной шее опущена вниз, форма головы подромбическая. Каждая пара конечностей со ступней показана одной линией, внутри контурного туловища нарисовано ребро. От шеи животного вверх к окружностям — соллярному знаку и вдоль него идет изогнутая линия. Слева от этих фигур три ряда отрезков, всего их насчитывается около 20, далее влево фрагменты краски и остатки ромба.

Раскопки под рисунками не дали археологического материала. В целом это одна из лучших уральских писаниц для содержательного анализа, а выразительная антропоморфная фигура послужила ключом для прочтения аналогичной фигуры в близкой по содержанию композиции, расположенной на следующей по течению писанице (Широков и др., 2005, с. 38–40).

Фото 60. Кирьяшевская писаница. Вид на скалу с рисунками.

Фото 61. Кирьяшевская писаница. Рисунок человекообразного существа, дополненного зооморфными элементами.

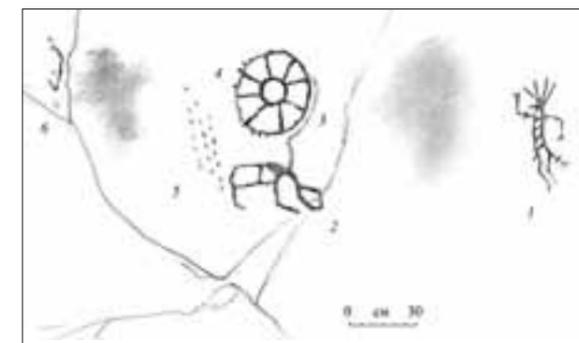

Рис. 33. Кирьяшевская писаница. Копия изображений.

Фото 59. Змиев Камень. Изображения 8-й группы.

Рис. 32. Змиев Камень. Копия 7-й и 8-й групп изображений.

сложной формы, фрагменты сетки и большой многоугольный знак с вписанным в него шестиугольником (рис. 31, 71-79). Все эти фигуры не были известны до наших работ. Дополнена группа знаков головой и фигурой копытного неполной сохранности.

В третьей, четвертой и пятой группах, на верхнем ярусе скалы

мы видим царство пернатых: их можно насчитать до 30, тогда как знаков здесь почти в два раза меньше (рис. 30, фото 57). Знаки представлены гребневидной и древовидной формами, углами простыми и вложенными, зигзагами, группами прямых отрезков и более сложными мотивами. Самую верхнюю позицию занимает великолепная композиция, из нескольких фигур, нарисованных вплотную друг к другу и частично накладывающихся. Среди них — 6 рисунков водоплавающих птиц, змея и лось (фото 56) (Чернецов, 1964, с. 40-39; Широков и др., 2005, с., 31-38).

**Маскальская I писаница
(скалы с пещерой близ д. Гаевой)**

Расположена на территории Махневского муниципального образования Свердловской области, на правом берегу р. Тагила, примерно в 2 км ниже дер. Гаевой.

Скалы, сложенные серо-коричневыми гранито-гнейсами, образуют здесь своеобразный высокий мыс, в средней части как бы рассечённый ущельем; в привершинной части есть пещера (фото 62). Первая группа изображений находится выше ущелья. Рисунки плохой сохранности расположены на высоте от 1,5 до 3 м. В левой части панно удаётся различить остатки двух гребневидных мотивов, окружность с лучами и голову копытного под ней. В правой части видны остатки зигзага, фрагменты линий и пятна краски, остатки какого-то сложного сетчатого знака, пятно краски и фрагмент вертикально ориентированной цепочки ромбов (рис. 34, 1-9).

Вторая группа расположена на скалистом выступе у нижнего края ущелья (фото 63). На небольшом ровном блоке изображена дугообразная линия, под ней находится фигура лося в скелетной манере, а ещё ниже изображение окружности с пятном в центре и лучами. Перед фигурой лося нарисован антропоморфный персонаж анфас с трехлучевым головным убором и руками в альтернативном положении — одна поднята вверх, другая опущена вниз (фото 64). На камнях, лежащих ниже, заметны остатки ещё двух изображений, из которых одно, по всей вероятности, копытное (рис. 34, 10-15). Как справедливо писал В.Н. Чернецов: «Все это место, расположенное среди нагромождения каменных глыб, производит сильное впечатление, и, думаю, мы не ошибемся, если предположим, что описанное углубление в скале использовалось для каких-то определенных обрядов...» (1964, с., 41).

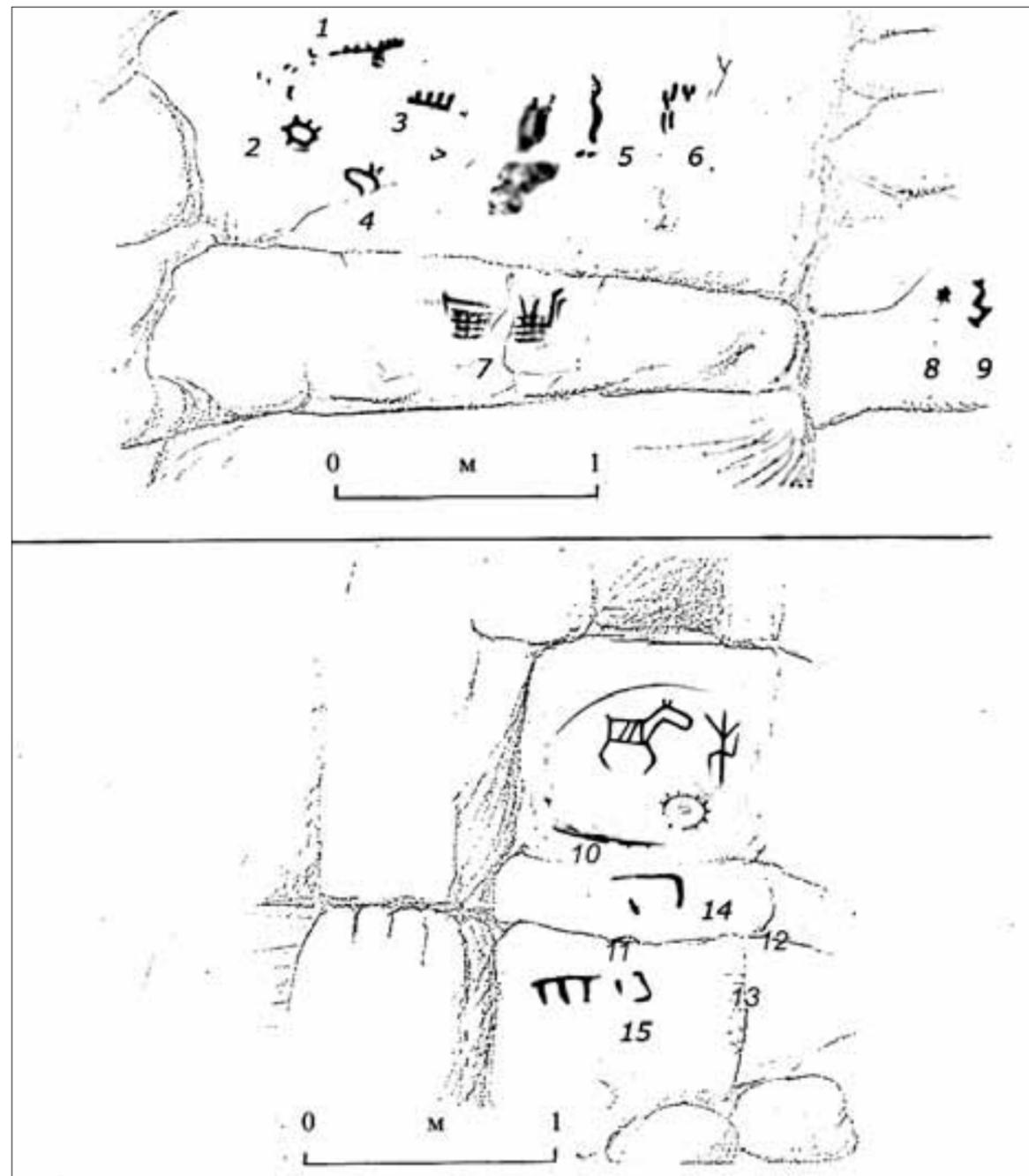
**Фото 63. Маскальская I писаница.
Место расположения 2-й группы изображений.**

**Фото 62. Маскальская I писаница.
Место расположения изображений 1-й группы.**

**Фото 64. Маскальская I писаница.
Фрагмент 2-й группы рисунков.**

**Рис. 34. Маскальская I писаница. Копии изображений 1-й (вверху) и 2-й групп.
По В.Н. Чернецову с изменениями.**

Маскальская II писаница

Находится примерно в 100 м выше по реке от первой группы Маскальской I писаницы, на невысокой, всего около 10 м, скале (фото 65). На фасаде под навесом едва просматриваются пятна охры — свидетельства бывших здесь когда-то рисунков. Возле левого угла скалы сохранились две фигуры на высоте 1,8 м

от дневной поверхности. На небольшой треугольной плоскости под навесом видны остатки существовавшего ранее знака в виде двух концентрических окружностей, внешняя из которых была снабжена зубцами-выступами. Ниже находится сетка подтреугольной формы с многоугольными ячейками. От верхнего угла знака отходит изломанная под прямым углом линия (фото 66, рис. 35) (Широков и др., 2005, с. 41).

Фото 65. Маскальская II писаница.
Вид на скалу с рисунками.

Фото 66. Маскальская II писаница.

Фото 67. Маскальская III писаница.
Вид на скалу с рисунками.

Фото 68. Маскальская III писаница.

Фото 69. Маскальская IV писаница.
Вид на скалу с рисунками.

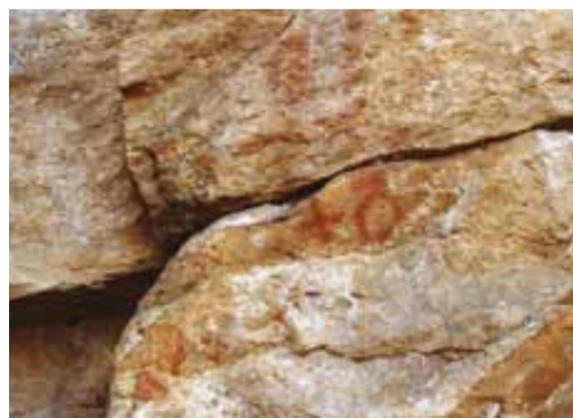

Фото 70. Маскальская IV писаница.

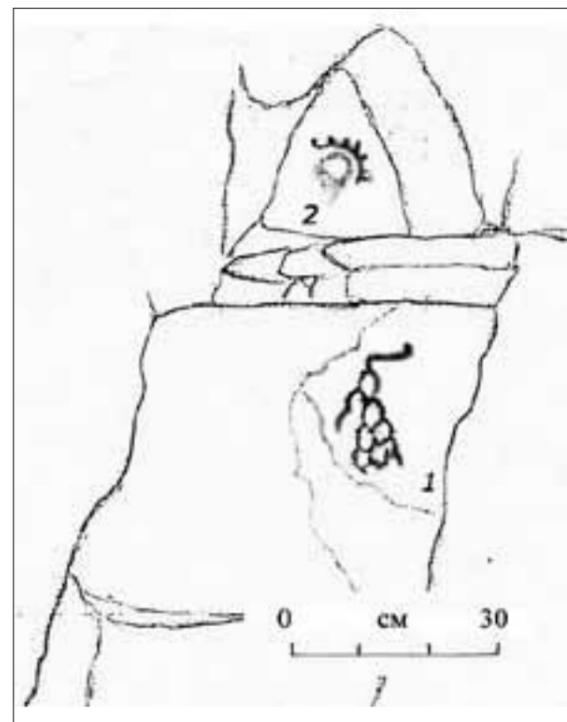

Рис. 35. Маскальская II писаница.
Копия изображений

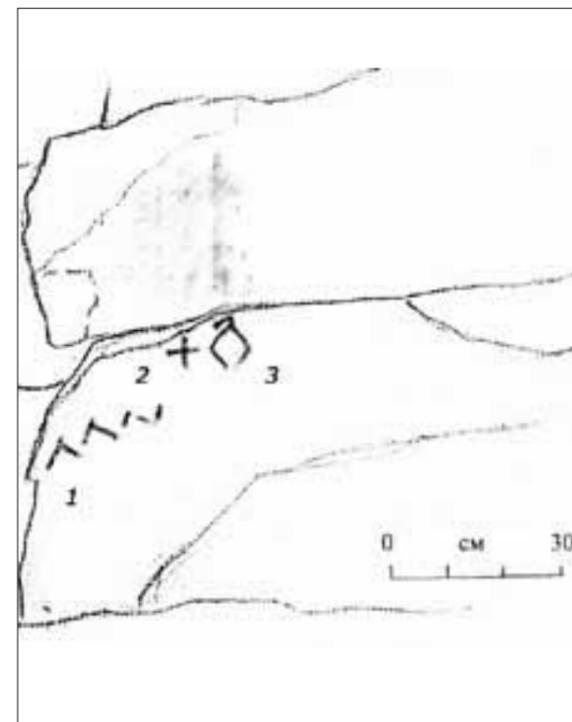

Рис. 37. Маскальская IV писаница.
Копия изображений.

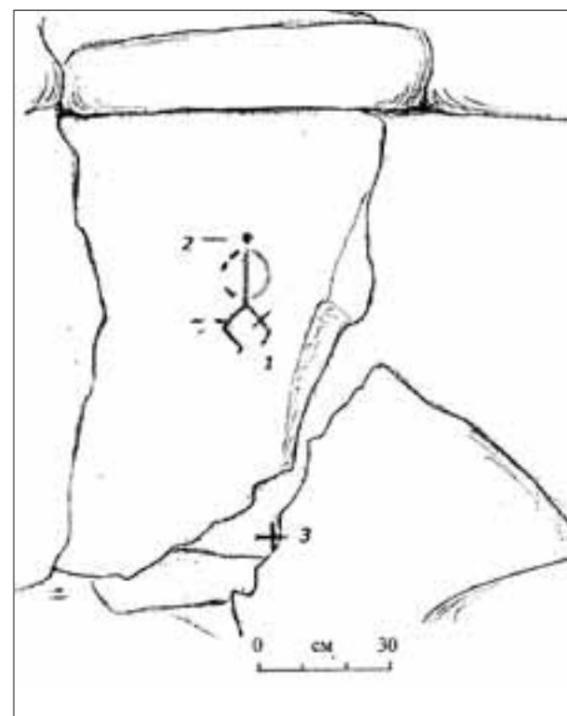

Рис. 36. Маскальская III писаница.
Копия изображений

Маскальская III писаница

Находится в 100 метрах вниз по течению от второй группы Маскальской I писаницы, на небольшом скальном выступе, подходящем к реке (фото 67). Здесь на тёмно-серую гранитную породу на высоте 1 м от земли нанесена антропоморфная фигура: туловище показано одной линией, голова утолщена, руки согнуты в локтях и опущены на пояс, ноги согнуты в коленях и напоминают ромб, несомкнутый внизу. На правом колене персонажа выступ, левое бедро пересекает короткий отрезок. Рядом с головой едва заметная горизонтальная линия. Ниже этой фигуры на высоте 0,5 м над землёй изображён крест, причём часть его прикрыта крупным блоком (фото 68, рис. 36).

Маскальская IV писаница

Находится в ста метрах вниз по течению от предыдущей (фото 69) и близка ей по составу фигур. Верхнюю позицию занимает антропоморф в фертообразной позе с согнутыми в виде ромба ногами и с выступом на поясе: неплохо сохранилась лишь нижняя часть рисунка. Слева от него, на уровне ног изображён крест, еще левее горизонтальный зигзаг (фото 70; рис. 37). Группа расположена на высоте 1,8 м над землёй и в 3,5 м над водой, на расстоянии 7 м от реки (Широков и др., 2005, с. 41).

Писаный Камень

Находится примерно в 4 км ниже по течению от бывшей деревни Гаевой, на левом берегу реки, на территории Махневского муниципального образования Свердловской области.

На Писаном Камне значительная часть изображений хорошей сохранности. Все они размещены на фасадной части Камня, близко подходящей к реке (фото 71), на протяжении более 50 м; возле правого края скалы есть выразительный грот. До наших работ было выделено шесть групп изображений; мы будем следовать этому порядку.

Основная часть первой группы расположена справа от грота в небольшой нише. Тёмная поверхность плоскости затрудняет изучение рисунков, тем не менее фигуры здесь удалось расшифровать практически полностью. В центре находится антропоморфная фигура в линейной манере. Над головой антропоморфа остатки сетчатого мотива с шестигранными ячейками, которые частично наложены на аналогичную фигуру слева от существа, но значительно более крупных размеров и очень слабо видимую; цвет этого знака к тому же, светло-жёлтый, в отличие от красного двух предшествующих рисунков. Ещё одна сетка с многоугольными ячейками имеется ниже антропоморфа. Очень необычное существо расположе-

Рис. 38. Писаный Камень. Копия изображений 1-й группы.

но вверху справа. По облику это также антропоморф, расположенный фронтально. Сохранилась только одна нога этого персонажа, показанная полусогнутой. Голова существа весьма необычна: она нарисована в виде крупного, несоразмерного туловищу ромба, не-

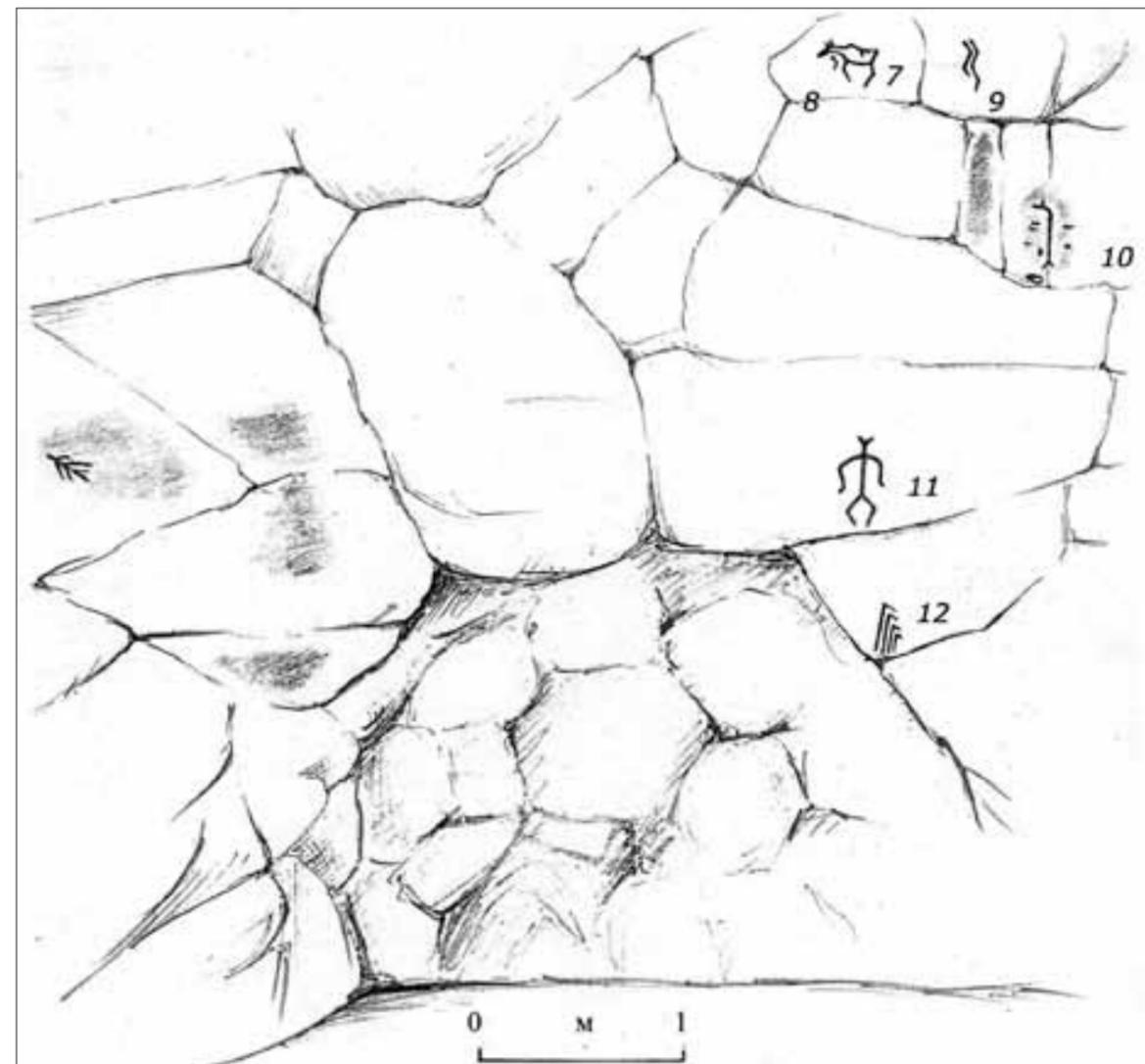

Рис. 39. Писаный Камень. Копия 2-й группы изображений. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

замкнутого вверху, внутри которого изображены нос, рот и глаза. Сразу под головой видны небольшие ручки. Линии головы удлинённой каплевидной формы, расширенные до 4 см на уровне глаз. Такая иконография не отмечена ни на одной другой уральской писанице (рис. 38).

Примерно в 3 м влево от основной части первой группы нанесена геометрическая фигура из вложенных углов вершиной вниз и одного вертикального отрезка.

Во второй группе, находящейся над гротом в 4,5 м от земли, на самом верху нарисовано копытное, перед шеей которого знак в виде угла, а сзади двойной зигзаг. Ниже и справа следы краски и неопределённый изобразительный мотив. Под фигурой копытного над верхним краем грота мотив из четырех вложенных углов вершиной вверх, над которым нарисована крупная двуроговая антропоморфная фигура (рис. 39).

Рисунки третьей группы нанесены на площадке около 4 x 2,5 м, многие плоскости здесь покрыты налетом, затрудняющим распознавание фигур.

В правой части расположен рисунок птицы, от туловища которой вниз опущен раздвоенный на конце зигзаг: слева на краю блока нанесены «вложенные» дуги (рис. 40). Далее различимы зигзагообразные мотивы и прямые параллельные линии, а также участки поверхности, закрашенные краской, вписанные окружности, копытное, ассоциированное с зигзагом, остатки человеческой фигуры с округлой головой, а справа двурогое антропоморфное существо. На этом же блоке видны два сетчатых мотива с многоугольными ячейками, небольшая антропоморфная фигурка, двойная окружность с крестом в центре, ещё одно антропоморфное существо и неопределённый мотив. Выше, на отдельном блоке нарисован сложный знак в виде сетки с многоугольными полями и шестью отрезками по краю другого блока. Ещё выше неопределённый мотив и знак в виде угла,

Фото 71. Писаный Камень.

Фото 72. Писаный Камень.
Фрагмент 3-й группы изображений.

Фото 74. Писаный Камень.
Фрагмент 3-й группы изображений.

слева от которых сложный знак с основой из ромба. Ниже фрагмент зооморфной фигуры в распластанной позе, три «вложенных» дуги и вертикальный отрезок, а также Т-образный знак с загнутыми вверх концами «перекладинки». Над всеми фигурами 3 группы (рис. 40) изображён необычный антропоморфный персонаж с расставленными и согнутыми в коленях ногами, согнутыми и опущенными на пояс руками (одна из них сохранилась не полностью), округлой головой с отходящими от неё длинными линиями с утолщениями на концах (фото 73, рис 40-41). Слева от существа уголкового знака вершиной вниз (рис. 40-40).

В следующей, четвёртой группе, рисунки разбросаны на высоте от 2 до 4 м. Она состоит из большого числа налегающих друг на друга преимущественно антропоморфных существ с округлыми и двурогими головами, а также гребневидными знаками и неопределённых мотивов (правая часть). Над ними видны антропоморфные существа и знаки, справа от которых рисунок медведя. Слева одна из самых известных композиций Писаного Камня, состоящая из сложных геометрических фигур и двух антропоморфных существ (фото 75). Слева и ниже крупное двурогое антропоморфное существо, ниже которого знак в виде узкого горизонтального овала, пересечённого

Фото 73. Писаный Камень.
Фрагмент 3-й группы изображений.

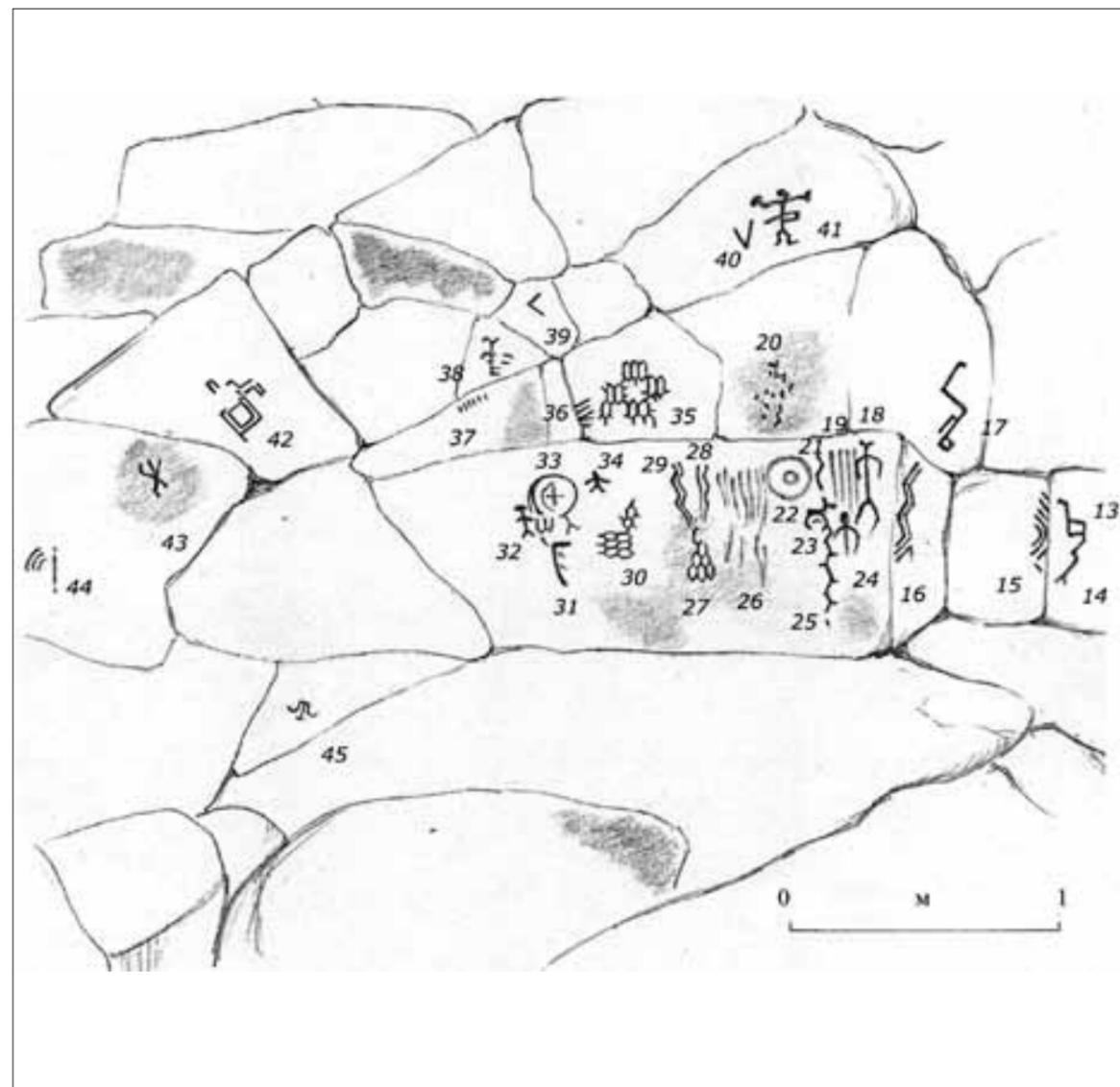

Рис. 40. Писаный Камень. Копия 3-й группы изображений.
По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

девятью отрезками. Подобные человекообразные существа и гребневидные мотивы с зубцами, обращёнными вниз различимы в нижней части этой группы среди фигур плохой сохранности (рис. 41).

В верхней части пятой группы нарисованы геометрические мотивы и условно-антропоморфное существо. Ниже несколько изображений: животное в распластанной позе или антропоморфный мотив, под которым видны два четырёхугольных знака с крестами внутри, ряд из углов и отрезка, Н-образная форма и неопределённый мотив (рис. 42, 45).

В правой части шестой группы в самом верху композиция, составленная из окружности с лучами, фигуры птицы и условно-антропоморфного существа (фото 79, рис. 43, 90-92). Ниже, на другом блоке остатки сложной сетки, под которой как будто условно-антропоморфное существо. Справа от этих моти-

вов на отдельном блоке нарисована голова животного и уголкового знака. Ниже неопределённые мотивы и участки, закрашенные краской (рис. 43, фото 80).

В левой части 6 группы, в самом верху на высоте более шести метров нанесена фигура копытного без головы с двойным вертикальным зигзагом перед ним и углом позади него. Под этим блоком композиция из неполной фигуры копытного, вложенных углов перед ним и двойной дуги над ним. Ниже два сложных знака, справа от которых на отдельном блоке рисунок птицы с треугольным туловищем, древовидный и антропоморфный мотивы. Под этой композицией участки, закрашенные краской, неопределённые мотивы, крест, угол и контурный расчерченный уголкового мотива (рис. 44) (Чернецов, 1964, с. 35-39; Широков и др., 2005, с. 41-53).

Рис. 41. Писаный Камень. Копия 4-й группы изображений. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

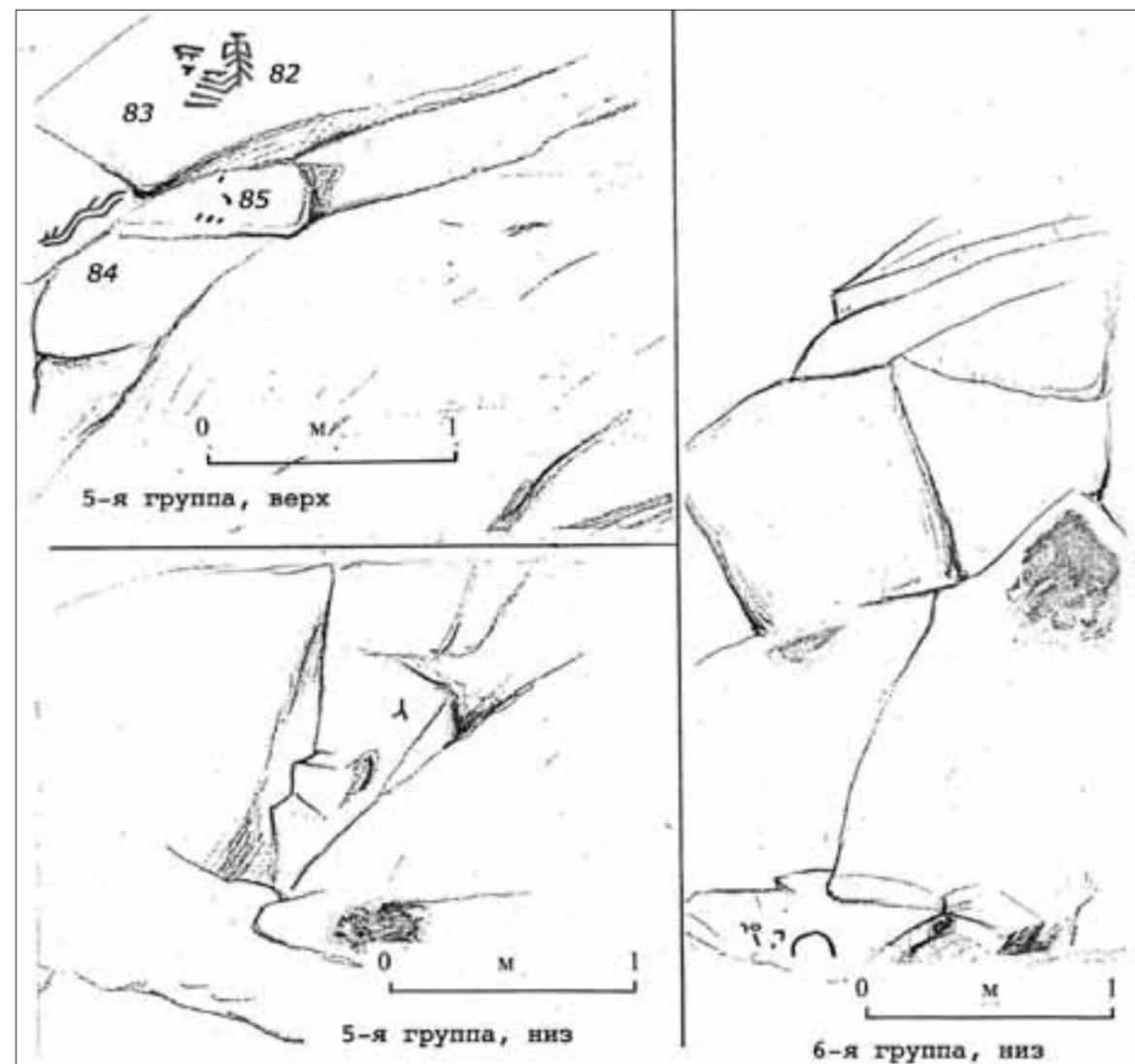

Рис. 42. Писаный Камень. Копии 5-й и 6-й групп изображений. По В.Н. Чернецову.

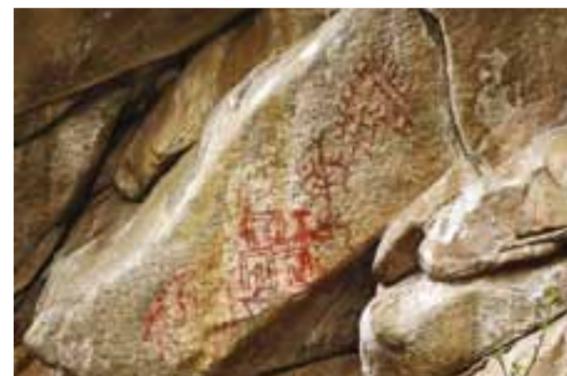

Фото 75. Писаный Камень. Фрагмент 4-й группы.

Фото 78. Писаный Камень. Фрагмент верхней части 5-й группы.

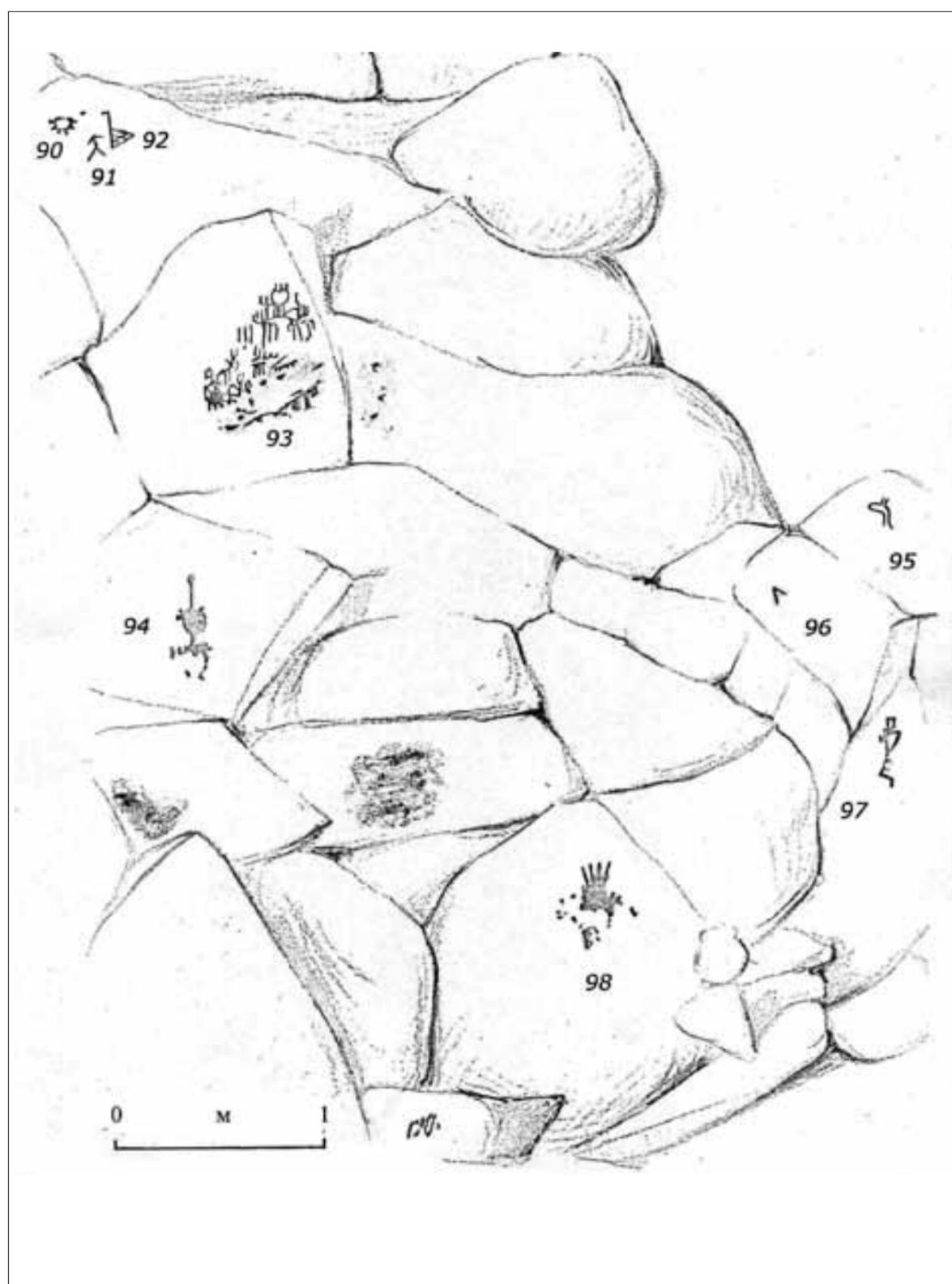

Рис. 43. Писанный Камень. Копия изображений правой части 6-й группы. По В.Н. Чернецову.

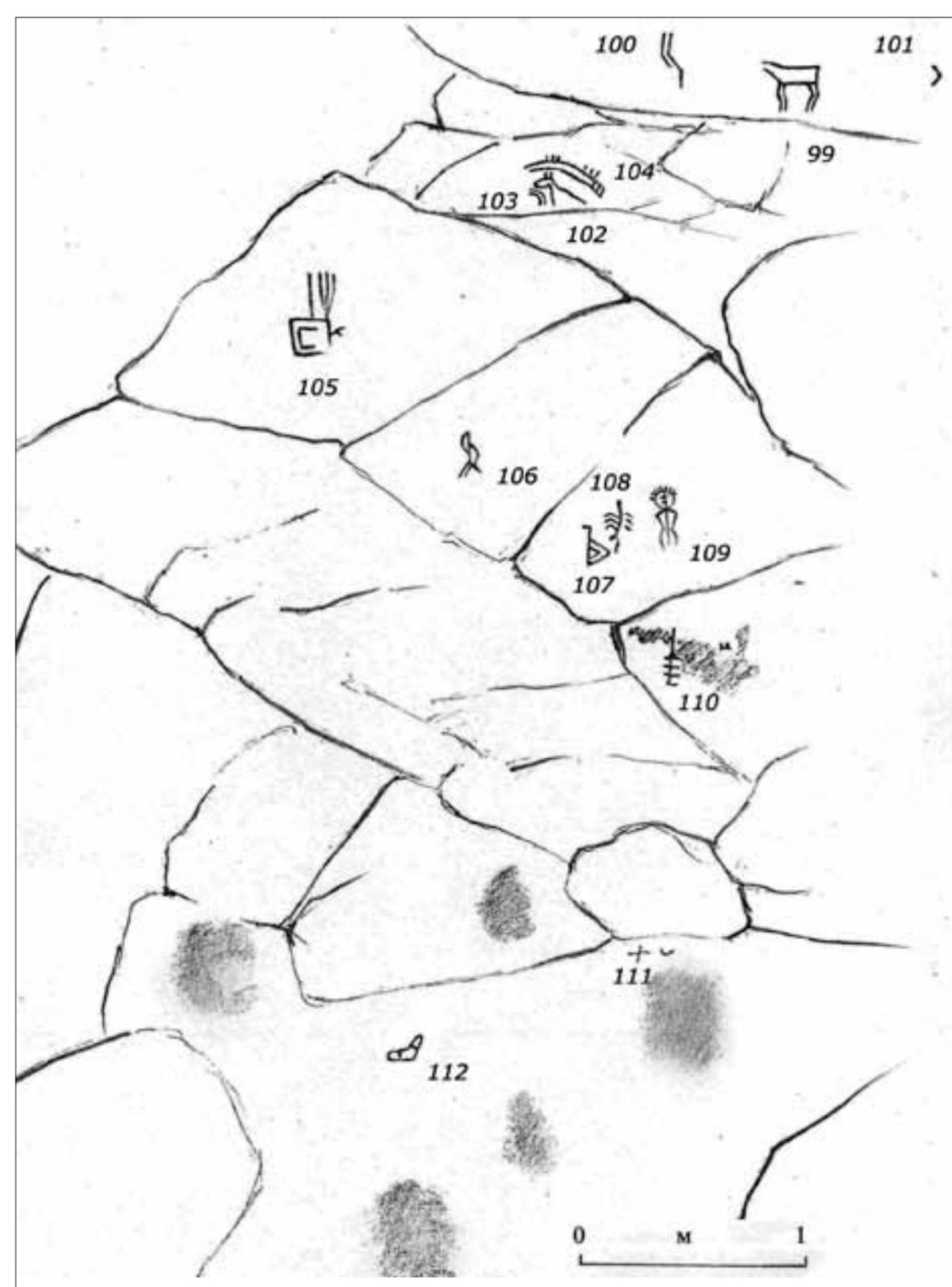

Рис. 44. Писанный Камень. Копия изображений левой части 6-й группы. По В.Н. Чернецову с дополнениями.

Фото 79. Писаный Камень.
Композиция в правой части 6-й группы.

Фото 80. Писаный Камень. 6-я группа,
правая часть. Рисунок головы копытного.

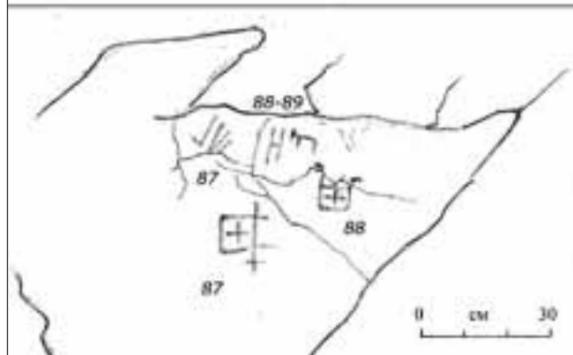
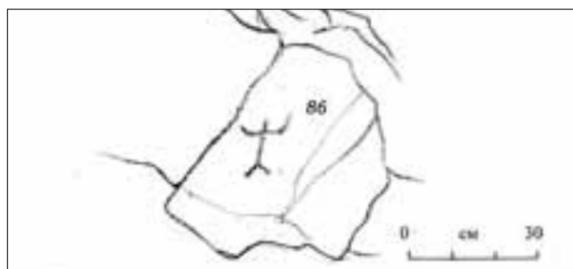

Рис. 45. Писаный Камень.
Копия изображений нижней части 5-й группы.

Соколыньские утёсы

Расположены на правом берегу реки, примерно в одном километре вниз по течению от бывшей деревни Комельской, на территории Махневского муниципального образования Свердловской области (фото 81).

В.Н. Чернецовым выделено семь условных групп рисунков, которые разбросаны по скальным утёсам на протяжении около сотни метров.

В верхней по течению части скалы, в правой части первой группы множество пятен краски — остатки разрушенных фигур. Кроме них на отдельных блоках изображены мотивы с отрезками-зубцами — зигзаг и двойная дуга, и два копытных в контурной манере (фото 82, рис. 46). В левой части фрагменты знаков и закрашенный участок поверхности блока, под которым композиция из двух фигур: птица и фрагмент сетки с сотовыми ячейками (фото 83, рис. 47, 17-18). В центре два гребневидных знака, цепочка из двух ромбов и четыре вертикальных зигзага под двойной дугой с отрезками (рис. 47, 11-14). Выше под небольшим навесом оригинальная сцена из трёх фигур копытных, двух дуг с отрезками и фрагментом антропоморфной фигуры (фото 86, рис. 47, 5-10).

Вторая группа расположена вдоль скальной полки на стене с отрицательным наклоном. Одна композиция нанесена на боковой поверхности самой полки: фигура лося в скелетной манере, рядом с которым антропоморфное существо в фертообразной позе внутри окружности (рис. 48, 21-22). Над полкой, на перпендикулярной к основной стенке плоскости композиция с фигурами копытного, птицы и тройной дуги над ними (фото 84, рис. 48, 23-25). Ниже, на трёх блоках видны следы краски. Справа находятся: двойная дуга с отрезками, фрагменты зигзагов и копытное с рёбрами и глазом (рис. 48, 26-29). Под ними сложный знак и фигура птицы, зигзаг с отростками, два штриха и знак из трёх «вложенных» углов. Справа изображены копытное и фрагменты геометрических фигур под ним на значительной площади (фото 88, рис. 48).

В шестой группе под карнизом изолированно нанесены две фигуры: лося и собаки, обращённые мордами друг к другу (рис. 51, 58-59). Над ними на другом блоке сложный знак с основой из вертикального зигзага с отрезками. Слева фрагменты знаков, горизонтальный ряд из четырёх отрезков и два условно антропоморфных существа, одно из которых с округлой головой и рёбрами на теле, лишённое рук и ног (рис. 51, 64). В левой части этой группы удаётся различить остатки сетки и фигуры копытного (рис. 51, 69-72).

В третьей группе, расположенной на отдельной скале, изображены два копытных, справа от которых на значительной площади фиксируются палимпсесты — наложения разновременных фигур, среди которых выделяется двурогое антропоморфное существо и вертикальный зигзаг с заштрихованными полями (рис. 49, 40-45).

Четвёртая группа также находится на отдельной скале. В центре нанесена крупная фигура лося; у него показаны ребра, внутренние органы и глаз. Слева два горизонтальных штриха, шалашевидный мотив и остатки сетчатого знака под ними. Выше лося, на другом блоке знак из трёх многоугольных ячеек, справа от которого двойной угол с отрезками и расчерченный ромб (рис. 49, 46-54, фото 89).

В пятой группе, удалённой от остальных, хорошо сохранился только знак из концентрических окружностей с отрезками-лучами; поблизости видны фрагменты существовавших прежде мотивов (рис. 50).

Седьмая группа состоит из плохо видимых четырёх рисунков птиц, двух дуг с отрезками, фраг-

мента окружности с отрезками, копытного и сложного знака в виде симметрично развёрнутых по обе стороны от дуги двух полуovalов, близко напоминающая мотив на Змиевом Камне (рис. 50, 74-82) (Чернецов, 1964, с. 34-35; Широков и др., 2005, с. 53-65).

Фото 81. Соколыньские утёсы.

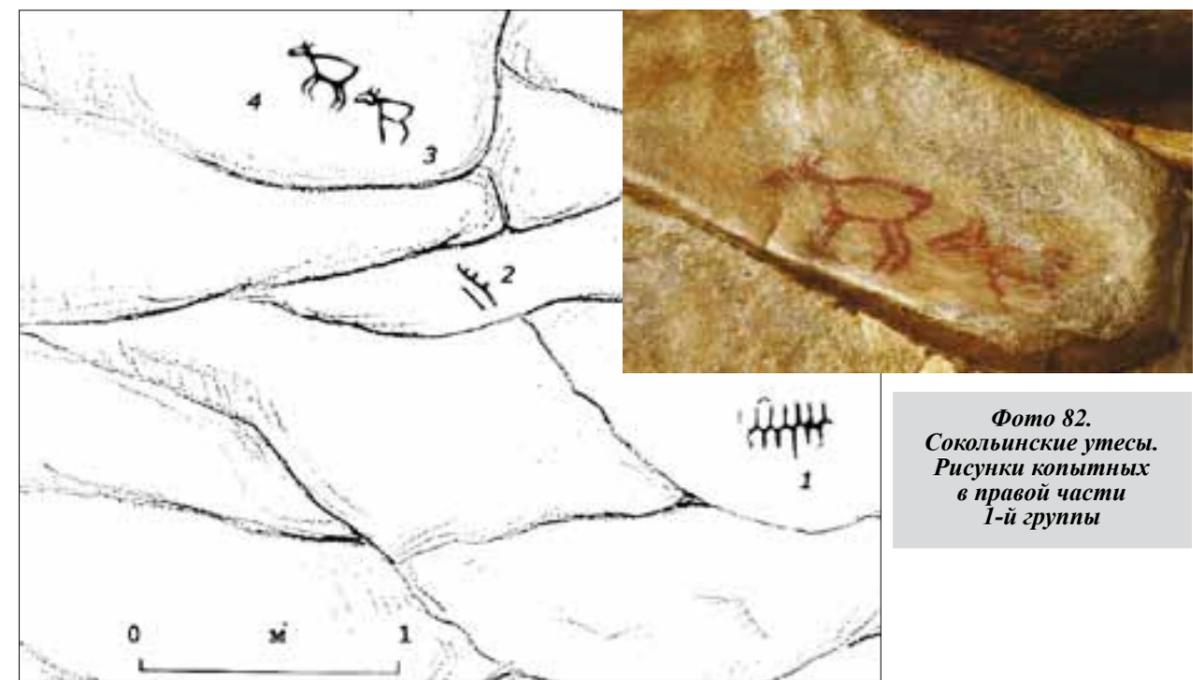

Фото 82.
Соколыньские утёсы.
Рисунки копытных
в правой части
1-й группы

Рис. 46. Соколыньские утёсы.
Копия изображений правой части 1-й группы. По В.Н. Чернецову

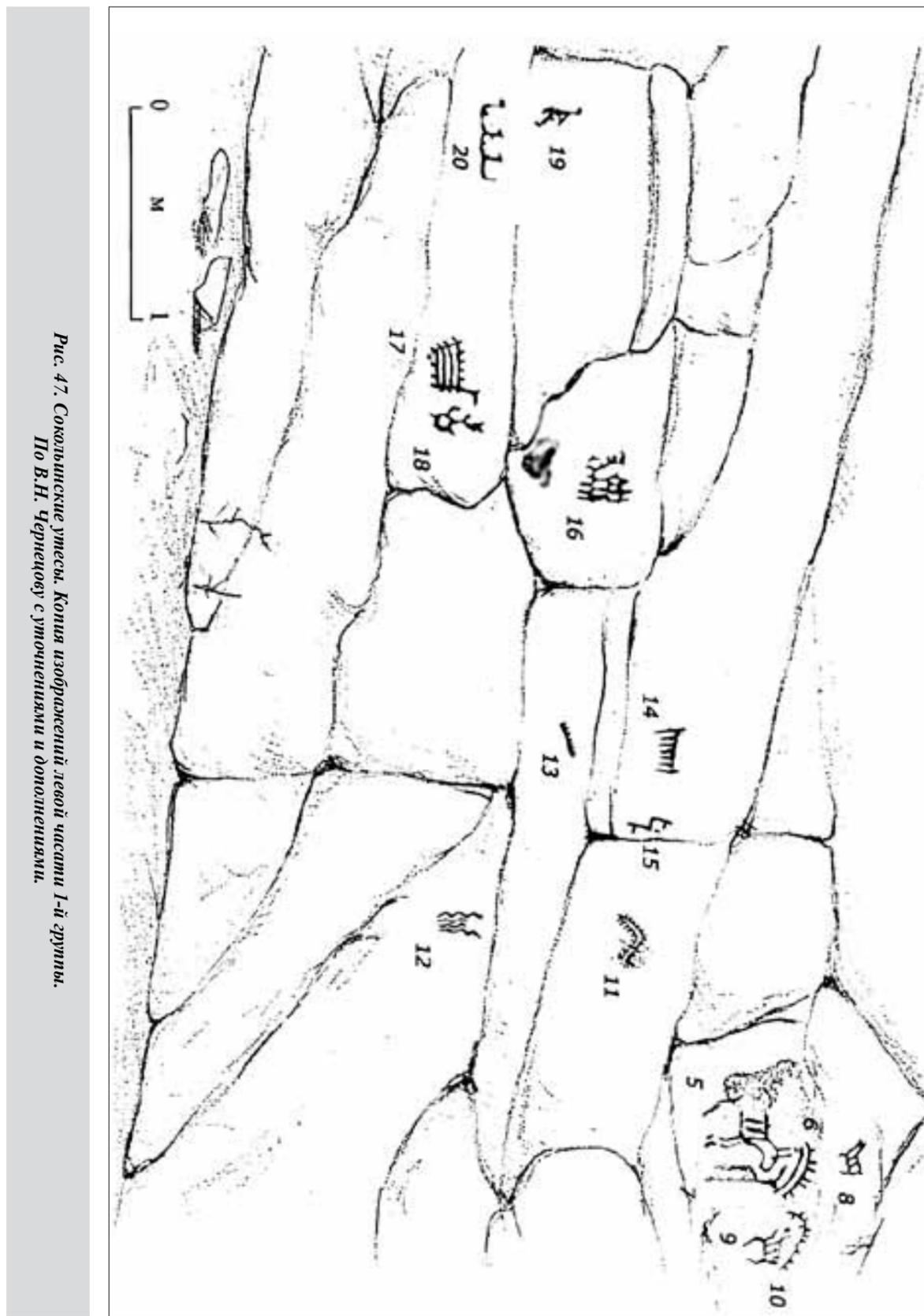

Рис. 47. Соколинские утесы. Копия изображений левой части 1-й группы.
По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

Фото 83. Соколинские утесы.
Одна из композиций в 1-й группе.

Фото 87. Соколинские утесы.
Композиция в нижней части 2-й группы.

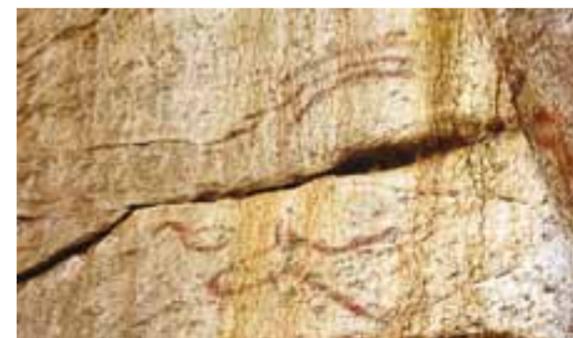

Фото 84. Соколинские утесы.
Композиция в левой части 2-й группы.

Фото 88. Соколинские утесы.
Фрагмент 2-й группы изображений.

Фото 85. Соколинские утесы.
Рисунок копытного в верхней части 2-й группы.

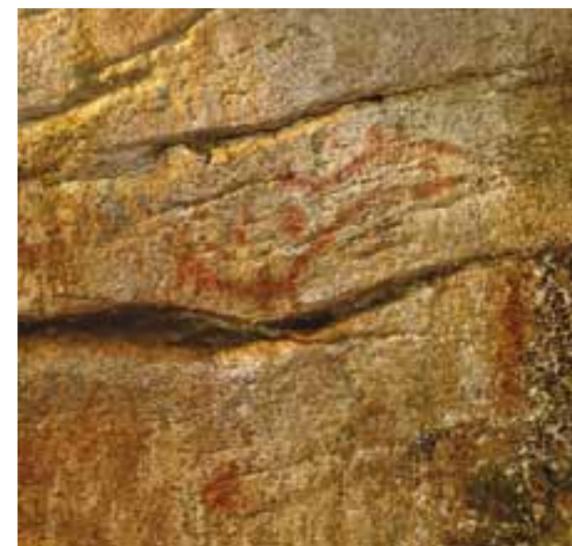

Фото 89. Соколинские утесы.
Рисунок лося в 4-й группе.

Фото 86. Соколинские утесы.
Композиция в левой части 1-й группы.

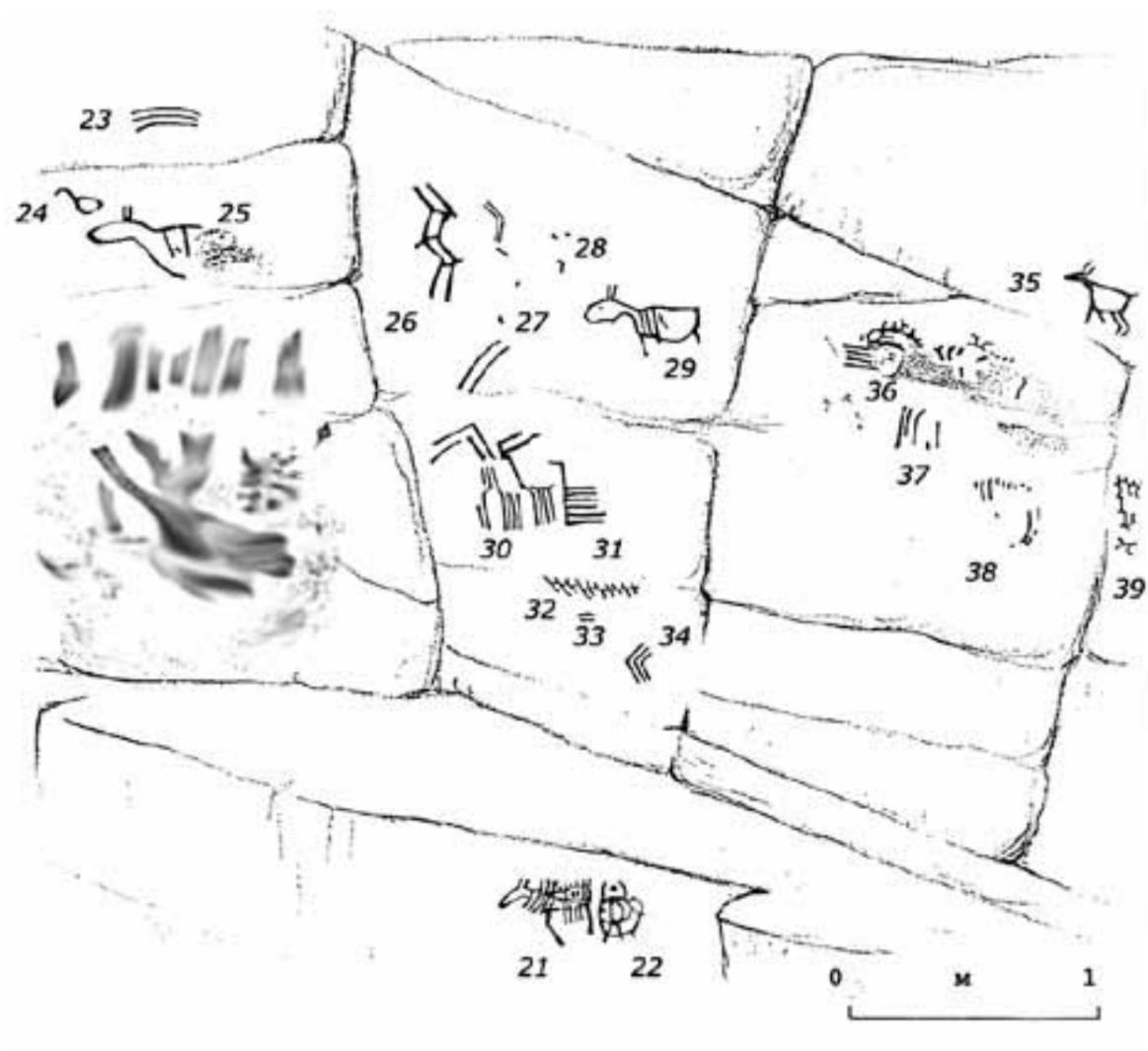

Рис. 48. Сокольинские утесы.
2-я группа изображений. В.Н. Чернецову с изменениями и дополнениями.

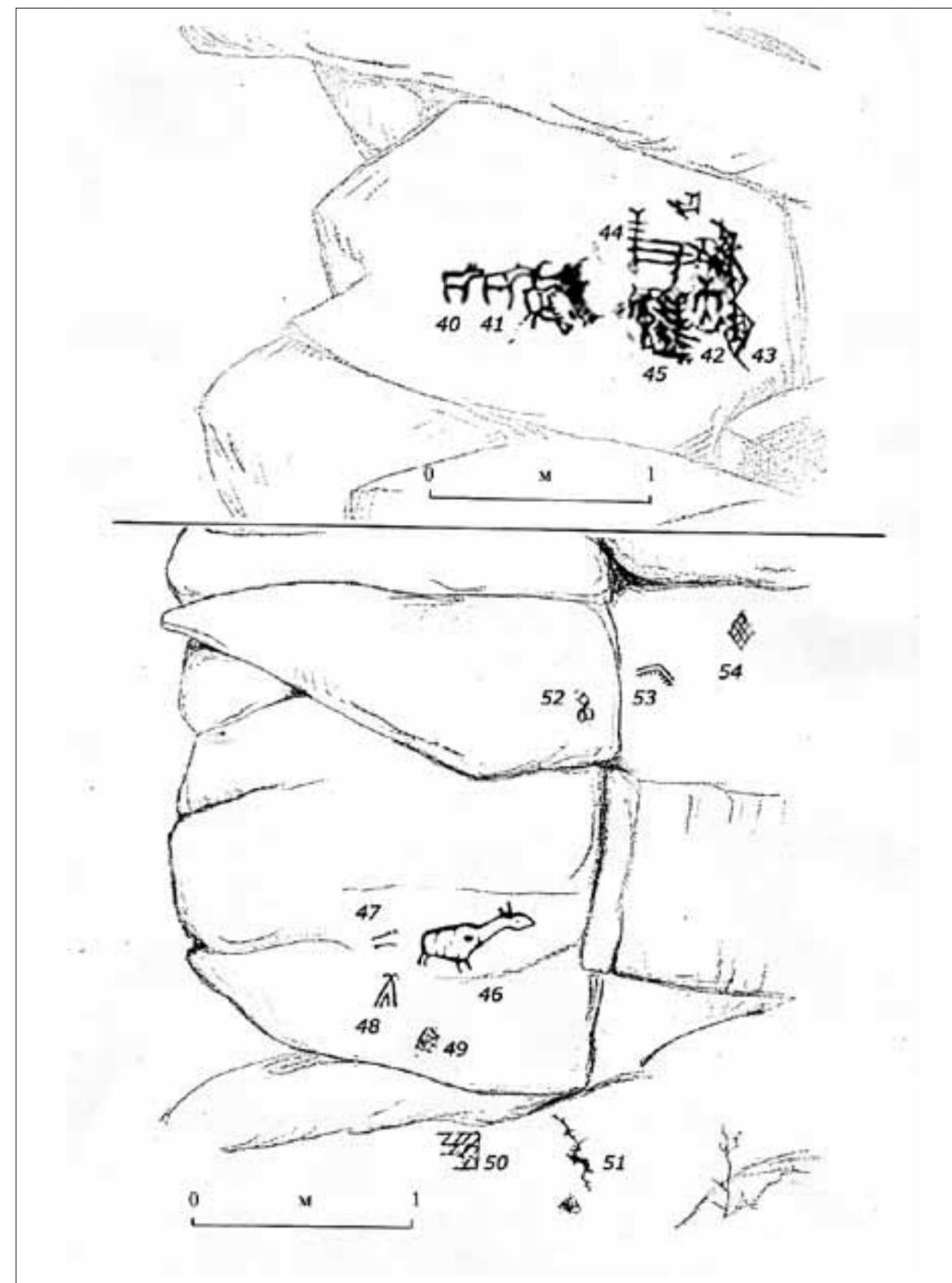

Рис. 49. Сокольинские утесы. Копии 3-й (вверху) и 4-й групп изображений.
По В.Н. Чернецову с изменениями и дополнениями.

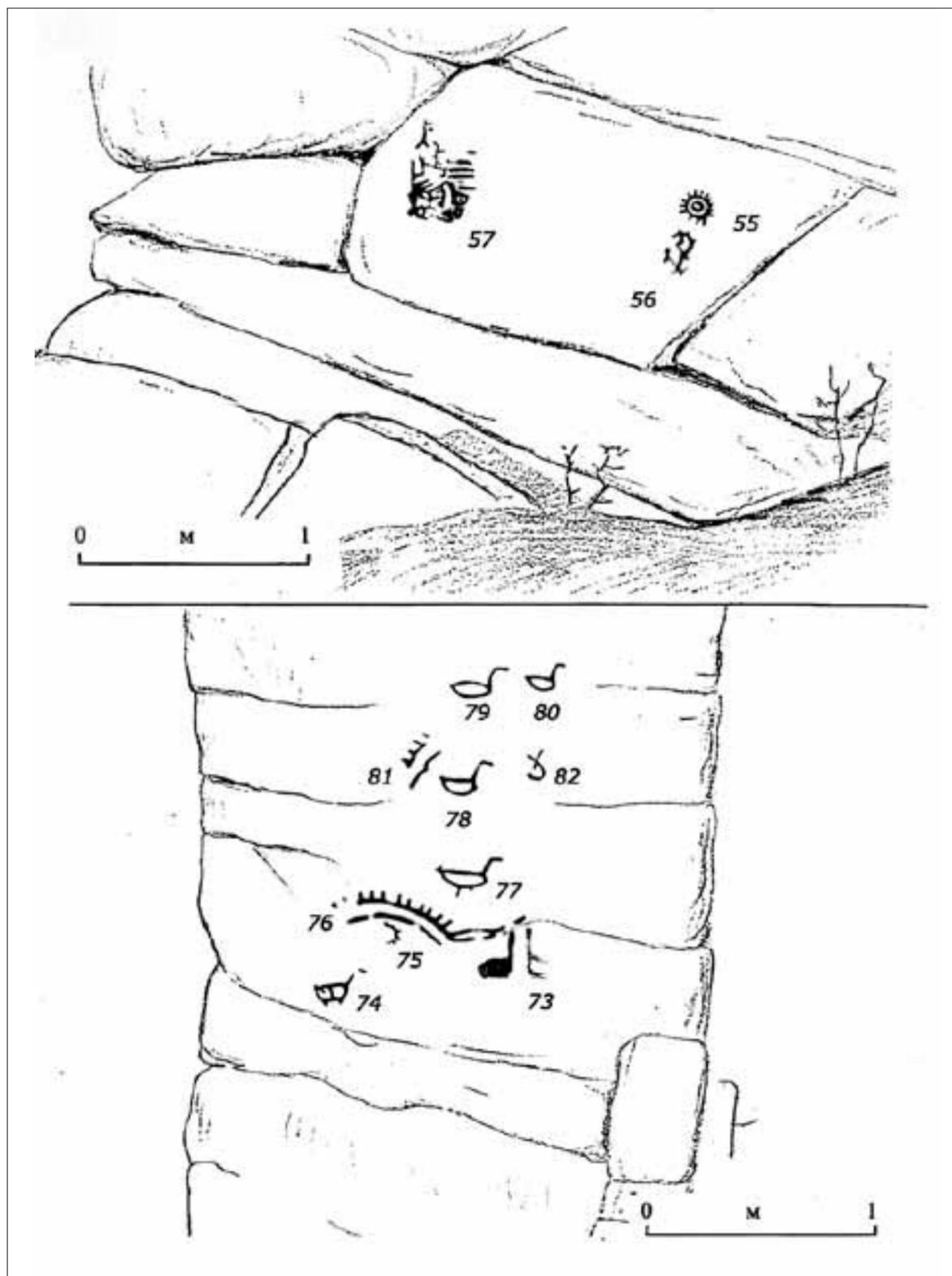

Рис. 50. Сокольинские утесы. Копии 5-й (вверху) и 7-й групп изображений. По В.Н. Чернецову с изменениями и дополнениями.

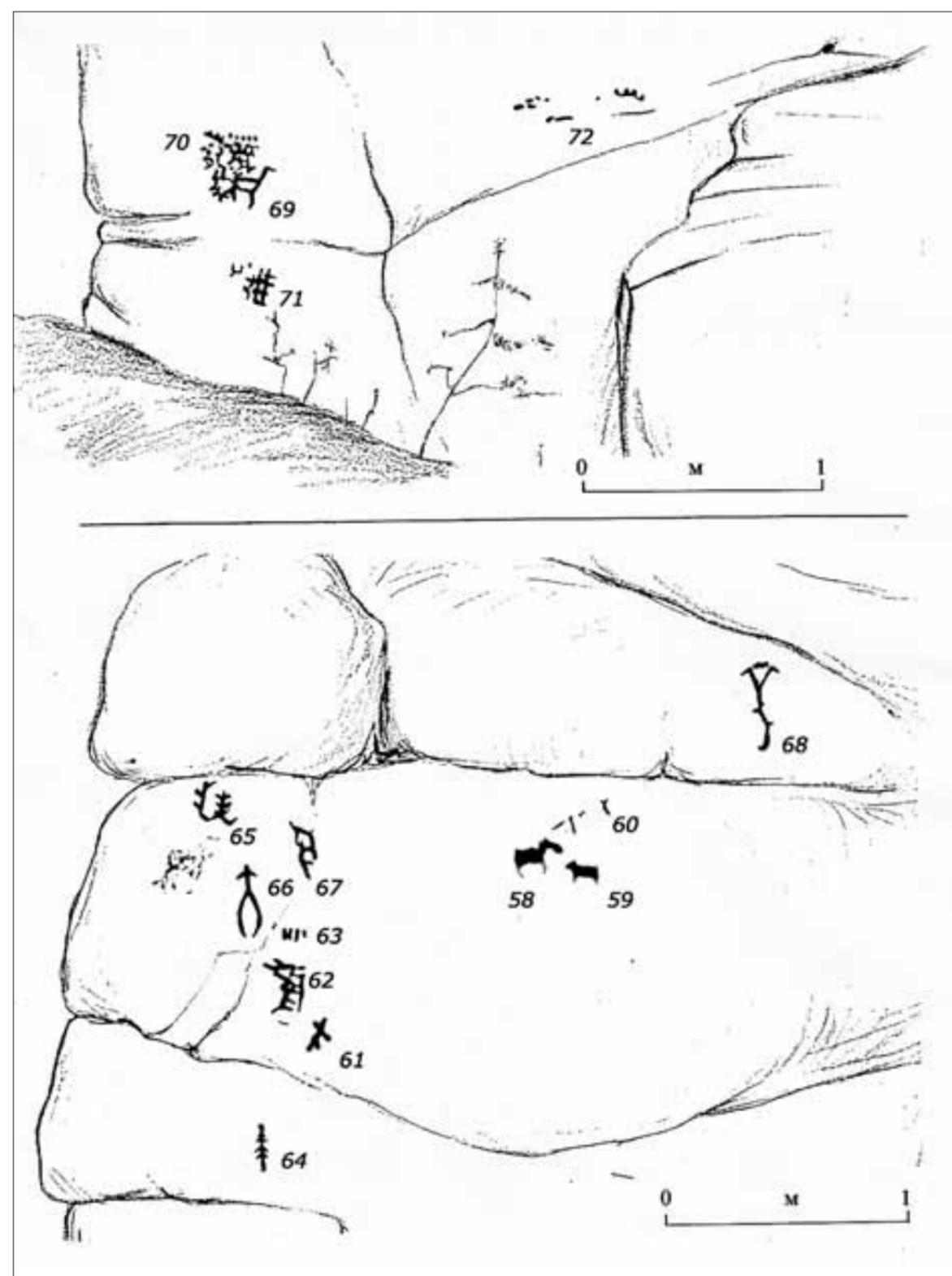

Рис. 51. Сокольинские утесы. Копия изображений 6-й группы. По В.Н. Чернецову с дополнениями.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ НЕЙВЕ

Писаница Устьянчики

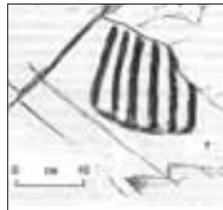

Рис. 52. Копия писаницы Устьянчики.

Расположена на территории муниципального образования «город Алапаевск» Свердловской области, близ дер. Устьянчики, напротив рабочего поселка Зыряновский.

Протяженность скальной гряды, на которой выполнен рисунок, вдоль коренного левого берега реки Нейвы около 800 метров. Ландшафтное окружение памятника — горно-увалистая полоса Среднего Зауралья с преобладанием со-

Фото 90. Писаница Устьянчики. Вид на скалу с рисунками.

Фото 91. Писаница Устьянчики.

Фото 92. Писаница Коптелов Камень I. Вид на скалу с рисунками.

сновых лесов. Над восьми метровой скалой с писаницей находится заброшенное пахотное поле. Скала обращена на юго-юго-восток (фото 90).

В настоящее время здесь сохранился лишь один рисунок, нанесённый на высоте 3 м от подошвы гребневидный мотив с шестью зубцами (фото 91, рис. 52) (Широков, Чаиркин, Чемякин, 2000, с. 17-18).

Фото 93. Коптелов Камень I. Изображение расчерченного ромба в верхней части писаницы.

Фото 94. Писаница Коптелов Камень I.

Фото 95. Коптелов Камень II.

Фото 96. Коптелов Камень II. Рисунок водоплавающей птицы.

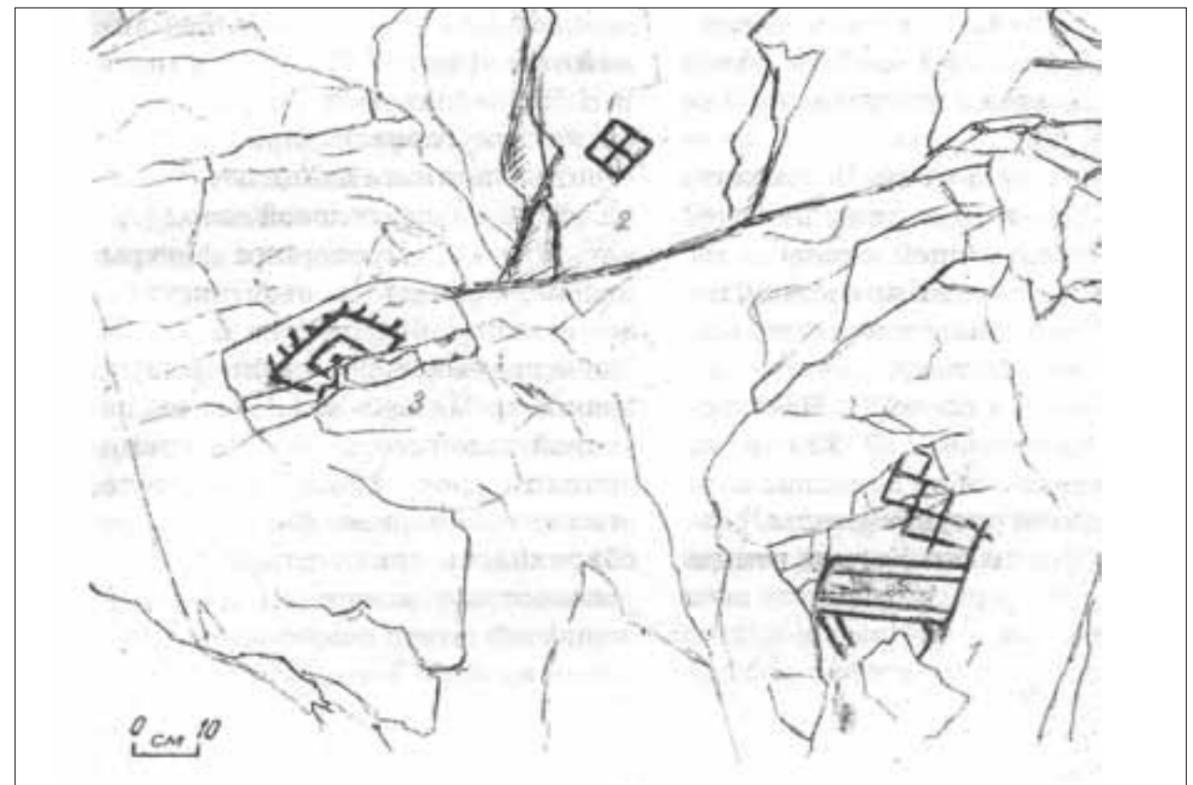

Рис. 53. Писаница Коптелов Камень I. Копия изображений.

Писаница Коптелов Камень I

Находится на территории муниципального образования «город Алапаевск» Свердловской области, в 2 км к северу от рабочего пос. Зыряновского.

Скала с писаницей, высотой около 10 м, обращена к югу, расположена на правом, коренном берегу р. Нейвы, среди соснового леса (фото 92).

Древние рисунки нанесены на высоте 4 м и более от земли. Среди фигур сохранились: копытное с сетчатым мотивом, ромб с вписанным крестом, часть двойного ромба с пятном в центре и отрезками по внешнему периметру, и неопределённые изобразительные мотивы (фото 93, 94, рис. 53) (Чернецов, 1971, с. 26; Широков и др., 2000, с. 18-20).

Писаница Коптелов Камень II

Находится на территории муниципального образования «город Алапаевск» Свердловской области, примерно в 2 км к северу от рабочего пос. Зыряновского и в 70 м ниже по течению Коптелова Камня I.

Скала из светло-серого известняка расположена на правом коренном берегу р. Нейвы, среди соснового леса. Высота Камня около 8 м, экспозиция южная (фото 95).

На высоте 3 м от подошвы скалы нанесены рисунок водоплавающей птицы, ориентированной вертикально, и два гребневидных знака над ней (фото 96, рис. 54) (Чернецов, 1971, с. 26; Широков и др., 2000, с. 20-21).

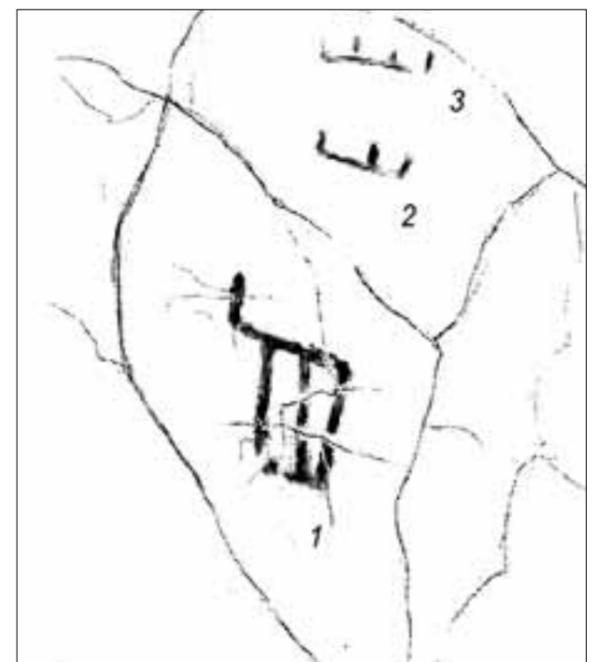

Рис. 54. Коптелов Камень II. Копия изображений.

Фото 97. Косой Камень.

Писаница Косой Камень

Дислоцирована на территории муниципального образования «город Алапаевск» Свердловской области, приблизительно в 4 км к северу от рабочего пос. Зыряновского.

Косой Камень — известняковая скала, высотой около 14 м, получившая своё название из-за крутого падения пластов известняка. Камень расположен на правом, очень живописном берегу р. Нейвы, среди соснового леса (фото 97).

Рисунки нанесены на скалу с южной стороны, на высоте 3 м от подошвы, выше обширного навеса. Сохранились силуэтная фигура лося, гребневидный (лодкообразный?) знак под ним и вертикальные зигзаги. Отметим интересную особенность в моделировке головы лося: она нанесена на небольшой скальный выступ, как-будто выводя зрителя за рамки двухмерного пространства (фото 98, рис. 55) (Широков и др., 2000, с. 18-20).

Фото 98. Писаница Косой Камень. Фрагмент.

Писаница «Двуглазый Камень»

Находится на территории муниципального образования «город Алапаевск» Свердловской области, в 4 км к северу от рабочего пос. Зыряновского, на правом, поросшем сосновым лесом берегу р. Нейвы.

Скала с рисунками копнообразной формы, высотой около 15 м, обращена к югу, в левой части — ниша размерами 2 x 1,5 м (фото 99). Название взято в кавычки из-за того, что настоящий Двуглазый Камень находится ниже по течению.

На писанице два панно. Основное панно с большим количеством рисунков в центральной части фасада дислоцировано в 4 м от воды. Здесь сохранились группы пятен и небольших отрезков, зигзаги одиночные и сдвоенные, снабжённые отрезками, многоугольные мотивы, сдвоенная дуга, окружность с лучами, авиаформы, орнаментализованное изображение животного — медведя, копытное, а также сложные знаки и неопределённые изобразительные мотивы (фото 100, рис. 57). На втором панно, справа от основного — зигзаги, ступенчатые и сотовые мотивы (фото 101, рис. 56). Сохранность рисунков и цвет красной краски различаются, отмечен случай подведения рисунка копытного в центральной части основного панно (Чернецов, 1971, с. 24-26; Широков и др., 2000, с. 22-26).

Рис. 55. Писаница Косой Камень. Копия изображений.

Фото 99. «Двуглазый» Камень (на переднем плане).

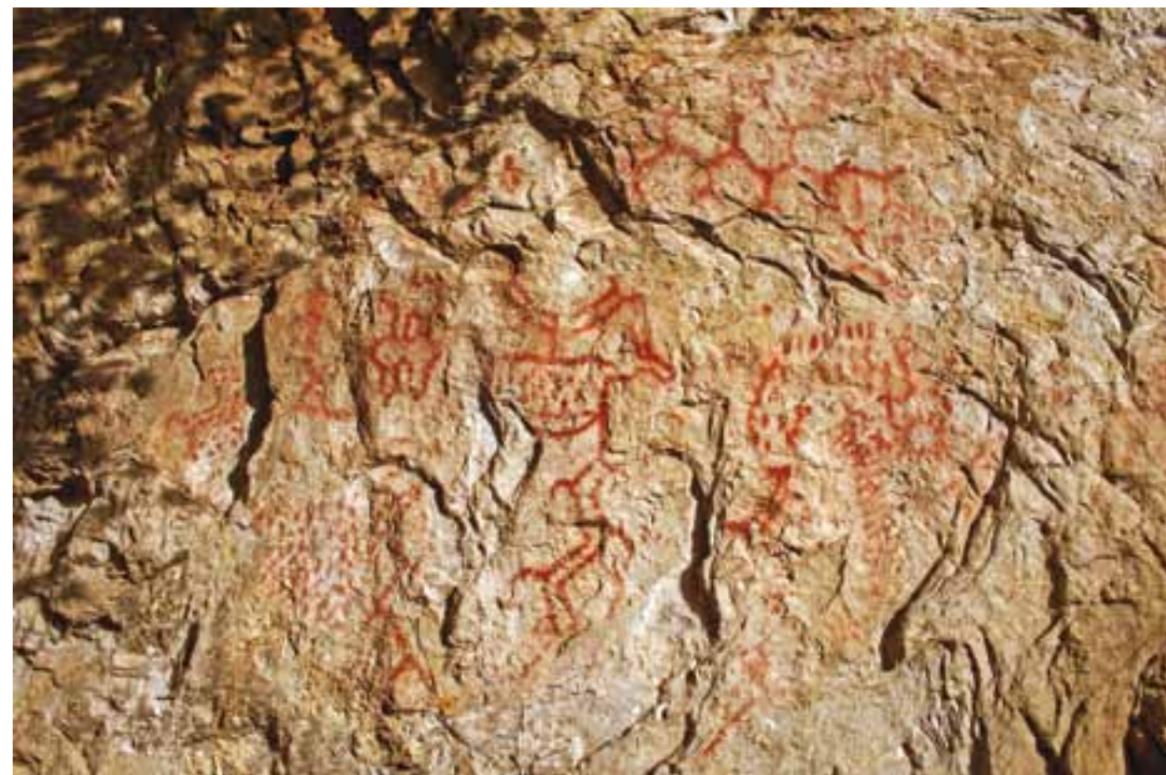

Фото 100. «Двуглазый» Камень. Рисунки основного панно.

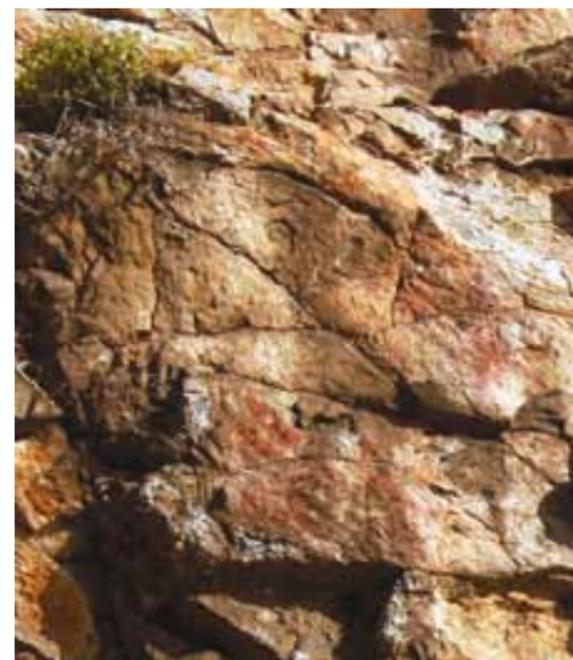

Фото 101. «Двуглазый» Камень. Рисунки правой периферийной части.

Рис. 56. Копия изображений правой периферийной части «Двуглазого» Камня

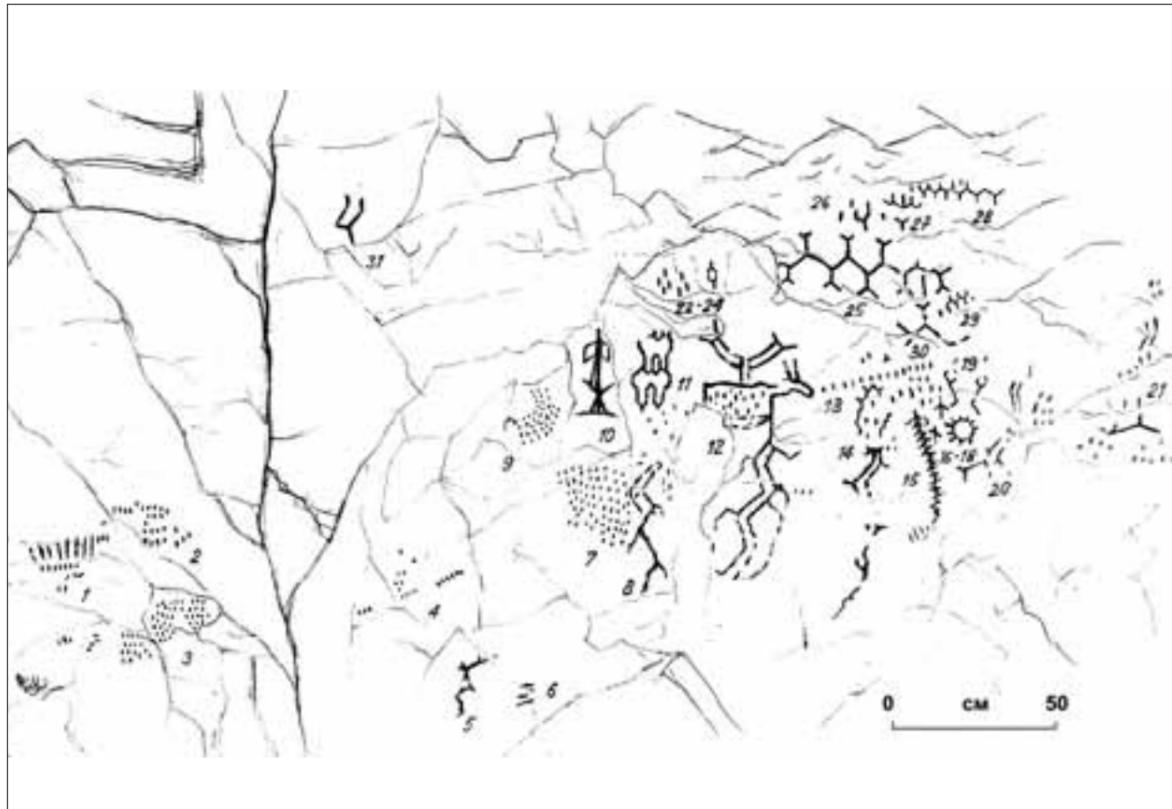

Рис. 57. Копия изображений «Двуглазого» Камня.

Писаница Старичная

Расположена на территории муниципального образования «город Алапаевск» Свердловской области, в 3,5 км к юго-западу от дер. Алапахихи.

Камень Старичный высится на левом берегу р. Нейвы, в 80 м ниже впадения в неё р. Старичной. Коренной левый берег, поросший сосной и берёзой, достигает здесь высоты около 20 м. Скала с рисунками удалена от воды примерно на 30 м. Фасадная часть обращена к югу, высота около 10 м (фото 102).

Писаница нанесена в восточной части Камня, на высоте приблизительно 5 м над водой, на площади 0,5 x 0,4 м. В настоящее время здесь можно видеть изображение водоплавающей птицы с пятнами внутри контурного туловища, которое наложено на нижнюю часть антропоморфной фигуры в скелетной манере, антропоидный мотив с многолучевым головным убором (древовидный символ?), фрагменты вертикальных зигзагов и закрашенный участок поверхности (фото 103, рис. 58).

Во время раскопок и сборов с поверхности было обнаружено большое количество расщепленного каменного сырья, а также несколько целых и фрагментов орудий — листовидных двусторонне обработанных изделий, скобеля и удлинённой пластины. Найдена также кость человека, которая, вероятно, свидетельствует о совершенном когда-то захоронении или жертвоприношении. Весь комплекс орудий можно датировать энеолитом, примерно III тыс. до н.э. (Широков и др., 2000, с. 22-29).

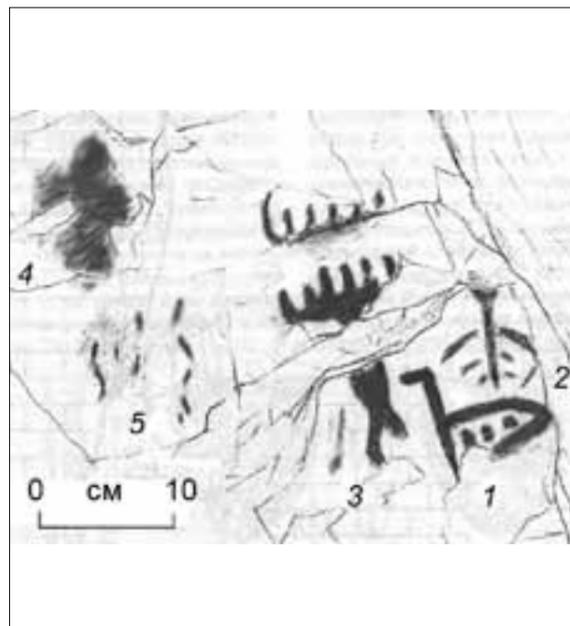

Рис. 58. Копия изображений Старичной писаницы.

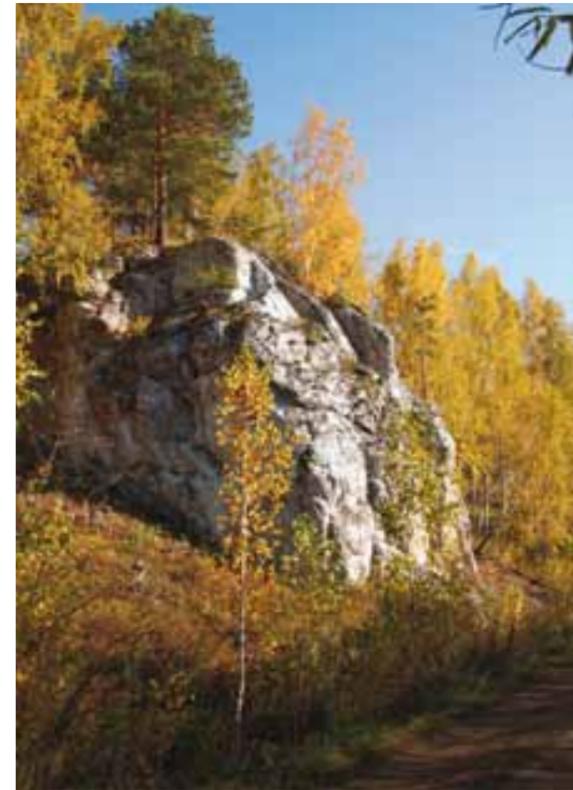

Фото 102. Писаница Старичная. Вид на скалу с рисунками.

Фото 103. Писаница Старичная.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ РЕЖ

Аятская писаница

Местоположение — остров Святой в южной акватории Аятского озера, в Невьянском городском округе Свердловской области. С западной стороны острова есть выходы гранитов, не превышающие высоты 4 м над водой (фото 104).

Писаница состоит из двух групп. Первая группа дислоцирована у крайней северной точки гранитных обнажений, на двух блоках, высотой около трёх метров над водой. Плоскости с изображениями имеют отрицательный наклон, обращены к северу. На верхнем блоке видны остатки какого-то геометрического мотива и пятна бледно-красного цвета. На нижнем блоке угадывается знак в виде заштрихованного угла вершиной вниз. Справа от него изображено копытное с подогнутыми под брюхо передними и задними конечностями, каждая пара которых выполнена одной линией. Корпус животного контурный, шея, длинные уши и голова показаны линейно. Задняя часть туловища пересечена двумя наклонными линиями, выходящими за пределы линии спины. В правой части блока сохранились два неfigurативных мотива. Верхний знак в форме прямоугольника с пятью пятнами внутри него, нанесённых в линию, одно под другим, по вертикали. Ниже ещё один прямоугольник, внутренняя поверхность которого пересечена посередине вертикальной линией и пятью или шестью горизонтальными отрезками. Краска геометрических фигур насыщеннее, чем копытного, но по цвету они схожи (рис. 59, фото 105).

В 16 м к югу от первой группы находится рисунок второй группы, условно определяемый как древовидный или антропоморфный символ (фото 106). Слева от него остатки какого-то мотива, возможно, копытного животного.

Фото 104. Аятское озеро. Остров Святой

Фото 105. Аятская писаница. Рисунок копытного.

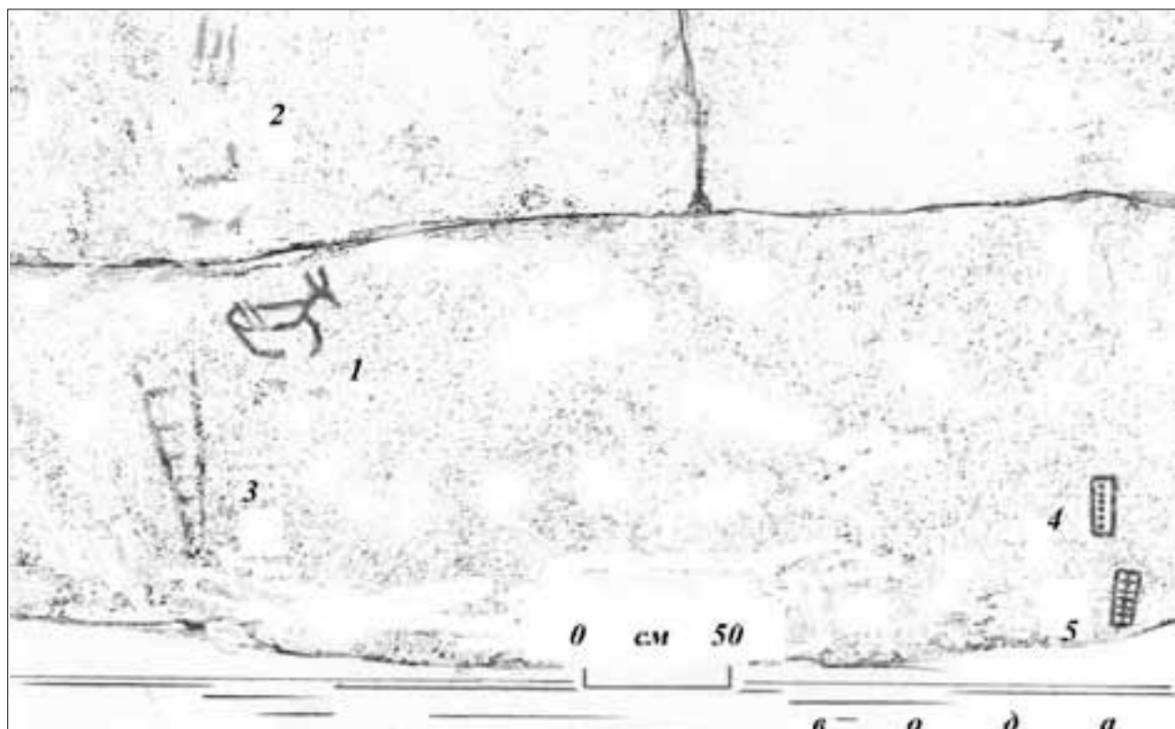

Рис. 59. Аятская писаница. Копия 1-й группы изображений.

Фото 106. Аятская писаница. 2-я группа. Антропоморфный (древовидный ?) мотив.

Писаница Шайтан Камень (Шайтанская)

Расположена в Режевском городском округе Свердловской области, в 3 километрах к юго-востоку от пос. Октябрьского.

Скала Шайтан Камень находится на правом берегу р. Режа, ширина которого в этом месте около 40 метров, в 40-50 метрах от воды. Окружающий ландшафт — холмисто-увалистая полоса средне-зауральского пенеблена с преобладанием сосны среди древесной растительности.

Протяженность Шайтан Камня вдоль реки около 400 м, максимальная высота до 40 м. Скала выполнена гранито-гнейсами серого цвета (фото 107).

Фото 107. Шайтан Камень.

Древние рисунки нанесены на протяжении около 170 м, на высоте, не превышающей 2 м. Всего отмечено более 60 фигур, которые локализованы на пяти участках. Среди рисунков имеется более 20 фигур лосей (целых и сохранившихся не полностью), 2 головы животных, скорее всего лосей, 2 или 4 водоплавающих птицы, 4 вертикальных зигзага и 1 горизонтальный, 7 антропоморфных фигур анфас и 3 или 4 в трёхчетвертном ракурсе, сетчатые мотивы, пятна и отрезки, гребневидный знак, сдвоенный треугольник, рассечённая надвое окружность, фрагменты каких-то сложных, не сохранившихся полностью знаков.

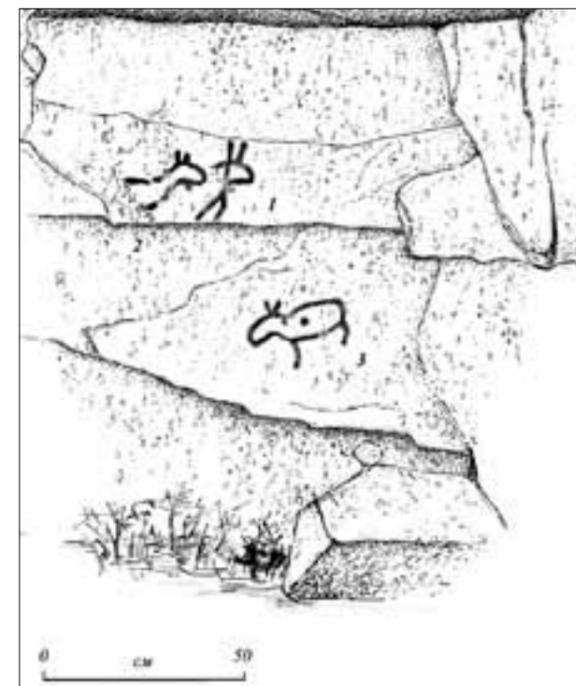

Рис. 60. Шайтан Камень. Копия изображений 1-й группы рисунков.

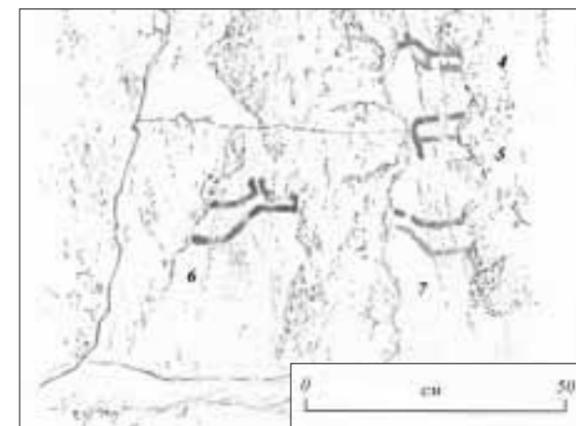

Рис. 61. Шайтан Камень. Копия изображений 2-й группы.

В 1978 г. В.Т. Петриным и В.Н. Широковым на вершине скалы был заложен шурф. В нем обнаружены разновозрастные находки жертвенного (?) комплекса: кремневый отщеп, фрагменты двух сосудов, один из которых предположительно датируется ранним железным веком и железный наконечник стрелы, бытовавший в широком диапазоне I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Изображения Шайтан Камня разновременные (Широков, 2007, с. 8-22).

Фото 108. Шайтан Камень. 1-я группа рисунков. Фрагмент.

Фото 109. Шайтан Камень. Рисунки 3-й группы. Фрагмент.

Фото 110. Шайтан Камень. Рисунок лося в 5-й группе.

Рис. 62. Шайтан Камень.
Копия 4-й, 5-й и 6-й групп изображений.

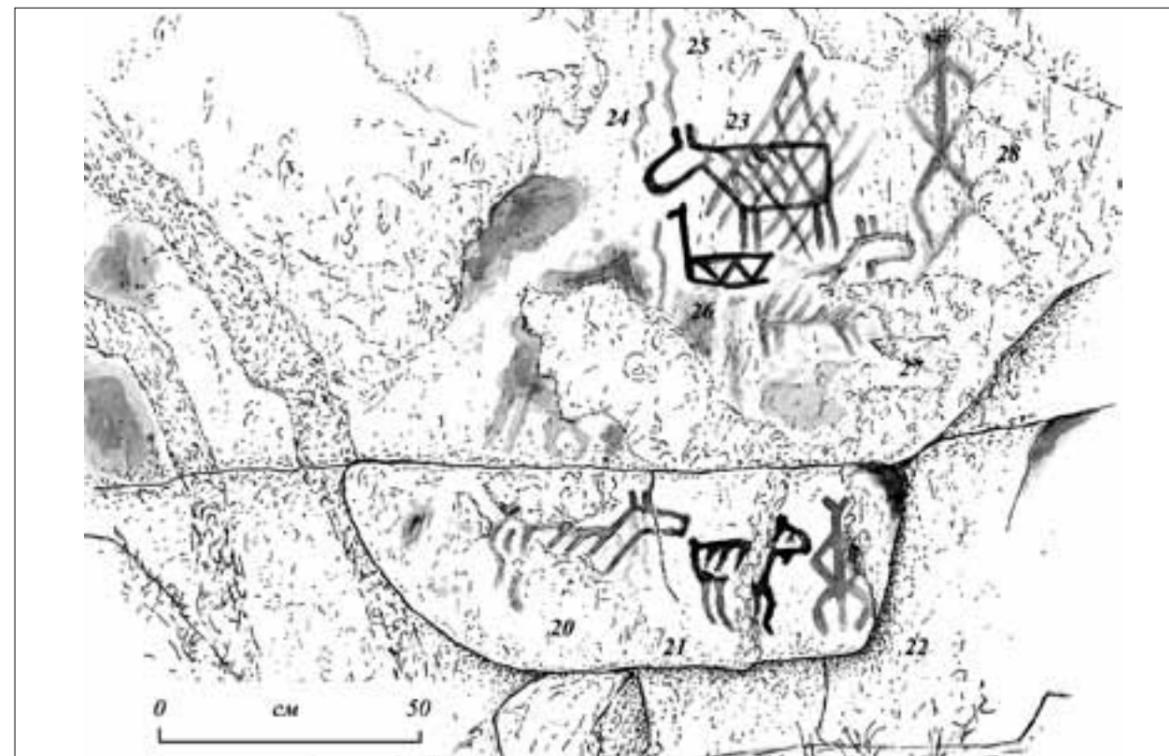
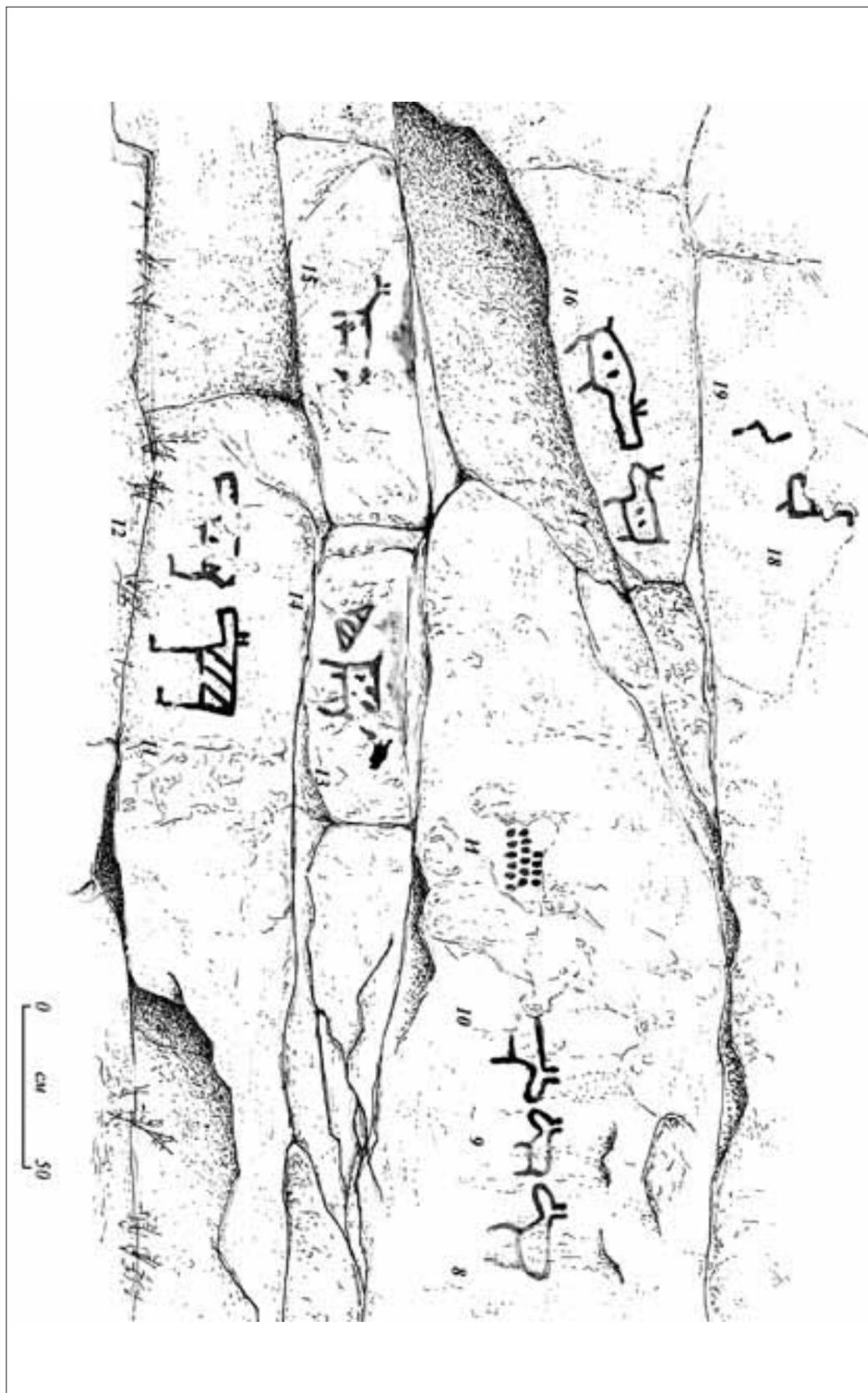

Рис. 63. Шайтан Камень.
Копия изображений 7-й группы.

Фото 111. Шайтан Камень.
Рисунки 7-й группы изображений.

Рис. 64. Шайтан Камень.
Копия изображений 8-й группы.

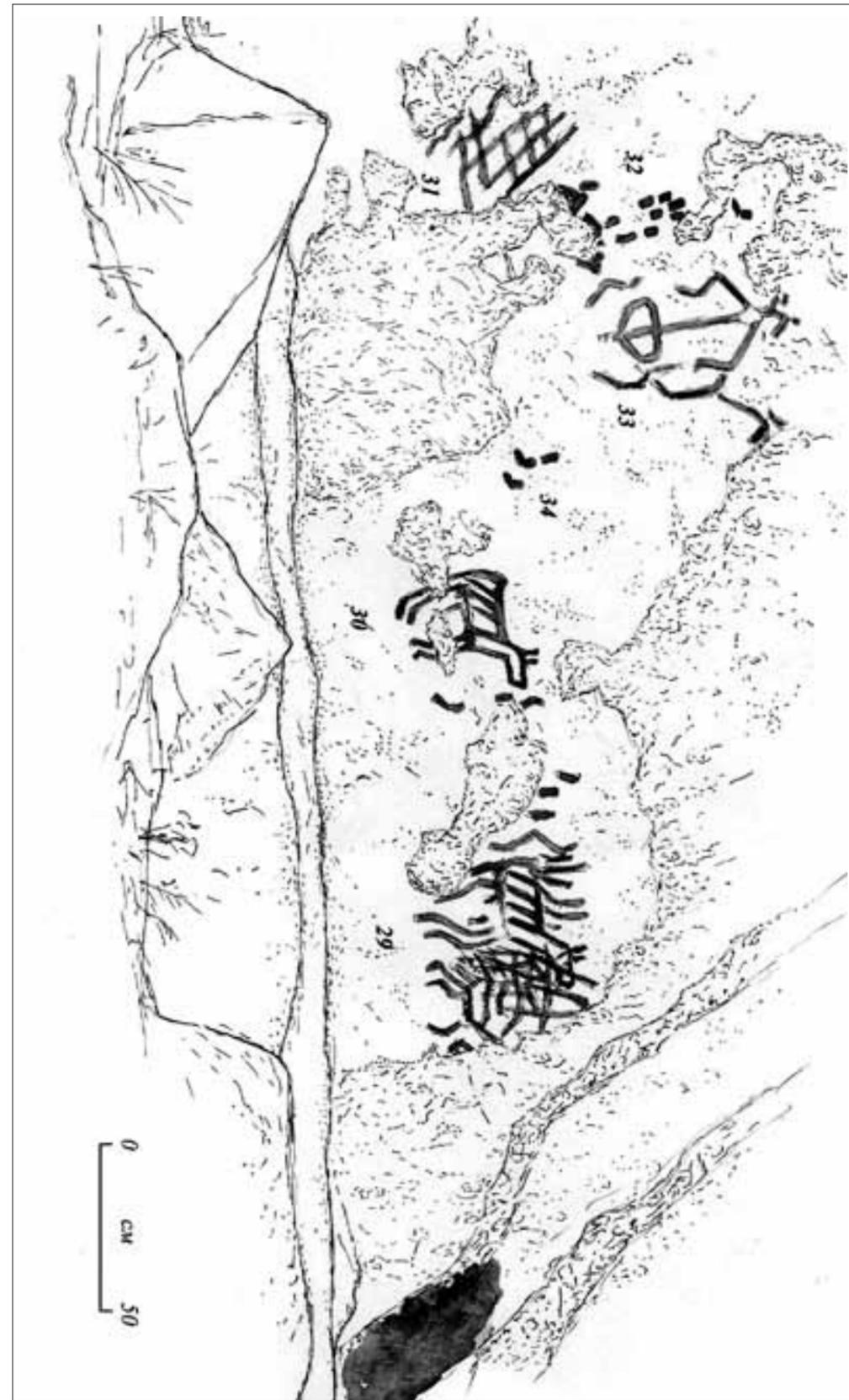

Рис. 65. Шайтан Камень.
Копия изображений 10-й группы.

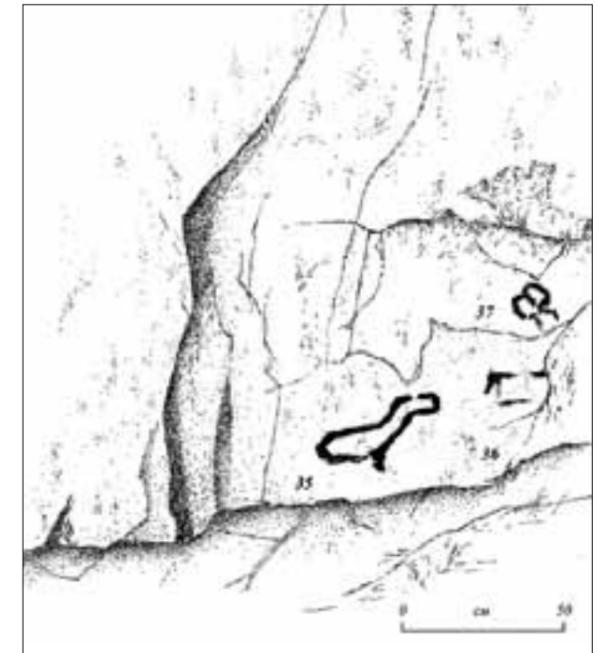

Рис. 66. Шайтан Камень.
Копия 9-й группы изображений.

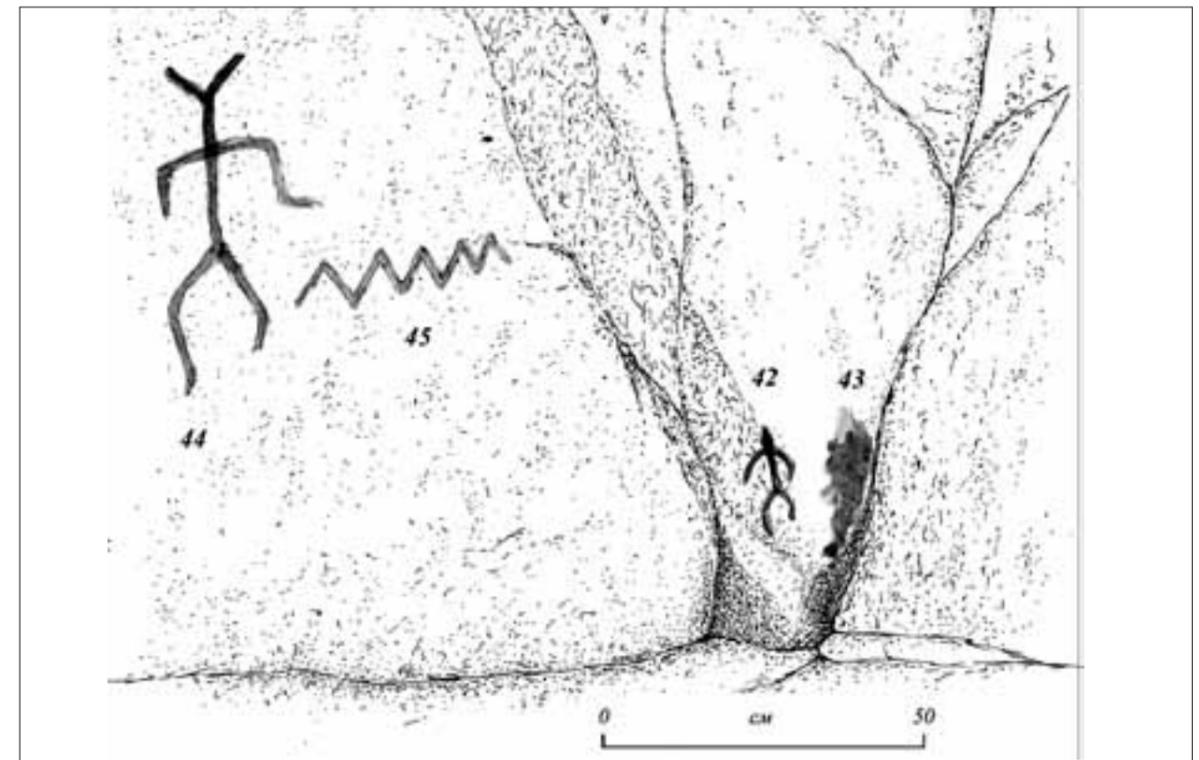
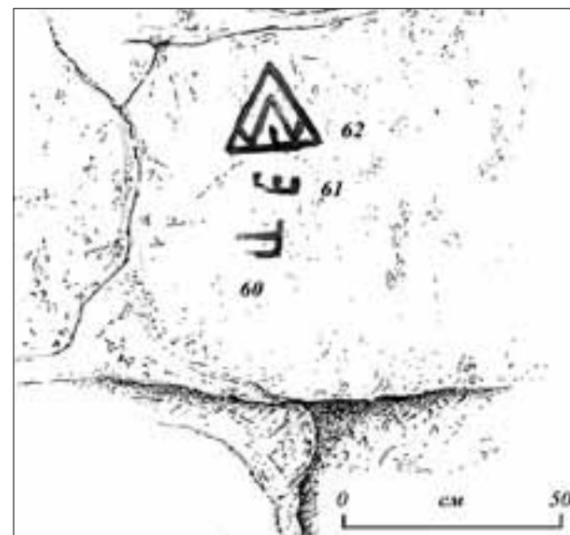
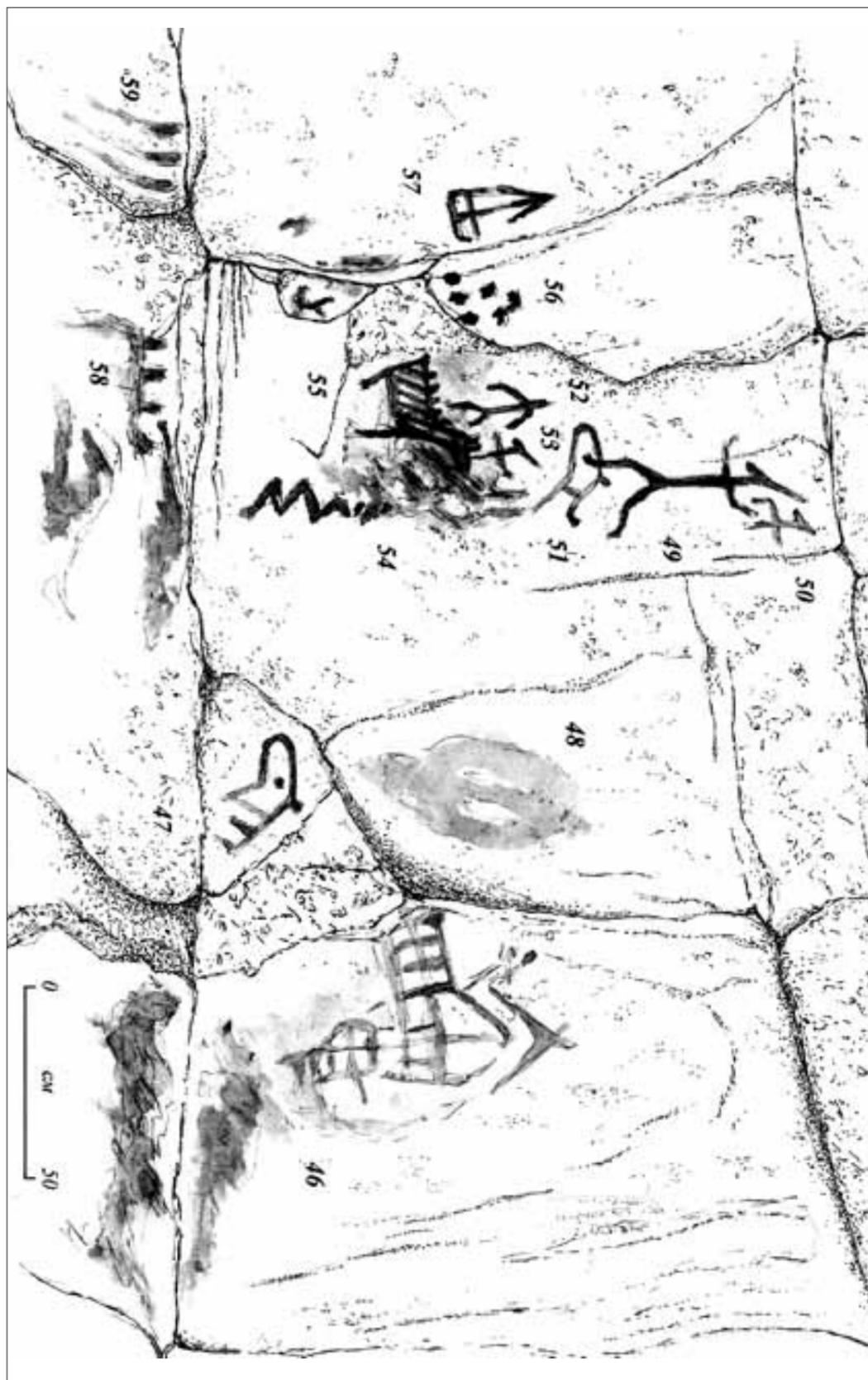

Рис. 67. Шайтан Камень.
Копия изображений 11-й и 12-й групп.

Рис. 68. Шайтан Камень.
Копия изображений 13-й, 14-й и 15-й групп.

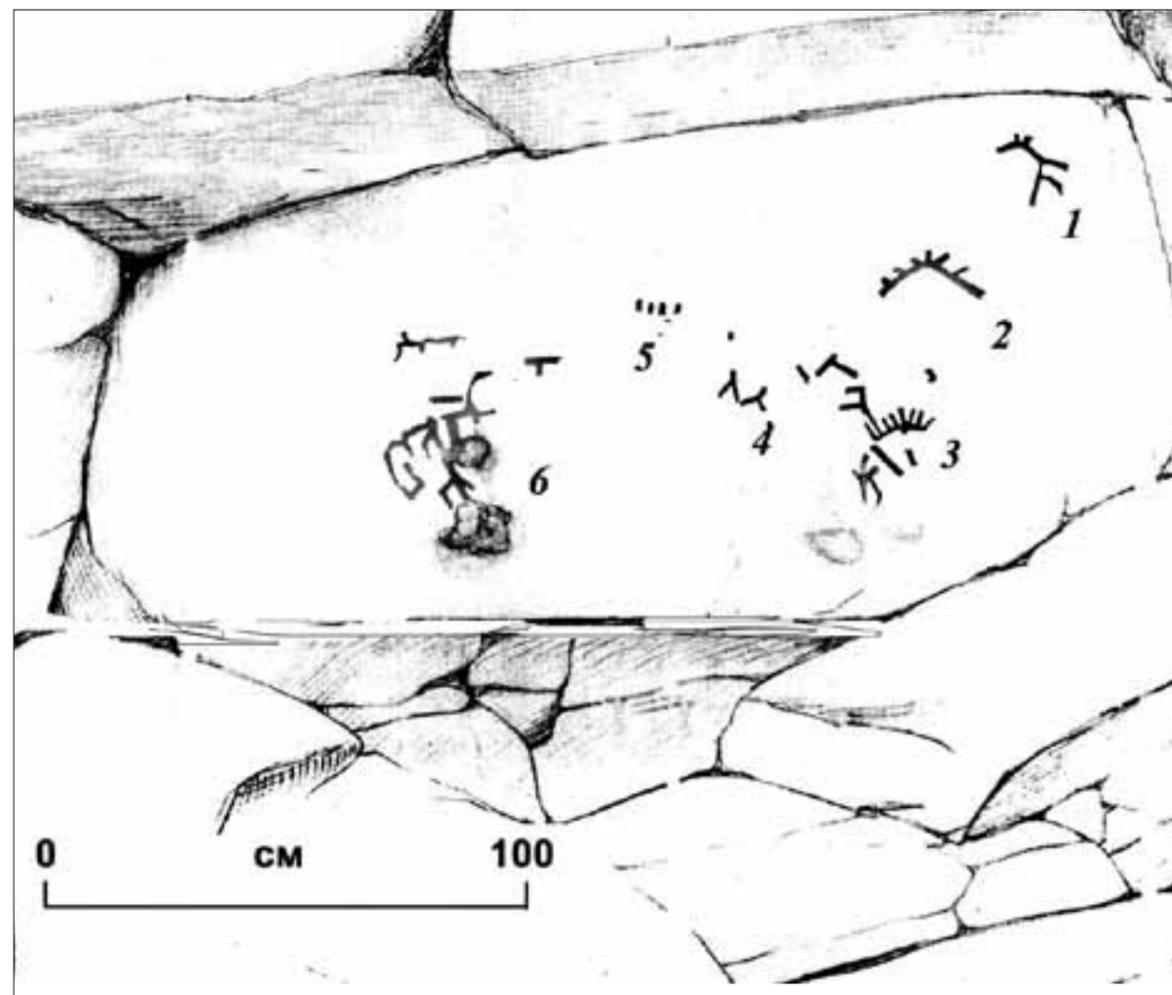
**Бородинская III писаница
(3-я Бородинская скала)**

Расположена в Режевском городском округе Свердловской области, на левом берегу реки, приблизительно в 12 км ниже по течению от Шайтан Камня, в 21 км выше г. Режа и в 3 км выше 1-й и 2-й Бородинских скал.

«Каменные палатки» из гранито-гнейсов желтовато-серого цвета, находятся на высоте около 40 м над уровнем воды в реке и примерно в 100 м от её русла. Долина залесена сосной. Сохранность изображений плохая, причём рисунки в настоящее время выглядят ещё хуже, чем в конце 50-х гг., когда они изучались экспедицией В.Н. Чернецова. Изображения нанесены в одной из небольших ниш, и представлены остатками фигур копытного, дуги с отрезками, зигзагов, в том числе с отрезками, рядов вертикальных штрихов и, возможно, антропоморфных фигур (рис. 70) (Чернецов, 1971, с. 37-38).

Рис. 69. Шайтан Камень.
Копия изображений 17-й группы.

Рис. 70. Бородинская III писаница.
Копия изображений.
По В.Н. Чернецову.

Бородинская II писаница

Находится на территории Режевского городского округа Свердловской области, на левом берегу реки, примерно в 3 км ниже по течению от третьей Бородинской скалы и в 18 км выше по реке от города Реж. Скальная гряда, на которой дислоцированы рисунки II-й и I-й Бородинских писаниц, сложена гранитами, цвет которых варьирует от светло-серого до красновато-коричневого. Протяженность скалы вдоль реки 180 м. Высота обнажения от 1,5 м до 15 м. Отчётливо проявляется блочная структура, слоистость средняя и толстая. Вторая Бородинская писаница приурочена к самой высокой части скалы (фото 112). Эта писаница, вслед за Шайтанской, является одной из самых богатых древними рисунками в долине Режа, правда, многие изображения сильно разрушены, включая и некоторые из тех, что были скопированы экспедицией В.Н. Чернецова. Поверхность скальной породы слоится так же, как и на Шайтан Камне и оба этих памятника находятся под угрозой уничтожения. От реки до скалы не более 10 метров, общая экспозиция обнажения южная.

Рисунки дислоцированы на протяжении 23 м. Самая нижняя фигура в левой, верхней по течению части писаницы находится на высоте около 1 м над землёй. В правой части рисунки расположены на высоте около 7 м и наносились здесь со скальной полки. Вслед за В.Н. Чернецовым отметим, что в правой и левой периферийных частях изображения распадаются

Фото 112. Бородинская II писаница.

Фото 113. Бородинская II писаница. Рисунки I-й группы.

ся на группы, тогда как в центральной зоне, где фигуры создавались многократно, они «расположены так тесно, что лишь в отдельных случаях среди них можно выделить более или менее отчётливые группы» (Чернецов, 1971, с. 31). Изображения писаницы скопированы и описаны В.Н. Чернецовым довольно подробно по листам, соответствующим таблицам в его книге 1971 г.; соединённые вместе, они дают в целом верное представление о писанице (1971, с. 31-37). В то же время нами отмечены отдельные неточности в копиях, которые мы исправляем согласно опубликованным ранее иллюстрациям.

Крайнюю позицию в левой части II-й Бородинской писаницы занимают четыре фигуры — группа 1 (рис. фото 113, рис. 71). На высоте 2,25 м от земли нанесён горизонтальный двоянный и расчерченный зигзаг оригинальной формы, шалашеобразная фигура в виде двойного угла с Т-образным выступом, и остатки двух изображений копытных. У фигуры слева частично сохранился контурный корпус, передняя и задняя конечности. У фигуры справа сохранились овальная голова и часть корпуса.

Во второй группе (рис. 72) рисунки делались неоднократно, самые яркие видны на фоне предыдущих мотивов. На высоте 0,5 м над землёй находится обобщенная контурная фигура копытного (фото 114). Выше, на фоне закрашенного участка скалы и плохо заметных зигзагов находится рисунок птицы и 7 вертикальных параллельных зигзагов. Над ними плохо сохранившееся изображение птицы с четырёхугольным контурным туловищем, в которое, видимо, были вписаны красочные пятна. Справа от неё — вертикальные параллельные зигзаги, только 4 из которых заметны хорошо. В копии Валерия Николаевича в этой части писаницы в крайней позиции слева должна находиться фигура копытного. Нами она не распознана. Здесь видны только зигзаги на фоне закрашенной скальной поверхности. На другом блоке нанесён горизонтальный зигзаг с отрезками.

Третья группа расположена, в основном, на двух крупных блоках, верхний из которых напоминает морду лося. Под ним блок с основным массивом рисунков (рис. 73). Здесь прослежен горизонтально ориентированный крупный меандр (ступенчатый мотив),

Фото 114. Бородинская II писаница. Рисунок копытного во 2-й группе.

выполненный четырьмя линиями. На его фоне видны несколько фигур. Слева изображена кося с контурным туловищем, линейными шеей, головой и ухом, справа находится двурогое антропоморфное существо, рядом с ним ромб с вписанным в него крестом, на фоне которого, а также на фоне меандра находится крупная фигура копытного. На контурное туловище зверя наложен сетчатый мотив, спина обрамлена семью вертикальными штрихами. Морда не сохранилась, она была наложена на двойной зигзаг, замкнутый в верхней части — вероятно, фигуру змеи. Над спиной копытного два прямых креста. Справа от животного, ближе к краю блока нанесены 7 вертикальных отрезков (от левого сохранились лишь небольшие пятна), центральный из которых раздвоен сверху. Эти отрезки находятся на высоте 2 м от земли. На самом краю блока виден небольшой мотив в виде угла. Под фигурой лося, на другом блоке нарисован горизонтальный зигзаг с отрезками. Слева от него и ниже закрашенный участок поверхности. Выше блока с меандром видны, преимущественно, только остатки изображений. Возможно, крайний слева рисунок является фрагментом антропоморфного существа с гребневидным головным убором, подобно антропоморфу на Старичной писанице с р. Нейвы. Справа следуют неопределённые мотивы, за которыми видна фигура в виде прямой сетки. Справа от нее фрагменты линий, а под ними множество пятен краски.

Далее вправо, на двух блоках видны следующие мотивы (группа четыре) (рис. 73, 28-31). Вверху фигура в виде угла, обращённого вершиной вверх. Концы лучей угла загнуты вверх, между ними нанесены три пятна. Этот рисунок В.Н. Чернецов считал орнаментализованным воспроизведением лягушки. Под ним фигуры трёх животных. Два из них — копытные, разрушенные отслаиванием скальной поверхности. Над одним из копытных изображена птица. Голова её не сохранилась, крылья переданы отдельными штри-

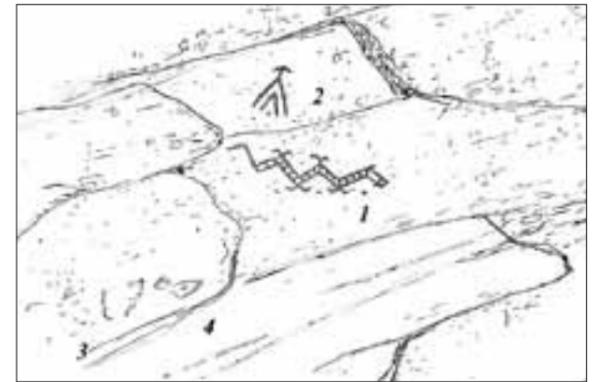

Рис. 71. Бородинская II писаница. Копия изображений I-й группы.

хами, подобно тому, как это сделано на Зенковской писанице на р. Тагиле.

В нижней части пятой группы — сетчатый мотив и двурогое антропоморфное существо. Руки переданы фертообразно, сохранилась лишь одна нога, согнутая в колене. Выше и слева стайки сетки с сотвыми ячейками, справа от сетки и антропоморфа, на левой части блока, ромбовидная фигура с краями, обрамлёнными отрезками. Слева от антропоморфа два гребневидных знака, один из которых осложнён опускающимися от основания вниз тремя линиями. Над этим блоком расположен ещё один массивный блок с рисунками. Поверхность его левой части сильно повреждена. На копии В.Н. Чернецова здесь должны находиться фигуры трёх или четырёх копытных. Нам эти фигуры обнаружить не удалось: здесь теперь только пятна краски. В крайней позиции слева видны остатки сетки с ромбовидными ячейками. В правой

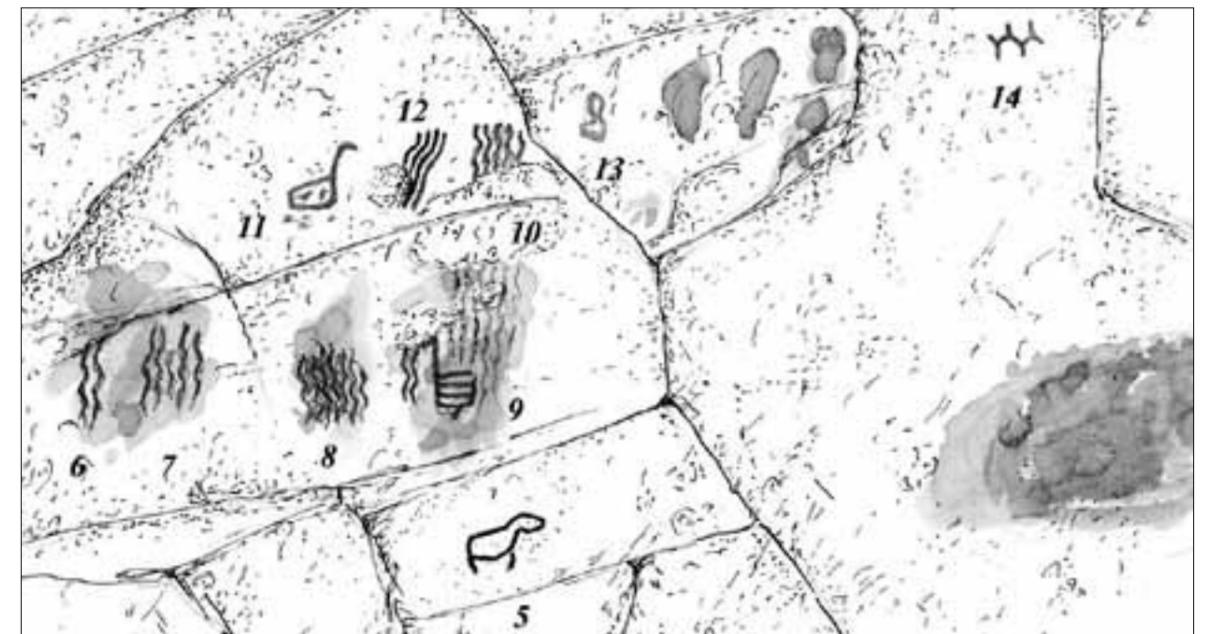

Рис. 72. Бородинская II писаница. Копия изображений 2-й группы.

Рис. 73. Бородинская II писаница. Копия изображений 3-й и 4-й групп. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

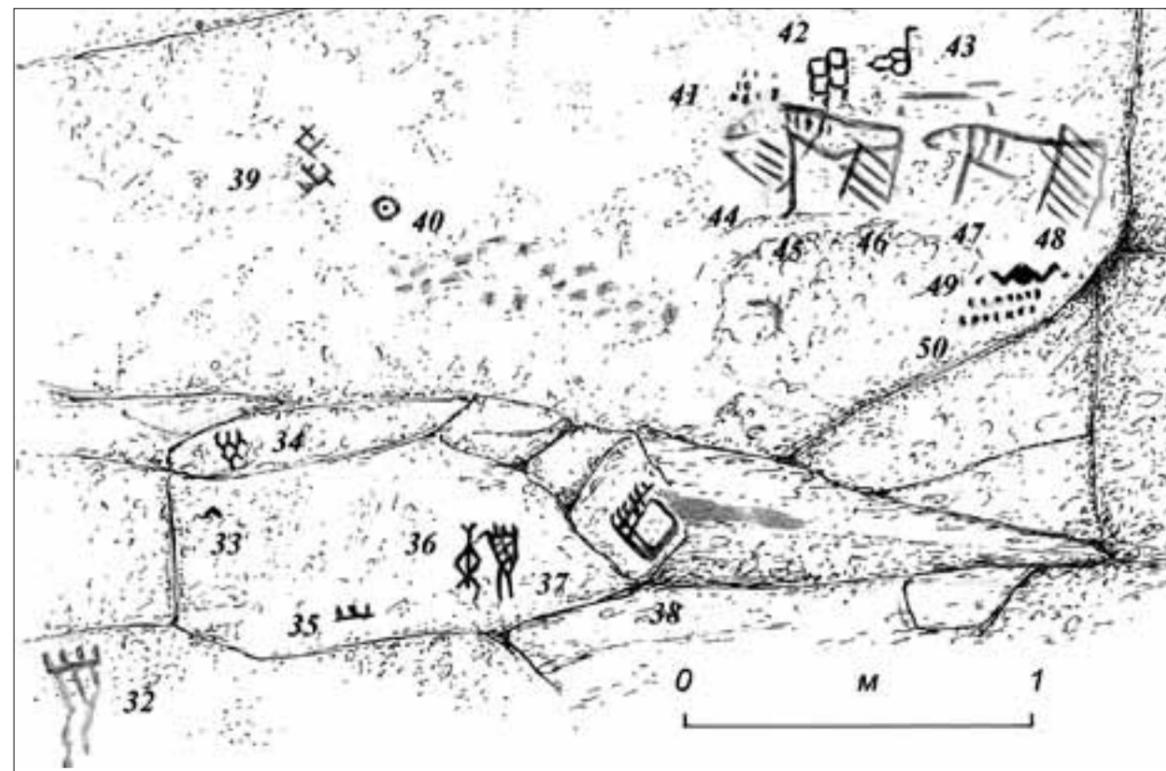
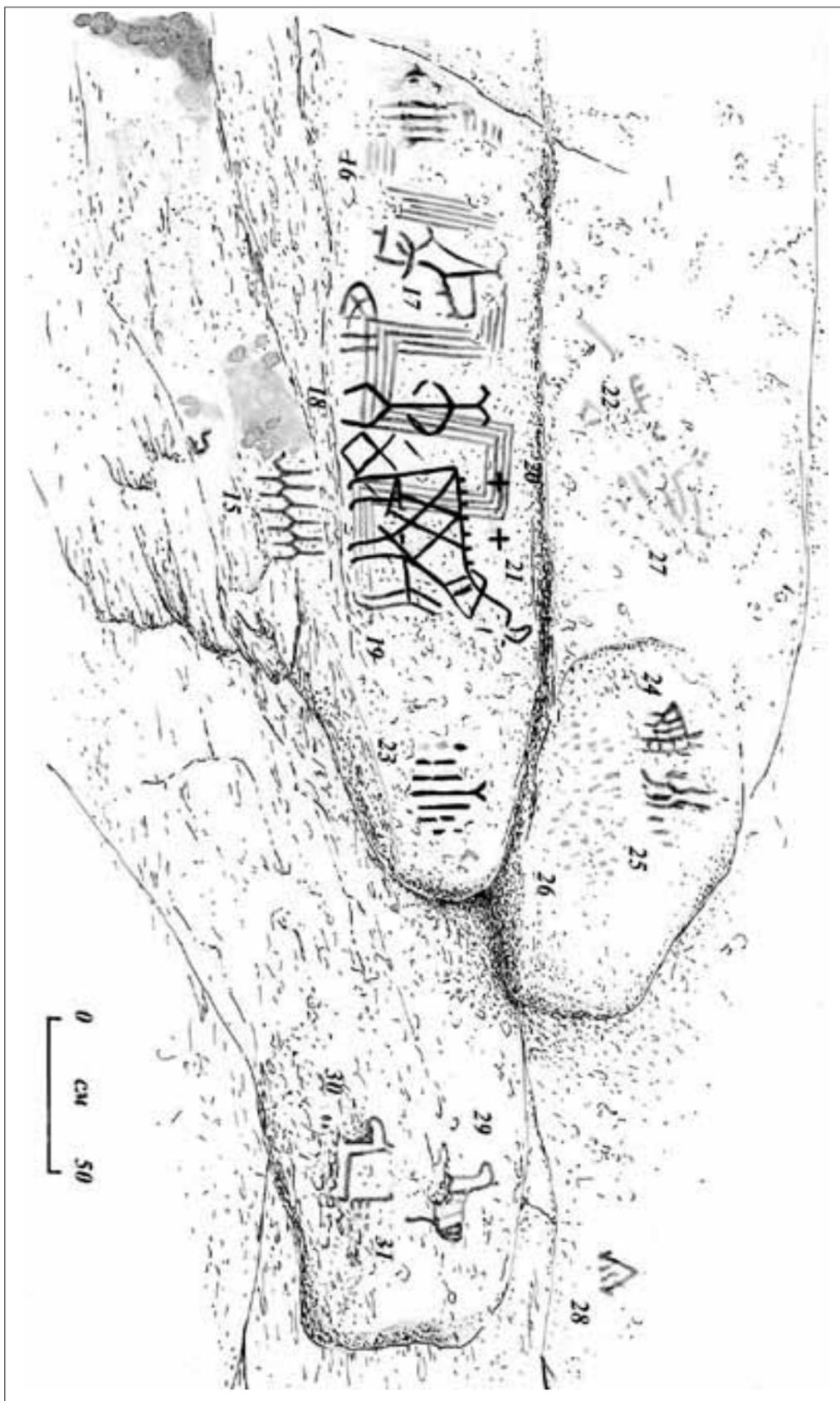

Рис. 74. Бородинская II писаница. Копия изображений 5-й группы По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

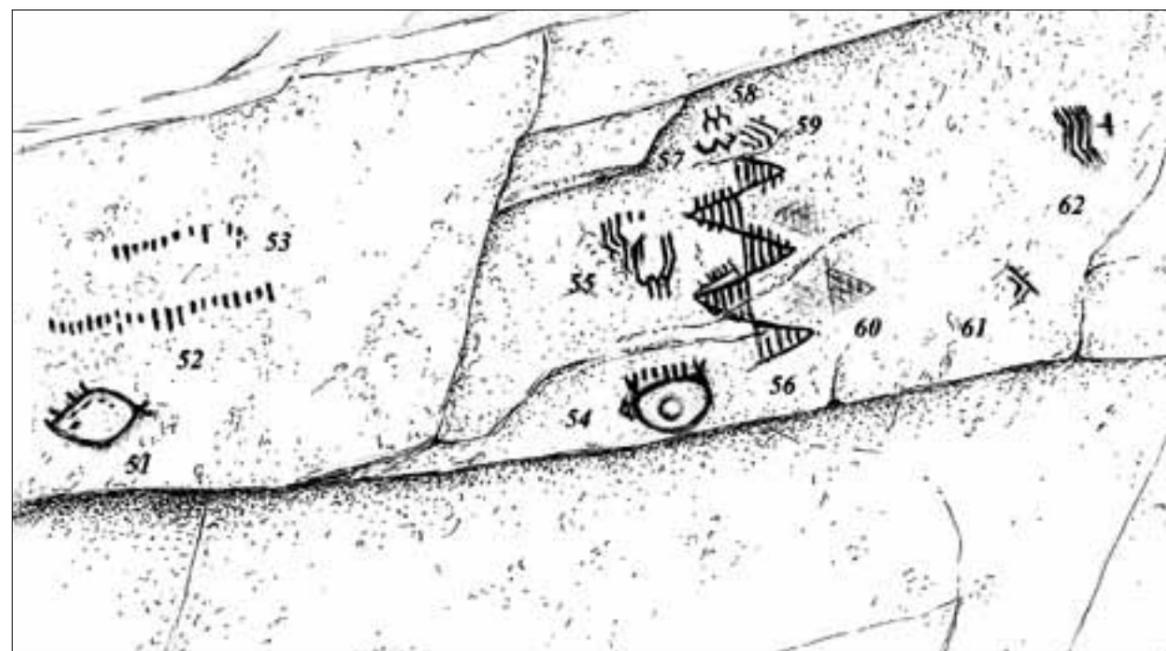

Рис. 75. Бородинская II писаница. 6-я группа рисунков. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

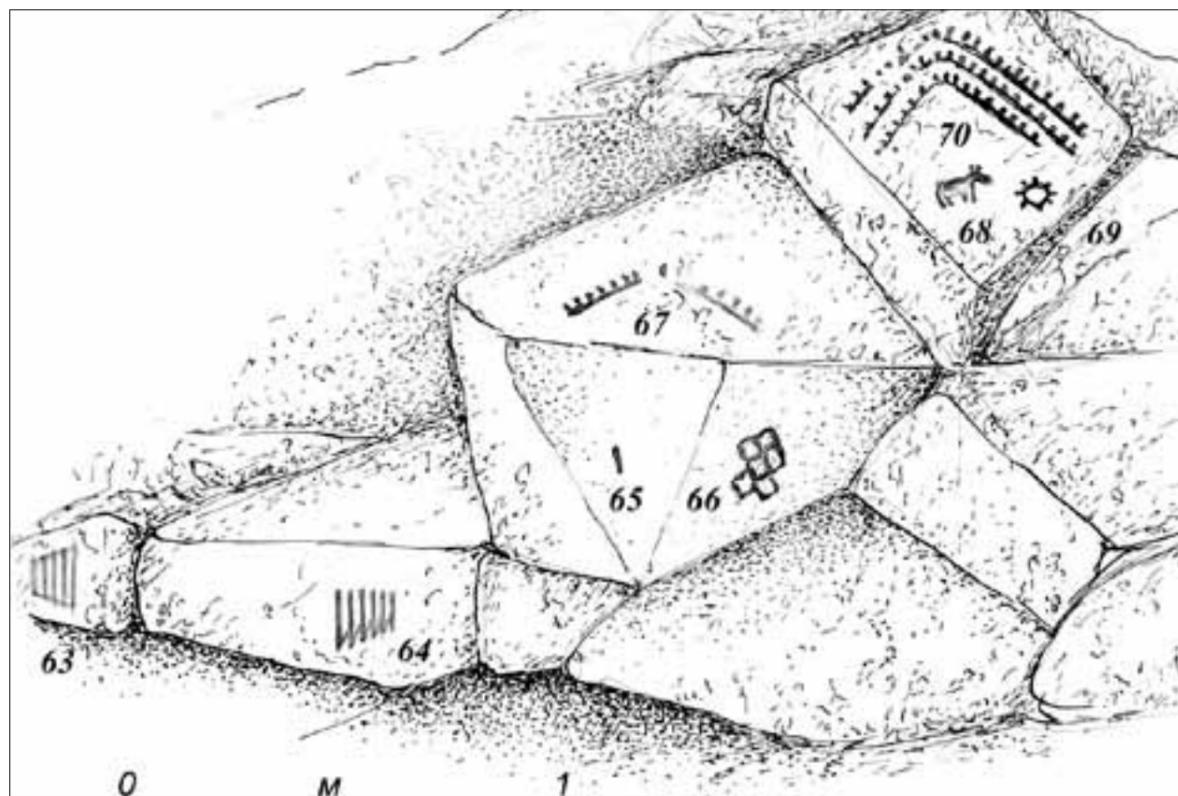

Рис. 76. Бородинская II писаница. Копия изображений 7-й группы. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

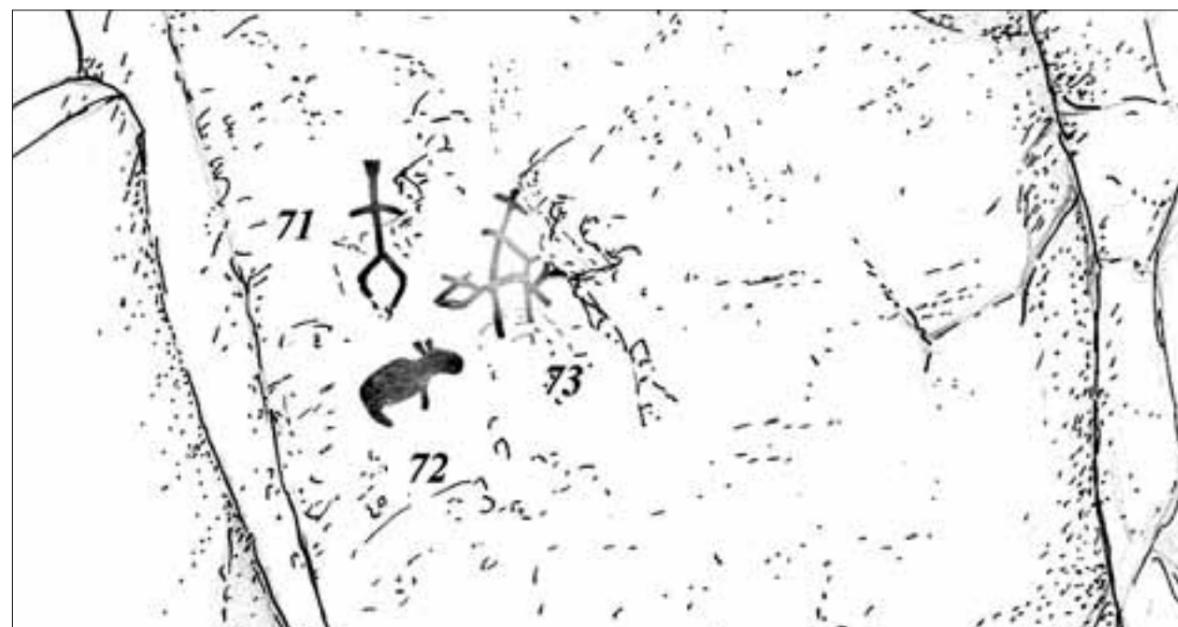

Рис. 77. Бородинская II писаница. Копия изображений 8-й группы.

Фото 115. Бородинская II писаница. Рисунки 6-й группы.

Фото 116. Бородинская II писаница. Рисунки 7-й группы.

части блока две фигуры копытных необычного облика. Они выполнены контурной линией, шириной до 3 см. Форма туловища напоминает конверт, шея не выделена, каждая пара конечностей показана одной линией. На фигуры копытных наложены знаки в виде заштрихованных углов. Над левой фигурой прямая сетка, справа от неё изображена птица с туловищем в виде сетки с многоугольными полями. Под копытным справа мотив в виде горизонтального зигзага, нижний внутренний угол которого закраснен краской. Под ним два ряда штрихов, в каждом ряду их по 7 (рис. 74).

Под блоками в виде лосиной головы начинается скальная полка, поднимающаяся вверх-вправо вдоль скалы под углом от 30° до 45°. В этой части на первом блоке с шестой группой (рис. 75), есть два

ряда отрезков на разрушенной скальной поверхности, на расстоянии 20 см друг от друга. В верхнем ряду количество штрихов подсчитать невозможно, в нижнем их около 19. Под ними полуразрушенный мотив в виде овала с небольшими лучами и пятнами краски внутри. Далее вправо также находится слабо различимый мотив в виде овала с кругом в центре, диаметром около 10 см, и 9 лучами вверх. Над ним крупный вертикальный зигзаг с заштрихованными полями. Впечатление такое, что этот рисунок был подведён впоследствии, только немного смещён влево в нижней части (фото 115). Слева остатки большой многоугольной фигуры. Нижний край крупного зигзага расположен на высоте 1,5 м от поверхности полки. Верхняя его часть наложена на трудноопределимый геометрический мотив. Справа от зигзага остатки вертикально ориентированных зигзагов, три из которых видны отчётливо (рис. 75-62).

Седьмую группу начинает расчерченный четырехугольник. Помимо него имеется мотив в виде 6 вертикальных отрезков, соединённых в нижней части небольшими наклонными отрезками; над ним неопределённые мотивы, покрытые белёсым налетом. На правой грани следующего блока изображён сетчатый мотив с многоугольными полями, на левой поверхности вертикальный отрезок. Над ними дуга с отрезками. На другом блоке плохо сохранившиеся рисунки копытного, окружности с лучами и трёх «вложенных» дуг с отрезками (рис. 76, фото 116).

Восьмая группа (рис. 77) находится, приблизительно, под крупным зигзагом с заштрихованными полями, на массивном блоке, стоящем на земле. На его левом краю силуэтная фигура копытного, антропоморфное существо с раскинутыми в стороны руками и ногами в виде ромба, и плохо читаемый мотив, возможно, остатки сетки (Широков, 2007, с. 24-33).

Фото 117. Бородинская I писаница.

Фото 118. Бородинская I писаница.
Рисунок косули в 1-й группе.

Писаница Бородинская I

Начинается в 65 м от последней группы изображений Бородинской II (фото 117). Рисунки первой группы (рис. 78, 1-4) нанесены на расстоянии 3,34 м от левого края скалы. На высоте 2,42 м от земли сохранилась фигура косули бледно-розового цвета (фото 118). Справа и ниже остатки меандра. Его цвет варьирует от бледно-розового до темного краплака. Ниже неопределённый мотив и фрагменты краски от несохранившихся изображений.

Справа от этих фигур, через кварцитовую жилу шириной до 40 см другой блок с рисунками. Правая и центральная части блока сильно закопчены. В левом верхнем секторе под козырьком изображены два антропоморфных существа и знаки. Фигура правого двурогого антропоморфа с раскинутыми в стороны-вниз руками, согнутыми в коленях ногами и фаллосом или хвостом между ними, бледно-розового цвета. Такого же цвета и сохранности вертикальный зигзаг с ромбом на нижнем конце слева от существа. Справа от него, то есть ближе к человекообразному существу — параболический знак темно-бордового цвета с поперечным отрезком. Слева от них видна фигура другого человекообразного существа, параболический мотив с поперечными линиями и вертикальная цепочка ромбов. Все рисунки едва заметны. Ниже видны фрагменты краски несохранившихся изображений (рис. 78, 5-10).

На расстоянии 17,3 м справа от этих рисунков вторая группа изображений (рис. 79). В центре, на высоте 1,12 м от земли — двурогий антропоморфный персонаж. Он, как и предыдущие аналогичные фигуры, выполнен в линейной манере. Руки вытянуты горизонтально и согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях. Слева от существа пятна краски, справа два рисунка копытных. Форма тела у них близка к четырёхуголь-

Фото 119. Бородинская I писаница.
Рисунки 2-й группы.

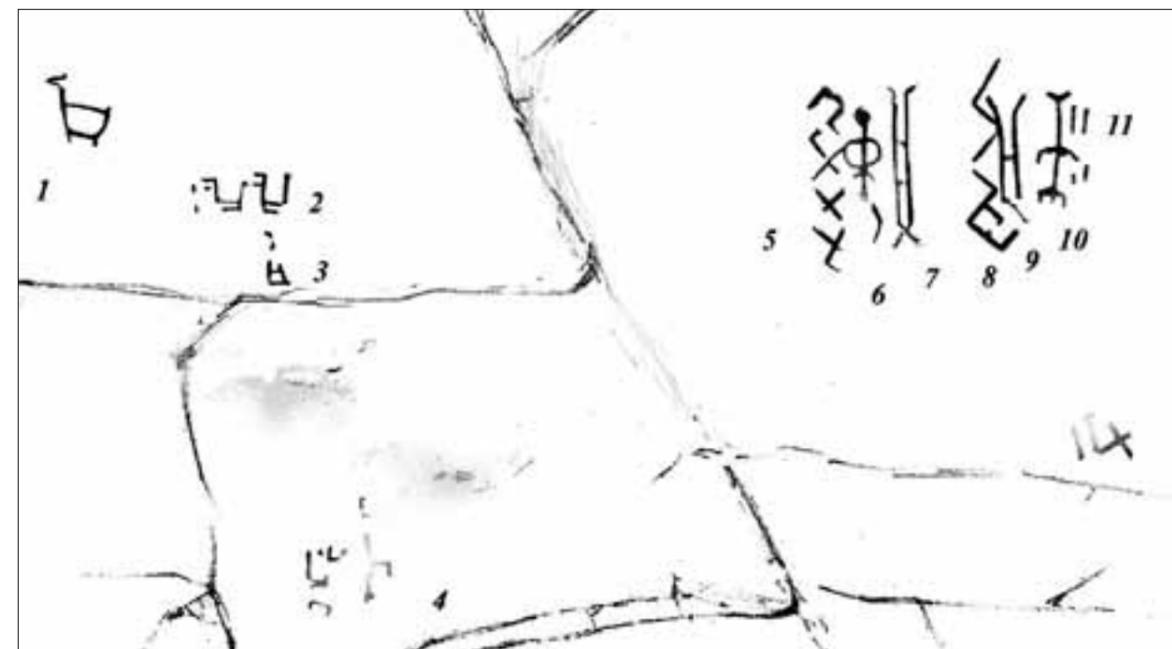

Рис. 78. Бородинская I писаница. Копия изображений 1-й группы.
По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

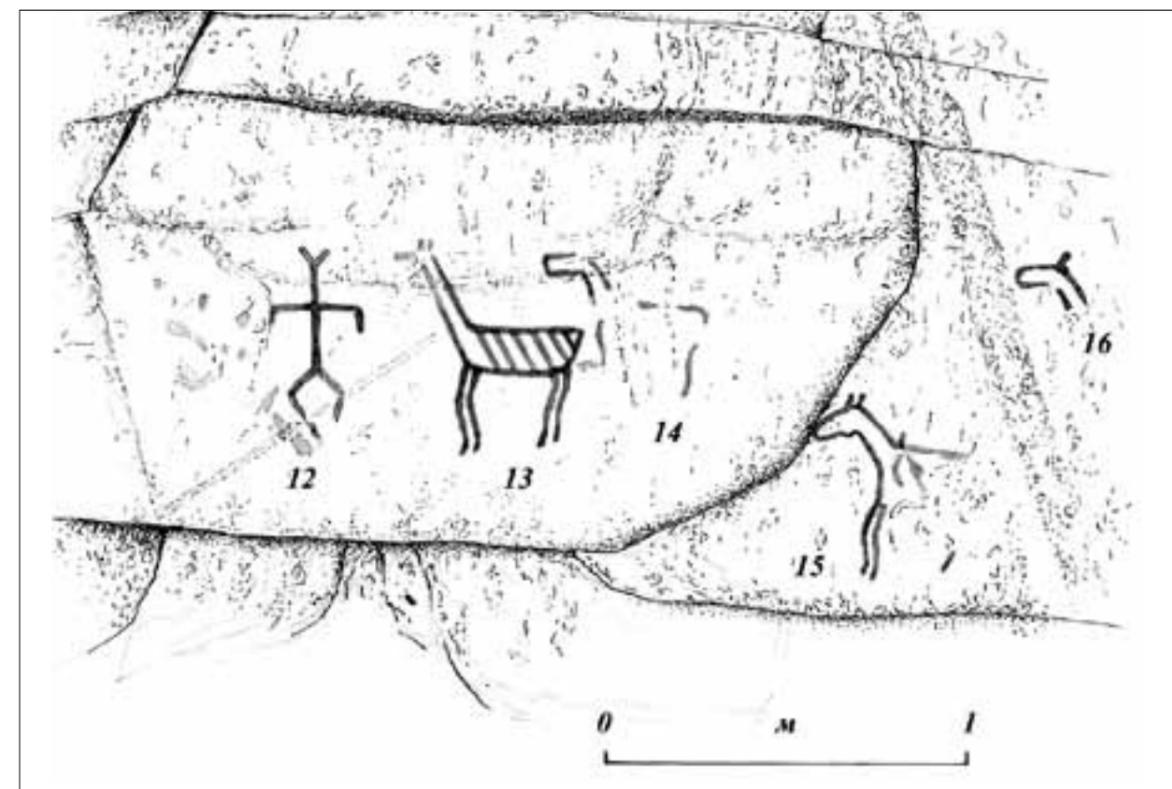

Рис. 79. Бородинская I писаница. Копия изображений 2-й группы.
По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

нику, шея и голова контурные. У ближнего к антропоморфу зверя от головы сохранилась лишь верхняя линия и два уха. В корпус вписаны шесть наклонных отрезков-рёбер (фото 119). Видны все четыре конечности, имеющие плавно изогнутые очертания. Справа от этого копытного находился аналогичный мотив, от которого сохранились лишь голова, фрагменты верхней линии туловища и фрагмент задней ноги. Справа блок, размерами 2,7 x 1,05 м. Его левую часть сечёт кварцитовая жила, слева от которой виден рисунок передней половины копытного. Мордой зверь «упирается» в край предыдущего блока (рис. 79).

Следует отметить некоторое стилистическое своеобразие лосей в этой группе писаницы, выраженное в первую очередь, в пропорциях фигур, высота которых больше, чем длина. Другой важный момент — стандартное изображение конечностей плавно изгибающимися линиями. Бросается в глаза также тонкая шея животных, выполненная контуром (Широков, 2007, с. 33-35).

Писаница Першинская

Расположена в Режевском городском округе Свердловской области, в 1–2 км ниже по реке от с. Першино.

Скала с писаницей — первая крупная скала, нависающая над рекой и обрывающаяся в воду после протяжённой скальной гряды по правому берегу р. Режа. Несколько выше по реке остатки разрушенной мельничной плотины. Скала, сложенная толстослоистым известняком, примечательна расположенным в ней навесом, размерами 15 x 4 x 5 м (фото 120). Высота поверхности его пола над рекой 5 м, вход обращён к югу. Ширина реки здесь около 60 м, оба берега поросли сосной.

Фото 120. Першинская писаница. Рисунки расположены вблизи грота в левой части скалы.

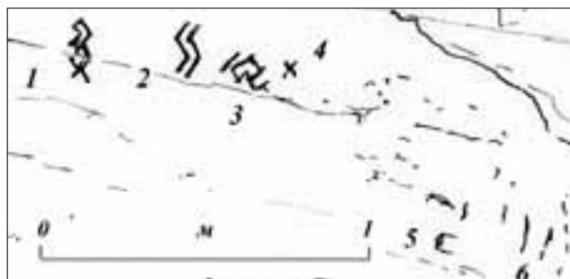

Рис. 80. Першинская писаница. Копия сохранившихся фрагментов нефигуративных мотивов.

На правой стене навеса, обращённой к западу, видны фрагменты изображений на площади 3 x 0,6 м. Рисунки нанесены на высоте от 1,2 до 1,8 м над полом. Удаётся различить два вертикальных отрезка в правой части, в левой — сетчатый мотив, двойной зигзаг и сплошные закрашенные участки поверхности. Фигуры явно наносились неоднократно, в настоящее время все они неудовлетворительной сохранности (рис. 80).

В шурфе возле плоскости с рисунками, на площади 1 x 1 м в голоценовых отложениях обнаружены кости лося, косули и птицы, и два фрагмента кости со следами обработки (Широков, 2007, с. 35-36).

Сохаревская писаница

Расположена в Режевском городском округе Свердловской области, в 1,5–2 км ниже по течению (к юго-востоку) от дер. Сохарево.

Скальная гряда с писаницей находится на левом берегу р. Режа. Ширина реки здесь около 60 м. Левый борт долины крутой, залесён сосной, правый пологий, поросший сосной и берёзой. Протяжённость обнажения, выполненного известняком и конгломератом серого цвета, около 300 м, высота 17–20 м. Скала обращена к западу-юго-западу. Породы толстой и средней слоистости (фото 121).

Древние рисунки нанесены в двух местах. Верхняя по течению часть писаницы расположена в 140 м ниже по течению р. Режа от впадающего в него ручья. Изображения нанесены на высоте 8–10 м над водой, к ним можно подобраться лишь в немногих местах по крутому задернованному склону. Чуть выше по реке из скалы бьёт ключ. Под рисунками полка шириной до 2 м с наклонной в сторону реки поверхностью.

Изображения нанесены на плоскость, обращённую к юго-западу, поверхность её покрыта натёком, перекрывшим часть фигур.

Рисунки сохранились на площади 0,7 x 1,7 м. Большая композиция состоит из антропоморфной фигуры, крупного сложного сетчатого мотива, двух рисунков птиц, тройного овала и неопределённых изобразительных мотивов (фото 122, рис. 81).

Вторая часть писаницы расположена в 50 м ниже по течению, в 6 м от реки и на высоте 3,5 м над водой. Сохранность изображений плохая, среди них просматриваются фигура птицы, зооморфный мотив, пятна и штрихи, а также закрашенные охрой участки поверхности (Широков, 2007, с. 37-38).

Фото 121. Сохаревская писаница. Вид на скалу с древними рисунками.

Фото 122. Рисунки Сохаревской писаницы.

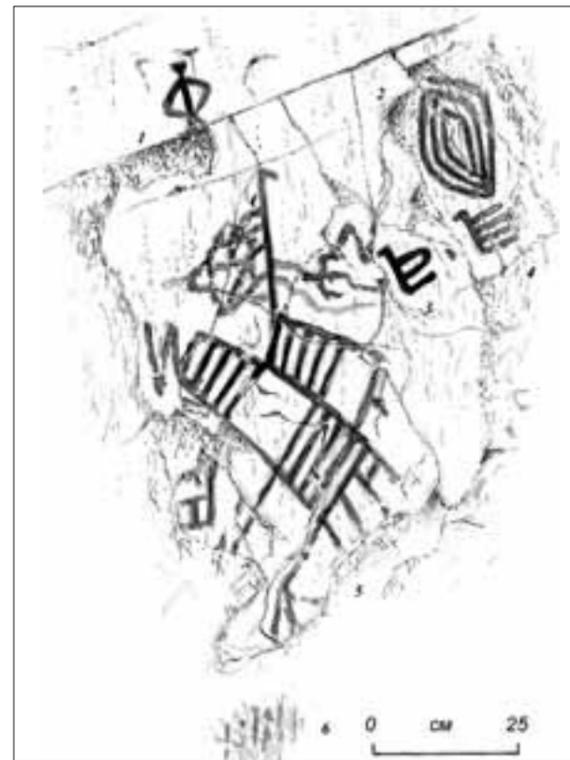

Рис. 81. Сохаревская писаница. Копия изображений.

Писаница Гостьковская

Расположена на территории муниципального образования «Алапаевское» Свердловской области, напротив дер. Гостьково.

Писаница находится в нижней по течению части скальной гряды, протянувшейся по правому берегу р. Режа среди соснового леса на 0,5 км. Высота обнажения, сложенного зеленовато-серой породой, достигает 30 м над рекой, экспозиция юго-юго-восточная (фото 123).

Рисунки зафиксированы в трёх местах. Только одна группа сохранилась удовлетворительно — под навесом примерно в 20 м от реки. Она состоит из антропоморфной фигуры с контурным туловищем и головой, внутри которой воспроизведены глаза и нос, знака, напоминающего цифру 7, наклонного отрезка и фрагментов краски (фото 124, рис. 82). В 100 м выше этой группы замечены пятна краски. В 20 м ниже есть Гостьковская пещера, на стене которой также отмечены пятна краски (Широков, 2007, с. 38-39).

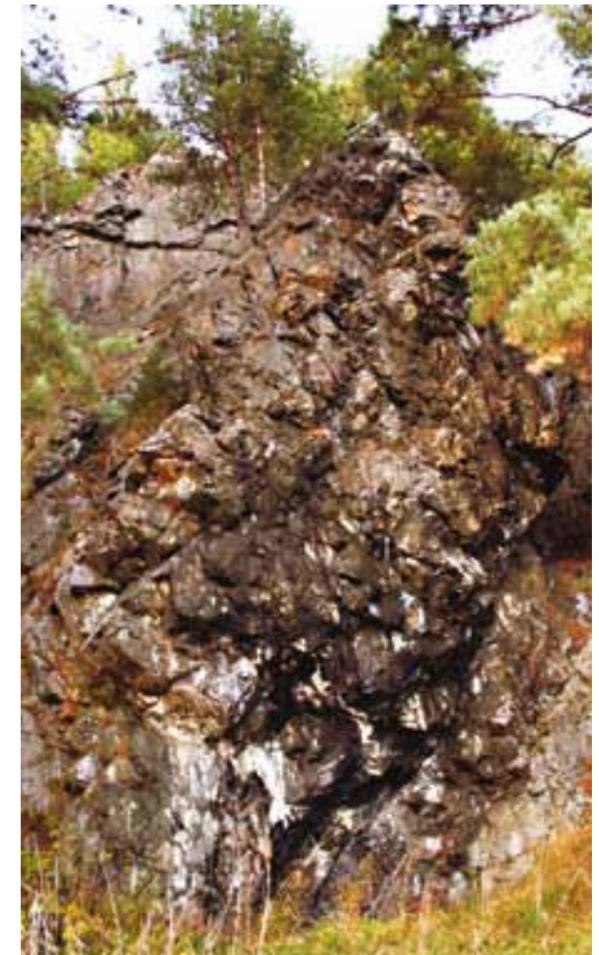

Фото 123. Гостьковская писаница. Вид на скалу с древними рисунками.

Фото 124. Гостьковская писаница.

Писаница Раскатихинская

Расположена на территории муниципального образования «Алапаевское» Свердловской области, в 300 м к востоку от с. Раскатиха.

Скала с писаницей (Камень Говорун) возвышается на правом берегу р. Режа, обращена к югу, сложена среднеслойным известняком, достигает высоты около 50 м, протяжённость её вдоль реки более 100 м (фото 125). Когда-то здесь произрастали сосновые леса, в настоящее время почти полностью вырубленные.

Изображения нанесены на скалу в двух местах. Первая группа, верхняя по течению, находится на высоте 5 м над водой, на панелях с отрицательным наклоном, обращённых к югу. В этой части писаницы сохранились: фигура копытного с контурным туловищем и пятнами внутри него, группы небольших отрезков, фрагменты сеток с многоугольными ячейками, зигзаги простые и с отрезками, двурогое антропоморфное существо, частично сохранившееся изображение птицы (?) и неопределённые изобразительные мотивы (рис. 83).

Вторая группа расположена в 80 м ниже по течению от первой, на плоскости, обращённой к западу, на высоте 5-6 м над водой. Рисунки приурочены к светлому натеку, частично перекрывающего и за-

Рис. 82. Гостьковская писаница. Копия изображений.

трудняющего их распознавание. В этой части удаётся разобрать рисунок птицы с контурным туловищем с пятнами внутри него, ещё одну близкую этой фигуре, 5 вертикальных параллельных зигзагов с отрезками и фрагменты каких-то геометрических мотивов (рис. 84) (Широков, 2007, с. 39-42).

Фото 125. Раскатихинская писаница. Вид на скалу Камень Говорун.

Рис. 83. Раскатихинская писаница. Копия изображений 1-й группы.

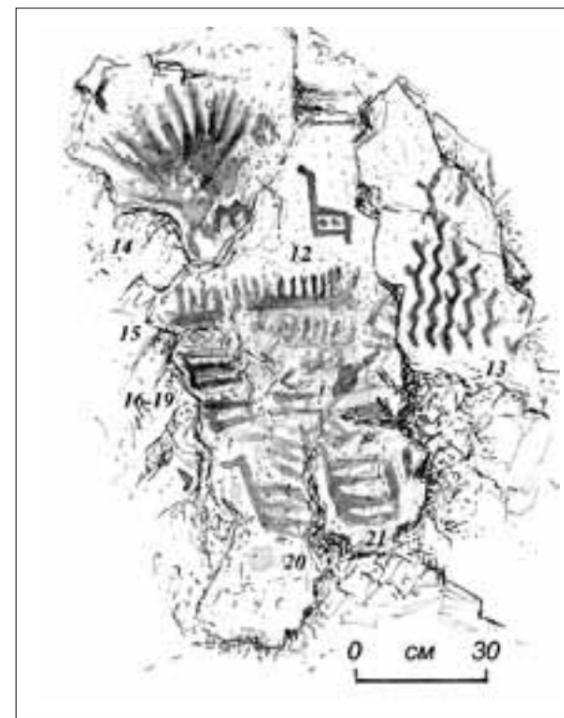

Рис. 84. Раскатихинская писаница. Копия изображений 2-й группы.

Писаница Исаковская I

Расположена на территории муниципального образования «Алапаевское» Свердловской области, в 3-5 км выше по реке от дер. Исаковой.

Скальная гряда с писаницей начинается в излучине реки Реж и тянется по правому берегу около 1 км отдельными обнажениями. Эти обнажения выполнены толстослойными породами зеленовато-серого цвета. Отдельные выходы достигают высоты 40 м над водой. Оба берега поросли сосной, вдоль скал правого берега много ольхи и черёмухи.

Изображения дислоцированы семью группами примерно в центральной части гряды, обращённой здесь к югу (фото 126).

Основное панно включает: рисунок условно-антропоморфного существа с головой и окончаниями рук и ног в виде ромбов, зигзаги и волнистые линии, многоугольные мотивы, окружность с лучами и фигуру копытного, крупный сетчатый мотив (фото 128, рис. 85) (Чернецов, 1971, с. 27-28). Восьмая группа находится в 50 м ниже по реке, на высоте 8 м над водой. Здесь сохранились два двойных зигзага и сетка с многоугольными ячейками (рис. 87).

В крайней правой части основного панно обнаружены гравировки, расположенные на отдельном блоке, на высоте около полуметра над землёй (рис. 86).

Центральная фигура напоминает животное показанное в плане сверху. Оно ориентировано вертикально, состоит из овального туловища (верхняя часть), и опущенного от него вниз хвоста с двумя перехватами. Слева нанесены два знака: один в виде

Фото 126. Исаковская I писаница.

Фото 127. Исаковская I писаница. Рисунки 1-й группы.

Фото 128. Исаковская I писаница. Фрагмент.

трезубца, второй в виде двух дуг, выполненных сдвоенными линиями; двойной линией изображено и туловище животного. Ширина и глубина линий около 1 мм. Судя по твердости горной породы, скорее всего, рисунок вырезан металлическим предметом. По своему облику этот мотив ближе всего схематичным рисункам бобров в традиционном искусстве обских угров; именно для этих животных характерен столь крупный хвост (Иванов, 1954, с. 30). На наш взгляд, данный рисунок, судя по расположению в нижней части писаницы может воспроизводить тамгу (Широков, 2007, с. 42-48).

Писаница Исаковская II

Дислоцирована на территории муниципального образования «Алапаевское» Свердловской области, возле дер. Исаковой.

По левому берегу р. Режа, непосредственно у дер. Исаковой, протянулась скальная гряда высотой до 60 м (фото 129). На ней отмечены незначительные фрагменты краски от разрушенных древних рисунков (Широков, 2007, с. 48).

Фото 129. Исаковская II писаница.

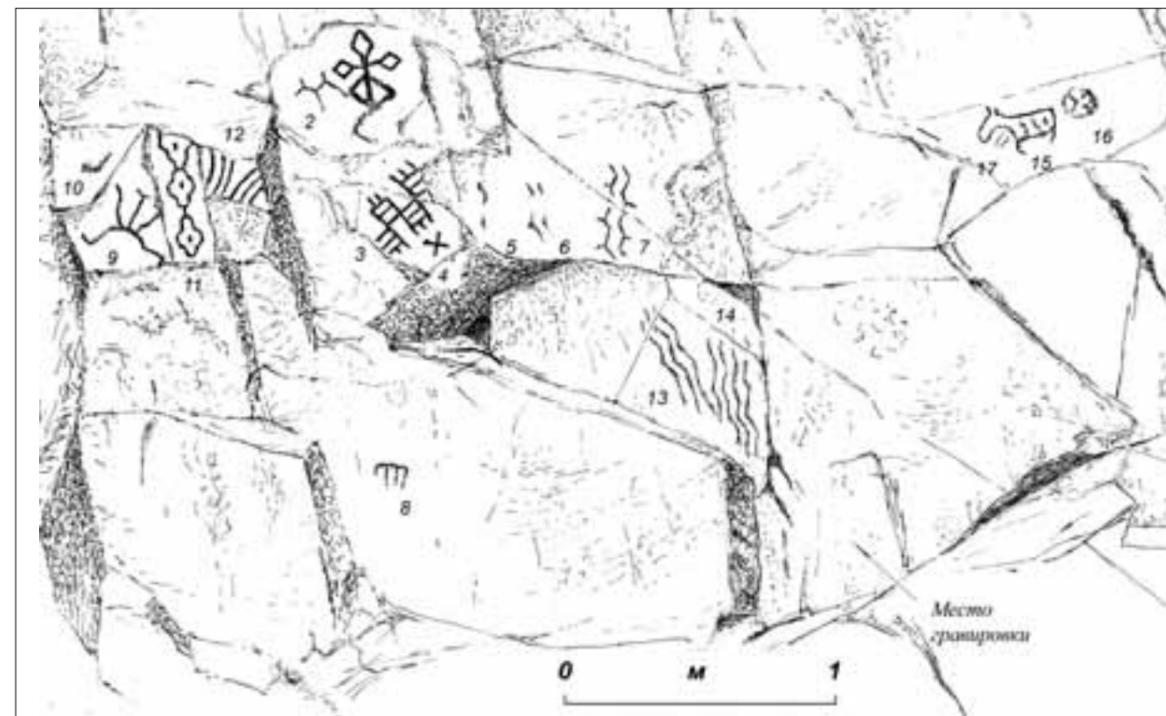

Рис. 85. Исаковская I писаница. Копия изображений групп 1 - 7. По В.Н. Чернецову с уточнениями и дополнениями.

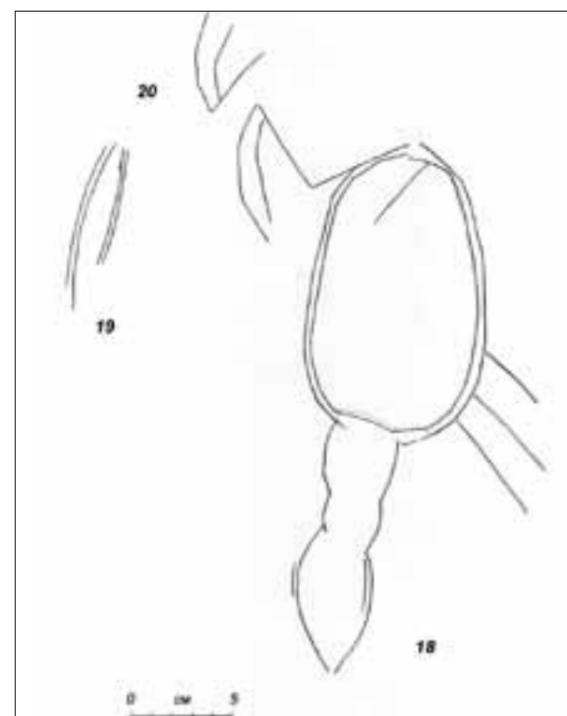

Рис. 86. Исаковская I писаница. Гравированные изображения.

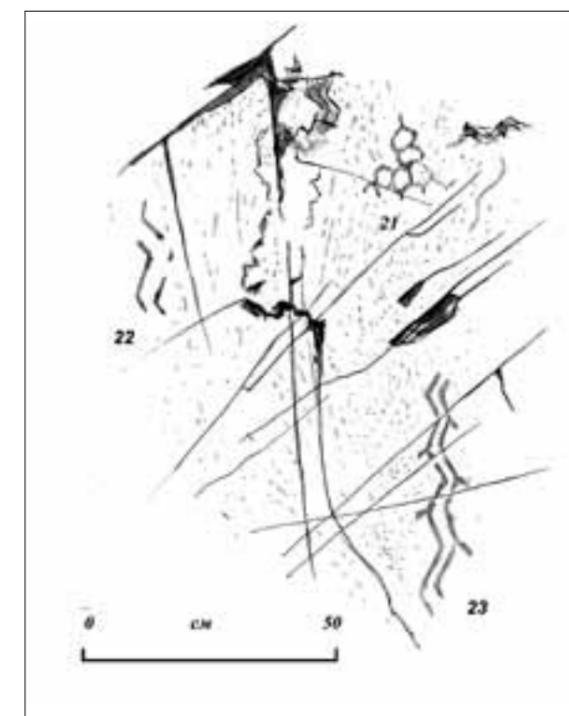

Рис. 87. Исаковская I писаница. Копия рисунков 8-й группы.

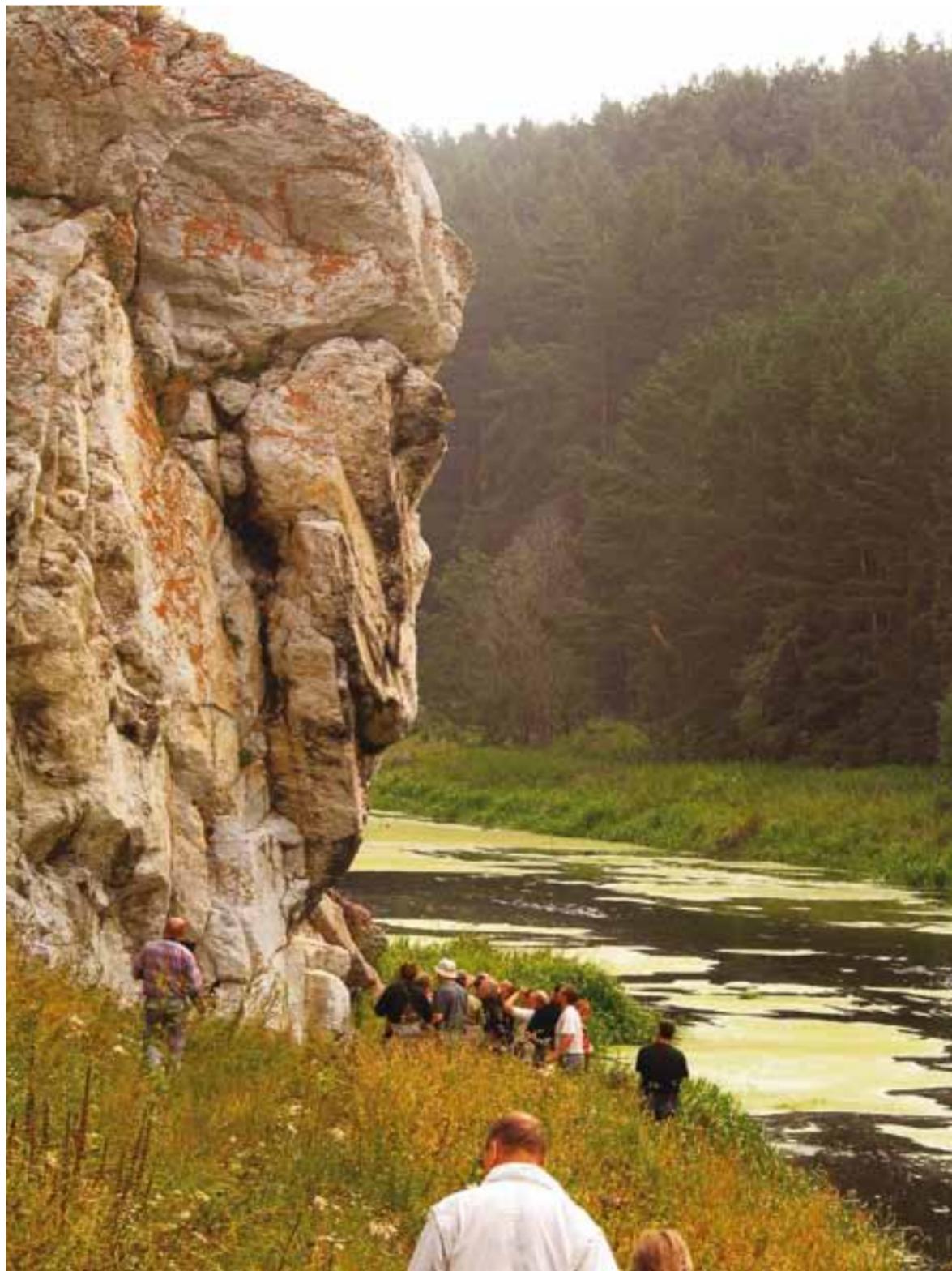

Фото 130. Ирбитский Писаный Камень.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ ИРБИТ

Ирбитский Писаный Камень

Расположен в Артемовском городском округе Свердловской области, на северо-восточной окраине с. Писанец (Писанского), на месте бывшей дер. Одиной.

Камень Писаный — скальное обнажение левого коренного берега р. Ирбита, ширина которого в этом месте около 30 м (фото 130). По правому берегу раскинулись сосновые леса. Некоторые рисунки на Писаном Камне разрушены антропогенным воздействием, одна группа рисунков и пещера в Камне полностью уничтожены взрывом. Площадка на вершине скалы имеет следы многочисленных раскопок.

Протяженность Писаного Камня вдоль реки около 30 м, высота около 13-15 м. Он выполнен среднеслоистым известняком, фасадная часть, обращённая к югу, вплотную подходит к воде.

Фото 132. Ирбитский Писаный Камень. Рисунок лося во 2-й группе.

Фото 131. Ирбитский Писаный Камень. Рисунки 1-й группы.

В настоящее время насчитывается три группы изображений. Первая группа расположена на ровной плите фасадной части Камня, защищённой сверху навесом, на высоте около 3,5 м над водой. В этом месте отмечены наложения рисунков и подновление некоторых из них, а также окрашенность отдельных участков поверхности скальной основы (фото 131, рис. 88). Среди рисунков первой группы выделяются две полные и одна частичная фигуры антропоморфных существ, изображение животного, вероятно, лягушки или медведя в так называемой жертвенной позе, сетки с шестиугольными полями, силуэтная фигура копыт-

ного, ряд отрезков и неопределённые изобразительные мотивы.

Во второй группе различима фертообразная антропоморфная фигура, остатки знаков и, может быть, копытного (рис. 89, 19-21).

В третьей группе (рис. 89, 22-25) изображено копытное (лось) (фото 132), схематичные фигуры животных в распластанной позе и пятно краски. Изображения Писаного Камня разновременные (Чернецов, 1971, с. 9-22; Широков, 2007, с. 49-53).

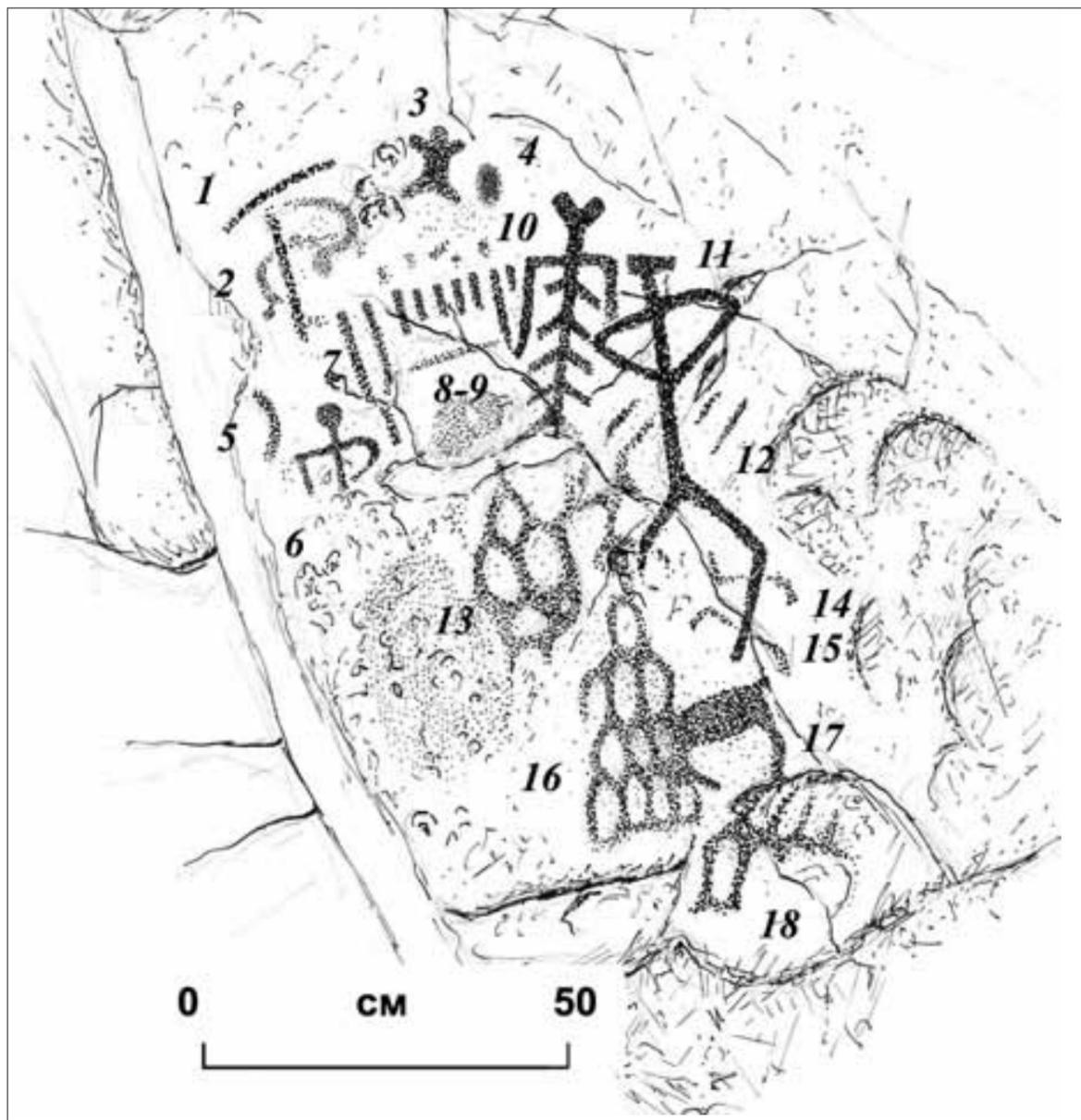

Рис. 88. Ирбитский Писаный Камень.
Копия изображений 1-й группы.

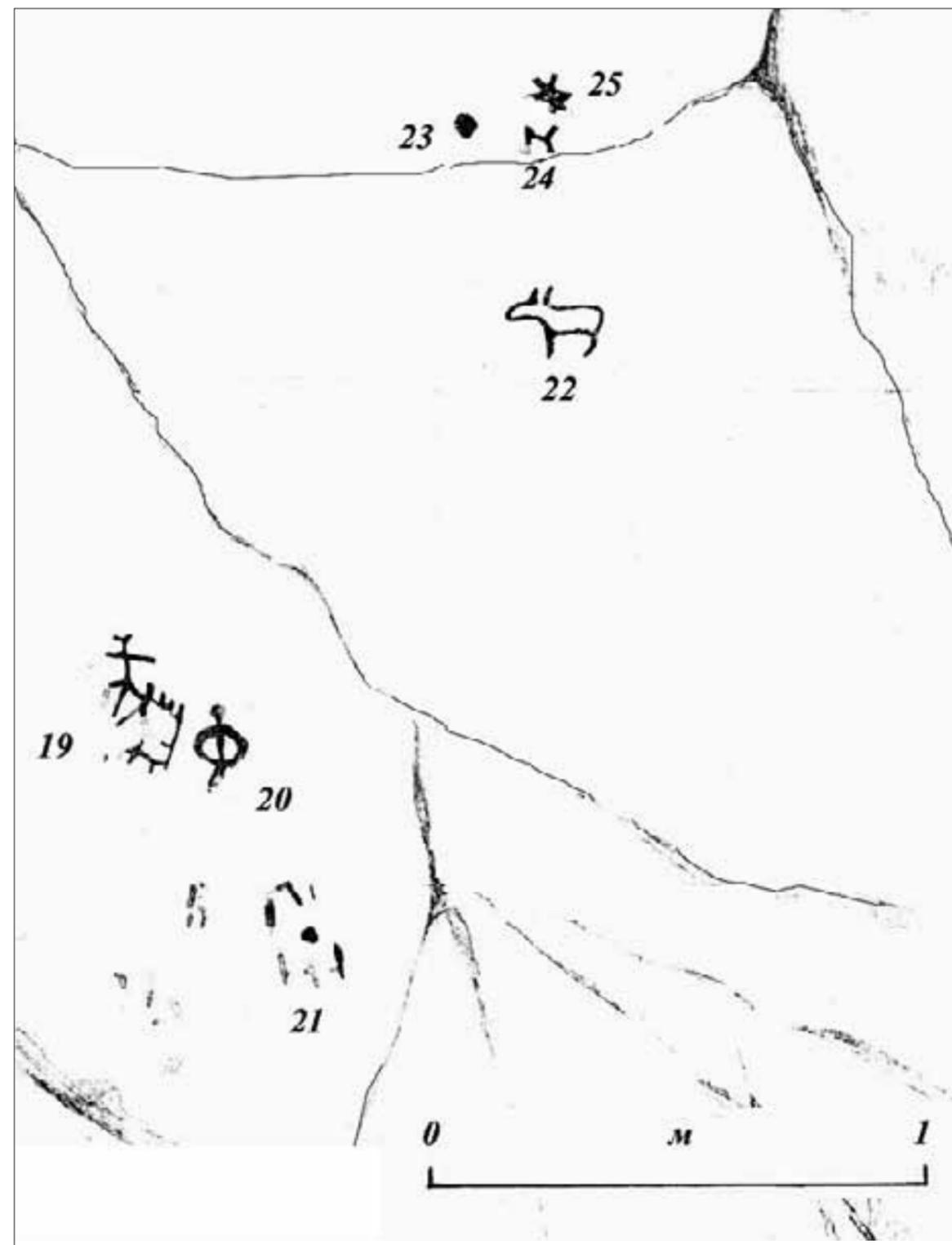

Рис. 89. Ирбитский Писаный Камень.
Копия изображений 2-й и 3-й групп. По В.Н. Чернецову с уточнениями.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ ЧУСОВОЙ

Писаница Коуровская

Расположена на территории Первоуральского городского округа Свердловской области, примерно в 2 км ниже по реке от с. Коуровка и в 300–400 м к западу от д. Слобода.

Скала с писаницей обращена к Чусовой тремя «бойцами», рисунки были нанесены на средний утёс (фото 133). Его высота над осыпью около 12 м. В этой части скалы 2 навеса. Первый навес, размерами 6 x 5,5 м, находится в устьевой части трещины, от него вглубь скалы идёт треугольный в сечении лаз. Пол под навесом покрыт рыхлыми отложениями, на поверхности были найдены фрагмент керамики и проксимальная часть отщепы. Скала и навес обращены к югу. Слева от навеса, через уступ

Фото 133. Коуровская писаница. Вид на скалу с остатками древних рисунков.

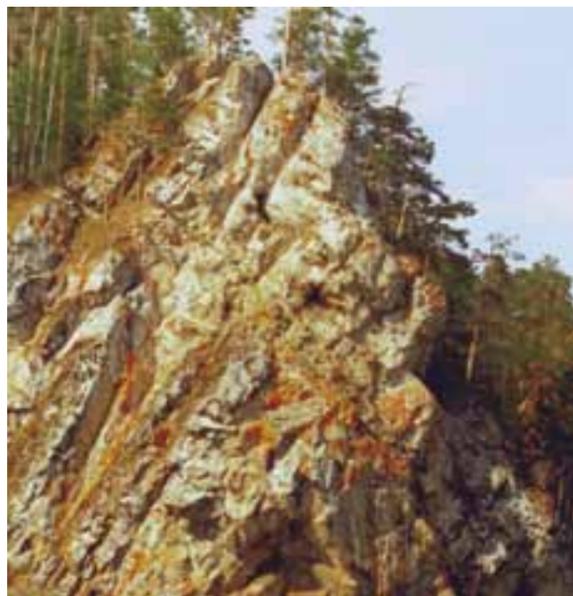

Фото 134. Камень Боярин.

находится грот размерами 3 x 1,5 x 1, м, от которого также вглубь скалы идёт узкий лаз.

Рисунки были нанесены под первым навесом, на треугольной плоскости, на высоте около 2 м над полом. На площади 0,5 x 0,6 м видны следы краски и фрагмент двойной дуги с зубцами. Из-за неудовлетворительной сохранности писаница не копировалась.

Писаница на Камне Боярин

Расположена на территории Первоуральского городского округа Свердловской области, на левом берегу реки Чусовой.

Камень Боярин возвышается над водой на 25–30 м, протяжённость его фасадной части вдоль реки также около 30 метров (фото 134). Экспозиция Камня южная, он окружён, преимущественно, хвойными породами деревьев.

В левой фасадной части камня, почти вплотную подходящую к воде, на высоте около 5 м над водой, на площади 0,5 x 0,7 м отчетливо видны 4 субпараллельные линии цвета тёмный краплак. Здесь же видны следы и более светлой краски, но разобрать какие-то законченные фигуры не удаётся (фото 135, рис. 90).

Фото 135. Рисунки на Камне Боярин.

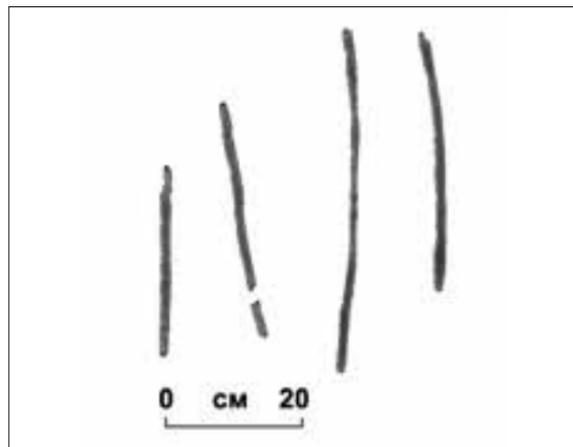

Рис. 90. Копия рисунков на Камне Боярин.

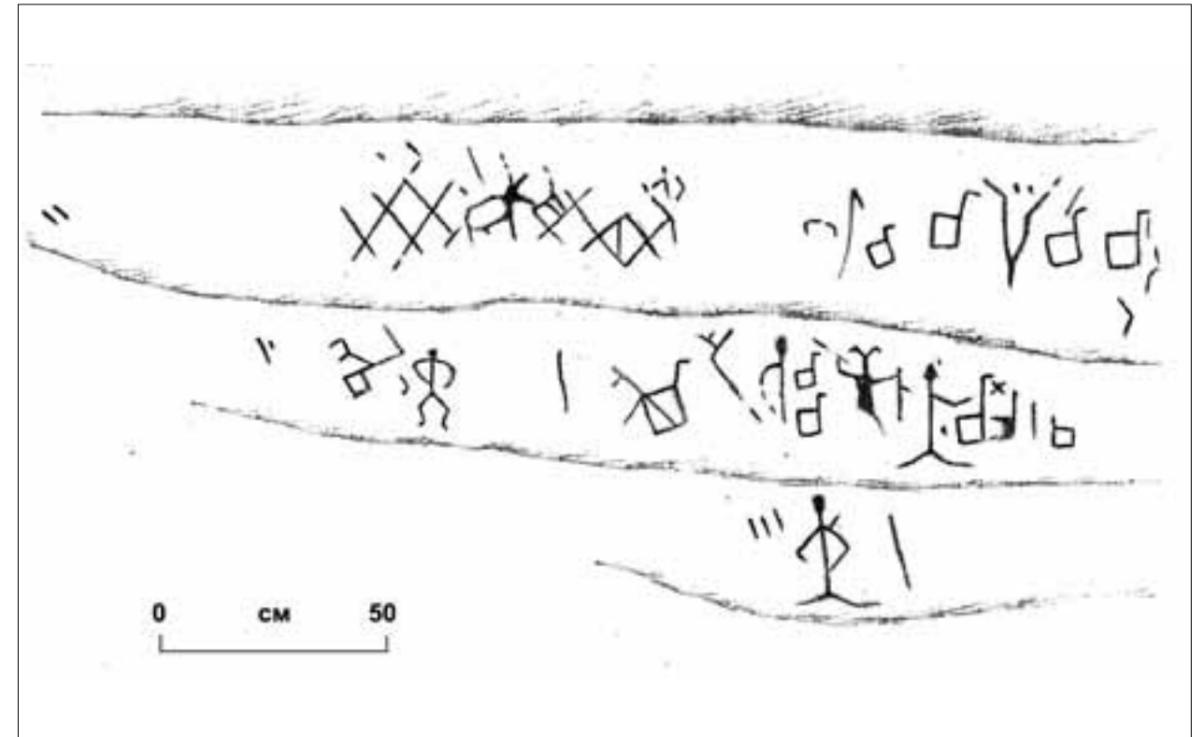

Рис. 91. Северская писаница. Копия изображений.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ ИСЕТЬ

Северская писаница

Находится на территории муниципального образования «город Екатеринбург» Свердловской области, приблизительно в 4 км к северо-востоку от пос. Северка.

Каменные палатки с древними изображениями находятся на безымянной горе, высотой около 40-50 м к северо-востоку от горы Медвежка, на правом берегу р. Исети, в 2-3 км от её современного русла (фото 138). Окружающий ландшафт гористо-лесистый, местами заболоченный, с преобладанием сосны среди древесных пород. Каменные палатки частично разрушены. Вероятно, здесь в XVIII-XIX вв. выламывали блоки камня для дальнейшего использования в строительстве г. Екатеринбурга.

В плане размеры каменных палаток достигают 10 x 14 м, а в высоту 5 м. Древние рисунки бледного коричневатого-красного цвета сохранились, в основном, на трёх горизонтальных блоках, обращённых к западу (фото 139). Наложений рисунков не отмечено. Среди фигур имеются: сетчатый мотив с заключённым в него копытным, около 9 изображений водоплавающих птиц, 4 или 5 антропоморфных существ, фрагмент розетки, V-образный знак, прямые и изогнутые отрезки, неопределённые изобразительные мотивы (рис. 91).

Фрагменты краски отмечены ещё на двух вышележащих блоках.

Фото 136. Северская писаница. Фрагмент.

Фото 137. Северская писаница. Фрагмент.

Фото 138. Северская писаница.

Фото 139. Рисунки Северской писаницы.

Фото 140. Писаница у оз. Мелкого на мысу Еловом.

Писаница у оз. Мелкого

Находится на территории муниципального образования «город Екатеринбург» Свердловской области, на правом берегу р. Исети, в 4–5 км к северо-западу от пос. Палкино. Древние рисунки расположены на северной стороне гранитной скалы высотой до 8 метров, под двухметровым козырьком (фото 140). На высоте около 1 метра над землей видны четыре сораз-

мерные фигуры, выполненные в два яруса (фото 141, рис. 92): в верхнем — водоплавающая птица и знак в виде ромба с опущенным на его верхний угол отрезком; в нижнем — две водоплавающие птицы. Птицы выполнены схематично: линией шириной от 1,5 до 2,2 см очерчены головы, шеи, туловища и крылья. Несмотря на схематизм, в облике птиц ощущается легкость и движение. Сохранность изображений плохая.

Фото 141. Писаница у оз. Мелкого.

Рис. 92. Писаница у оз. Мелкого.

Фото 142. Палкинская писаница.

Фото 143. Палкинская писаница.

Рис. 93. Копия Палкинской писаницы.

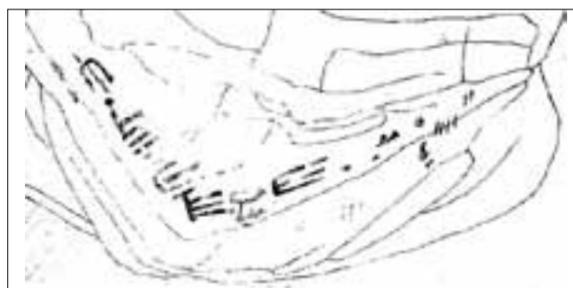

Рис. 94. Писаница Каменноостровская. Зарисовка В.Я. Толмачева. Фрагмент. По В.Н. Чернецову.

Писаница Палкинская

Расположена на территории муниципального образования «город Екатеринбург» Свердловской области на левобережье р. Исети, в 2 км к северо-востоку от пос. Палкино. Скала высотой до 3,5 м и протяженностью 40 м — одна из трёх на обширном острове среди пойменных болот и лугов р. Исети (фото 142).

В восточной части скалы близ небольшой ниши на высоте 2,1 м сохранился рисунок на плоскости, обращенной на юго-юго-восток. Фигура представляет собой ромб, на верхний угол которого опущен вертикальный отрезок (фото 143, рис. 93).

Писаница Шитовская

Находится на территории городского округа «Верхняя Пышма», на полуострове Балчуг южного бе-

рега Шитовского озера, в 350 м к югу от современной усадьбы лесника и базы рыбаков и охотников. Место, где обнаружены древние рисунки, называется Каменный Палец, или просто Палец. Есть устные сведения о том, что здесь до середины XX в. стоял вертикальный гранитный блок высотой до 7 м, впоследствии упавший и расколовшийся. На плоскости блока, обращенной к западу, на высоте от 1,5 до 1,7 м видны несколько линий и фрагмент изображения, напоминающего туловище копытного. Сохранность фигур неудовлетворительная. В шурфе возле писаницы обнаружены артефакты неолита и раннего железного века.

Писаница Макушинская

Расположена на территории муниципального образования «город Екатеринбург» Свердловской области, на правом берегу р. Исети, в 350 м к югу от автодороги и водовода, в 400 м к северо-западу от древнего поселения Макуша III. На южной стороне гранитных каменных палаток высотой до 10 м видны фрагменты неопределённых изобразительных мотивов.

Писаница Каменноостровская

Находилась на острове Палатки (Каменном) — гранитной скале вблизи острова Липового на Исетском озере. В 1870-х гг. обследовавший её М.В. Малахов сообщил об увиденных с восточной стороны следах красной краски. По его мнению, «характер здешних письмён имеет большое сходство с прочими уральскими «писанцами»: те же знаки, сделанные красной краской, вертикальные прерывающиеся черты и решётки». Зарисовка изображений выполнена в 1914 В.Я. Толмачевым. Опубликовавший рисунки В.Н. Чернецов справедливо отметил присутствие на писанице нескольких фигур птиц (рис. 94). В 1940 г. писаница обследована П.А. Дмитриевым и Е.М. Берс, отметившими в этом месте только незначительные следы краски. До настоящего времени памятник не сохранился (Берс, 1951, с. 210; Чернецов, 1971, с. 41-41).

Писаница Гамаюнская (писанец у дер. Палкино)

Кратко упоминается в работе Е.М. Берс со ссылкой на О.Е. Клера. По этим данным, писаница находилась на левом берегу Исети у впадения её в Верх-Исетский пруд, «на скалистых возвышениях мыса Гамаюн». Неоднократные попытки отыскать здесь изображения не имели успеха: вероятно, писаница погибла (Берс, 1951, с. 217).

Писаница на восточном берегу Исетского озера

Известна по работе Е.М. Берс. Древние рисунки находились на «гранитных каменных палатках длиной 40 м и высотой 14 м, расположенных среди болот к северо-востоку от дер. Мурзинка и к северо-западу от острова Елового». В 1914 г. (?) В.Я. Толмачевым и Н.А. Рьжниковым на поверхности скалы в двух местах обнаружены следы краски (Берс, 1951, с. 206). Вероятно, рисунки находились на острове с невысокими каменными палатками, фасадная часть которых полностью покрыта современными граффитти.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ СЕРГЕ

Сергинский Писаный Камень (Сергинская писаница)

Находится в Нижнесергинском муниципальном районе Свердловской области, в 4-6 км к юго-востоку от пос. Бажуково.

Писаница расположена на левом берегу р. Серги — притоке р. Уфы, примерно в 2-3 км ниже по течению от Дыроватого Камня. Скала, протяжённостью вдоль реки около 40 м и высотой около 30 м, сложена неслоистым известняком светло-серого цвета. Фасадная часть обращена к югу (фото 144).

Древние изображения нанесены на высоте 5-6 м над водой под навесом, на стене, отвесно обрывающейся в воду. Рисунки были

сделаны с небольшой скальной полки, на двух перпендикулярных друг к другу плоскостях.

В первой группе (слева) сохранились: антропоморфная фигура в фертообразной позе, два копытных в рентгеновском стиле, две смежные многоугольные формы. Выше этих фигур на копии В.Н. Чернецова показаны дуга и окружность — обе с зубцами. Нами эти фигуры не обнаружены: на этом месте виден лишь неопределённый мотив. Во второй группе (справа) сохранилась аналогичная антропоморфная фигура в фертообразной позе, ряды пятен или небольших отрезков и неопределённые изобразительные мотивы (Фото 145, рис. 95).

В марте 2011 г. Ю.М. Мамаев увидел в левой части Камня неизвестные ранее рисунки — третью группу. Она расположена на той же высоте, что и предыдущие две группы изображений. К большому разочарованию, здесь не сохранилось ни одной целой фигуры. Видны лишь фрагменты неfigurативных мотивов.

Фото 144. Сергинский Писаный Камень.

Фото 145. Сергинская писаница.
1-я и 2-я группы рисунков.

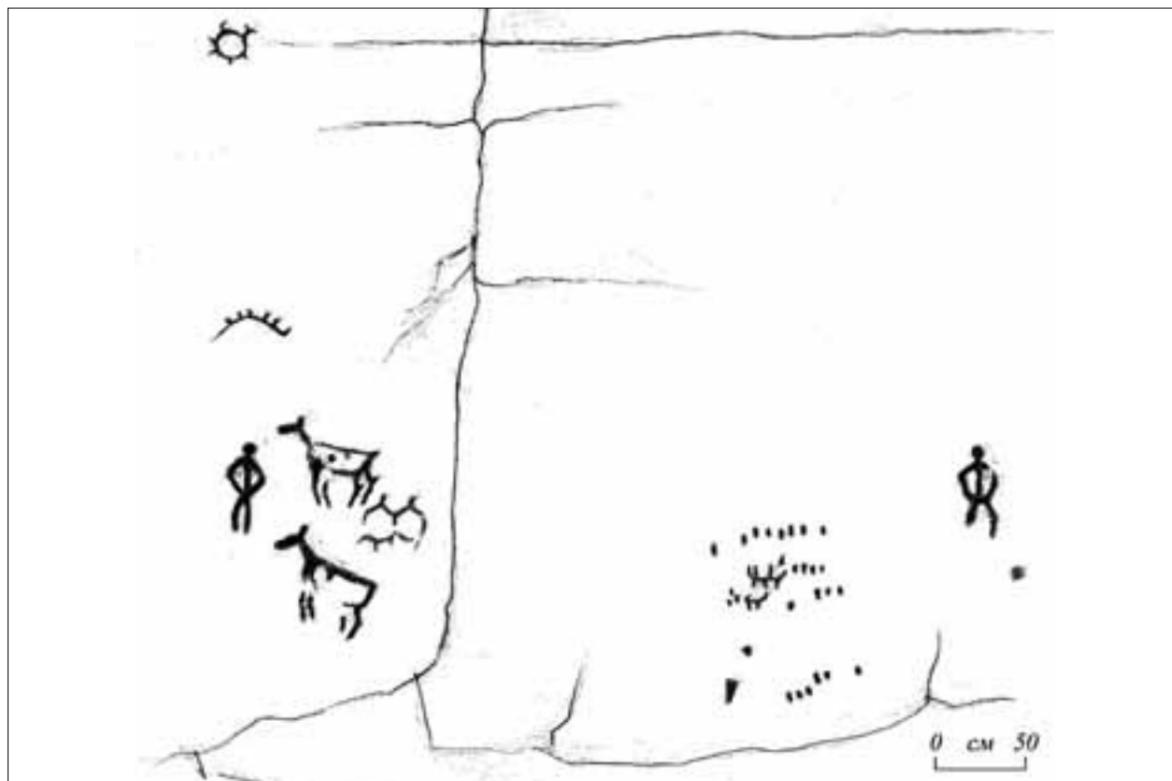

Рис. 95. Копия изображений 1-й и 2-й групп
Сергинской писаницы. По В.Н. Чернецову.

ГЛАВА 4. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ

Уральские писаницы являются частью археологического универсума и, как любые другие артефакты, способны стать объектом упорядоченного группирования на основании общности признаков для выделения условных типов внутри рассматриваемой выборки. Выделенные типы, при сравнении их с другими археологическими комплексами, могут помочь в выявлении культурных типов, регламентированных местом, временем и функцией, поскольку: «Типы, выделенные по совстречаемости в комплексах, всегда одновременно оказываются одинаково локализованными в пространстве и во времени, т.е. целые группы типов, связанных структурными отношениями, как правило, имеют свой ограниченный ареал распространения и существуют в определенный отрезок времени» (Классификация в археологии, 1990, страница 13). Отсюда появляется хорошая возможность решения проблемы датирования наскальных рисунков.

Все изображения на скалах Среднего и Северного Урала можно разделить, в соответствии с научной традицией, на три большие категории: фигуративные изображения, нефигуративные, и неопределенные. Фигуративные мотивы включают рисунки животных и человекообразных существ, нефигуративные состоят из различных геометрических изображений, или знаков. Неопределенные изобразительные мотивы названы так по нескольким причинам. Одни из них не поддаются уверенному распознаванию в силу плохой сохранности; другие невозможно дешифровать безошибочно из-за наложений рисунков друг на друга, т.е. палимпсестов. Есть и незаконченные рисунки, или кажущиеся нам таковыми.

Конечно, это самый общий уровень классификации мотивов, включающих достаточно разнородные произведения. Например, среди животных представлены рисунки зверей и птиц. А вот рыбы в репертуаре наскальных образов чрезвычайно редки: есть только одна бесспорная фигура на Вишерском Писаном Камне (фото 5). Несколько больше амфибий и рептилий, однако, воспроизведенных в знаковой форме. Известны изображения насекомых.

Массив фигуративных изображений распределяется на несколько групп: орнитоморфных, или птицевидных мотивов; териоморфных, или звероподобных; антропоморфных, или человекообразных существ; ихтиоморфных, или рыбоподобных. Внутри групп мотивы подразделяются на различные типы и разновидности.

Для териоморфных и орнитоморфных рисунков основанием классификации являются различия, в первую очередь, в моделировке туловища. Оно может быть передано тонированным силуэтом, незамкнутой линией, замкнутым контуром, а также замкнутым контуром с внутренним заполнением, или так называемым «рентгеновским/скелетным» способом. Различия в трактовке других частей тела позволяют выделять разновидности фигур. Таким образом, осуществляется иерархическая классификация мотивов с взаимозависимым набором признаков. Один из типов представлен рисунками отдельных частей тела животных.

Основным признаком для типологизации антропоморфных рисунков служит моделировка головы. Дальнейшее членение учитывает положение рук и ног, трактовку туловища. В отдельные типы выделены так называемые личины, а также один всадник.

Подсчеты дают следующую картину: количество орнитоморфных рисунков 66, териоморфных около 103, антропоморфных 94, ихтиоморфных 1. К нефигуративным отнесено около 452 мотивов. Всего, таким образом, на писаницах Среднего и Северного Урала подсчитано около 716 изобразительных мотива (без неопределенных). Приблизительность подсчетов обусловлена спорностью их выделения на отдельных писаницах.

Остается добавить, что почти все фигуры птиц и зверей выполнены в профиль. Человекообразные фигуры показаны преимущественно фронтально, однако есть рисунки и в трехчетвертном развороте, когда голова и конечности показаны в профиль, а туловище анфас.

Фигуративные мотивы

Звероподобные мотивы

Фигуры зверей представлены немногими видами. Самое большое количество рисунков копытных — 95 вместе с изображениями отдельных голов. Преобладают лоси, в подчиненном количестве олени и косули; есть 5 рисунков медведей и 1 медвежьей лапы, по 2 и 1 мотиву приходится на собаку и лисицу соответственно. В отдельные типы выделены изображения животных, показанных в плане (табл. 1). 40 фигур ориентировано головой вправо, 63 влево, включая частичные.

Как уже говорилось выше, наиболее важным типоразличительным признаком служит, по нашему мнению, трактовка туловища. К первому типу отнесены фигуры с тонированным силуэтом, ко второму — с контурным, к третьему — с внутренним заполнением, (так называемый «рентгеновский» стиль, когда у зверей показывается ребра и/или внутренние органы) к четвертому — с линейным. В пятый тип выделены изображения отдельных частей животных, среди которых одна медвежья лапа, четыре лосиных головы, одно копытное без головы и два без ног. Разновидности образуют: количество и положение конечностей и ушей, наличие хвоста или внутренняя «отделка» фигур с внутренним заполнением. Форма туловища почти всех животных промежуточная между овалом и четырехугольником, или близкая к прямоугольнику. У отдельных особей рисунок корпуса выполнен овалом с приостренной задней частью, как у птиц; иногда у зверей показан хвостик.

Кроме копытных известны еще рисунки медведя. Их 4 на тагильских скалах и 2 на Вишерском Писаном Камне. Есть еще изображения, которые, опираясь на обско-угорскую изобразительную традицию, также можно интерпретировать как схематичные воспроизведения зверей в плане; другие с точки зрения формальной классификации следует отнести к знакам (В.Н. Чернецов называл их орнаментализованными фигурами животных). Имеются ввиду Ирбитская писаница, «Двуглазый Камень», Нижний Балабанский утес и некоторые другие. Ри-

Таблица 1. Типы звероподобных мотивов на скалах Северного и Среднего Урала

Название памятника	Тип					
	Силуэтный	Контурный	"Рентгеновский"	Линейный	Отдельные части тела	Вид в плане
Моховой Камень						
Витперский Писаный Камень						
Салдинская I						
Камень Балабан I						
Соволий Камень						
Новокизовская писаница						
Земновская писаница						
Нижний Балабанский утес						
Змиев Камень						

Продолжение таблицы 1

Кирьяшевская						
Маскальская I						
Тагильский Писаный Камень						
Соколинские утесы						
Коптелов Камень I						
Косой Камень						
"Двуглазый" Камень						
Аятская писаница						
Бородинская I писаница						
Бородинская II писаница						
Раскатихинская писаница						
Исаковская I писаница						

Продолжение таблицы 1.

Шайтан Камень					
Ирбитский Писаный Камень					
Северская					
Сергинский Писаный Камень					

Примечание: в таблицах приведены не все изобразительные мотивы, а только те, которые можно уверенно отнести к какому-либо типу.

сунки одних напоминают медведей в так называемых жертвенных позах, известных по отливкам из цветного металла в эпоху железа, когда они изображались в плане сверху с мордой, положенной между передних лап. Существует обоснованное предположение, что это изображения не медведей, а их шкур с головой: именно так их укладывали на знаменитых медвежьих праздниках, о которых речь пойдет впереди. Эта аналогия с литьем позволяет дешифровать и некоторые иные фигуры, показанные в плане. Интересно, что эти фигуры парные, их начертание напоминает человекообразных существ и именно поэтому они иногда принимались за антропоморфные мотивы. Фигуры выполнены в линейной манере, как и многие антропоморфные, но в отличие от последних их передние конечности обращены «вверх», к морде, тогда как у антропоморфов они практически постоянно опущены вниз, и только у трёх существ положение рук в антитезе. Изображения нарисованы тремя перекрещивающимися линиями, образующими голову, туловище, передние и задние конечности, обращённые, соответственно вверх и вниз; у одного существа из этой пары всегда показан хвост.

Интересно, что они на писаницах занимают периферийные участки. По их внешнему облику совершенно невозможно судить о видовой принадлежности, ясно только (по аналогии с культовым литьем), что в данном случае воспроизведены какие-то небольшие животные, напоминающие бобров, выдр и ящериц. Отдельные геометрические мотивы можно интерпретировать в качестве змей и лягушек, но, с точки зрения классификации, они относятся к нефигуративным мотивам.

Птицевидные мотивы

Кроме зверей на скалах многочисленны и рисунки птиц. Их видовое разнообразие также не очень богато. Судя по внешнему облику, пропорциям туловища, шеи и головы, изображены, главным образом, перелётные водоплавающие птицы, в первую очередь утки и гуси. На Змиевом Камне в отдельных фигурах с длинной шеей и изящной «отделкой» угадываются лебеди. Выделенный хохолок на голове некоторых птиц выдает в них представителей отряда поганкообразных и/или гагар. Невозможно видовое или, тем более, подвиговое определение птиц из-за схематичности их воспроизведений.

Таблица 2. Типы птицевидных изображений на скалах Северного и Среднего Урала

Название памятника	Тип			
	Силуэтный	Контурный	«Рентгеновский»	Линейный
Корелинские каи				
Соколинские утесы				
Писаный Камень				
Змиев Камень				
Зенковская				
Бородинская II				

Продолжение таблицы 2.

Раскатихинская				
Сохаревская				
Шайтан Камень				
Коптелов Камень II				
Старичья				
Писаница у оз. Мелкого				
Северская				

Всего подсчитано 66 фигур. Все они показаны в профиль и по-разному ориентированы: головой вправо 35, влево 30, 1 вверх. Важным различительным признаком для выделения разновидностей в этой группе мотивов служит трактовка туловища, тогда как шея почти всех птиц показана одной вертикальной или наклонной линией. Голова обычно показана коротким отрезком без какой-либо детализации (шея и голова некоторых птицевидных мотивов на Змиевом Камне показаны сдвоенной линией). К первому типу отнесены рисунки птиц с силуэтным туловищем, ко второму с контурным, к третьему с внутренним заполнением контура, к четвертому с линейным. Рисунки с контурным туловищем 2-го типа распадаются на следующие раз-

новидности: 1) с четырёхугольным туловищем; 2) с овальным, зачастую с приостренной гузкой; 3) с контурным туловищем и контурным крылом; 4) с линейным туловищем и контурным крылом. Третий тип представлен 4 разновидностями: 1) с подтреугольным туловищем; 2) с четырёхугольным с линейным заполнением; 3) с четырёхугольным туловищем и пятнами внутри; 4) с туловищем в виде многоугольных ячеек. В четвертом типе выделено 3 разновидности: 1) с линейными туловищем, крыльями, шеей и головой; 2) с туловищем и крыльями с дополнительной отделкой; 3) с туловищем и крыльями в виде отдельных штрихов (табл. 2).

Таблица 3. Типы изображения антропоморфных фигур на скалах Северного и Среднего Урала

Название памятника	Тип						
	Лицевая голова или ее отсутствие	Контурная голова	Силуэтная голова	Двууголие	Треугольная	Личины	Оригинальные "головные уборы"
Моховой Камень							
Вишерский Писанный Камень							
Корельская							
Балабан I							
Новокиловская							
Караульный Камень							
Зенковская писаница							
Змиев Камень							
Кирьяшевская писаница							
Маскальская I писаница							
Маскальская III писаница							
Маскальская IV писаница							

Продолжение таблицы 3.

Тагильский Писаный Камень						
Совальнинские утесы						
Старичья						
Бородинская I						
Бородинская II						
Шайтан Камень						
Гостыновская						
Сохаревская						
Исаковская						
Раскатилинская						

Продолжение таблицы 3.

Ирбитский Писаный Камень						
Северская писаница						
Сергинский Писаный Камень						

Человекообразные мотивы

Весьма разнообразные мотивы — всего 94, включающие как антропоморфных существ, так и существ смешанной зоо-антропоморфной природы. Основным типоразличительным признаком для них служит трактовка головы. Положение конечностей и способ передачи туловища образуют множество разновидностей (табл. 3).

К первому типу отнесены фигуры с тонированной головой. Ко второму типу, весьма малочисленному отнесены рисунки с контурной головой, к третьему — с линейной. Двурогие антропоморфные существа выделены в четвертый тип. Две фигуры с треугольной головой объединены в пятый тип, к шестому отнесены изображения с оригинальным оформлением головных уборов, к седьмому — личины. Отдельный восьмой тип составляет единственный рисунок всадника.

У фигур полной сохранности почти всегда есть руки. Исключение представляют антропоморфные мотивы на скале Зенковской, Писаном Камне с реки Тагил и некоторые другие. Обычно человекообразные существа изображены с руками, согнутыми в локтях и опущенными вдоль корпуса, а также на поясе или бедра (так называемая «фертообразная» поза от схожести её с буквой «Ф» кириллицы). Чаще руки в этой позе имеют округлые очертания, реже угловатые. Ещё один способ — передача верхних конечностей прямыми отрезками, обычно направленными в стороны и вниз. Только трижды руки показаны в антитезе: одна вверх, другая вниз; известно и горизонтальное их расположение. У абсолютного большинства фигур ноги изображены полусогнутыми, что придаёт этим существам динамику движения, пляски. На Вишерском Писаном Камне есть рисунки личин.

Туловище может быть линейным, то есть выполненным одной линией, реже силуэтным или контурным; в некоторых случаях показаны ребра и позвоночник.

Форма головы и рогов, положение рук, ног, наличие между ногами хвоста и /или фаллоса, некоторые детали оформления корпуса и конечностей образуют множество вариантов.

Нефигуративные мотивы

Под нефигуративными мотивами исследователи наскального искусства понимают абстрактные, геометрической формы рисунки, в которых непосредственно не явлен денотат самого изображения на уровне непосредственного распознавания. Эти мотивы называют также знаками, в отличие от образных мотивов — рисунков человекообразных существ, зверей или птиц.

Наскальное искусство Урала богато нефигуративными мотивами. Среди них выделяются:

1. Пятна или небольшие штрихи—61;
2. Прямые отрезки, или линии—41;
3. Волны—19;
4. Зигзагообразные—69;
5. Дугообразные—31;
6. Гребневидные—18;
7. Ступенчатые мотивы—8;
8. Окружности и овалы—35;
9. Углы, включая «вложенные»—28;
10. Треугольные—3;
11. Четырёхугольные—22;
12. Многоугольные — 11;
13. Крестообразные — 16;
14. Сетки, включая цепочки—39;
15. Параболы — 4;
16. Эллипсовидные—10;
17. Сегментовидные—1;
18. Авиаформы — 3;
19. Растительнообразные мотивы—5;
20. Лодкообразные — 1.

Существует множество вариантов нефигуративных мотивов, придающих индивидуальные черты почти любому из них.

Распределение нефигуративных мотивов в пространстве крайне неравномерно. Большая часть знаков выявлена на тагильских писаницах — 203. Именно там преобладают окружности, овалы и дуги (солярные и небесные символы, по убедительному мнению В.Н. Чернецова), многоугольники и сетки с многоугольными полями, параболы, известен единственный бесспорный лодкообразный мотив, сложные знаки и растительные мотивы. В бассейнах других рек они либо отсутствуют вовсе, либо представлены на отдельных многофигурных писаницах. В долине Режа к ним относятся Шайтанская, Бородинские I и II писаницы, в долине Нейвы — «Двуглазый» Камень, в долине Исети Северская писаница.

ГЛАВА 5. ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ И СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Определение даты археологических вещей и остатков сооружений, а, в нашем случае, времени создания наскальных фигур — одна из главных задач археолога. Не зная возраста рисунков невозможно предложить их корректную интерпретацию, так как неизвестен их культурный контекст в широком смысле слова. До середины XX в. археология располагала ограниченным набором способов датирования и опиралась, главным образом, на историко-культурные и стратиграфические данные. После указанного времени развитие получили биологические, физические и химические методы датировки.

Выделяют два основных типа операций датирования — относительное и так называемое «абсолютное». Определение относительной датировки предполагает последовательное распределение двух или более предметов либо археологических комплексов на временной оси — от ранних к поздним. Термин «абсолютная дата» не свидетельствует об абсолютной точности; он лишь предполагает датировку единичного объекта в рамках применяемого метода, а не временную последовательность нескольких объектов. Оба вида датирования одинаково важны и широко применяются в археологии.

Датировка наскальных изображений представляет значительные трудности. На возраст вещи указывают такие датирующие признаки, как форма, функция, материал, технология изготовления. Обычно вещь из раскопа стратиграфически обусловлена и находится в контексте с другими вещами. Существует также ряд естественнонаучных методов получения «абсолютных» дат. Древние наскальные изображения чаще таким преимуществом не обладают. Отсюда и те трудности, которые встают при их датировке, что вызывает порой столкновение диаметрально противоположных мнений. В отношении уральских писаниц это видно на примере позиций двух исследователей. А.А. Формозов неоднократно высказывал мнение о датировке наскальных изображений Урала неолитом — эпохой бронзы (Формозов, 1950; 1969; 1973), тогда как В.Н. Чернецов определял более широкие хронологические рамки существования традиции нанесения изображений на скалы — от неолита/позднего мезолита до средневековья (Чернецов, 1964, с. 18-22; 1971, с. 107-110).

Как уже говорилось выше, методы определения возраста наскальных изображений можно разделить на две большие группы: историко-культурные и естественнонаучные.

Историко-культурные методы содержат календарное, типологическое (сюжетно-типологическое), иконографическое и техно-стилистическое датирование.

Естественнонаучные методы опираются на физико-химические, геологические (в первую очередь геоморфологические и стратиграфические) и биологические данные.

В рамках двух групп разворачивается «абсолютное» и относительное датирование. Эти методы имеют различную ценность. Некоторые достигают ранга уверенности, другие вероятности; однако и субъективизм, и дискуссионность результатов чаще

всего остаются. Возможность применения тех или иных методов зависит и от техники создания наскальных фигур, и от географического региона их местоположения.

Естественнонаучные методы

В последние десятилетия активно развивается метод радиоуглеродного датирования пигментов изображений, в основном, пещерных палеолитических (Bowman, 1990; Chaffee, Hyman And Row, 1994; Russ, J., Hyman, M., Shafer, H. J. & Rowe, M. W. 1990; Lorblanchet, 1995, и др.). Прогресс в применении метода радиоуглеродного датирования связан с использованием масс-спектрометра. Он дал возможность измерять массы мельчайших частиц, а также значительно ускорить процесс обработки образца (AMS 14C метод). Метод позволил значительно снизить количество анализируемого материала и измерять концентрацию индивидуальных изотопов углерода. Теперь можно получить дату для образца, содержащего менее 1 мг углерода, что позволяет отбирать пробы самого пигмента росписей без ущерба для них.

К настоящему времени таким способом датированы изображения многих памятников как в Старом, так и в Новом свете (Bahn, 1989; 1998). Эти первые даты произвели настоящий фурор среди специалистов по палеолитическому искусству и вызвали много дискуссий. Впервые они выполнены и для рисунков на территории России, в Игнатьевской пещере (Steelman, Rowe, Shirokov & Southon, 2002; Широков, 2006). Метод относится к наиболее перспективным и точным, однако при интерпретации полученных с его помощью результатов необходимо учитывать множество самых разнообразных факторов контекста рисунков. Разумеется, метод применим лишь для пигментов, содержащих органический компонент растительного или животного происхождения.

Возможны также датировки органических включений в различных минеральных корочках, перекрывающих изображения. Понятно, что устанавливается не сам возраст рисунков, а лишь прекрывающих их отложений. Так были получены даты для некоторых палеолитических наскальных изображений под открытым небом в Португалии.

К радиометрическим относятся методы датирования изотопов неравновесного урана: радий-урановый, радий-актиниевый, иониевый (ториевый), протактиниевый. Радий-актиниевым и радий-урановым методами были проведены определения ископаемых костей Ташик-Таша и Ильской. Методом изотопов тория и урана датирован ряд палеолитических памятников Кавказа (Колчин, Шер, 1972, с. 4). В настоящее время радий-урановым методом получены датировки для пещеры Ляско, которые удвоят возраст изображений до приблизительно 25 тыс. лет. Группой исследователей под руководством А. Пайка (Бристольский университет) отобраны образцы для датировки и из других декорированных пещер Западной Европы. Метод основан на том, что на протяжении тысячелетий по скальным стенам вместе с карбонатом кальция стекал растворенный в воде радиоактивный уран. Карбонат кальция образовывал меловые отложения, становившиеся «ловушкой» для урана. Со временем данный радиоактивный элемент распался и превращался в торий. Сопоставляя соотношения урана и тория в слоях, образовавшихся

поверх наскальных рисунков, можно установить их приблизительный возраст.

Ряд методов датирования исходит из того, что на многих минералах или горных породах образуется отличающийся от них химически и физически наружный слой — патина. В этой патине содержится более или менее постоянная концентрация оксида титана и постепенно уменьшающаяся концентрация оксидов кальция и калия, поскольку эти последние легче растворяются в воде. Соответственно, измерив количество этих веществ в патине, покрывающей наскальное изображение, и вычислив, какое время требовалось для сложения данной их пропорции, можно определить его дату. Считается, что для каждого региона характерна также своя интенсивность выщелачивания скальной породы, что может служить для целей датирования. Эксперименты в области использования этого метода углубили нижнюю хронологическую границу сферы его применения на несколько сотен тысяч лет. Метод пригоден для вырезанных или выбитых изображений.

Основательно разработаны датировки изображений в Карелии, основанные на изучении гидрологии и геоморфологии региона (Лобанова, 1993; Poikalainen, Ermits, 1998; Жульников, 2010, с. 62-69;). В период отступления ледника около 10 тысяч лет назад происходило компенсационное поднятие суши и сток озерно-ледниковых бассейнов. В результате образовалась серия террас, к бровкам которых приурочены древние петроглифы. Самые древние из них находятся выше тех, что моложе и ниже.

Стратиграфические датировки возможны тогда, когда плоскости с изображениями перекрыты датированными отложениями. Бывают также случаи, когда отвалившиеся от стены куски породы с рисунками находят в слое с артефактами, возраст которых установлен. Например, в Каповой пещере в культурном слое был найден блок известняка с фрагментом рисунка мамонта, что позволило доказать сопряженность во времени фигур на стенах и слоя посещения, оставленного древними людьми. Стратиграфические наблюдения можно производить и по отношению к самим изображениям, в случае перекрытия одних рисунков другими. Но без привлечения дополнительных данных трудно решить, насколько нижние изображения моложе верхних.

К этой же теме, как справедливо указывает Я.А. Шер, «относится часто возникающий вопрос о связи петроглифов с расположенными в непосредственной близости от них памятниками, которые, однако, не включают в себя камней с рисунками и не перекрывают их. Нередко такое соседство считается достаточным для хронологических характеристик петроглифов: иногда это делается даже без раскопок памятников, только по их внешнему виду». Автор считает такой подход не обоснованным (Шер, 1980, с. 171). Конечно, если памятник не был раскопан даже частично, говорить о какой-либо взаимосвязи его и древних рисунков преждевременно. Но в том случае, если раскопки проводились, есть основания для заключения о взаимосвязи культурного слоя и изображений, даже если в первом и не содержится данных для применения собственно стратиграфического метода. На этот вопрос может ответить характер раскопанного объекта, устанавливаемый на основании анализа раскопанных остатков, содержащихся в слое. Если комплекс остатков носит поселенческий облик, то

связь рисунков с ним проблематична, а если комплекс ритуальный, то его связь с изображениями наиболее вероятна. О культово-ритуальной специфике может свидетельствовать и топография, так как есть случаи, когда археологические остатки определённо не могли появиться возле рисунков в результате поселения или кратковременной остановки охотников-собирающих. На р. Уфе, возле ж/д станции Арасланово, В.Т. Петринным была обнаружена писаница (1971). В результате проведенных раскопок на небольшой площадке под рисунками были обнаружены вещи середины — второй половины I тыс. н.э. Так как комплекс был однослойным, а топография слоя с вещами в нем не вызвала сомнений в их взаимосвязи с нанесёнными рисунками, то последние и были датированы тем же временем (Петрин, 1977). Однако большинство так называемых жертвенных мест вблизи писаниц на Урале содержит разновременные вещи, датируемые в широких пределах, от позднего каменного века и, подчас, до XIX - XX вв. В этих случаях говорить о точной дате нанесения изображений гораздо труднее. Видимо, по наиболее раннему комплексу можно высказать предположение о нижней границе появления рисунков на скале, но вопрос, наносились ли изображения в последующее время решить куда сложнее. Возможно, в более поздних культовых церемониях использовались старые изображения, кроме того, не исключена вероятность ретуширования старых изображений. Для более точного решения последних вопросов должны использоваться дополнительные наблюдения.

Датирование по рацемизации аминокислот может применяться для определения возраста органических веществ, в первую очередь — сохранившихся в костях протеинов. Входящие в состав протеинов аминокислоты существуют в двух формах — «живой» (L) и «мертвой» (D); самопроизвольный переход из состояния L в состояние D называется рацемизацией. Скорость рацемизации известна и стабильна, хотя изменяется в зависимости от температуры. Вследствие этого измерение соотношения L и D-форм аминокислот с учётом температурных условий среды, в которой образец находился с момента смерти организма, даёт сведения, позволяющие вычислить время, прошедшее с этого момента. Такой способ датировки применим к наскальным изображениям, в состав пигментов которых входил органический компонент животного происхождения.

Разрабатываются методы палеомагнитного датирования изображений с магнитосодержащими частицами оксидов железа, а также оптически стимулированной люминесценции. Для выбитых рисунков предложен метод определения возраста через изучение микроэрозии сколов. Вместе с другими перечисленными выше естественно-научными методами датирования (кроме радиоуглеродного) их относят пока к категории экспериментальных.

Каждый из описанных методов определения возраста чреват возможностью получения неверной даты вследствие случайности, небрежности или влияния нераспознанных искажающих факторов. Поэтому специалисты обычно стараются датировать изучаемые ими памятники разными методами, чтобы уменьшить вероятность ошибки (более подробные сведения об этих и некоторых других методах можно найти: Вайсброт, 1993; Дэвлет, 2002; Дубровский, Грачёв, 2011 и др.).

Культурно-исторические методы

Исследования изображений классификационного порядка позволяют выделить сюжеты и стилистические особенности, на основании которых можно предпринимать датировку рисунков. Изображения животных ледникового века указывают на их плейстоценовый возраст. Такой подход срабатывает в пределах крупных эпох: палеолитические — постпалеолитические рисунки, например, по разнице воспроизведения вымерших животных или характерных для современного геологического периода голоцена.

Конечно, это самые общие хронологические рамки. На более точный период могут указать те виды животных, которые сменяли друг друга в различные фазы позднего плейстоцена. Для этого необходимо изучать палеоокрестности, чтобы детальнее знать виды, обитавшие в ту пору.

Лук и стрелы, изображенные на скалах, не старше эпохи мезолита, в неолите еще не встречаются рисунки колесниц, они могли появиться не ранее бронзового века. Чёткие хронологические рамки имеют наскальные изображения котлов скифского и гунно-сарматского типов. Устанавливается нижняя дата появления стремян, следовательно, фигуры всадников со стременами не могли быть выполнены на скалах ранее времени их изобретения. Основанием для определения даты изображений вооружённых людей могут служить рисунки оружия, в том числе и огнестрельного, которое бытует, как правило, в определённые исторические периоды (Дэвлет М.А., 1982, с. 17).

Иногда вопросы датировки помогает решить техника выполнения изображений — выбитые и каким предметом, крашенные, процарапанные, шлифованные и т.п. Но подобный подход может быть полезен при изучении районов, где для нанесения рисунков использовались разные технические приёмы. На Урале же почти все известные изображения крашенные, что делает невозможным подобный подход.

Выше уже говорилось, что для уральских писаниц предпринимались попытки датировать рисунки по цвету краски. Такой подход использовал

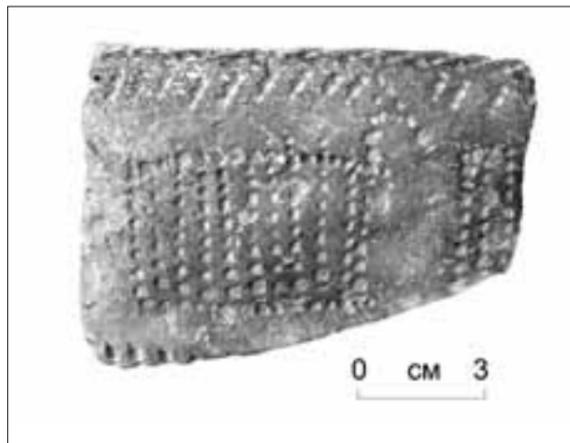

Фото 146. Изображение водоплавающей птицы гребенчатым штампом на энеолитической керамике. Коллекция СОКМ.

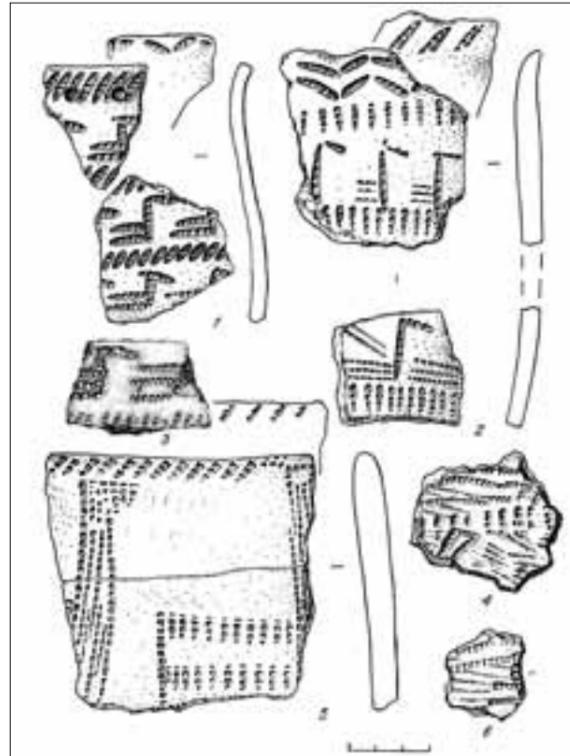

Рис. 96. Фрагменты глиняных сосудов с рисунками водоплавающих птиц. Энеолит.

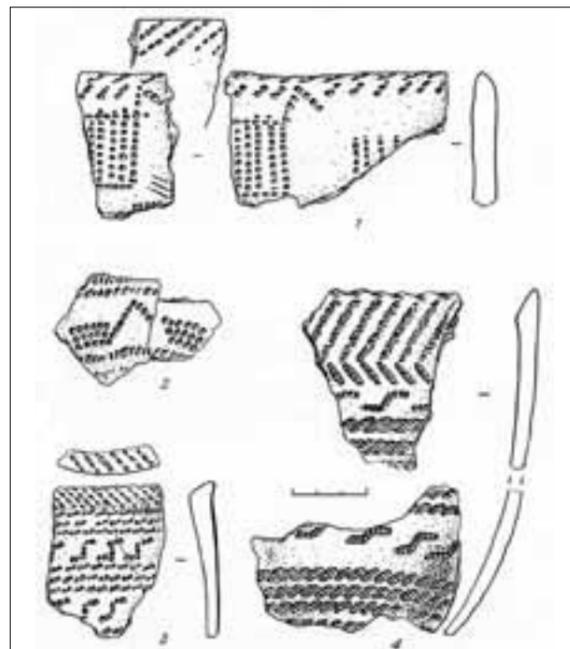

Рис. 97. Фрагменты глиняных сосудов с рисунками водоплавающих птиц. Энеолит.

Рис. 98. Изображения воуплавающих птиц на керамике коптяковской культуры. Эпоха бронзы.

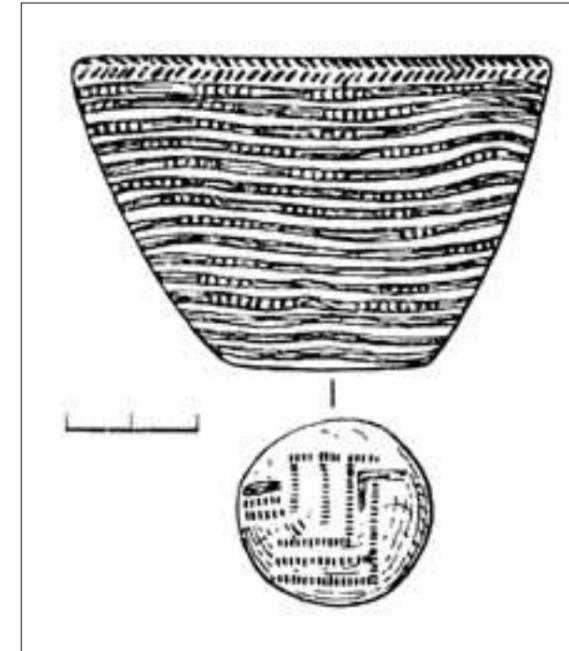

Рис. 99. Сосуд с поселения Самусь IV с рисунками птиц на днище. Эпоха бронзы. По М.Ф. Косареву

Фото 147. Глиняный сосуд с изображением косуль. Стоянка Коптяки IX. Эпоха бронзы. Из фондов СОКМ

В.Ф. Генинг, изучавший Вишерский Писаный Камень. Разделив все изображения по цвету, он выделил 4 хронологических комплекса ((Генинг, 1954, с. 268). Этот подход В.Н. Чернецов подверг критике (см. с. 19). И все же нужно признать, что в некоторых случаях наблюдения над цветом краски могут позволить сделать заключение об относительной хронологии рисунков, а также их композиционном построении — метод горизонтальной стратиграфии или топографического расслоения. Необходимо в каждом конкретном случае учитывать самые различные факторы, влияющие на изменение оттенка краски: покрыт или нет рисунок натёком, степень разрушенности изображений, их расположение на плоскости — какие-то могут находиться в более благоприятном положении, например, под навесом, другие менее защищены от воздействия атмосферной влаги, и т.п. Но в целом, для точного датирования, такой метод, конечно, неприменим.

Большие возможности открывает для датировки анализ стилистических признаков изображений: «На уровне тех методических средств анализа наскальных изображений, которыми мы располагаем в настоящее время, ни один из... аспектов изучения петроглифов не содержит в себе столько хронологической информации, сколько позволяет получить стилистический анализ» (Шер, 1980, с. 176). И в первую очередь это относится к сравнению изображений на скалах с изображениями на вещах, найденных при археологических раскопках, то есть имеющих более или менее точную датировку. Анализ сходных по сти-

лю изображений на писаницах и на древних вещах, как уже говорилось, послужил основой для датировки уральских наскальных изображений. Но в зависимости от того, какой круг аналогий подбирался для рисунков на скалах, определялось и время их создания. Здесь наиболее ярко и проявилось противоречие в позициях А.А. Формозова и В.Н. Чернецова. Первый усматривал для них аналогии на керамике, а также среди наскальных изображений других территорий только в эпоху бронзы, и, соответственно, датировал писаницы II-м – началом I-го тыс. до н.э. (Формозов, 1969, с. 172, 175). Впоследствии А.А. Формозов несколько отодвинул нижнюю границу до эпохи неолита (Формозов, 1973, с. 261).

В.Н. Чернецов в первой части своей сводной работы «Наскальные изображения Урала» нижнюю дату определял рубежом III – II тыс. до н.э. на основании сравнения рисунков на скалах и на керамике (1964, с. 21). Верхнюю границу он обосновывал сходством некоторых изображений на писаницах с тамгообразными знаками манси, известными по источникам XVII – XVIII вв., то есть привлекал уже этнографический материал, и на основании этого делал вывод: «Таким образом, можно сказать, что традиции, связанные с наскальными изображениями, продолжали в какой-то степени сохраняться вплоть до исторического времени» (1964, с. 22). Вернувшись к вопросам датировки наскальных изображений во второй части работы, В.Н. Чернецов для обоснования ранней даты привлёк другой материал — гравировки на костяных вкладышевых изделиях из Шигирского торфяника. Среди них исследователь обнаружил аналогии некоторым геометрическим рисункам на писаницах. Это позволило предложить более раннюю дату для писаниц — ранний неолит или даже мезолит (1971, с. 107-110). Для доказательства существования в какой-то степени непрерывной традиции нанесения изображений на скалы в таких широких хронологических рамках, В.Н. Чернецов привлёк множество материалов по изобразительному искусству Урало-Западносибирского региона: рисунки на керамике, гравировки на костяных и металлических вещах, предметы культового литья и этнографические данные по изобразитель-

ному искусству обских угров. Одной из существенных ошибок исследователя было указание на такую якобы характерную черту изобразительного искусства на огромной территории от Ангары до Фенноскандии, как раскрытая пасть животных (1971, с. 101). В отношении уральских писаниц это мнение ошибочно, поскольку таких зверей здесь попросту нет.

Наши представления о датировке уральских наскальных изображений также основываются, глав-

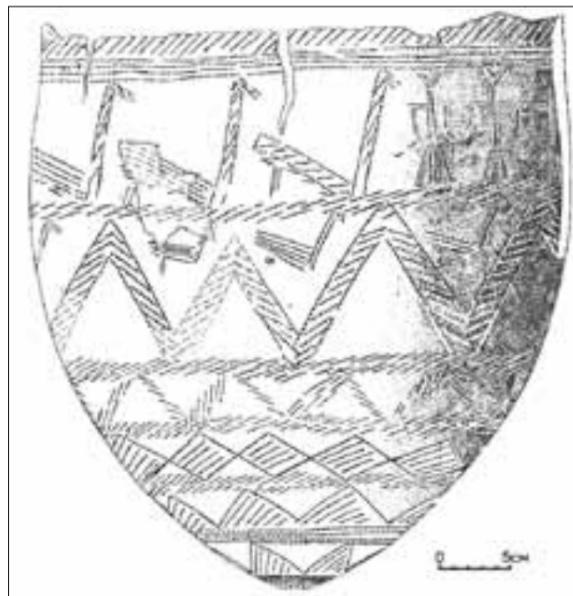

Рис. 101. Глиняный сосуд с изображением птиц и двуругих антропоморфных существ. Аятская культура. По В.Д. Викторовой.

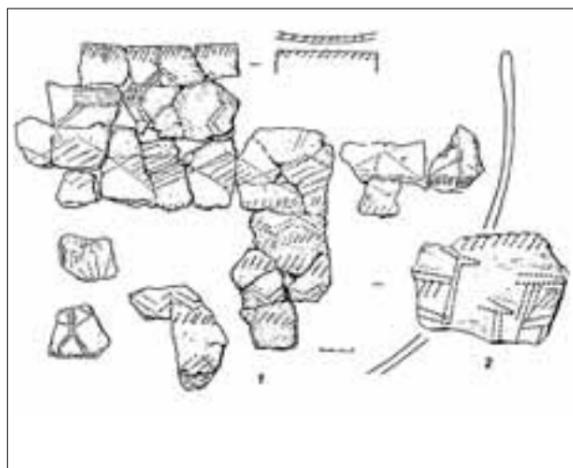

Рис. 100. Изображения копытных на неолитической керамике. 1 - Бараний мыс; 2 - Карасье озеро. По Н.М. Чаиркиной.

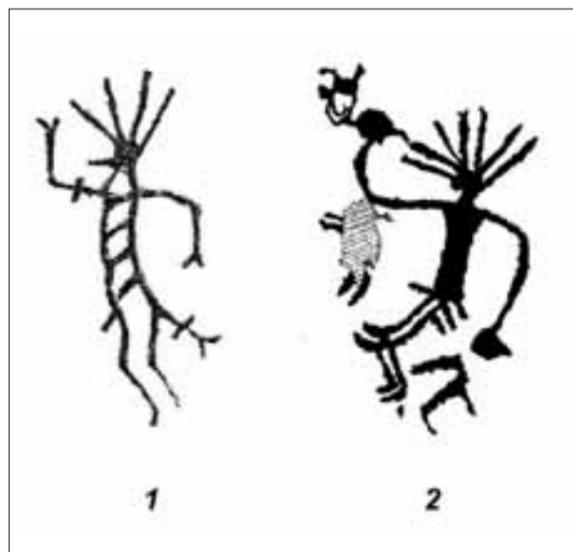

Рис. 102. Антропоморфные существа (так называемые «составленные» или «гибридные» персонажи). 1 - Кирьяшевская писаница, Урал; 2 - Баян-Журек, Казахстан (по К. Лутер).

ным образом, на методе аналогий с использованием датированных археологических вещей и наскальных фигур других территорий.

Распространение изображений водоплавающих птиц на глиняных сосудах и скалах образует достаточно однородную область в горно-лесной зоне Урала, что позволяет корректно провести их сравнение и попытаться датировать памятники наскального искусства в рамках рассматриваемого сюжета.

Самые многочисленные параллели в двух видах изобразительной деятельности прослеживаются между рисунками птиц с прямоугольным туловищем и моделированными сочетанием вертикальной и горизонтальных линий. Например, массивные, утяжеленные фигуры водоплавающих птиц Северской писаницы с почти квадратными туловищами очень близки подвескам из погребения № 2 в гроте Дождевом на р. Чусовой. Для погребения № 1 из этого грота получена «калиброванная радиоуглеродная дата —

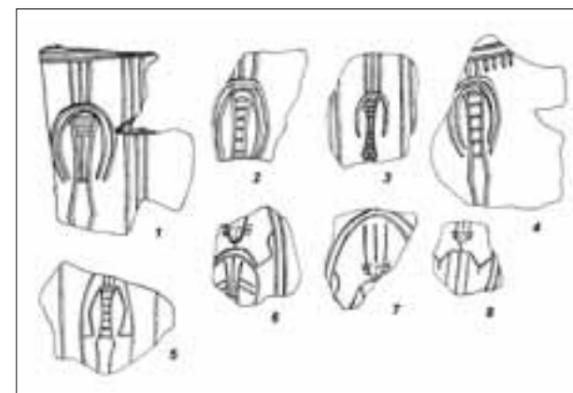

Рис. 103. Антропоморфные изображения на керамике с поселения Самусь IV. По И. Г. Глушкову.

Рис. 104. Идолы Галицкого клада. По И.Р. Аспелину.

4510-4302 Cal BC (СОАН-5154) (Сериков 2009, с. 29). Автор исследований считает погребения одновременными (там же). В пользу неолитической датировки Северской писаницы служит ее положение вдали от современного русла р. Исети, примерно в 1,5-2 км. Напомню, что практически все уральские писаницы расположена вблизи водного зеркала. Скорее всего, неподалеку от воды находилась и Северская писаница, на что может указывать расположенное у подножья горы с писаницей болото Чистое, которое в атлантическом периоде голоцена должно было быть заливом Исети.

В отдельных случаях фигуры тождественны даже в деталях. К таким относятся рисунки птиц на некоторых фрагментах глиняной посуды и изображения на Коптеловом Камне, Соколинских утесах, Зенковской скале, Сохаревской и Исетской писаницах. Другой пример — воспроизведение хохолка у птиц на некоторых писаницах с р. Тагила и на фрагментах керамики. Рисунки птиц на глиняных сосудах, типологически близкие фигурам птиц на скалах, по большей части встречены на территории Среднего Зауралья в древностях аятской и копытковской культур, датированных неолитом и бронзовым веком (см. фото 146 и рис. 96-98 и рисунки к соответствующим писаницам). Разумеется, они известны и в материалах других археологических культур, ареал которых в широтном направлении охватывает территорию от Прииртышья на востоке до Фенноскандии на западе (Викторова, Чаиркина, Широков, 1997, с. 40-64).

Рис. 105. Дендро-антропидные мотивы. 1 - из коллекции СОКМ; 2-4 - по И.Р. Аспелину; 5 - по Ю.Б. Серикову.

Среди изображений зверей самую многочисленную группу составляют копытные, из них наиболее узнаваемы лоси. Экстерьер лоса обладает некоторыми характерными деталями, позволяющими чётко определить этот вид. Соотношение высоты в холке и длины туловища образуют почти равные величины. В графическом выражении пропорции напоминают квадрат: это нашло отражение и в наскальном искусстве. Голова массивная, параболическая или близкая к прямоугольнику, часто слегка изогнута вниз, передавая характерную для лосей горбоносость. Ещё одна важная деталь связана с передачей кожисто-волосистой выроста, так называемой серьги, под нижней челюстью зверя. На основании этих признаков, следует считать, что рисунки лосей самые многочисленные, хотя иногда эти образы сильно стилизованы. Необходимо отметить, что кости лоса доминируют в фаунистических комплексах святилищ, расположенных на вершинах скал с писаницами по Тагилу.

Любопытно, что не только среди воспроизведенных лосей, но и всех копытных, нет ни одного зверя с рогами. Что это может означать? У лосей рога носят только самцы: рост рогов начинается весной, а сбрасывают их звери поздней осенью. Поэтому зимой и ранней весной самцы и самки лоса похожи. Если создатели рисунков изображали зверей во время этих сезонных состояний, тогда мы не можем судить об их половой принадлежности, как это сделал В.Н. Чернецов при описании первой группы Зенковской писаницы (Чернецов, 1964 с. 42). В этой группе изображены 6 лосей, у трёх из которых показаны волосистые серьги, а у трёх других нет. По-видимому, таким образом подчеркнуты возрастные различия зверей в этой сцене.

Среди других рисунков копытных определить видовую принадлежность намного сложнее. К ним относятся северный олень, а также косуля. В отличие от рисунков лосей, у этих зверей шея почти всегда передана одной линией, морда более узкая и лишена подшейной серьги. Кажется, косули выглядят менее крупными, чем олени, и имеют более длинную шею. В таком случае за них можно принять некоторые фигуры тагильских Писаного Камня и Соколинских утесов, Бородинских I и II писаниц по Режу и некоторых других. Оленей больше напоминают некоторые копытные Писаного Камня по р. Тагилу, р. Серге, «Двуглазого» Камня на р. Нейве.

Обычно силуэтные рисунки принято считать наиболее ранними. Однако, подобные рисунки есть как в Игнatieвской пещере (верхний палеолит), так и на писаницах под открытым небом голоценового времени; они известны и по этнографическим рисункам обских угров (Иванов, 1954, с. 21). Изображения копытных второй группы можно, как и силуэтные, разделить на схематичные и более натуралистичные, выполненные в динамике, показанные с четырьмя ногами, в отличие от первых, у которых каждая пара конечностей показана одной линией. Какие из них раньше, а какие позже — трудно сказать. Что касается рисунков «скелетного» типа (разновидность «рентгеновского»), как в примере с птицами, можно указать, что они появились на вещах III тыс. до н.э., и продолжали существовать в эпоху железа и средневековья. Еще В.Н. Чернецов приводил параллели уральским изображениям с территории Норвегии, Западной и Восточной Сибири. Причем наиболее близкими он считал ангарские рисунки Второго Каменного остро-

ва, выполненные в скелетном стиле (Чернецов, 1972, с. 37), с чем следует согласиться. При обсуждении материала Валерий Николаевич указал дату изображения в «скелетной» манере лишь для Томской писаницы, основываясь на зооморфных поделках культового литья кулайской культуры (Чернецов, 1972, с. 45).

Ранее А.П. Окладников отмечал наличие таких фигур на писаницах Лены, Ангары, Енисея, Урала, Байкала (Окладников, Запорожская, 1959, с. 100-102). В качестве датирующих аналогий им привлекались предметы «ажурного литья» раннего железного века из таёжных районов Западной Сибири, среди которых обычны изображения лосей с прямыми, косыми или угловатыми линиями поперёк их тела (Окладников, 1966, с. 123-124). Однако в дальнейшем Алексей Павлович удревил такие фигуры (Окладников, Мартынов, 1972). Еще одним примером могут служить изображения на трехлопастном бронзовом копье, хранящемся в Омском музее. На нем воспроизведены копытные с рёбрами, буквально копирующие многие уральские фигуры. Эту близость отмечал еще в 1953 г. В.Н. Чернецов (Чернецов, 1953, с. 231). Копье, происходящее из Нарымского Приобья, относится к кругу древностей васюганского этапа кулайской культуры и датируется VI – II в.в. до н.э. (Чиндина, 1984, с. 38-39, 106).

Однако, следует учитывать, что изображения «скелетного» типа появляются ранее первого тысячелетия до н.э. Например, известны антропоморфные существа с рёбрами, выполненные на Шигирском идоле, возраст которого древнее эпохи бронзы: радиоуглеродные даты относят возраст дерева, из которого он изготовлен к раннему мезолиту (Берс, 1951, с. 240; Савченко, 1999, с. 52). Особую ценность представляет фигура копытного в «скелетной» манере на фрагменте сосуда, происходящего с Карасьего озера и датируемого энеолитом (рис. 100-2) (Берс, 1951, с. 194, рис. 3-4) (Чаиркина, 2005, с. 249, рис. 65-4). Нельзя обойти вниманием и другие изображения копытных на сосудах энеолита и бронзы (Берс, 1951, с. 194, рис. 3, - 9) (фото 147). Туловище их заполнено плотно поставленными оттисками гребенчатого штампа. На стоянке Бараний Мыс найдены обломки сосуда с изображением копытного, геометрических мотивов и антропоморфного (ых?) существа. Такие композиции известны на уральских скалах. Туловище зверя на сосуде заполнено отпечатками гребенки. Сосуд относится к аятской культуре второй половины III тыс. до н.э. (Чаиркина, 2005, с. 251, рис. 66-1) (рис. 100-1). На основании привлечённых аналогий можно датировать наиболее ранние рисунки лосей на писаницах энеолитом.

Все антропоморфные изображения, несмотря на известный схематизм, передают динамику движения, пляски. Особенно отчётливо это видно на примере существ, переданных в трёхчетвертном развороте. Самый выразительный из них тот, что находится на Кирьяшевской писанице. Ему известны поразительные аналогии в казахстанском материале. Речь идёт о пункте Баян Журеке, где на плитах имеются две выбитые фигуры «танцующих» антропоморфных существ с туловищем в трёхчетвертном развороте и с многолучевым головным убором — так называемых шаманов или солнцеголовых персонажей. Особенно похожа одна фигура с альтернативным положением рук, согнутых в локтях (одна вверх, другая вниз) и торчащим

пенисом. Вместо хвоста у него сзади тремя наклонными отрезками показана отделка одежды (?) (рис. 102). Изображения датированы приблизительно серединой II тыс. до н.э. (Luter, s. 19, fig. 4, s. 20, fig. 5).

Другие существа широко представлены как в наскальном искусстве, так и среди изображений малых форм лесной полосы Евразии. Интересно, что такие фигуры на сосудах или костяных изделиях датируются, в основном, энеолитом и бронзовым веком (см. например, рис. 102-23). Аналогичные изображения на скалах исследователи датируют, в основном, эпохой раннего металла (Окладников, Запорожская, 1951, с. 98; Окладников, Мазин, 1976, с. 97-101). В 2002 г. В.Д. Викторова обнаружила на памятнике Палатки I в верхнем течении р. Исети фрагменты глиняного сосуда с изображением водоплавающих птиц, геометрическими мотивами и антропоморфными двурогими персонажами с хвостом или фаллосом между ног. Сосуд относится к аятской культуре и датируется второй половиной III тыс. до н.э. (Викторова, Колмакова, 2003, с. 17, рис. 4). Благодаря этой находке, создание аналогичных антропоморфных рисунков на уральских писаницах можно уверенно датировать энеолитом и бронзовым веком (рис. 101). Энеолитическим временем датирована и случайная находка близ г. Тагила в виде каменного навершия с изображениями условно-антропоморфных существ. Голова одного из них показана двоякой развилкой, другого — ромбом, что роднит этих персонажей с наскальными рисунками (рис. 106-21) (Сериков, 2002, с. 32, рис. 1; Герасименко, 2004, с. 88-89, рис. 1 - 1).

Как мы уже писали выше, ранее В.Н. Чернецов наметил, как ему казалось, некоторые закономерности в развитии наскальных изображений не только Урала, но и Норвегии, а также Западной и Восточной Сибири (Чернецов, 1972, с. 32-55). Эти закономерности, по его мнению, заключаются в «последовательности изменения форм изображений животных». Было выделено три группы, отражающих стадии эволюции зооморфных изображений. Нас интересуют, в первую очередь, вторая и третья группы. Вот что писал о них Валерий Николаевич: «Вторая группа представлена упрощенными и схематизированными изображениями животных. Наряду с этим характерной для нее чертой является передача элементов внутреннего строения — ребер, сердца, внутренностей и «линии жизни»... Как будто повсеместно, в пределах ареала, фигуры этого типа сочетаются с изображениями различных ловушек.

К третьей группе ... отношу очень схематичные, часто локально стилизованные, контуры которых нередко грубо нарушают природу объекта. Зато внутри эти фигуры бывают заполнены пересекающимися линиями, в основе отражающими жизненные органы.

На Урале, Ангаре и Томи фигуры этого типа обычно сочетаются с условно антропоморфными и антропозооморфными изображениями» (Чернецов, 1972, с. 46).

К фигурам третьего типа В.Н. Чернецов мог отнести лишь одно изображение — фигуру 35 на Бородинской II скале. Других на Урале неизвестно. Однако и этот пример некорректен. После открытия композиции «копытное в сетке» на Шайтан Камне стало ясно, что и на Бородинской II мы имеем дело с аналогичной сценой. Поэтому вряд ли их стоит выделять в какую-либо группу. На Шайтанском писанице изображения лосей с рёбрами сочетаются с антропо-

морфными и условно-антропоморфными существами. По мнению В.Н. Чернецова, первые должны были бы иметь на туловище пересекающиеся линии, чего в действительности нет. В двух других случаях рисунки животных с внутренними органами не сочетаются ни с антропоморфными фигурами, ни с изображением ловушек. Таким образом, применение данной схемы к уральскому материалу кажется сомнительным.

О времени создания наскальных рисунков в долинах рек Северного и Среднего Урала позволяют судить и нефигуративные мотивы. Валерий Николаевич ранее указывал на тождество зигзага с заштрихованными полями с Бородинской II писаницы и узора на керамике аятской культуры. На этой же керамике имеются и мотивы в виде зигзагов — простых и с отворотами, которых множество и на среднеуральских писаницах. Схожи мотивы в виде сетки с многоугольными, или «сотовидными» полями на энеолитической керамике и на скалах. Ранее по находкам вблизи Старичной писаницы на р. Нейве композиция с птицей и двумя пятнами внутри контурного туловища была датирована энеолитом (Широков, Чаиркин, 1997, с. 41-48). К этому же времени следует отнести аналогичные фигуры на Шайтан Камне и Раскатихинской писанице.

За небольшим исключением, изображения водоплавающих птиц и копытных на сосудах выполнены гребенчатым штампом. С большой долей вероятности можно соотнести основной массив наскальных рисунков с археологическими культурами гребенчатого геометризма энеолитического периода, а также коптяковской культурой бронзового века. Последнее обстоятельство особенно интересно в свете недавних исследований памятника Шайтанское озеро II, предельно охарактеризованного как культовое или жертвенное место (Сериков, Корочкова, Кузьминых, Стефанов, 2009, с. 67-78). На памятнике вместе с большим количеством металлических изделий сейминско-турбинского, самусьско-кижировского и евразийского облика найдена керамика коптяковской культуры и каменные изделия, среди которых значительную серию составляют наконечники стрел треугольной формы, выделенные О.Н. Бадером в турбинский тип. Исследование этого памятника расширило представление о коптяковской керамике и характере формирования данной культуры, ареала её распространения. Крайне важно, что на одном из фрагментов сосуда нанесены мотивы в виде специфически заштрихованного угла, который лишь незначительными деталями отличается от аналогичного мотива на знаменитом панно тагильского Писаного Камня (рис. 107). В этой связи хочется подчеркнуть значительное своеобразие многих изобразительных мотивов на тагильских скалах, в первую очередь на многофигурных писаницах, таких как Змиев и Писаный Камни, Соколинских утесах и некоторых других. Среди них необычного облика антропоморфные персонажи, огромных размеров соляные знаки, большое количество своеобразных нефигуративных мотивов, исключительные по трактовке и художественной выразительности рисунки птиц на Змиевом Камне: аналогичных изображений нет в долинах других уральских рек. Однако для них имеются параллели в древностях самусьско-сейминской эпохи. Например, головной убор одной из антропоморфных фигурок Галицкого клада близок антропоморфным писанкам Камне (ср. рис. 40-41 и рис. 104), необычные многолучевые ан-

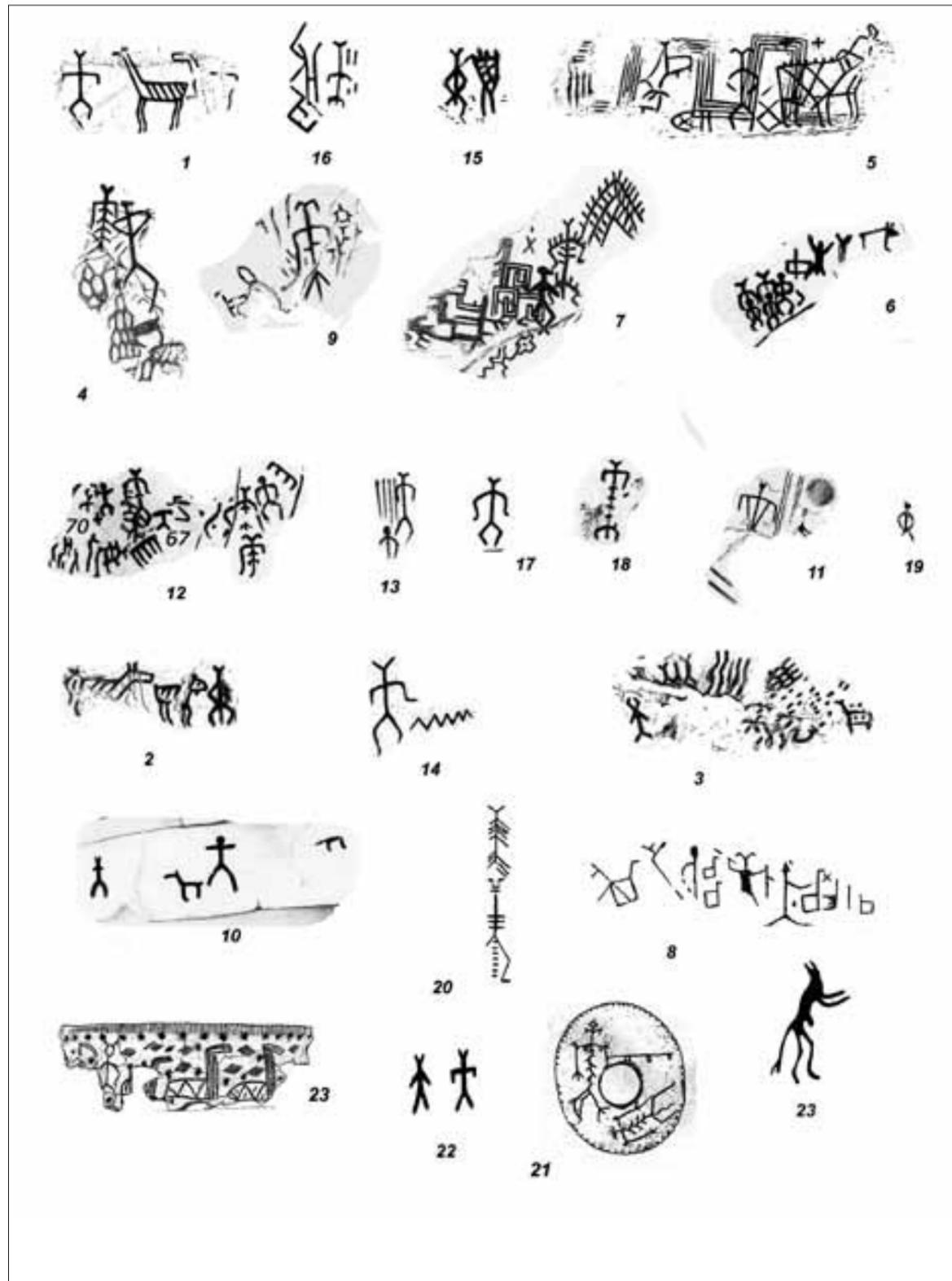

Рис. 106. Сводная таблица изображений двурогих антропоморфных существ на уральских писаницах и некоторые аналогии им.

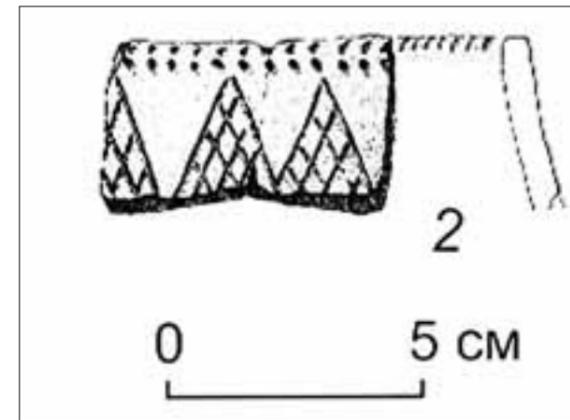

Рис. 107. Фрагмент глиняного сосуда коптяковской культуры. Шайтанское озеро II. По Ю.Б. Серикову и др.

тропоморфные существа с туловищем в скелетном стиле на керамике поселения Самусь IV отдаленно напоминают существо с Кирьяшевской писаницы (ср. рис. 102-1 и 103). Важны также рисунки птиц на сосудах того же поселения: трактовка крыльев одной фигуры близка моделировке птиц на Змиевом Камне (рис. 108-109). На днище другого сосуда птицевидные мотивы выполнены в традициях, характерных для писаниц и рисунков на керамике уральского ареала (рис. 99). Среди нефигуративных мотивов тагильских писаниц значительно присутствие угольковых знаков, редко встречающихся в других районах дислокации наскальных изображений на Урале. Эти же мотивы использованы в отделке рисунков птиц на Змиевом Камне, а также некоторых солярных знаков, например на Нижнем Балабанском утесе. Подобным образом оформлены аналогичные знаки в окуневском искусстве, в нем же известны персонажи с многолучевыми окончаниями голов. Интересно, что и в орнаментальной традиции коптяковской культуры угольковые вдавления являются одним из её характерных признаков. Эти наблюдения можно интерпретировать как появление в наскальных изображениях Урала

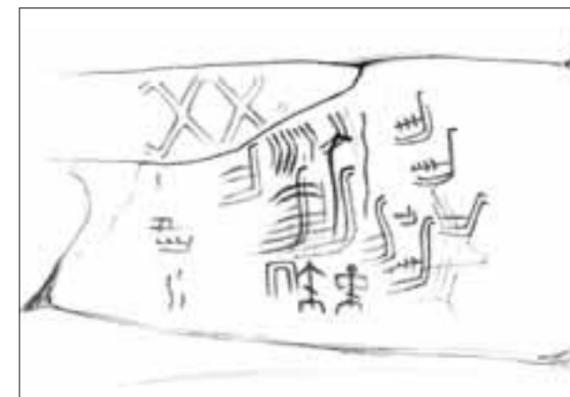

Рис. 108. Фриз с многочисленными рисунками птиц на Змиевом Камне, р. Тагил.

специфической знаковой системы в период формирования коптяковской культуры. Поскольку на её сложение оказал влияние и петровско-алакульский вектор связей (Корочкова, 2011), неудивительны аналогии с «солнечноголовыми» персонажами Баян-Журека. Небезынтересно отметить в этой связи, что на р. Тагиле неподалеку от села Балакино есть памятник коптяковской культуры (устное сообщение О.Н. Корочковой).

Такой кросс-анализ фигуративных и нефигуративных мотивов позволяет определить время создания уральских писаниц преимущественно энеолитом и бронзовым веком.

Однако есть исключения. Например, антропоморфные персонажи на Гостьковской скале и Новожиловской писанице скорее всего следует датировать значительно более поздним временем, может быть средневековьем: они очень напоминают деревянные фигурки идолов с этнографических святилищ урало-сибирских народов. Композиция на Камне Моховом в силу крайнего схематизма и аналогичной Араслановской писанице стилистике может быть датирована не ранее середины I тысячелетия. Одна из личин на Вишерском Писаном Камне прежними исследователями соотносилась с литьём раннего железного века (Генинг, 1954, с. 273-275). Авиаформы и некоторые орнаментализованные мотивы животных также могут быть отнесены к этому же периоду. Таким образом, если в целом массив наскальных рисунков «укладывается» в энеолит и бронзовый век, тем не менее есть свидетельства продолжения традиции нанесения рисунков на скалы и их подновления в последующее время, что подтверждает точку зрения В.Н. Чернецова на развитие данного феномена.

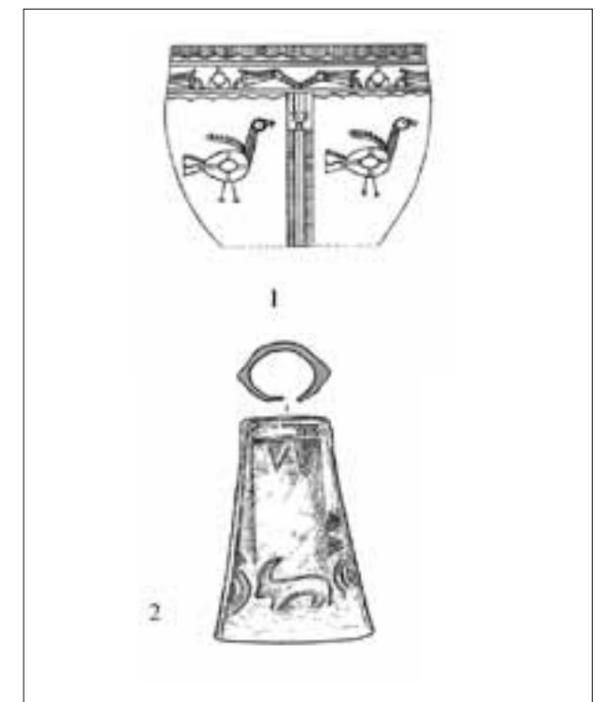

Рис. 109. 1 - глиняный сосуд с пос. Самусь IV; 2 - бронзовый кельт из могильника Ростовка. По М.Ф. Косареву.

ГЛАВА 6. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ВОЗМОЖНАЯ ЭТНОКУЛЬ- ТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НА- СКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ УРАЛА

Ранее В.Н. Чернецовым уже рассматривались вопросы возможной этнической принадлежности наскальных изображений Урала. Опираясь на материалы известных к тому времени среднеуральских писаниц, он строил свои рассуждения следующим образом.

Территория распространения наскальных изображений на Среднем Урале совпадает с территорией проживавших здесь до прихода русских манси. На это указывают как письменные источники, так и ономастические данные. В частности, в долинах рек Нейвы и Режа имеются топонимы и гидронимы «вогулка», а вогулами русские называли манси. Они близкородственны народу ханты, вместе с которыми их относят к обско-угорской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Исследователь нашёл множество совпадений между рисунками на скалах и различными изображениями в традиционном искусстве манси и хантов — в орнаментах, бытовых рисунках, татуировках, тамгах, изображениях на священных предметах, затёсах и рисунках на деревьях, в том числе и на священных местах. Это позволило Валерию Николаевичу высказать мнение, что традиция нанесения рисунков на скалы была связана «хотя бы на поздних этапах» с угорским населением, и, конкретнее, с предками манси (Чернецов, 1964, с. 22; он же, 1971, с. 110).

Опираясь на его выводы, конкретизируем некоторые из них, ретроспективно рассматривая развитие археологических культурных образований на обозначенной территории с позиций современных знаний, учитывая лингвистические и антропологические данные. Но прежде следует отметить, что в природном отношении вся территория распространения наскальных изображений на Урале весьма сходна, о чем мы можем авторитетно утверждать на основании собственного экспедиционного опыта. Различия между Северным, Средним и Южным Уралом в местах сосредоточения наскальных рисунков незначительны. Они выражаются в большей примеси широколиственных пород в лесной растительности на Южном Урале и присутствии темнохвойных пород на западном склоне Среднего и Северного Урала. Тождественны и виды животных, обитавших и обитающих здесь ныне, кроме северного оленя, последнюю особь которого видели на Южном Урале в 1920 г.

Этноним «вогулы» начинает употребляться в русских документах с XIV века, прежде всего по отношению к манси. Они жили на западных склонах Урала, в верхнем течении Печоры и на востоке Верхнего Прикамья (Бахрушин, 1935, с. 5; Матвеев, 1968, с. 152; Напольских, 1997, с. 70).

Русскими документами и летописями манси (вогулы) в XVI–XVII веках зафиксированы как на западных склонах Уральских гор (на верхней Печоре, по рр. Чусовой, Вишере, Сылве, верховьям Уфы), так и в Зауралье (по рр. Тагилу, Нейве, в бассейнах Лозьвы, Сосьвы, Конды), а также Тавды и Туры (южные манси). Этнограф И.Н. Смирнов, на основании ар-

хивных документов Пермского и Вологодского краёв, приводел многочисленные свидетельства пребывания угров в Прикамье: «в период от первой половины XV века до конца XVIII века Мансы жили ещё на пространстве между Усть-Вымом и Уралом, по рекам Вычегде, Печере и восточным притокам Камы - Колве, Вишере, Яйве, Косьве и Чусовой...» (цит. по: Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 7).

В целом центр расселения манси в то время находился западнее и южнее, чем к началу XX века. Район расселения основной сегодня группы манси — северной, по рр. Северная Сосьва, Ляпин, и низовьям Оби — был заселён ими в течение XVII–XIX вв.: ранние русские документы называют жителей этих мест остяками или югрой, на особо тесные связи северных манси с хантами указывают и данные этнографии и языка. Одновременно сокращались ареалы западных манси на западных склонах Урала, на Пельме, нижней и средней Лозьве и южных манси на Туре и Тавде (последние окончательно обрусели к середине XX века). В течение XVII–XIX веков под давлением русской колонизации происходил отток мансийского населения с запада и с юга на север (р. Сев. Сосьва) и на восток (р. Конда) (Напольских, 1997, с. 73).

По мнению некоторых специалистов, этногеографические указания древнерусских и арабских источников позволяют относить население Предуралья в XI–XIV вв., с большой долей вероятности, «к угорскому в языковом отношении населению — «вогулам», «остякам» и «югре» письменных источников, а также оценивать некоторые группы как носителей «угорской по этнической окраске материальной и духовной культуры, но не являвшихся уграми в языковом отношении (параугры). На северо-западе региона, возможно, чересполосно с угорским населением обитали финны (предки пермян?). Не случайно лингвисты отмечают, что пермяне и уральские угры в новое время отличались финно-угорским билингвизмом» (Белавин и др., 2009, с. 14–15).

С точки зрения антропологической классификации обские угры относятся к так называемой уральской расе.

В отечественной антропологической науке проблема происхождения уральских народов занимает важное место. В конце XIX – начале XX века оформились различные концептуальные подходы к её решению. В основе одного из них лежал взгляд на обских угров, как на особый антропологический тип, или так называемую угорскую расу, позднее названную уральской. Промежуточное положение обских угров между классическими европеоидами и монголоидами привело других исследователей к выводу об их метисном происхождении. Дополнительным аргументом в пользу второй гипотезы является факт значительного антропологического своеобразия разных групп уралоязычных народов, что, по мнению ряда специалистов, свидетельствует об отсутствии у них единой антропологической основы (см.: Моисеев, 1999, с. 13).

Последовательным сторонником особого статуса уральских народов в систематике человеческих рас был В.В. Бунак. Сочетание основных соматологических признаков позволяет, по его мнению, говорить о специфике физического облика большинства уральских народов, которых следует рассматривать в целом как монголоидную группу, сохранившую, однако, ряд черт недифференцированных рас. Позднее он ещё

более акцентировал специфику уральцев, придав уральской расе самостоятельный статус, сопоставимый с таксономическим положением европеоидных и монголоидных популяций. Правда, впоследствии он отошёл от столь категоричной оценки, признавая возможность отнесения уральской расы, как к промежуточной формации, так и к восточному (монголоидному) стволу. Независимо от решения вопросов классификации важным следствием признания особого статуса уральских народов является вывод о существовании единого антропологического субстрата, вошедшего в состав, по крайней мере, некоторых уралоязычных народов (Моисеев, 1999, с. 13).

Иная трактовка этногенеза уральцев была развита Г.Ф. Дебецем. Этот специалист на обширном краниологическом и соматологическом материале показал промежуточность уральских популяций по большинству признаков, считающихся наиболее значимыми для европеоидно-монголоидной дифференциации, на основании чего и сделал вывод об их метисном происхождении (Моисеев, 1999, с. 14).

И у первой, и у второй позиций имелись и имеются аргументы разной степени значимости. Наиболее полно их совместно изложена в монографии В.Г. Моисеева. Согласно мнению этого исследователя, «существенно пополнившаяся в последние десятилетия источниковедческая база позволяет говорить о существовании единой антропологической основы уральских народов, что свидетельствует в пользу общности их происхождения. Пространство, на котором удастся зафиксировать присутствие «уральского» антропологического компонента в различной степени выраженности, охватывает значительную территорию севера Евразии. В Европе оно ограничено Фенноскандией (саамы, финны) и Поволжьем (мордва – мокша и эрзя, горные и луговые марийцы, южные чуваша), в Азии же занимает практически всю Западную Сибирь (ханты, манси, ненцы, тоболо-иртышские, за исключением аяльских, томские и барабинские татары, чулымцы и, может быть, кеты) и частично Северный Алтай (телеуты, тубалары). Присутствие «уральского» антропологического компонента в составе юкагиров свидетельствует о принадлежности их предков к уральской общности. Центр концентрации «уральских» признаков находится в районе средней Оби — у среднеобских хантов и манси. По мере удаления от этого центра «уралоидность» популяций уменьшается. В целом она выше на территории Азии. Метисационные процессы с участием древних уральцев и различных по происхождению популяций сыграли значительную роль в формировании урало- и тюркоязычных народов. Если в Европе преобладала метисация древних уральцев с европеоидами, то в Азии она проходила с участием как европеоидного, так и монголоидного компонентов. У большинства этнотерриториальных групп тоболо-иртышских и томских татар, чулымцев, тубаларов и телеутов фиксируется наличие древней европеоидной примеси, тогда как у ненцев и, особенно у юкагиров обнаруживается значительный неуральский монголоидный компонент» (Моисеев, 1999, с. 121). Высокое соответствие между антропологическими и лингвистическими данными, выявляющееся в отношении уралоязычных народов, противопоставляет их представителям других языковых семей, у которых антропологическая специфика выражена не столь явно (например у индоевропейцев) или вовсе не выражена (например у тюрков) (там же).

Для нашей темы важный вывод сделан Д.И. Ражевым на основании изучения погребений доандроновского времени с территории горно-лесного Урала, то есть территории распространения наскальных изображений (включая Южный Урал). Все черепа этой выборки могут быть отнесены к древнеуральскому типу уральской расы (Ражев, 1996, с. 206). Существенно также, что при сравнении краниологических материалов башкир с финно-угорскими и тюркскими народами «коэффициенты суммарных различий отдельных краниологических серий башкир с уграми Западной Сибири... не исключают наличие угорского компонента в составе башкир... в северо-восточных группах... и в Зауралье» (Юсупов, 1982, с. 113).

Принятая в настоящее время схема родословного древа родственных уральских языков предполагает, что все современные уральские языки происходят от единого протоуральского языка-основы (Хелимский, 1982; Хайду, 1985). Считается, что вероятной причиной его распада было переселение предков современных самодийцев в район Саянского нагорья. Хронологические рамки распада уральского праязыка и хронология дальнейших этапов формирования современных финно-угорских и самодийских языков определяются в основном через косвенные данные и, таким образом, довольно условны (в настоящее время концепция М. Сводеша распада языкового субстрата с определенной скоростью подвергается серьезной критике: см.: Бурлак, Старостин, 2001; Головнев, 2009, с. 134–136). Предполагается, что период распада единого уральского праязыка охватывал VI–IV тыс. до н.э. Самодийцы, возможно, сохраняли определенную языковую общность вплоть до начала нашей эры, когда прасамодийский язык распался, по крайней мере, на четыре группы, носителями которых были предки камасинцев, маторов, селькупов и северных самодийцев.

Единство финно-угорской ветви уральских языков нарушается к концу III тыс. до н.э. в результате передвижения предков современных финно-пермских народов с территории прародины на запад и в район Волго-Камья. Вопрос о длительности существования единой угорской общности остается дискуссионным. Начало общеугорской эпохи принято относить к концу III тыс., концу — первой половине I тыс. до н.э. Таким образом, языковая общность предков угорских народов сохранялась, по меньшей мере, около полутора тысячелетий. Такая оценка длительности угорского периода как будто противоречит относительной редкости общеугорских языковых параллелей. Объяснение данного положения, по мнению П. Хайду (1985), следует искать в характере протоугорской этнической общности.

Он полагает, что связи отдельных территориальных групп древних угров были довольно слабыми, что и привело к значительной языковой дифференциации. Так, уже на раннем этапе предполагается существование двух в значительной степени обособленных групп: южной, на основе которой возникли предки венгров, и северной, состоявшей из предков современных обско-угорских народов.

В целом, по мнению лингвистов, языковые данные недвусмысленно свидетельствуют о генетическом родстве уральских языков, их происхождении из единого центра.

Попробуем ретроспективно представить калейдоскоп археологических культур на территории

распространения писаниц с начала II тыс. н.э. В районах лесного Зауралья в X-XIII вв. распространены памятники юдинской культуры с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики. Именно эту культуру исследователи склонны связывать с протомансийским населением. Ей предшествуют памятники молчановского типа (культуры), которые датируются VI-IX вв. н.э.

А.М. Белавин, В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова выделили и картировали этномаркеры угорской культуры: погребальные маски, пряжки с изображением медведя, предметы с сюжетом «животное/всадник на змее», арочные шумящие подвески, биконьковые шумящие подвески, птицы с личиной на груди, поясные кошельки, биметаллические кресала, после чего сделали следующие выводы:

— Центром наибольшей концентрации большинства угорских этномаркеров является Среднее Предуралье (Пермский край и Удмуртия), территория ломоватовской и помолковой археологических культур. Здесь же как на могильниках, так и на поселениях преобладает керамическая посуда, которая по всем признакам, выделяемым рядом исследователей (круглодонные широкогорлые чаши, украшенные по шейке многорядным шнуром, по плечу — отпечатками гребенчатого штампа (в т.ч. «подковками» или «личинками») или решетчатых штампов), может считаться «классической» угорской.

— Другими центрами являются Приобье (в особенности, Сургутское), Башкирия (территория кушнаренковской и караякуповской культур), Татарстан (территория ранней Волжской Булгарии), Марий-эл (Ветлужско-Вятское междуречье), в определенной степени, республика Коми (территория ванвиздинской и ранневымской культуры, особенно Припечерье).

— Единичные находки угорских этномаркеров разных видов (включая керамику) встречаются преимущественно вдоль по Волжскому торговому пути, наибольшая их концентрация наблюдается в Приладожье...»

По мнению этих исследователей, «в результате сложных этногенетических процессов, межэтнических взаимодействий и миграций к VII-VIII вв. н.э. на Урале возник ряд полиэтнических объединений, в составе которых в качестве основного компонента присутствовали угры. Первоначально эти объединения занимали преимущественно территории Южного, Среднего и Северного Предуралья, Зауралья и Западной Сибири. В IX-X вв. значительные группы выходцев из Среднего Предуралья (носители помолковой, ломоватовской, неволинской культур) переселились в раннюю Волжскую Булгарию и приняли участие в этногенезе волжских болгар...» (Белавин и др., 2009, с. 226).

Эпоха средневековья лесостепного Зауралья и Западной Сибири характеризуется памятниками, которые до недавнего времени объединяли в общий этнокультурный массив — сылвенский, — с тремя территориальными группами памятников: приуральские, зауральские (лыбаевские), южноуральские (Овчинникова, 1993, с. 160-162). В настоящее время памятники сылвенской культуры второй половины I-начала II тысячелетия н.э. принято относить к неволинской и бакальской культурам (Пастушенко, 1993, с. 189-170), возникновение которых в Прикамье и Зауралье на рубеже IV-V вв. по предварительным дан-

ым, связано с саргатской культурой. По наиболее распространенному в литературе мнению, население, оставившее эти культуры были уграми (Генинг, 1959; Народы Западной Сибири, 2005, с. 215).

В V-VI вв. на всей территории Урала происходят существенные этнические изменения. В горнотажных районах и в Верхнем Прикамье появляются группы людей, культура которых характеризуется такими существенными признаками, как курганный способ захоронения (Верхнее Прикамье), культ коня в погребальном обряде. Это наложило отпечаток на облик населения региона, что привело, наряду с формированием молчановской культуры к формированию петрогромской культуры предков среднеуральских манси V-X вв. (Викторова, Морозов, 1993, с. 186-188). В.Ф. Генинг считал эти памятники (гора Петрогром, Чертово городище, Шарташские каменные палатки, могильники Аятский и Калмацкий Брод) принадлежавшими уграм-кочевникам, продвинувшимся в лесную зону восточного и западного склона Урала в эпоху Великого переселения народов (Генинг, 1959). Керамика петрогромского типа выделяется и на территории Пермского Предуралья в Сылвенско-Иренском поречье (Пастушенко, 2004, с. 115). Для петрогромской керамики, по В.Д. Викторовой, характерны пять основных компонентов орнамента: косая резная сеточка, шнур, гребенчатый штамп, элементы фигурно-штамповой техники («подковки»), «пустая» зона на высокой шейке (Викторова, 1968, с. 256; Могильников, 1987, с. 168-176; Викторова, Кернер, 1988, с. 140; Викторова, 2008).

По мнению Е.П. Казакова, именно Средний Урал (петрогромская культура) и Верхнее Прикамье (ранний этап ломоватовской культуры) являются исходными районами для посуды с шнуро-гребенчатой орнаментацией. Отсюда в VIII-X вв. подобная керамика распространяется на сопредельные территории — Южный Урал, Зауралье, Нижнее Прикамье. А в несколько измененном виде такая посуда в различных вариациях (постпетрогромский, чияликский, юдинский, заозерный типы и т.п.) продолжала бытовать до XIII-XIV вв. почти в том же регионе (Волжская Булгария, Прикамье, Средний Урал, лесное Зауралье) (Казаков, 1993, с. 76).

Шнуровая или шнуро-гребенчатая орнаментация многими авторами (В.Н. Чернецов, Е.П. Казаков, В.Д. Викторова и др.) признается угорской. По мнению В.Д. Викторовой, распространение сосудов со шнуровой орнаментацией является одним из наиболее убедительных аргументов в пользу идеи продвижения угорских племен в лесную полосу по обе стороны Уральских гор (Викторова, 2008, с. 110).

Основные элементы шнуровой орнаментации, свойственные средневековой посуде угорского облика (подковки, волнистые линии), возникли и нередко использовались уже в ананьинское время и продолжали применяться гляденовским населением. Зауральскую керамику с шнуро-гребенчатой орнаментацией В.Н. Чернецов локализовал на Среднем Урале и в Зауралье, утверждая, что ее развитие может быть прослежено до зауральского ананьина VIII-IV вв. до н.э. — так в его время называли иткульскую культуру. Этнически такую посуду он связывал с протомансийским этносом (Чернецов, 1957, с. 180).

Параллельно с предуральской гляденовской культурой в IV-III вв. до н.э. — IV-VI вв. н.э. в лесном Зауралье, в среднем течении рек Туры, Ницы, Исети

шнуро-гребенчатая керамика появилась у носителей кашинской культуры. Характерной чертой кашинской керамики является наличие «бордюрного» орнамента, выполненного гребенчатым штампом или шнура, с заключенными между линиями различными мотивами — многорядным зигзагом, столбиками, наклонными оттисками гребенчатого штампа, шнуровыми «подковками». (Чикунова, 2006а, с. 67). Большинство исследователей истоки формирования кашинской культуры усматривает в саргатском воздействии (Викторова, Кернер, 1988). В то же время, в качестве другого компонента кашинских древностей выделяют лесное приуральское население (Матвеева, 1994, с. 141; Ковригин, Шарипова, 1998, с. 69; Викторова, Морозов, 1993, с. 181-182).

Кушнаренковские памятники Урало-Поволжья эпохи средневековья на ранних этапах обнаруживают сходство в керамике с западносибирским населением, которое, видимо, проникало сюда в это время. Аналогичные процессы продолжались и позднее. К концу X в. основную территорию кушнаренковской культуры занимают кочевые группы постпетрогромского облика (Казаков, 1993, с. 75, 76).

Большую территорию в горно-лесном Урале и Зауралье занимают памятники гороховской культуры, имеющие соответствия в айских и гафурийских памятниках с территории Башкирии. Формирование гороховской культуры происходило в предсаргатский период под влиянием и с участием южноуральских кочевников. На западе провинции гороховское население «наложилось» на исетское (иткульское), на востоке — на ирменское (Стоянов, 1970, с. 238-253; Корякова, 1993; Пшеничнюк, 1983). Материалы археологических памятников позволяют говорить о самостоятельности гороховской и саргатской культур и их мирном сосуществовании с IV-III вв. до н.э. на протяжении нескольких столетий (Пантелеева, 2010, с. 94-95).

Сложившаяся в лесном Зауралье в VII веке до н.э. иткульская культура раннего железного века, продолжила в основном традиции черкаскульско-межовской группы культурно-исторической общности андроновидных культур эпохи поздней бронзы. На той же основе складывается примерно в то же время саргатская культурно-историческая общность в лесостепной и степной зоне от Южного Урала до Барабинской низменности, с носителями которой связывают начало венгерской предыстории (Могильников 1972; 1992; Корякова 1988).

На рубеже бронзового и железного веков в лесных и лесостепных районах Западной Сибири и Урала появились культуры с крестовой орнаментацией керамики. Их формирование связано с таежными районами Нижнего Приобья. В Среднем Зауралье и северной части Южного Урала сосредоточены гамаюнские памятники общности культур с крестовой орнаментацией посуды. Предшествует им группа лозьвинских памятников (реки Тавда, Лозьва, Конда, Нижнее Приобье, европейский северо-восток). Гамаюнское население взаимодействовало с населением иткульской культуры, лесостепных и степных культур Зауралья. Считается, что гамаюнскую культуру не затронула общая «сарматизация» лесостепных культур. Миграции гамаюнского населения были строго направлены в пределах сходных растительно-ландшафтных зон Южного Приуралья, Прикамья, частично — верховьев Печоры. Происхождение культуры связы-

вают с миграциями охотников и рыболовов Нижнего Приобья в Среднее Приобье и дальше вверх по Оби и ее притокам, на Европейский Север и в Зауралье. Гамаюнская культура, как считается, сформировалась на самой южной окраине расселения лозьвинских групп, на пограничье Западной Сибири и Зауралья (Борзунов, 1992). В VI-IV вв. до н.э. усиливаются контакты уральских и западносибирских лесостепных культур со степными кочевниками, прежде всего с савроматами. Они проникают в южную лесостепь, отодвигая ее коренное население на север. Около IV в. до н.э. под давлением кочевников в Приобье из междуречья Иртыша и Оби стали проникать новые, саргатские племена, в результате чего часть местного лесостепного гороховского и гафурийского населения ушла на северо-запад и запад в горно-лесные районы Урала, а также на юг в Приуральские степи. Вместе с этим прекращается существование всего массива культур крестовой керамики (Борзунов, 1992). В дальнейшем, возможно, в Среднем и Южном Зауралье гамаюнская культура около IV в. до н.э. была ассимилирована иткульской, потомки которой с III в. участвовали в формировании петрогромской культуры (Викторова, 2008, с. 134).

Памятники поздней бронзы в Приуралье и Зауралье относят к межовской/березовской и бархатовской культурам, в Тоболо-Иртышье — к ирменской, сузгунской и красноозерской. Характерные типы металлических изделий этого времени — кинжалы с металлическими рукоятками, ножи с упором на черенке, серпы-косари или крюкастые серпы с фигурной пяткой, втульчатые или прямолезвийные долота, ножи-бритвы с фигурным лезвием. Основные источники сырья — меднорудные месторождения Уральского и Приуральского горно-металлургических центров, Казахской горно-металлургической области. Предполагается существование зауральского центра металлопроизводства. Косвенным признаком может служить формирование здесь в дальнейшем иткульского металлургического очага, а также единичные, но специфические находки кельтов. Ярким фоновым признаком признается глиняная антропоморфная и зооморфная пластика, выполненная в едином стиле, распространение которой в конце бронзового века в Евразии принимает эпохальный характер (Корочкова, 2011, с. 21-22).

Андроновидные культуры южнотаежной и лесостепной полосы юга Западной Сибири складываются в последние века II тыс. до н.э. в результате влияния племен андроновской культурно-исторической общности (точнее — федоровской культуры), предположительно — ираноязычных, на лесные группы. Учитывая особенности сложения андроновидных культур, в генезисе которых определяющую роль сыграл андроновский фактор, допускают их тесную связь со степным миром. «Наиболее ориентированной на этот круг связей была черкаскульская культура, которая сложилась при явном преобладании андроновского (федоровского) компонента, в отличие от пахомовской, которая сохранила наследие и прирывает местной культуры, впитала достижения степной андроновской и южнотаежной постодиновской культур в равной мере» (Корочкова, 2011).

К андроновскому периоду в Среднем Зауралье относятся алакульские и федоровские памятники, с металлом срубно-андоновского (евразийского) или самусьско-кижировского облика. В Среднем Заура-

лье известны немногочисленные пункты с единичными находками алакульской керамики. Памятники федоровского типа локализуются преимущественно в лесостепном Зауралье, особенно высока их концентрация в причелябинском районе. Динамика и характер связей андроновского периода определялись миграционным освоением преимущественно территории лесостепи. Исходя из археологических данных, предполагается немногочисленность федоровского населения и его инкорпорированность в алакульскую среду. «Федоровцы» жили в тех же поселках, хоронили своих сородичей на тех же кладбищах, что и «алакульцы». При этом погребальный ритуал пришлого населения приобретает своеобразные черты, которые направлены, прежде всего, на максимальное дистанцирование от местной алакульской культуры (Корочкова, 2011, с. 14-15).

Некоторые специалисты прослеживают преемственность между черкаскульско-межовской андронидной общностью и предшествовавшими ей в южнотаёжном Зауралье и на юго-западе Западной Сибири культурами гребенчатой орнаментальной традиции (Шорин, 1998, с. 587), сложившимися, как и культуры гребенчато-ямочной традиции, в результате дифференциации ранне-неолитической урало-западносибирской общности. Уже в середине II тыс. до н.э. у носителей культур с гребенчатой керамикой в Среднем Зауралье (коптяковской культуры) наблюдается сложение специфических геометрических форм орнаментации, перерастающих в типы, характерные для андронидных культур черкаскульско-межовской общности (Косарев, 1981, с. 268-269; 1987, с. 314; Викторова, Шорин, 1998, с. 276:).

Коптяковские памятники представляют первый период среднего бронзового века — самусьско-сейминскую эпоху — в Свердловско-Тагильском регионе (Косарев, 1981, страница 77; 1987, с. 268, 269), с керамикой, генетически близкой предшествующей аятской и последующей черкаскульской и федоровской (Сальников, 1964, с. 7-10). Согласно новейшим данным, ареал культуры в широтном направлении распространялся от Уральского хребта до Тюменского Притоболья, в меридиональном — от Миасса до Н.Тагила. Коптяковские древности известны также по другую сторону Уральского хребта, в Прикамье. В керамическом комплексе обнаруживают сочетание архаичных, восходящих к местным энеолитическим культурам, и сопоставимых с петровско-алакульскими, признаков. Яркой чертой считается наличие круглодонных сосудов.

Погребальный обряд характеризуют грунтовыми узкими неглубокими могилами, ингумация (вытянута на спине), кремация или фракционные захоронения, помещение в могилу специфического бронзового инвентаря или его фрагментов, каменных наконечников стрел треугольной формы (так называемых турбинских, по О.Н. Бадеру), установка сосудов рядом или над могилой на специальном перекрытии. Перечисленные признаки, по мнению О.Н. Корочковой и В.И. Стефанова, указывают на принадлежность к традициям, сложившимся в рамках кротовско-елунинского массива.

Изделия из металла выполнены в традициях сейминско-турбинской и евразийской металлообработки. Характерной особенностью считается наличие синкретичных типов, сочетающих сейминско-тур-

бинские и евразийские традиции, а также наличие уникальных изделий (втульчатых чеканов), которые однозначной атрибуции не имеют.

Происхождение и формирование коптяковской культуры связывают с воздействием на местную аборигенную аятскую культуру групп лесостепного населения петровско-алакульской линии развития, и носителей сейминско-турбинских традиций (Сериков, Корочкова, Кузьминых, Стефанов, 2009; Корочкова, 2011, с. 9). Локализация памятников коптяковской культуры в горно-лесном Зауралье заставляет археологов сомневаться в культивировании скотоводства и формировании необходимых предпосылок для самостоятельного перехода к производящей экономике. «Феномен высокоразвитой металлообработки актуализирует тему экстраординарного характера данного образования, сформировавшегося в результате внедрения на территорию, обладавшую сырьевыми источниками, заселённую накануне II тыс. до н.э. коллективами, развитие которых соответствовало уровню каменного века, инокультурных СТ-групп, обладавших навыками поиска и разработки меднорудных месторождений, владевших секретами высокотехнологичного втульчатого литья, ориентированных на диалог с поставщиками легирующих добавок, скота. В качестве таких партнеров выступают культуры степного и лесостепного Зауралья, входившие в петровско-алакульский массив, чьё присутствие обозначено заимствованиями в орнаментике керамики, технологии металлопроизводства и прямыми импортами» (Корочкова, 2011, с. 10-11).

Напомним, что по Нейве, Режу и особенно по Тагилу существуют многофигурные писаницы с большим количеством разнообразных знаков, в числе которых многочисленны уголково-мотивы, «вложенные» дуги, крупные соляные знаки и многоугольные «сотовидные» фигуры, а также необычными антропоморфными существами и специфическими орнитоморфными изображениями. Их происхождение, на наш взгляд, связано с переработкой местным населением знаковой системы появившихся в регионе носителей сейминско-турбинских традиций. Их проявление отмечено и на Вишерском Писаном Камне (см. выше).

В Прикамье на рубеже III-II-го и в первой половине II-го тысячелетия до н.э. преобладают памятники гаринской и борской культур, родственных волосовским в Среднем Поволжье и низовьях Камы. В орнаментации гаринской керамики прослеживаются черты, близкие западносибирской керамике кротовского типа. Именно с памятниками кротовско-елунинской общности связывают формирование сейминско-турбинского феномена. Носители сейминско-турбинских традиций продвинулись в Приуралье в трех основных направлениях: северном — через Конду на Печору; центральном — в бассейн Средней Камы; южном — в низовья Оки и Камы (Черных, Кузьминых, 1987, с. 84-105; Черных, Кузьминых, 1998, с. 471).

На рубеже неолита-энеолита в Среднем Зауралье усиливаются контакты с населением западных областей, откуда происходит, возможно, прямая инфильтрация волосовско-гаринских групп в зауральскую среду (Чаиркина, 1993, с. 216, 217; она же, 2005, с. 295-296).

В целом энеолит Восточного Урала и прилегающих районов Западной Сибири представлен липчинской, шапкульской, суртандинской, богайской, терсекской, андреевской, аятской и чужьяельской культурами и кыськульским, моршинским, унига, северо-сосвинским, ортинским, мысаевским, атымынским, волвончинским, александровским, ирским типами памятников. В археологических культурах выделяются два культурно-хронологических пласта (горизонта). Первый из них — липчинско-богайский, границы которого обозначены Уралом и Иртышом на западе и востоке, водоразделом Северной Сосьвы, Тавды, Конды и Северным Казахстаном на севере и юге. Ядро второго культурно-хронологического горизонта образуют памятники андреевской культуры и волвончинского типа (Кокшаров, 1993, с. 88-90; Ковалева, 1995). Названные культуры и группы памятников включаются в большую культурно-историческую общность (область) — восточноуральскую (а с учетом памятников на территории Северного Казахстана — в зауральско-северо-казахстанскую) эпохи энеолита, существовавшую в III-м — первой четверти II-го тысячелетия до н.э. (Матюшин, 1982; Ковалева, 1988; Мошин, 1990; Кокшаров, 1991, 1993; Ковалева, Чаиркина, 1991; Чаиркина, 1993; Шорин, 1999; Чаиркина, 2005). А.Ф. Шориным внутри лесной зоны и прилегающей лесостепной территории Урало-Поволжского региона выделен, вслед за М.Ф. Косаревым, ареал энеолитических культур гребенчатой керамики: аятской, гаринской, нововильинской, юртиковской и волосовской (Шорин, 1993, с. 84-92), которые традиционно связывают с ранним периодом развития культур финно-угорской общности (Бадер, 1972; Косарев, 1987, с. 316).

На территории Зауралья и Западной Сибири с эпохи позднего неолита, а может быть, и более раннего времени существовало одновременно несколько культурных традиций, характеризующихся определенными видами техники орнаментации керамики (Косарев, 1981, с. 22). В последнее время пересматривается разработанная В.Н. Чернецовым (1968) схема развития зауральского неолита с тремя преемственными фазами: козловской, близкой к раннекельтеминарским памятникам, юрьинско-горбуновской и честыйгской (О.Н. Бадер последние фазы называл полуденской и сосновоостровской), уточненная О.Н. Бадером (1970) и позднее поддержанная В.Ф. Старковым (1980). По В.Н. Чернецову, население этого региона входило в единую этнокультурную общность Средней Азии и Зауралья и имело корни в мезолитических культурах Алтая, Енисея, Ангары (1973, с. 13) По мнению О.Н. Бадера, оно сформировалось на основе местного уральского мезолита под влиянием южного степного населения.

В недавнее время предложена новая схема развития среднеуральского неолита с двумя стадиями (ранней и поздней) и двумя основными линиями. Первая из них — связана с местным населением, вторая — с пришлым, сформировавшимся в результате миграции в Зауралье населения из южных районов. Таким образом, здесь параллельно развивались разные культурные традиции (Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 46; Ковалева, 1993, с. 83). Ранний неолит представлен козловской (автохтонной) группой памятников и памятниками кошклинского типа, сложившимися в результате адаптации к новым условиям проникших в лесостепную и лесную зоны Зауралья отдельных

групп населения из более южных областей. Козловскую и кошклинскую группы памятников наследуют, соответственно, полуденская и боборыкинская культуры позднего неолита лесного Зауралья (Ковалева, 1986, с. 24, 25; 1993, с. 84; Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 46, 49-52;). Однако вопрос об их историко-генетических связях далеко неоднозначен (Чаиркина, 2005, с. 264-272). Памятники кошклинской группы обнаруживают сходство в материальной культуре с неолитическими памятниками Прикаспия, Средней Азии, Казахстана. Происхождение козловской культуры предполагается на многокомпонентной основе с преобладающим влиянием среднеазиатской кельтеминарской культуры (Ковалева, Зырянова, 2008, с. 39). Аналогичное сходство прослеживается и в памятниках полуденской культуры, что свидетельствует о контактах между различными группами населения, но в конце неолита более активными становятся связи с населением Южного Урала (Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 56, 57). Большинство исследователей отрицают местное происхождение боборыкинской культуры. Ее материальные обнаруживают преимущественное сходство с северо-прикаспийскими, а не с кельтеминарскими. Это сходство больше всего проявляется на ранних этапах зауральского неолита в памятниках козловского типа, где сочетаются приуральские и северокаспийские (кайрашакские) черты (Васильев, Выборнов, Горашук, Зайберт, 1993, с. 22, 23). Керамика, близкая боборыкинской, обнаружена не только в Нижнем и Среднем Притоболье и Среднем Зауралье, но и в бассейнах Конды, Тавды, Сосьвы, на Андреевском озере у Тюмени (Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984, с. 39, рис. 5, 3, б, 7, 9; Арефьев, 1986, с. 28; Ковалева, 1986, с. 15, 16; 1989). Генетические связи между кошклинской и боборыкинской культурами в последнее время не усматривают (Ковалева, Зырянова, 2010).

Положение о тесной генетической связи неолита Урала и Приаралья поддерживается небезоговорочно. Ставится вопрос о формировании лесных неолитических культур Зауралья и Западной Сибири главным образом на базе местного мезолита при определенном влиянии южного компонента и поддерживается гипотеза, согласно которой в раннем неолите существовала крупная Урало-Западносибирская историко-культурная область (провинция), большинство её образований, вероятно, имело общую этническую основу, сложившуюся, по крайней мере, в мезолите, в которой к концу эпохи наметилось разделение на западный (вплоть до Приуралья) и восточный ареалы (Косинская, 1993, с. 104; она же, 2002). В настоящее время проблемы урало-западносибирского неолита активно дебатированы.

Согласно гипотезе В.Н. Чернецова, В.И. Мошинской и других исследователей в генезисе обских утров (хантов и манси) прослеживается два компонента. Южный, собственно угорской групп, восходит к прямым общим языковым предкам хантов, манси и венгров и ведёт своё происхождение из южнотаёжных и даже лесостепных областей Западной Сибири (из последних обобщающих работ на эту тему смотри: Народы Западной Сибири, 2005; Викторова, 2008). Они принесли на север некоторые материальные и духовные элементы коневодческой южной культуры и, вероятно, общеугорский этноним *mańs / *mańs. Второй, северный, связан с таёжным населением, для которого был характерен архаичный охотничье-рыболовческий уклад и сопутствующие ему черты ду-

ховной культуры; логично и с большой долей вероятности можно предполагать, что язык(и) аборигенов средней и северной западносибирской тайги также принадлежал(и) к уральской семье и мог(ли) быть близок(ки) угорским (Напольских, 1997, с. 76).

Таким образом, древнейшие этапы угорской этнической истории связаны, видимо, с археологическими культурами по крайней мере неолита-энеолита лесного Урала и Западной Сибири. Принципиальное значение имеет вывод о том, что археологические данные не дают оснований для предположений о массовой смене населения или языка в Западной Сибири и на Урале на протяжении неолита, бронзового и железного веков вплоть до средневековых предков исторических угров и самодийцев, реальные этногенетические процессы в этом регионе в данный период определялись взаимодействиями между местными аборигенными группами лесной полосы, происходящими от, по крайней мере, раннеэнеолитического населения данного региона, и южным степным населением праиндоевропейской языковой принадлежности (Напольских, 1997; Народы Западной Сибири, 2005, с. 18-56). Элементы такого взаимодействия отмечены этнографами в сфере мировоззрения и религиозно-обрядовой практики обских угров (Гемуев, 1991; Сагалаев, 1991; Бауло, 2002).

Этнографические факты, свидетельствующие о былом единстве уралоязычных народов, немногочисленны и фрагментарны, что, по-видимому, является следствием значительной древности культурной дифференциации. При этом наибольшая временная устойчивость некоторых элементов материальной и духовной культуры наблюдается у обских угров и селькупов (Чернецов, 1957; Пелих, 1972; Соколова, 1980; Федорова, 1994). Если предметы материальной культуры в большей степени подвержены эпохальным изменениям и распространение их отражает зачастую не этногенетические связи, а общую этнокультурную ситуацию в каком-либо регионе, то элементы социальной организации более консервативны. К числу последних некоторые исследователи относят дуально-фратриальную организацию некоторых угорских и самодийских народов (хантов, манси, ненцев, селькупов), предполагая её древнеуральское происхождение (Чернецов, 1939; Соколова, 1975, 1983). Последнее было оспорено В. Штейнцом, который считал, что обско-угорские фратрии возникли поздно, в процессе формирования хантов и манси, когда аборигенное население смешивалось с пришлыми с юга кочевыми племенами. Эту гипотезу поддержал П. Верш (1990).

Этнографические параллели между финскими народами, с одной стороны, и угро-самодийскими — с другой, крайне слабы. Некоторые черты сходства отмечаются только между элементами материальной культуры саамов и угорских народов (Лукьянченко, 1980).

Больше оснований говорить о сохранении ряда общих черт в фольклорных традициях уральских народов. Наиболее яркие результаты достигнуты в воссоздании космогонических воззрений и мифологии древних предков уральцев (Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982; Напольских, 1990 б, 1990 в; Мифология манси; Мифология хантов). Этот вывод имеет очень важное значение, так как в попытках интерпретации наскальных изображений Урала позволяет обращаться не только к

материалам фольклора и мифологии обских угров, но и других народов уральской языковой семьи.

Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой, вероятнее всего, на широких пространствах Севера Евразии от Фенноскандии до Енисея с конца позднеледниковья существовала некая культурная и языковая «непрерывность», являвшаяся субстратом уральских народов. Напомним предположение антрополога В.П. Якимова о том, что характерная для некоторых современных прибалтийских народов и в ещё большей степени для палеоантропологического материала с этой территории уплощённость лицевого скелета является не следствием монголоидной примеси, а представляет собой пережиток древнего морфологического комплекса, свойственного некоторым верхнепалеолитическим и мезолитическим группам Европы (1957, 1960, 1961; см. также: Гохман, 1986).

Подводя итоги, следует указать, что на территории распространения уральских писаниц обнаружены археологические материалы, близкие между собой. Наиболее ранние из них связаны с поздним неолитом и энеолитом, особенно с такими культурами (культурными типами), как гаринская, аятская, липчинская, суртандинская и кысыкульская. Именно на энеолитических памятниках, преимущественно с гребенчатой орнаментацией керамики, известно наибольшее число изображений птиц и копытных на сосудах, а также костяных и деревянных изделиях из торфяников (Чаиркина, 2005). Эпоха бронзы характеризуется в первую очередь коптыковскими материалами, ранний железный век итукульско-гамаюнскими комплексами, а раннее средневековье петрогромскими и бакальскими материалами. Учитывая антропологические данные, это позволяет считать наскальные рисунки Урала связанными с угорской этнической линией. Есть также свидетельства связи исторической традиции с наскальными рисунками рек Тагила и Уфы, возле которых осуществляли какие-то ритуалы представители мансийского населения, считавшие эти места священными (см.: Чернецов, 1964, с. 47; Широков, 2009, с. 10).

Можно предположить, что каждая из названных (и не названных) выше культур внесла какой-либо вклад в формирование мансийской культуры, известной по работам этнографов. Это дает возможность допускать наличие в ней нескольких культурных комплексов, связанных с различными этническими образованиями и вошедших в её состав на разных этапах истории, а также отражающих влияние культур тех этносов, с которыми манси контактировали (см. также: Федорова, 1994, с. 40).

В целом это позволяет связать наскальные рисунки региона с ранними этапами формирования угорской общности, о чем ранее уже писал В.Н. Чернецов, а ее сложный генезис позволяет обращаться в поисках широких аналогий к этнографическим материалам народов в первую очередь уральской, а в какой-то степени также индоевропейской и алтайской языковых семей.

ГЛАВА 7. О ЧЕМ МОГУТ РАССКАЗАТЬ ДРЕВНИЕ РИСУНКИ

Подсчеты фигуративных изобразительных мотивов недвусмысленно показывают осуществлявшийся создателями писаниц отбор изображений ограниченного набора видов животных: копытных, медведя, рептилий и амфибий, зверей, ведущих полуводный образ жизни типа бобра и/или выдры, водоплавающих перелетных птиц. Очевидна культурная специфика в выборе этих тем, поскольку фауна Урала насчитывает, без насекомых, не одну сотню видов (Урал и Приуралье, 1968). Значит, эти виды являлись доминантными символами в культуре создателей наскального искусства.

Важно, что и на археологических святилищах Западной Сибири (территории проживания обских угров) IX-XVIII вв. среди фаунистических остатков преобладают те же виды животных (за исключением лошади): северный олень, лось, медведь, бобр, иногда щука (Косинцев, 1999, с. 234).

Изобразительные мотивы уральских писаниц сгруппированы в многочисленные и разнообразные сцены, или композиции, однако встречаются и отдельные изолированные мотивы, как фигуративные, так и нефигуративные.

Условно все многообразие композиций можно объединить в несколько групп, положив в основу их выделения отдельные хорошо «читаемые» фигуры, в первую очередь образные. Именно так поступил В.Н. Чернецов, обозначив их, правда, сюжетами. Каждый сюжет — всего их было выделено 5, — включал несколько вариантов. Выше мы постарались показать слабые места такой схемы. Многие композиции не находили в ней места, один сюжет объединял различные по содержанию, то есть сюжету сцены, отдельные фигуры были неверно интерпретированы. Отступив от предложенного деления, попробуем предложить трактовку отдельных тем.

Изображения копытных известны как поодиночке, так и в композициях. На р. Тагиле существует несколько выразительных сцен, объединённых близким набором фигур и манерой их выполнения. Ключевой для раскрытия содержания этих композиций послужила Кирияшевская писаница с тремя наиболее хорошо сохранившимися изображениями. Одно из них — антропоморфное существо с головой животного и четырьмя отходящими от неё лучами, контурным туловищем в скелетной манере, хвостом, penisом и двухпальными кистями. Два других — это мотив из концентрических окружностей с радиально расходящимися лучами, и «рентгеновский» рисунок копытного с опущенными вниз шеей и головой и подогнутыми ногами (подробнее см. выше, а также Широков, Чаиркин, 1999, с. 92-96). Сходные композиции есть и на других писаницах. Одна из них — Маскальская I, на которой видна фигура лоса в скелетном стиле, окружность с отрезками-лучами, дуга над лосем и антропоморфный персонаж анфас с сохранившейся только верхней половиной туловища. Ранее эта фигура принималась за некое «охотничье сооружение в виде подрези» (Чернецов, 1964, с. 41) — до того, как стала известна Кирияшевская писаница. После её открытия пришло понимание, что на Маскальской I нарисован антропоморфный персонаж, отличающийся от предыдущего линейным туловищем и показом головы

анфас, над которой только три луча. Зато руки воспроизведены в антитезе, также, как и у Кирияшевского существа: согнутые в локтях, одна из них поднята вверх, другая опущена вниз. Эти две композиции различаются следующим: на Маскальской есть дуга, отсутствующая на Кирияшевской; разное положение занимают окружности; антропоморфные персонажи нанесены в различной манере; но набор фигур не оставляет сомнений в идентичности содержания этих писаниц. Им близки ещё три сцены — на Зенковской скале, Писаном Камне и Соколинских утесах. Зенковская композиция объединяет шесть лосей, по большей части выполненных в скелетном стиле, дугу с обращёнными вверх отрезками-зубцами и концентрические окружности с отрезками-лучами. С предыдущими сценами эту сближает наличие копытных, дуги и окружности, нет только антропоморфного существа. Можно предположить, что от него остался небольшой фрагмент, принятый В.Н. Чернецовым за «копьевидный предмет». На Писаном Камне в одной из композиций нарисована двойная дуга с отрезками, а под ней была намеренно нанесена только передняя часть лоса. На Соколинских утесах также есть сцена с лосями в скелетной манере, дугой с отрезками и плохо сохранившейся фигурой, напоминающей антропоморфную. У этой фигуры уже два отрезка над головой, что характерно для одного из типов антропоморфных персонажей уральских писаниц. Нетрудно заметить сходство этих композиций, объединяющими элементами которых в «развёрнутом» виде являются копытные в скелетной манере, дуги, окружности и антропоморфные существа. Важное наблюдение касается ориентировки копытных: почти во всех упомянутых случаях они обращены головой вверх по течению, хотя и расположены на разных берегах реки. Значит, мы имеем дело с вариантами какого-то «текста», раскрывающего своё содержание через многочисленные композиции (Широков, 2000). Интересно, что данный графический «текст» имеет широкое территориальное распространение, а не ограничивается только бассейном Тагила; различия относятся лишь к оформлению фигур. Например, на Вишерском Писаном Камне самая верхняя композиция состоит из фигур копытных с тонированным силуэтом, красочных пятен в два ряда, дуги с отрезками, обращенными вверх (как на тагильских писаницах), в дополнение к которым нанесена полусотловая фигура, то есть рассеченный пополам сдвоенный шестигранник, оканчивающийся простой дугой — исполнителю для завершения этой фигуры мешал лось (первоисследователь этого памятника В.Ф. Генинг посчитал этот мотив рисунком лисицы). Интересно, что и в этой группе все копытные обращены головой вверх по течению реки, в сторону хребта. Здесь нет окружности и антропоморфа, но есть дуги и копытные, к которым добавляется полусотловая фигура — новый элемент в ранее встречавшемся варианте. Другой пример близкой композиции демонстрирует Шайтанская писаница на Реже, где изображён крупный антропоморфный персонаж с головой в профиль, увенчанной одним длинным отрезком; туловище его развернуто в три четверти, как у Кирияшевского существа, а обе руки согнуты в локтях и подняты вверх. Фигура очень динамична, что подчеркивается изображением согнутых в коленях ног; рядом с ней ещё две подобные, но плохой сохранности. Вместо лоса у ноги главного персонажа изображена только голова зверя; отсутствуют нефигуративные мотивы

(Широков, Чаиркин, 1990, с. 23, рис. 112-12). Несмотря на некоторые формальные отличия, единство содержания шайтанской композиции с другими вышеупомянутыми сценами ощущается вполне отчетливо. Похожая композиция находится на II-й Бородинской скале на р. Реже, состоящая из трёх «вписанных» дуг с отрезками, окружности с лучами и обращенного к ней мордой лося. Последний рисунок плохой сохранности и лишь предположительно можно считать его силуэтным. Слева на соседнем блоке дуга с отрезками, под которой на одной из граней нижнего блока нарисована косая сетка, а на другой грани, обильно покрытой известковым натёком, виден небольшой отрезок — возможно, нога копытного, которое буквально напрашивается сюда по аналогии с выше охарактеризованными сценами. Любопытно, что на копии В.Н. Чернецова в этом месте показан фрагмент фигуры, близкой по облику копытному (Чернецов, 1971, табл. VIII, 5). Стоит упомянуть еще 1-ю группу на Сергинском Писаном Камне с антропоморфным персонажем в «фертообразной» позе, двумя копытными, обращенными к нему мордами, и двумя смежными многоугольными фигурами, как на Вишерском Писаном Камне. На копии В.Н. Чернецова над этими мотивами показаны дуга с отрезками и окружность с лучами. В «урезанном» варианте существует композиция с головой копытного и окружностью с лучами на Змиевом Камне. Одна из композиций Исаковской писаницы включает фигуру лося и окружность с вписанным в нее неправильным крестом (рис. 112).

Отдельные композиции образуют копытные и геометрические фигуры в виде зигзагов и меандров различной формы, рядов полусотовых мотивов, четырёхугольников, сетчатых знаков, а также более сложных форм, образованные путём комбинирования различных элементов. Сцены подобного рода известны на писаницах Северской в бассейне Исети (Широков, Чаиркин, 1990), Шайтанской, Бородинских I, II и Раскатихинской на р. Реже, на Коптеловом, Косом и Двуглазом Камнях на р. Нейве (Широков и др., 2000), на Писаном Камне и Соколинских утесах на р. Тагиле, на Салдинской II писанице (Широков, 1998, с. 176-184). Известны случаи, когда эти композиции дополняют антропоморфные персонажи, например на упоминавшихся Шайтанской, Ирбитской и некоторых других писаницах. Важное значение для интерпретации геометрических мотивов имеют сцены, когда копытные находятся как бы внутри этих мотивов, как на Бородинских скалах, Шайтан Камне, Северской писанице Коптеловом I Камне и других, что подтверждает мнение В.Н. Чернецова о воспроизведении этими знаками ловчих сооружений различного типа (рис. 110, 111). Известны композиции, образованные только фигурами копытных и антропоморфных существ различного облика — на Шайтанской и Бородинской I писаницах. Есть примеры одиночных рисунков лосей, оленей или коз (рис. 110). В некоторых случаях рядом с ними заметны фрагменты каких-то изображений, поэтому они могут отражать тот же круг идей, что и многофигурные композиции. В других случаях можно уверенно говорить об отсутствии каких бы то ни было иных рисунков, кроме копытных, как на Камне Балабан I. Скорее всего, их символика несколько иная.

Изображения водоплавающих птиц, кажется, встречаются только вместе с другими фигурами (рис. 113). Важное значение имеет воспроизведение

утки с двумя гребневидными мотивами над ней на Коптеловом Камне II с реки Нейвы. Птица развернута в вертикальной плоскости, а не в горизонтальной, как большинство других пернатых. Знаки, сочетающиеся с рисунками птиц, примерно те же, что и в композициях с копытными. Это могут быть волнистые линии или зигзаги (Змиев Камень), окружности и овалы (Зенковская скала, Соколинские утесы, Сохаревская писаница), дуги с отрезками (Соколинские утесы), «полусотовые», а также более сложные фигуры, составленные из нескольких простых, как например на уже упоминавшихся Сохаревской скале и Змиевом Камне, сетчатые мотивы, а также фигуры, напоминающие латинскую V, как на Северской и Зенковской скалах. Эти последние могут образовывать «вложенные» мотивы, напоминающая тем самым древовидные знаки, отмеченные на Писаном и Змиевом камнях по р. Тагилу. В бассейне Исети на мысу Еловом с фигурами водоплавающих ассоциирован знак в виде ромба с прямым отрезком из его вершины. По справедливому мнению В.Д. Викторовой, он тождествен знакам на этнографически зафиксированных антропоморфных скульптурах. Его называют «линия жизни». Кроме геометрических форм в композиции с птицами могут быть включены антропоморфные персонажи различного облика. Чаще сцены с водоплавающими нанесены на участках скальной поверхности изолированно от зверей. Однако, есть примеры, когда в композиции входят и птицы, и копытные, как на Соколинских утесах, Шайтанской писанице или на Бородинской II скале, а также рептилии.

Рисунки медведей немногочисленны. Образные и схематичные рисунки медведя известны в долине Тагила на Камне Балабан I, Соколем Камне, Писаном Камне и Нижнем Балабанском утесе, на Вишерском и Ирбитском Писаных Камнях.

На Камне Балабан I (рис. 111-4) фигура медведя передана профилем силуэтом. Схематично моделированы его морда, ухо, передние и задние лапы, каждая пара которых показана одной конечностью с выделенной ступней. На загривок зверя сверху опущена прямая линия. Ниже окружностей нарисовано копытное с характерными для лося пропорциями и кожисто-волосистой шерстью. Туловище показано контуром, внутри него округлым пятном обозначен какой-то внутренний орган животного — сердце, печень или легкие. Шея увенчана массивной головой с двумя ушами, передние и задние пары ног моделированы одной линией каждая.

На Соколем Камне (рис. 111-3) группа состоит из фрагмента геометрической формы, одновременно напоминающего схематичный рисунок копытного, силуэтной фигуры медведя, небольшого косоугольного креста, параболического мотива, рядов бледных зигзагов, ромба с вписанным в него крестом.

На тагильском Писаном Камне также имеются рисунки медведя (рис. 41-53). Речь идет о четвертой, по В.Н. Чернецову, группе, фигуры которой разбросаны на высоте от 2 до 4 м. Валерий Николаевич писал, что «она состоит из большого числа налегающих друг на друга преимущественно антропоморфных изображений, разобрать которые полностью едва ли представится возможным. Над ними находится одиночное изображение оленя... а левее одна из самых известных композиций Писаного Камня, состоящая из решётчатой фигуры, двух антропоморфных...

и меандридной фигуры» (Чернецов, 1964, с. 36). Нами приводится один из вариантов копии этой группы с рисунками антропоморфных существ с головами округлой формы и в виде развилки, или двурогих, справа от которых нанесён рисунок медведя. Он выполнен контуром, короткая шея и голова показаны силуэтом, линия живота повреждена. Здесь же имеется и мотив в виде схематично переданного медведя, показанного в плане.

К северу от Тагила, на западном склоне Урала изображение медведя известно на Вишерском Писаном Камне. Интересующая нас композиция находится на отдельном блоке, на высоте не менее 5 м над землёй. Она состоит из двух силуэтных фигур копытных — лося и, вероятно, оленя, рядов пятен и небольших отрезков, фрагментов геометрических мотивов и рисунка медведя. Он исполнен предельно схематично, тонированным силуэтом и только с одной сохранившейся передней ногой. В отличие от других уральских рисунков ухо у вишерского медведя не обозначено. В целом же этот зверь опознаётся по массивному корпусу, характерной лобастой голове и тупой морде (фото 6). На копии В.Ф. Генинга есть ещё одно изображение медведя плохой сохранности в близкой по содержанию композиции с фигурами копытных и отрезков (рис. 10-91).

Схематичные стилизованные и орнаментализованные изображения животных других видов воспроизведены близко к орнаментальной традиции обских угров. Одни из них показаны в расслабленной позе, в виде сверху. Туловище их передается линией, иногда утолщенной, а также геометрическими фигурами с основой из ромба или многоугольников, «передние лапы развернуты вперед и в стороны, хвост рисуется двумя или тремя выступами» (Чернецов, 1971, с. 22), иногда одним. Идентификация видов во многих случаях затруднена, поскольку близкими орнаментальными мотивами в обско-угорской традиции могли передаваться различные виды животных. В.Н. Чернецов усматривал в таких фигурах воспроизведения медведя и лягушки, причём изображение последней находил на II Бородинской скале. Возможно, в 6-й группе Зенковской писаницы таким же содержанием наделён сложный ромбовидный знак (рис. 27-42).

Схематичный рисунок медведя в «жертвенной позе» находится на Нижнем Балабанском утесе (р. Тагил). Всего здесь 5 окружностей, ромб, цепочка ромбов, гребневидный мотив, вертикальный зигзаг, остатки неопределённых мотивов и «счётные знаки». На левой грани одного из блоков вместе с вертикальной цепочкой ромбов и гребневидным знаком нарисован крестообразный мотив с утолщённым центром, который и можно рассматривать как изображение медведя в так называемой «жертвенной позе» (рис.28).

С очень большой долей вероятности можно интерпретировать в качестве медведя в «жертвенной позе» один из мотивов на Ирбитском Писаном Камне (рис. 87-3). Первая группа рисунков, известная с начала XVIII в., состоит из налегающих друг на друга антропоморфных фигур, геометрических знаков, рисунка копытного и неопределённых изобразительных мотивов. Выше других небольшая фигура напоминает медведя, нарисованного в плане сверху. Такое «прочтение» этого изображения подтверждает аналогичный мотив на тагильском Писаном Камне, где он,

как упоминалось выше, ассоциирован в композиции с фигуративным изображением медведя. Не исключено, правда, что в данном случае этот мотив изображает лягушку, что, однако, вряд ли меняет содержание сцены (см. ниже).

Нефигуративное воспроизведение медведя известно на писанице «Двуглазый» Камень на р. Нейве. На основном панно сохранились группы пятен и отрезков, зигзаги одиночные и двойные, снабжённые отрезками, сотовидные мотивы, сдвоенная дуга, окружность с лучами, авиаформы, копытное, а также сложные знаки и неопределённые изобразительные мотивы. Изображение медведя представлено сотовидным многоугольником, от которого вниз опускается вертикально ориентированный двойной зигзаг (рис. 56-14).

Кроме этих животных могли быть изображены и какие-то другие виды, например бобры или выдры (рис. 89-24,25), а зигзагами, простыми или сдвоенными — змеи и ящерицы. Особенное сходство с рептилиями придаёт зигзагам уголкового мотива на их окончаниях — так называемое жало (рис. 32-95). Основная масса других геометрических фигур уже упоминалась при характеристике композиций с фигурами зверей и птиц.

Антропоморфные существа упоминались нами выше при описании композиционных структур писаниц: кроме многофигурных композиций с животными и знаками эти персонажи могут быть ассоциированы только со знаками, как например на II Бородинской скале или Тагильском Писаном Камне. Имеются редкие примеры одиночных человекообразных существ (Гостыковская писаница по р. Режу, Новожиловская по р. Тагилу). На Вишерском Писаном Камне изображены три личины-маски, также отнесенные к группе антропоморфных мотивов. Ещё один неизвестный ранее мотив — всадник на звере, обнаруженный на Корелинской писанице.

Остаётся добавить, что знаки могут встречаться и изолированно от сцен — ряды отрезков, волны или зигзаги, иные мотивы или фигуры и в этих случаях крайне затруднительно делать выводы о том, влияют ли они на содержание сцен с образными фигурами на достаточном от них удалении.

Продолжая развивать идеи В.Н. Чернецова, обратимся к охарактеризованным выше фигурам и композициям. Напомним, что анализ уральских наскальных рисунков позволил ему выделить несколько сюжетных групп, или сюжетов, с различными вариантами, отражавшими, по его мнению, в виде «графических формул» определённые темы в «комплексе некогда проводившихся обрядов и действий». Каждый сюжет выделялся, в первую очередь, на основании доминирующих образных фигур. Всего было выделено три основных сюжета. В первом сюжете главным изображением является копытное, во втором — птица, а в третьем «условно-антропоморфные» антропоморфные» фигуры. Ещё два сюжета были намечены: четвёртый включал изображения птиц в геральдической позе, а пятый — медведя (Чернецов, 1971, с. 59-82). Из этого следует, что Валерий Николаевич под сюжетом понимал не предмет изображения, как это принято в петроглифоведении, а совокупность фигур, раскрывающих основное содержание сцен или композиций, поскольку выделенные им сюжеты включали разнородные изобразительные мотивы, как фигуративные, так и нефигуративные.

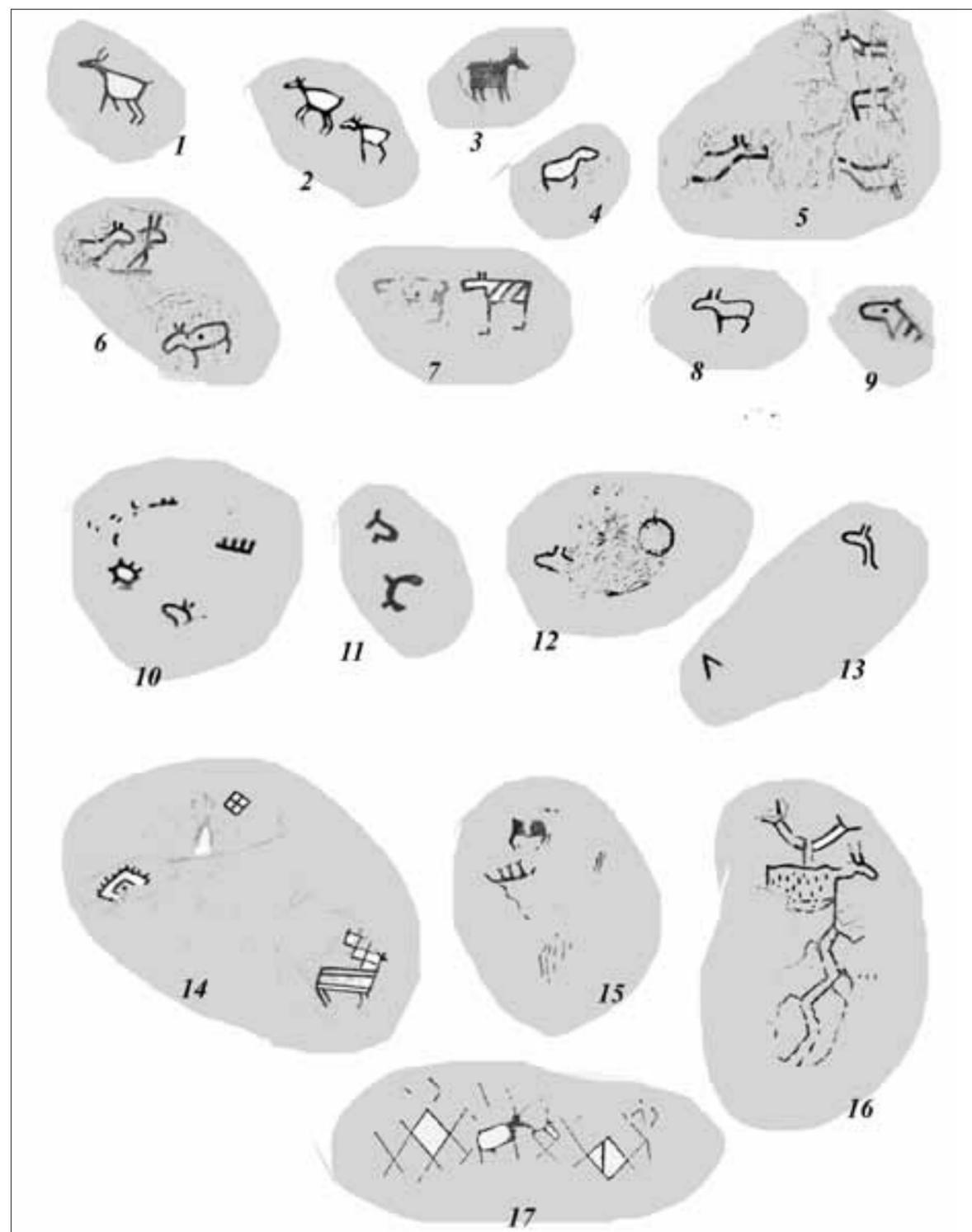

Рис. 110. Сводная таблица изображений копытных поодиночке (1-9) и ассоциированных со знаками.

1-2 – Соколыинские утесы, 3 – Камень Балабан I, 4 – Бородинская II писаница, 5-7, 9 – Шайтан Камень, 8 – Ирбитский Писаный Камень, 10 – Маскальская I писаница, 11 – Змиев Камень, 12 – Змиев Камень, 13 – Тагильский Писаный Камень, 14 – Коптелов Камень, 15 – Косой Камень, 16 – Двуглазый Камень, 17 – Северская писаница.

Рис. 111. Сводная таблица композиций, состоящих из зверей и знаков.

1,2 – Вишерский Писаный Камень, 3 – Соколий Камень, 4 – Камень Балабан I, 5 – Новожиловская писаница, 6 – Зенковская писаница, 7,8 – Змиев Камень, 9 – Соколыинские утесы, 10, 11 – Писаный Камень (р. Тагил), 12-15 – Соколыинские утесы, 16 – Аятская писаница, 17 – Бородинская III, 18,20 – Бородинская II писаница, 19 – Бородинская I писаница, 21 – Исаковская I писаница, 22-24 – Шайтан Камень.

Сопоставляя рисунки на скалах и традиционное искусство обских угров, их обрядово-ритуальную практику, данные фольклора и мифологии, В.Н. Чернецов пришел к следующим выводам. Следы жертвоприношений на вершинах и возле скал с рисунками подсказали, что здесь проводились какие-то обряды. Они были в целом, вероятно, схожи, так как почти все скалы с рисунками обращены к югу, много общего и в самих рисунках. Объяснить содержание рисунков помогло изучение традиционного искусства хантов и манси, а также пережитков их древних обычаев и обрядов.

О расшифровке рисунков Валерий Николаевич писал, что она «должна проводиться непременно с учётом некоторых особенностей примитивного письма... Одна из таких особенностей — манера построения композиций. Животные в них изображаются, как правило, в профиль, люди — обычно в фас, а элементы ландшафта и включённые в этот ландшафт предметы всегда располагаются как бы в плане. На этот план накладываются фигуры животных и людей, причём они ориентированы не по верху и низу, а по отношению к смысловому центру композиции», то есть могут быть ориентированы как вверх, так и вниз головой, как в приводимых им примерах рисунков хантов из собрания И.С. Гудкова. Таким путём были объяснены многие нефигуративные мотивы (геометрические фигуры) в качестве небесных и солярных символов, священных животных и разнообразных ловушек на зверей, птиц и рыб, а также тамгообразных знаков (1964, с. 24-27).

Понимая наскальные изображения как образительную деятельность, связанную с псевдорациональными действиями в отношении объекта промысла, В.Н. Чернецов писал: «В результате всего этого подобно цепи субъект (охотник) — промежуточные звенья (орудия, след) — объект (животное, оставившее след) возникает аналогичная цепь: субъект (коллектив охотников) — промежуточные звенья (изображения графические) + изображения действием + пояснявшие слова — объект (промысловое животное). Примеры таких действий хорошо известны по этнографии манси и хантов... Ещё больше сближает сущность наскальных изображений с периодическими обрядами манси и хантов, начинающимися в зимнее солнцестояние и завершающимися в весеннее равноденствие. Начать с того, что каждая пропетая песнь, рассказанное сказание, каждый танец или какое другое исполненное действие фиксируется на особой бирке. Бирка — это палка, сантиметров 70, затёсанная на несколько граней и на каждой грани отмечается лишь одна категория действий или обрядов. После окончания всего цикла эта бирка относится на особое место, где складываются и другие предметы, связанные с выполнением обрядов: посохи, палицы, берестяные маски и т. д. Там же на одном из деревьев вешаются и медвежьи черепа. Таким образом, бирка является точным отображением того, что было исполнено в течение того или иного обрядового цикла. Кроме того, в некоторых местах, например, на Казыме, над входной дверью отмечается особыми зарубками и знаками каждый сыгранный в этом доме медвежий праздник... Но специальный интерес имеют рисунки, которые делаются на ритуальных палицах, обязательно применяемых во время как периодических, так и спорадических обрядовых празднеств. Эти палицы длиной обычно до метра в противоположном от руко-

яти конце уплощены и расширены до 10–12 см. Края расширенной части украшены резьбой. На обеих сторонах расширения делаются изображения, чаще всего углем, реже охрой, смешанной с жиром. Так как изображения эти предназначаются лишь на один раз, никто не заботится о прочности краски. К концу «праздника» от бывших фигур остаются, как правило, лишь неясные пятна. Этим, очевидно, и объясняется, что изображения на палицах остались почти неизвестными. Типичными мотивами, изображаемыми на палицах, являются фигуры медведя и других животных, солярные знаки, изображения людей и других антропоморфных существ» (1971, с. 87-89).

Сопоставление археологического и этнографического материалов позволило исследователю высказать несколько основных интерпретационных идей. Согласно его представлениям, писаницы отражают «коллективность мероприятий в области быта, промысла и культа». Второй особенностью писаниц он считал календарность связанных с ними обрядов, на что указывают, в основном, ориентировка скал с рисунками, наличие в композициях солярных и небесных символов и определённые параллели в сезонных обрядах обских угров. Часть обрядов происходила в течение недели или двух в период зимнего солнцестояния, а другая часть, важнейшая — во время весеннего равноденствия. Подобная приуроченность обрядовых действий обусловлена годовыми изменениями в жизни природы, от которых зависел и весь годичный промысловый цикл. Связь писаниц с небесно-солярной символикой, с одной стороны, и охотничье-промысловыми культурами с другой, отразила те же идеи, которые отмечены и этнографами: привлечение добычи в ловушки и удержание её в них; весеннее оживление природы и идея размножения и увеличения количества зверя и птицы. Некоторые композиции отражали тотемистические и анимистические представления их создателей, почитание их зоо- и антропоморфных предков, «всех крылатых и ноги имеющих», как суммарно именовались предки обских угров (Чернецов, 1970, с. 6-19).

На наш взгляд, В.Н. Чернецовым выявлена принципиальная взаимосвязь многих композиций с промысловыми и календарными обрядами обских угров. Однако отражение в писаницах коллективности «мероприятий в области быта, промысла и культа» не может быть принято безоговорочно: вряд ли писаницы с количеством рисунков от одного до пяти-шести могут отражать эту самую коллективность. Помимо этого, некоторые писаницы могли иметь лишь меморейный характер, как например, в устьевой части Бурановской пещеры над погребением. К тому же, по нашему мнению, некоторые композиции и отдельные фигуры могут быть интерпретированы с других позиций.

В настоящее время утвердилось представление об особом мифологическом, или мифопоэтическом мышлении, присущем людям в первобытных обществах. В них мифология проявляется как тотально моделирующая все стороны мировоззрения система (Мелетинский, 1976, с. 163), генератор формирования культуры (Лотман, Успенский, 1971, с. 146), частью которой являются наскальные изображения. Поэтому современные исследователи считают их памятниками архаичного мышления, в котором миф (или фольклор в широком смысле слова, как у Я.А. Шера: 2008, с. 28–34) выступает не только как повествование, но и

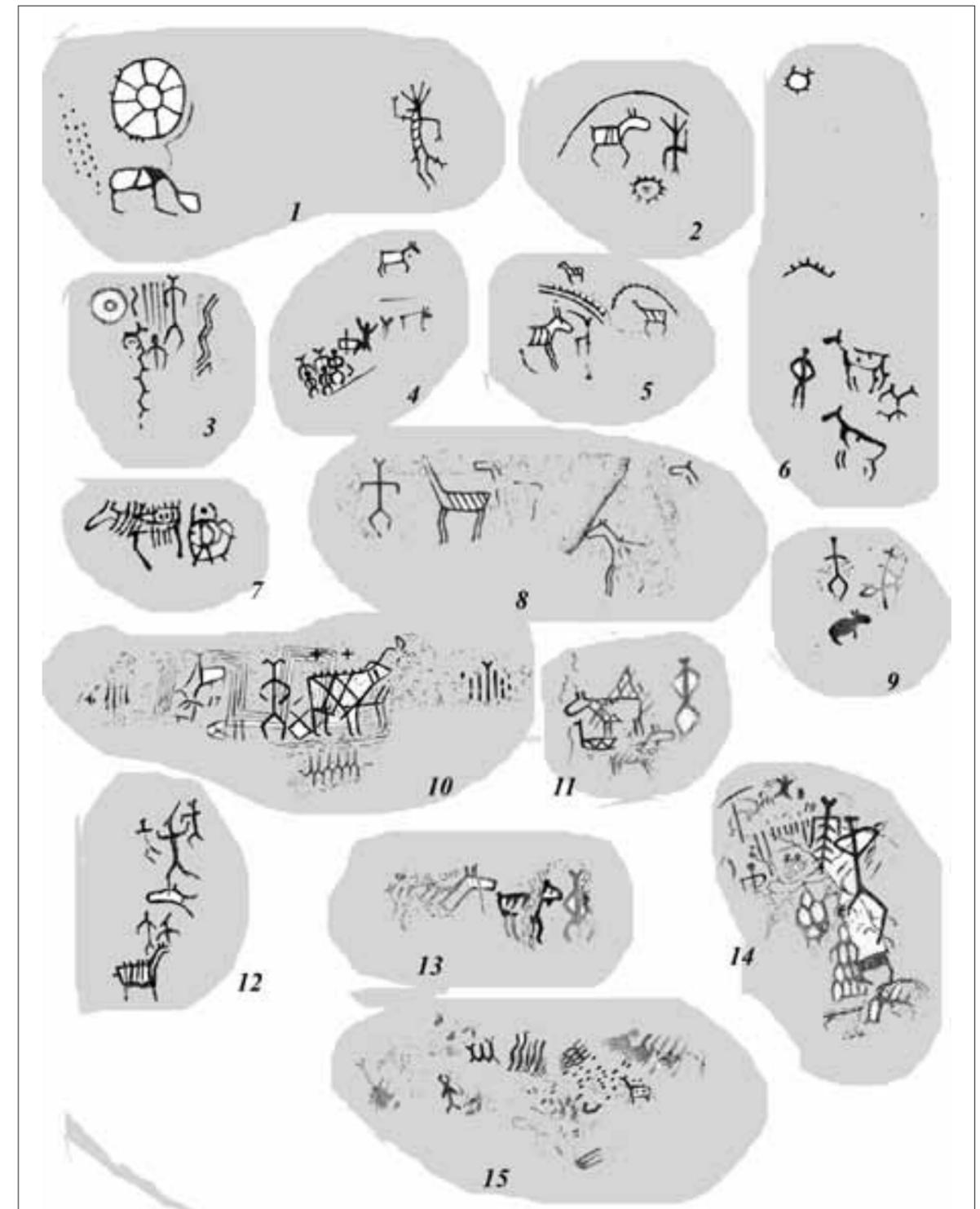

Рис. 112. Сводная таблица композиций, состоящих из зверей, знаков и антропоморфных существ

1 – Кирьяшевская писаница, 2 – Маскальская I писаница, 3,4 – Писаный увмень (р. Тагил), 6 – Сергинская писаница, 5,7 – Соколыпинские утёсы, 8 – Бородинская I писаница, 9,10 – Бородинская II писаница, 11-13 – Шайтан Камень, 14 – Писаный камень (р. Ирбит), 15 – Раскатихинская писаница.

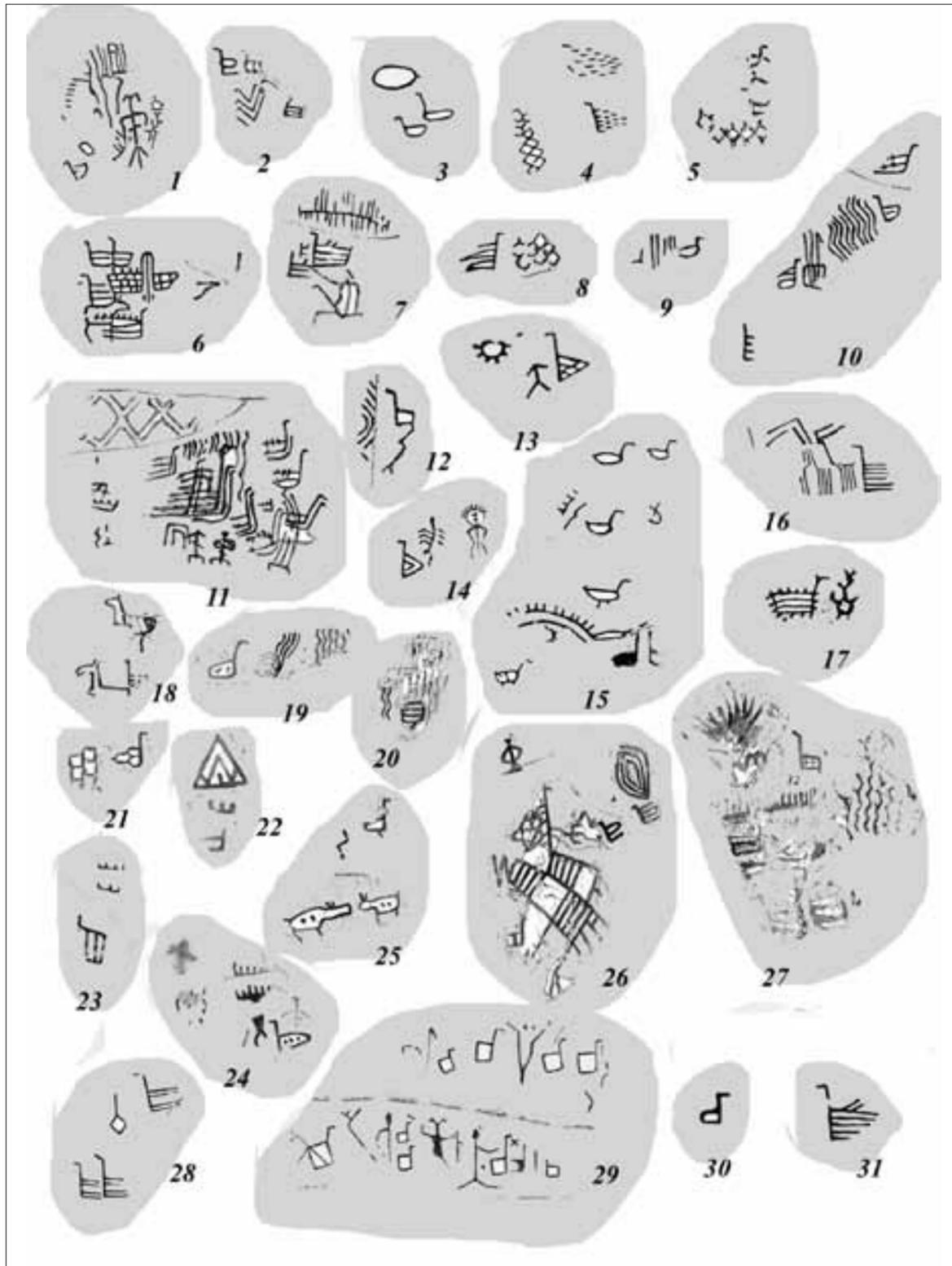

Рис. 113. Сводная таблица рисунков птиц по одиночке (30-31) и ассоциированно с другими мотивами.

как способ освоения, осмысления или постижения или «описания» мира (миф как метод — Дьяконов, 1977, с. 5–54). Рисунки представляют собой образно-символические «тексты», в которых таятся древнейшие пласты человеческого сознания, универсальные первообразы, отразившие опыт жизни и познания далекой эпохи, глубинные архетипы (Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005, с. 87–90; Жульников, 2006, с. 5-11).

Ядром любой мифологии являются мифы, посвященные происхождению и описанию мира. Космогонические/космологические мифы, раскрывая тему первотворения и мироустройства, позволяли человеку легче в нем ориентироваться, поскольку «описывали временные, числовые, этиологические, этические, генеалогические и иные структуры» (Топоров, 1992, т. 2, с. 163). На это указывает и отмеченный многими исследователями изоморфизм устройства поселений, некрополей и святилищ, включая их отдельные составные части, модели мира в различных культурах.

Модель мира отображалась с помощью различных кодов по принципам ассоциации, метафоры и метонимии — важнейшим характеристикам мифопоэтического мировосприятия. Наиболее ранним метафорическим кодом мироздания считается зооморфный. На основании изучения этнографических данных и письменных источников ранних цивилизаций показано, что Вселенная, Космический порядок в традиционных обществах «описывались» с помощью именно этого кода. Он позволял условно-символическим языком передать основные представления создателей наскальных рисунков о происхождении вселенной, мироустройстве, цикличности, времени и пространстве. Рисунки зверей, птиц, рыб, рептилий и амфибий кодируют различные уровни структуры мироздания, выполняют медиативные функции, являются символами космических зон и основных природных стихий, соотносятся с фазами суточного и годового цикла, выступают в роли демиургов и первопредков (Топоров, 1992, т. 2, с. 161–164; Окладникова, 1995, с. 198; Есин, 2009, с. 337–361).

Закодированная различными образами и знаками модель мира воплощена не только в наскальных изображениях, но также в неразрывно связанных с ними обряде и ритуале, в которых устанавливается контакт между разными сферами мироздания и решается проблема его гармонизации и равновесия, воссоздается мифическое прошлое для его включения в настоящее, устраняя тем самым проблему «связи времен». В ритуале должен быть воссоздан мир в его единстве и целостности, именно на это ориентированы все используемые в нём символические средства — язык, миф, сакральные вещи и графические символы, ритуальные действия и т.п. Все они содержали важнейшую информацию о мире, «природном» и «человеческом», «своём» и «чужом», а также о главнейших жизненных ценностях. Эти «опредмеченные» понятия в виде вещей и изображений получали вполне определенную символическую форму.

Раскрытие содержания изобразительных мотивов через обращение к мифологии и фольклору уральских народов вполне оправдано, так как выявлены фактические основания, подтверждающие преемственность этнокультурного развития в регионах Урала и Севера Сибири с эпохи камня (См. из последних работ на эту тему: Народы Западной Сибири..., 2005; Викторова, 2008; Белагин, Иванов, Крыласова, 2009).

Работами этнографов, археологов и лингвистов, прежде всего Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзина, И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, А.В. Бауло, М.Ф. Косарева, Е.А. Хелимского, В.Я. Петрухина, В.В. Напольских и других были показаны развитые космологические представления у обских угров, а также их глубокая древность: периода уральской и даже пра-уральской общности. Однако следует отдавать себе отчет, что мы не в состоянии «воскресить» всё то многообразие мифологических сюжетов древности, которое отразили наскальные рисунки. Тем более, что в изобразительном искусстве прошлого «не принято было графически представлять все эпизоды мифа, достаточно было визуализации какой-либо мифопоэтической формулы» (Жульников, 2006, с. 197). Напомним, что Валерий Николаевич Чернецов понимал наскальные рисунки и композиции как своеобразные графические формулы. Я.А. Шер показал частое соответствие изобразительных формул формулам словесным (и те и другие — мифологемы) в рамках единой культурной традиции, часто уходящей корнями в глубокую древность (Шер, 2008, с. 28–34). При этом он делает важное замечание, что «совпадения между изображениями и текстами могут быть только ассоциативными. Прямые соответствия принципиально невозможны ввиду того, что это — «тексты» не просто на разных, но и на несводимых один к другому языках» (там же, с. 30). Добавим к этому, что мы не в состоянии в большинстве случаев однозначно трактовать тот или иной образ или композицию наскального искусства в силу многозначной символики изобразительных мотивов. Тем более при отсутствии письменных источников. Разумнее выглядит построение нескольких вариантов интерпретаций на основании этнографических и фольклорных данных.

Этнографические материалы в таком случае выступают как своеобразные «метатексты» по отношению к графическим «текстам» наскальных изображений. Однако в силу их разной закодированности мы не способны однозначно интерпретировать изобразительные сюжеты. Мы можем надеяться реконструировать лишь некоторые скрытые структуры и смыслы изобразительных «текстов», на которые они нам «намекают». Вероятно, такой подход можно образно назвать, вслед за А.В. Головнёвым, своеобразной археологической герменевтикой.

Различные варианты композиций с копытными, антропоморфными существами и знаками (рис. 112) позволяют видеть в них отражение промыслового культа, связанного, к тому же, с календарной символикой. Лось, северный олень и косуля у коренного населения Урала и Западной Сибири относятся к основным промысловым видам ввиду превышения получаемых человеком калорий над затраченными для их добычи (Косинцев, 2006, с. 15). Другими словами, именно промысел копытных животных составлял основу системы жизнеобеспечения древних уральцев, и в первую очередь их рациона питания. П.С. Паллас в отношении восточноуральских манси отмечал: «Мясо, если свежего не поедят, режут полосами и вялят на воздухе или коптят в дыму без соли, и оно либо вареное, либо сухое составляет обыкновенную их пищу» (1786, с. 328).

В лесо-таёжной зоне, то есть на территории расположения писаниц охота на лося, оленя и косуля одинокова. Виды промысла копытных разделяются на активные и пассивные. К активным относятся

скрадывание и гон, к пассивным – добыча с помощью ловчих сооружений. Способы промысла зависели от сезона и особенностей местности. Среди активных способов практиковались охота с собакой путём преследования животного и охота скрадом без собаки, практиковался и коллективный загон. Известны случаи, когда на лёд замёрзших озёр выгоняли косуль, на котором большая их часть «перерезывается собравшимися охотниками» (Сабанеев, 1992, с. 404). Трудный, но эффективный способ — загон по глубокому снегу зимой и по насту весной. Добывают лося летом, когда он особенно страдает от гнуса, со сплавляющейся по реке лодки. Возможно, в прошлом использовались и поволоки зверей на водных переправах, известные по материалам из тундровой зоны (Хомич, 1966).

Пассивные способы охоты использовались очень широко в силу их эффективности. Основным был промысел с использованием загородей и засек, в проёмах которых ставили самострелы или выкапывали ямы-ловушки. При ловле косуль ямы зачастую не огораживали. Ставили самострелы и петли, а также делали ямы на тропах. Колоритны и образны этнографические описания промыслов копытных в XVIII–XIX вв. в Западной Сибири и на Урале А.А. Дунина-Горкавича, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, Л.П. Сабанеева и др.

Пассивные способы охоты развились на Урале в силу характерных сезонных миграций всех копытных, вызванных климатическими особенностями края. Как уже говорилось выше, для основных воздушных потоков с запада горная страна служит своеобразным климатическим барьером. В результате в западных предгорьях Урала высота снежного покрова зимой в 1,5 - 2 раза выше, чем в восточных предгорьях. Поэтому, часть копытных осенью и в начале зимы мигрирует с западных склонов Урала на восточные, а весной возвращается обратно. Для некоторых районов Урала есть данные о сезонных миграциях с севера на юг.

Иван Лепехин описывал у манси огороды и засеки как «особливые преграды, путики называемые. Вёрст на 15, а иногда и более, по рекам делают загородку, наподобие той преграды, которую в деревнях околицею называют. Она идёт почти в прямой линии, а расстояния сажень, например, в 20 вставляют место шириной в маховую сажень, незагороженное. При каждом сём открытом месте выкапывают продолговатую яму наподобие могилы глубиной в сажень; в которых ямах на дне ставят различные острия, и сверху каждую яму прикрывают хворостом и притрушивают листом и хвоей. Бродящие по лесам лоси или олени, когда на такой путик попадают, то принуждены бьются теми или иными полыми проходить воротами, где сквозь хворост провалившись падают в яму. Хотя такая ловушка сначала много стоит труда: но после нередко сугубую приносит добычу» (1814, с. 115). Другие авторы приводят сведения о загородках в ширину от одной до трёх жердей с ямами или настороженными луками в проходах, устраиваемых на тропах копытных (подробнее см.: Чернецов, 1971, с. 72-74). В качестве ловчих ям можно интерпретировать два смежных многоугольных мотива между фигурами копытных на Сергинском Писаном Камне. Близкие мотивы известны на Змиевом Камне рядом с копытным и Вишерском Писаном Камне. Раскопки ловчих ям на территории Зауралья и Западной Сибири подтверждают их глубокую древность (Кокшаров, 1993; Сери-

ков 2007). В качестве изображений загородей вслед за В.Н. Чернецовым можно рассматривать прямые и зигзагообразные линии с отходящими от них отрезками (некоторые из них иногда называют «полусотыми» мотивами), а также ступенчатые, или меандры (Бородинская II, «Двуглазый» Камень др.).

У добытых копытных использовалось практически все: мясо, сало, шкура, кожа, рога и кости, сухожилия.

Крупные копытные, такие, как лось и олень, почитались во всей лесной зоне Северной Евразии. Наиболее корректно для раскрытия содержания данных композиций обратиться к этнографическим материалам уральских и сибирских народов, у которых сохранились следы культуры и верований древнего населения этого региона. Практически у всех охотников Сибири отмечен культ лося. «Как и медведь, лось приравнивался к человеку, о нем нельзя было говорить плохо. Лося называли не собственным именем, а прибегали к описательным формулировкам типа «вещь с длинными ногами» (Кулемзин, Лукина, 1992, с. 91). Крайне любопытно в связи с этой вербальной формулой указать на рисунок лося в самом низу Шайтанской писаницы. Во-первых, его «ребра» показаны не в соответствии с анатомией млекопитающих, во-вторых, несоразмерно длинные прямые конечности заканчиваются своеобразными ступнями (рис. 62-11). Образ лося был воплощением достатка, благополучия. Известны примеры из хантыйской этнографии, когда деревянные молоты для забивания жердей в рыболовных запорах оформлялись в виде головы лося. Возможно, именно с этих позиций следует интерпретировать Аятскую писаницу, на основном панно которой кроме копытного нарисованы лишь геометрические мотивы, напоминающие рыболовные ловушки и снасти (ср. например, обозначение прямоугольных расчерченных знаков у нганасан как рыболовных сетей: Грачева, 1978, с. 36, рис. 4). У хантов и манси засвидетельствованы отголоски лосиного праздника, который был широко распространён в прошлом «по случаю добычи первого лося весной» (Кулемзин, Лукина, 1992, с. 91), а также праздник головы лося. Он имел также связь с весенним равноденствием, с оживлением прихода весны и оживления природы. Некоторые группы хантов до недавних пор отмечали особый «лосиный праздник», проходивший в весеннее время. В специальном котле варили язык, печень, глаза и сердце лося. Затем старейший брал в руки золу и разбрасывал её семь раз по всем сторонам, после чего звал обедать лунгов (духов). Когда проходило время для их насыщения, к трапезе приглашались сородичи. Женщины в празднике не участвовали (Материалы по фольклору хантов, 1978, с. 20; Кулемзин, 1984, с. 86; Косарев, 2003, с. 57). Композиции с отдельными головами копытных (тагильский Писаный Камень) и солярными знаками (Змиев Камень), «танцующими» антропоморфами (Шайтан Камень) близки по своей тематике к этнографическим «текстам» лосиных праздников. Проведение обряда предполагало, как следствие, воспроизводство поголовья популяции животных, удачную охоту и благополучие людей. На Урале календарность этих обрядов зависела и от миграций копытных через хребет: весной копытные двигались с востока на запад. Видимо, это направление и задаёт ориентацию всем копытным на тагильских писаницах в композициях с солярными и/или небесными символами, сопровождаемыми в некото-

рых случаях многолучевыми персонажами. Можно с большой долей вероятности определить время их создания весной, концом марта. Большая часть фигур копытных в этих композициях воспроизведена в рентгеновской манере. По мнению многих исследователей, таким образом показана «чистая», сакральная сущность животных (см. ниже). Их ассоцированность с небесными и солярными символами усиливают это предположение. Многолучевые антропоморфные и антропозооморфные существа в данных композициях могут символизировать персонажей высокой статусности, интегрированных мифологическими представлениями в проводимые ритуалы, сопровождавшиеся жертвоприношениями копытных: именно такая сцена показана на Кирьяшевской писанице (см. также ниже). Солнечные и небесные знаки могут символизировать «адресата» жертвоприношений – Верхний мир/ божество Верхнего мира. Весьма близкая аналогия упомянутым знакам, символизирующим небо, верхнюю сферу обнаруживается в этнографических материалах, связанных с религиозными культурами ненцев. Л.В. Хомич приводит рисунок жертвенного оленя, посвященного небу, на боку которого ставили «тамгу» в виде тройной дуги, «стоящей» на прямом основании, от которой вниз опущены три отрезка (Хомич, 1977, с. , рис. 1).

Композиция на Косом Камне состоит из гребневидного знака, зигзагов – многорядного и двойного, и рисунка лося. В трактовке В.Н. Чернецова зигзаги выступают в качестве символов ловчих сооружений — так называемых загородей, или засек, которые манси, по данным этнографов, возводили на местах перекочевков копытных. На самом деле вряд ли все зигзагообразные мотивы можно рассматривать в таком ключе. Трудность состоит в многозначности многих нефигуративных мотивов по своей символической; особенно это касается простых знаков. Согласно данным этнографов, зигзаг может определять некую границу, сигнализировать об опасности, означать щуку, водную стихию, змею и т.п. — примеры могут быть продолжены. Поэтому точно раскрыть содержание подобных сцен почти никогда невозможно. Например, композиции Косога Камня можно подобрать некоторые соответствия в уральской мифологии. У обских угров и самодийцев известен сюжет о космическом лосе или олени, представленном на небосводе в виде созвездия Большой Медведицы. У хантов и манси существует в разных вариантах миф о космической охоте на шестиногого лося: культурный герой настигает его после длительной погони, отрубает ему две ноги, после чего лось становится объектом охоты простых смертных. В кратком варианте мансийского мифа о происхождении Млечного Пути и созвездия Большая Медведица рассказывается:

«Жил человек с женой, был у них маленький сын, в колыбели ещё лежал. Однажды женщина пошла за водой и видит: менкв (лесной дух — *авт.*) гонит шестиногого лося. Приходит домой, муж её спрашивает: «Что сказать имеешь?». «Ничего нет, видела, как менкв шестиногого лося гнал». Мось-хум (мифический предок фратрии Мось — *авт.*) услышал это, выскочил из колыбели и побежал. Погнался за лосем. Долго, коротко гонялся за лосем, догнал и отрубил ему две задних ноги. Остались две передних да две средних. Дорога, по которой бежал Мось-хум, видна и теперь: это Млечный Путь. Также виден и лось — Большая Медведица. Раньше, когда лось имел

шесть ног, его люди не могли догнать» (Мифы... 1990, с. 297).

В представлениях эвенков лось-Хоглэн похитил солнце, возвращение которого стало возможным только после того, как «отец Манги» убил Хэглэна во время космической охоты. В этих представлениях и обрядах эвенков исследователи видят взаимосвязь небесного и земного промыслов (Максимова, Мец, 1997), то есть связь промысловых культов и мифологии. Если интерпретировать зигзаги на Косом Камне в качестве водной стихии, связанной с верхом, который маркирует гребневидный знак, тогда зигзаги могут символизировать небесную реку, образ которой присутствует во многих мифологиях; эта небесная река, как правило, отождествляется с Млечным Путём. В таком случае вся сцена на писанице может символически отражать один из древнейших космогонических мифов, который связан с промысловым культом. Однако не исключена и более простая версия. Если принять гребневидный знак за рисунок лодки с находящимися в ней людьми, а многорядные зигзаги за изображение воды, то всю эту сцену можно интерпретировать как воспроизведение охоты на копытных с лодки во время переправы через реку, так называемые поволоки.

Вообще образ лося или оленя в мифологии народов Северной Евразии имеет многозначную и противоречивую символику. Наверняка эти представления о копытных существовали уже в неолите-энеолите. Изображения лосей, оленей, косуль становятся повсеместными в искусстве Северной Евразии. А первобытное искусство того времени не существовало, как известно, вне мифо-ритуальных систем.

Лось/олень может маркировать все три сферы Мироздания, а также выступать в качестве одного из его основных символов. Архаичное сознание метафорически означает модель Мира зооморфным символом. По мнению А.П. Окладникова, охотники тайги создали великолепный поэтический образ, представляя себе солнце в виде гигантского лося, за день пробегающего по всему небосклону и к ночи погружающегося в преисподнюю, в бесконечное подземное море (Окладников, 1950, с. 294). У некоторых народов Сибири слова «лось» и «Вселенная» созвучны и содержательно взаимосвязаны (Окладников, 2002, с. 303). С Верхним миром лось/олень ассоциирован через астральные символы. Образ солнечного оленя/лося прослеживается в традиционных культурах по всему Северу. По преимуществу он воспринимается как светлый космический зверь, связанный с Верхним миром, с солнцем; его рога — лучи солнца. Одна из композиций на Исаковской писанице с фигурами лося и солнца как раз может воспроизводить схожие мифологические представления (рис. 85 - 15, 16). Рога лосей и оленей ассоциировались также с вершиной мирового дерева. Чукчи в некоторых случаях несколько пар больших оленьих рогов прикрепляли к верхушке длинного шеста, крепко вогнанного в землю. Рога символизировали особую жертву верховным существам. Этнографами отмечен обычай сибирских народов украшать жилище рогами лося или оленя (Топоров, 1992, т. 2, с. 70), использовать в орнаменте в качестве оберега от злых духов (Молданова, 1999, с. 92). О связи лося с Верхним миром свидетельствует и символика сибирского шаманского костюма. Его верхняя часть в некоторых случаях имеет лосиные признаки (тогда как нижняя — медвежьи).

Нганасаны Солнце-мать (Коу-немы) наряду с Землёй считали существом, от которого зависит жизнь. Эти представления выражены в языке: слово коу у нганасан означает «солнце», «лось». Солнцу нганасаны посвящали оленя, ставя на живом олене-самце тамгу солнца (Грачёва, 2002, с. 99–101). Ассоциированность образа лося с соляной символикой проявляется и в археологических материалах. Исследователи часто упоминают находку скульптурного изображения головы лося с соляным знаком на горле, вырезанном с обеих сторон на позднеолитическом поселении Модлона в Восточном Прионежье (Ошибкина, 1978).

Не только у обских угров, но и у многих сибирских народов созвездия Большой и Малой Медведицы называются созвездием Лося. У народов уральской языковой семьи существует миф, объясняющий возникновение Большой Медведицы, а также Млечного пути в результате погони охотников за лосем. Одно из поэтических названий Млечного пути – «Лыжный след» (Алексеев, 1976; Айхенвальд, 1982). Уже упоминался архаичный миф эвенков о космическом лосе — Хэглэне, похищающем солнце и уносящем его в небесную тайгу, и богатыре Маине, выступающем в функции духа-охранителя, устанавливающего и охраняющего смену дня и ночи. Маин бросается в погоню за лосем на крылатых лыжах, к полуночи настигает его и возвращает людям очередной день (Топоров, 1992, т. 2, с. 70). Считается, что этот мифо-ритуальный комплекс, сохранившийся у эвенков, символизировал собой не только возвращение солнца и приход дня, но, более широко — смену тьмы и света, холода и тепла, зимы и весны, то есть ежегодное возрождение природы (Ермолова, 1993, с. 155). С этими же представлениями связана пара медведь-лось: «погоня медведя (манги), находящегося в верхнем мире, за лосем (хэглэн) порождает чередование дня и ночи; лосиха (харги), находясь в нижнем мире у корней мирового дерева, рождает для земли (средний мир) зверей и людей, души которых после смерти уводятся духом предков и хозяином нижнего мира — медведем (манги) обратно в нижний мир» (Топоров, 1992, т. 2, с. 70) (сравни композиции с медведем и копытными на Вишерском Писаном Камне!).

У уральской мифологии образ лося или оленя часто символизирует Средний мир — мир людей. У саамов и нганасан Земля-мать представляется в образе лосихи (лося) или дикой оленихи (важенки), на спине которой живут люди. Её голова повернута в сторону запада, она идёт вслед за солнцем, чтобы выпросить у светила благополучия для людей (Грачёва, 2002, с. 96). В представлении ороцкого шамана земля — восьминогая самка лося (Окладников, 1950, с. 289). Предположительно, многоногие лоси нарисованы на Змиевом Камне и Соколинских утесах (рис. 32–90; 48–21).

Лось (олень) сопряжён и с Нижним миром. «Согласно эвенкийской традиции, дух-предок уводит человеческую душу шамана в мир зооморфных духов в нижнем царстве, являющемся шаманской родовой территорией... там душу приводят к священному дереву, где её встречает мать-зверь шамана в образе лосихи (или оленихи), лежащей у корней дерева. Она проглатывает человеческую душу шамана и рождает главную шаманскую душу (харги)» (Топоров, 1992, т. 2, с. 70).

Лось выступает и как дух-помощник шамана, его ездовое животное. Ритуал охоты на лося, его убийство, разделка туши с соблюдением определённого порядка и правил, пиршество, «кормление» духа, обмазывание губ свежей кровью, церемония захоронения глаз и костей лося, «поднимание костей» на особый помост и т. п., как и обычай передачи убитого зверя в дар чужому роду, позволяют говорить о лосе как объекте шаманского культа (там же).

В Нижнем мире лось «охраняет «шаманскую реку» в образе «подземного» лося — тёмного, с рыбьим хвостом и другими «нижними» признаками «превращённого» лося: в конце своей жизни он становится мамонтом — гигантским полуживером-полурыбой — и уходит под землю» (Косарев, 2003, с. 57).

Почитание лося отразилось и в «особых молениях», обращённых к нему. У верхнелозьвинских вогулов, по свидетельству И.Н. Глушкова, есть «сохатый окаменелый зверь, которому они в известное время поклоняются, прося его, чтобы он посылал больше зверя» (Глушков, 1900, с. 69). П.С. Паллас писал о «высеченном из камня» лосе и на р. Сосьве. «Над сим истуканом построена особая юрта, и Вогульцы приходят из дальних стран молить его жертвоприношениями и небольшими подарками о счастливом лове» (Паллас, 1786, с. 352). По преданию, на р. Тух-Сигат (бассейн Васюгана, Томская обл.) находилось некогда изображение лосёнка из белого камня; васюганские остяки приносили ему дары, сопровождаемые молениями о благополучии (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 26). У эвенков родовые святилища бугады представляли собой скалы с зооморфным предком внутри — звериной матерью в виде лосихи или самки дикого оленя (Анисимов, 1958).

Исследователями высказывается мнение, вслед за Паткановым, о лосе и олене как символе чистоты. Якобы поэтому на Урале и в Западной Сибири он во многих случаях изображался в «ажурном» (рентгеновском/скелетном) стиле — с видимыми сквозь тело рёбрами, а нередко и внутренностями. Эта прозрачность считалась показателем красоты и чистоты тела, что было свойственно существам с преимущественно светлой (небесной) внутренней сущностью (Косарев, 2003, с. 58).

В разговоре о лосе манси старались использовать описательные выражения, называя его уй — «зверь», ялпынг уй — «священный зверь», яныг вой — «крупный зверь», «священное животное, в качестве созвездия помещённое на небе». Сердце лося — «святыня лося», «святыня большого зверя» или «священное смертное место зверя» (вспомним показ внутренних органов животных!).

Манси полагали, что лось даже на большом расстоянии способен слышать человеческую речь и понимать её. Нельзя было говорить: «Я иду охотиться на лося» или «Я строю загон на лосей». Считалось, что это злит лося, и он может напасть на человека.

Относительно употребления лосиного мяса в пищу существовало множество запретов. На Верхней Лозьве женщинам, находящимся в менструальный период, не разрешалось есть лосятину, так как в этом случае мужчина мог потерять удачу на охоте. У кондинских манси роженица могла есть лосиное мясо, так как лосиха не боится роженицы, ибо сама рождает. В одном из сказаний Товлынг Паспгэр, отправляясь на охоту на лося, надевает одежды роженицы, и лоси

его не боятся. В любом случае для женщин были запретны голова, сердце, глаза, язык и хвост лося. С его хвоста перед варкой нельзя было опаливать шерсть, ибо лось в гневе за это мог покушаться в дальнейшем на жизнь охотника. Есть сырую лосятину на Верхней Лозьве и Пельмке считалось «преступлением, которое сердит бога». Мясо животного нельзя было опускать, а кровь — проливать на пол жилища. Кости лося обязательно следовало бросить в воду.

Почитание лося в качестве покровителя социальной общности было характерно в большей степени для лозьвинских и пельмских манси. На Пельмке был известен дух-покровитель по имени «Князь лосей» (или «Князь в образе рыжего лосёнка»), которому, как считалось, подчинялись все животные этого вида.

Хранение в культовом амбарчике завёрнутой в шёлковую материю свинцовой фигурки лося было отмечено А. Каннисто на Верхней Лозьве. В Тошемке манси Бахтияровы «держали» каменную фигурку лося, которая, как считалось, помогала в охоте. Сюда приходили издалека, чтобы принести кровавую жертву. В дар этому духу-покровителю верхнесосьвинские манси передавали жертвенные платки и деньги. Лозьвинские женщины не носили сапожки из лосиного меха.

Лось считался тотемным предком манси Сампильталовых (Самбиндаловых), живущих в верховьях Северной Сосьвы. Его фигура (Тав хуритэ, Тав ялпынг хуригэ) находилась на святилище в устье Леплы и была отлита из свинца. Глаза обозначались золотыми монетами, а серебряная монета была вставлена в живот. Старший сын Вит-ялпынг-торума («Бог священной воды», обитавший в устье р. Вижай, правого притока Лозьвы), Сав-пауль-ойка предкам манси Елесиных являлся в образе Лося. Его изображение, хранившееся в селении, имело вид небольшой фигурки Лося, отлитой из олова. Елесины и Сампильталовы считали свои семейно-родственные группы братьскими, что выражалось в употреблении ими соответствующих терминов родства.

У лозьвинских манси известен случай изготовления фигуры поселкового духа-покровителя из грудной кости Лося (Бауло, 2001, с. 82–83).

Видимо, с большой долей вероятности можно сделать вывод о том, что композиции с копытными на уральских писаницах, в целом, наделены промысловой, календарной и мифологической символикой, которая в ритуально-обрядовой практике комплексно выражалась в некогда проводившихся лосиных праздниках, связанных с шаманской идеологией, ныне почти забытых.

Совсем иначе обстоит дело с так называемым медвежьим праздником, до настоящего времени являющимся главнейшим у обских угров. Напомним, что на писаницах Среднего и Северного Урала известны композиции с фигуративными и нефигуративными рисунками медведей (см. выше). Но прежде несколько слов о находках костей медведя непосредственно возле скальных плоскостей с изображениями. В мае 1991 г. нами проведены небольшие по объёму раскопки у Корелинской писаницы на р. Туре. Большая часть скалы с рисунками обрывается в воду, и только в одном месте есть скальный уступ с рыхлыми отложениями незначительной мощности. В этом месте в зеленовато-серой породе, которой выполнено обнаружение, замечена фигура в виде круга. Это естествен-

ное образование, но удивительно правильной формы, к тому же, в древности оно было подправлено. Нижнюю половину каменного круга очерчивает жильная складка кремнистой породы зеленоватого цвета. Диаметр круга около 1 м (фото 10). Непосредственно под ним при раскопках были найдены кости и угли. Никаких вещей не обнаружено. Всего найдено 87 костных фрагментов от черепов, нижних челюстей и зубов медведя (Широков, 1998, с. 176–184). Как топография находок, так и их состав свидетельствуют в пользу жертвенного характера этого комплекса.

На Урале и в Приуралье обитает бурый медведь — крупный хищник с размерами тела до 2,5 м и весом до 500 кг. Самки заметно меньше самцов. Характерной чертой биологии этого зверя является зимняя спячка, продолжающаяся 6–7 месяцев. Этим и объясняется наиболее эффективный способ добычи большей части особей — зимой на берлоге. Кроме охоты на берлоге, в летнее время ставят петли, сторожевые луки, давящие ловушки типа кулёмы. Ими охотятся на привале, используя падаль в качестве приманки. По данным А.В. Головнёва, в фольклоре рассказывается об охоте на медведя ненцами хантыйского происхождения с помощью луков (Косинцев, 2006, с. 50).

Медведь до сих пор пользуется особым отношением многих коренных народов северного полушария. Существует предположение, что культ этого зверя восходит к тотемистическим традициям каменного века (Соколова, 2000, с. 129). У большинства народов Арктической и Субарктической зоны Евразии «убиение медведя, свежевание туши, поедание мяса и забота об останках животного были обусловлены... целым рядом обрядов и церемоний, получивших название медвежьего праздника. У народов Сибири и Америки этот праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. У обских угров известны также периодические праздники в честь медведя...» (там же, с. 121).

Одно из наиболее полных и подробных описаний медвежьего праздника у них относится к XIX в. и принадлежит Н.Л. Гондатти (с. 74–87). Валерий Николаевич Чернецов сам был свидетелем медвежьего праздника и также оставил его описание (Tschernjetzow, 1974). Подробное описание «медвежьих плясок» можно найти у Н.В. Лукиной (1990), Н.И. Новиковой (1995), М.Ф. Косарева (2003) и других. Вот как в общих чертах проходит до настоящего времени этот праздник у хантов и манси.

Медвежий праздник устраивается как по случаю убийства медведя (так называемые спорадические праздники), так и в определённое время года, обычно в весеннее равноденствие (периодические праздники, проводившиеся раз в пять или семь лет). В зависимости от того, кто убит — медведица или медведь, «играли праздник» 4 или 5 дней соответственно (если медвежонок — две-три ночи). Это отражает представление обских угров о количестве душ у людей — женщины и мужчин, и медведей. Во время празднеств медведя, или, вернее, его шкуру вместе с головой помещают на почётном месте, одевают и убирают всевозможными украшениями, «угощают» разнообразными блюдами. На празднике люди пьют, танцуют, разыгрывают различные сцены, в том числе и ярко выраженного эротического характера, основное содержание которых связано с магическими действиями в отношении зверей, птиц и рыб, общения с предками, в том числе и антропо-зооморфного облика, для воздействия на природу, для счастья и удачи в промысле.

«Каждая очередная ночь начиналась песнями и сказаниями трёх исполнителей, повествующих о тех или иных славных эпизодах из жизни медведя. Пели также о героическом прошлом своего народа, о богатырях и их военных приключениях. Всего во время праздника исполнялось до трёхсот песен и сказаний. Среди них звучала и так называемая «тотемная» песнь о женщине, родившей трёх детёнышей — двух медвежат и «дитя человеческое», девочку, от которой пошли люди обско-угорской фратрии Пор.

Песенно-фольклорному жанру отводилась первая половина ночи. Далее начинаются «танцы предков», обычно наряженных птицами и зверями, коллективные пляски, драматические представления. У ваховских остяков кто-нибудь из охотников надевал медвежью шкуру и начинал бороться с присутствующими, одолевая последовательно семь борцов; в восьмой борьбе на «медведя» нападают сразу семь «богатырей» и, наконец, побеждают его. Лица самодеятельных актёров обычно прикрыты берестяными масками, чтобы медведь, если ему вдруг захочется отомстить обидчикам, не узнал их. Драматические действия нередко носят пародийный и фривольно-сексуальный характер. Женщины в песнях и представлениях не участвуют. Они вправе лишь танцевать, и то прикрывши лицо платком и натянув рукава на пальцы, чтобы не смущать «священного гостя» оголённостью своего тела.

Наконец, участники праздника приступают к поеданию медвежьего мяса. При этом пирующие делают вид, что медвежатину едят не они, а кто-то другой, не имеющий к ним отношения. Ваховские остяки в процессе еды приговаривают: «Кок, кок! Ворон ест твоё мясо, не я!». После трапезы обязательно следует обряд очищения, чаще всего окропление водой.

Последняя ночь содержательно наиболее насыщена и делится на две половины. «Первая часть проходит по обычной программе, после чего все начинается как бы сначала: поют песни и рассказывают сказания про медведя, но затем появляются предки самых высоких рангов: Калтась, Мир-суснэ-хум и др. После традиционных мужских, женских и коллективных танцев начинаются драматические представления, но это уже не фарсы, а скорее мистерии, наполненные глубоким социально-религиозным смыслом» (Лукина, 1990, с. 23).

«Наутро остатки медведя, в том числе шкуру с головой и лапами, уносили в лес на священное место. Женщины варили заднюю часть зверя, мужчины готовили себе голову, сердце, лапы и съедали все это с соблюдением определённых ритуально-обрядовых правил. Так, кости не раздробляли, чтобы медведь в будущем мог вновь облечься плотью. Праздничные посохи, берестяные маски и другие ритуальные принадлежности праздника складывали у подножия священного дерева. Череп вешали на ветвь, шкуру тоже, а клыки и когти хранили как обереги и талисманы» (Косарев, 2003, с. 42).

«Периодические» медвежьи праздники носили более широкий, фратриальный характер, проходили в строго определённые сроки. Центром этих праздничных церемоний было обычно селение Вижакоры, где содержался специальный общинный дом, предназначенный для их проведения. Праздник повторялся в течение семи лет (между концом декабря и началом весеннего равноденствия), затем следовал семилетний перерыв, после чего календарные священные действия возобновлялись — до следующего семилет-

него перерыва. В праздничной обрядности тоже прослеживается определённая этапность.

«В фольклорном отношении, наиболее интересен первый период, длящийся четыре ночи. Он отводился песням и сказаниям про медведя и танцам родовых предков. Здесь особое значение придавалось сказаниям о происхождении людей Пор, об установлении обрядов Медвежьего праздника и табуации мяса медведя. В последующий период «играли», время от времени исполняя различные танцы, но главным образом устраивая драматические представления. Самой важной была завершающая фаза. По содержанию она напоминает вторую половину последней ночи «спорадического» Медвежьего праздника, но количество драматических сценок значительно больше, а их сюжеты — разнообразнее. Окончания же действий сильно различались. Завершался периодический праздник сценой прихода менквов, которые уносили используемые во время игр предметы в культовый амбарчик, находящийся в лесу. По мнению В.Н. Чернецова, спорадический Медвежий праздник более позднего происхождения и является сокращённым вариантом календарных фратриальных действий» (Лукина, 1990, с. 24).

Анализ медвежьего праздника у обских угров подвёл В.Н. Чернецова к выводу, что праздник этот восходит к древним производственно-магическим ритуалам, которые даже не были непосредственно связаны с медведем, а относились ко всем важнейшим видам животных, добываемых с помощью охоты и составлявших основу хозяйства. Развивая эту мысль, В.Н. Чернецов ссылался на этнографические свидетельства таких ритуалов, функция которых состояла, в первую очередь, в привлечении добычи в ловушки и её размножении, а также в воскрешении зверей для того, чтобы тот или иной вид не был бы истреблён вследствие промысла (Tschernjatzow, 1974, с. 306). Эти идеи нашли отражение и в наскальных росписях, тесно связанных с сезонными периодическими ритуалами. В сопряженности периодических ритуалов медвежьего культа и ежегодных солнечных циклов — а эти ритуалы начинаются в середине зимы и продолжают, с перерывами, до весеннего равноденствия, проявляется связь идеи воскрешения убитого зверя с воскрешением природы весной. После окончания общих церемоний голова медведя или его череп относились на священное место или вешались на священное дерево. После этого медведь возрождался (там же, с. 307).

О широком распространении в древности у пра-финно-угров представлений о медведе как об особом существе может свидетельствовать анализ «Калевалы». По мнению Ю. Пентикяйнена, в Старой Калевале медведь показан как «король леса» и родоначальник видов. Праздник, прославляющий медведя, был обширной, многоверсионной культовой драмой, которая сохранялась в охотничьих культурах восточной и центральной Финляндии вплоть до девятнадцатого века. Даже в течение двадцатого века можно было услышать легенды о медвежьих черепах, праздниках, прославляющих убийство медведя, и соснах, на которых медвежьи черепа сохранялись. В этих местах верили, что таким образом дух медведя мог лучше всего достичь своего небесного дома и вернуться на землю. Сведения о происхождении медведя являются важным компонентом этой древней поэзии. Одна из версий рождения медведя из Старой Калева-

лы является примером поразительного сходства сюжета о рождении медведя у финнов и обских угров (Pentikäinen, 1989, p. 166-169) (см. ниже Песнь о спуске медведя на Землю).

Охранительная функция изображения медведя известна по воспроизведениям на предметах снаряжения охотника-лучника (воина); вырезали фигуру медведя на внешней стороне костяных щитков, предохранявших большой палец руки от удара тетивы при стрельбе из лука (Иванов, 1954, с. 48-49), а также на лицевой стороне колчана. Изображение медведя должно было защищать от невзгод: «От ударов злых сил заслоняющий дух» — один из эпитетов медведя у казымских хантов. Вместе с этим другой эпитет: «Изобилие зверей дающий дух» (Молданова, 1999, с. 23), позволяет предполагать, по мнению А. Бауло (2002), что медвежья фигура наносилась на колчан и щиток с магической целью обеспечить удачу охотнику. На Вахе также считали, что медведь «посылает» охотнику остальных зверей (Кулемзин, 1984, с. 85).

К редким явлениям относят пояса, на которых одновременно изображены фигуры медведей и «Небесных» всадников (Небесный всадник — Мир-суснэ-хум, — за Землей смотрящий младший сын Нуми-торума, верховного божества обских угров — *авт*). В двух случаях в Ванзевате жертвенные пояса с изображением Небесного всадника (в одном случае и медведя) являлись сердцевиной фигуры семейного духа-покровителя. Подобная традиция ранее была зафиксирована у северных манси (Гемуев, 1990, с. 71, 124; Гемуев, Бауло, 1999, с. 70; Бауло, 1997, с. 95-96). По информации В.Н. Чернецова, подобные пояса назывались «богатыря лошади спины покрывало», их делали, в том числе, и для подношения Мир-суснэхуму в Троицкие юрты — место его почитания (Источники..., 1987, с. 240). Особая значимость пояса и шлема Небесного всадника неоднократно подчёркивалась в угорской мифологии; пояс также приносит удачу самому Торуму: «В лесу и в горах приносящий счастье счастливый пояс мой...». Медведь сам говорит о Торуме: «В охоте на красного зверя, в охоте на чёрного зверя, счастье дающим поясом мой отец подпоясался» (Мифы..., 1990, с. 301-302).

Один из вариантов истолкования композиции на Камне Балабан I можно предложить, исходя из мифологических представлений о медведе, как существе, рождённом на Небе и спущенном на землю через отверстие в небесах. В северомансийском варианте медвежьей песни медведица — дочь Верхнего Духа, воспитанная на небесах, случайно увидев через дыру в яме землю, так полюбила её, что упростила отца спустить её вниз. После длительных уговоров медведицы её просьба выполняется:

«... Верхний Дух, мой батюшка,
Посадив меня в люльку,
Начал вниз спускать.
С громким скрипом золотого бочка
Опустил он меня на землю.
Вышла я из люльки златоверхой,
Из люльки с золотой дугой,
Золотого бочка громкий скрип
Скоро в высоте угас»
(Мифы... 1990, с. 304-305).

Что касается орнаментализованного рисунка медведя на «Двуглазом» Камне с реки Нейвы, то следует заметить, что похожим способом его изображают на некоторых предметах, особенно культового ха-

рактера, ханты и манси. Идущий вниз от этой фигуры двойной зигзаг с отростками, возможно, символизирует змею или ящерицу: вместе с некоторыми другими животными они подчинены медведю. Змеи и ящерицы в представлениях угров относятся к Нижнему миру; возможно, таким способом маркировано положение медведя как существа Нижнего мира среди других зверей (Головнев, 1995, с. 266-267), хотя он и рождён на Небе. Любопытно также, что в некоторых сказаниях хантов и манси медведь и человек происходят от «волосатого червя, волосатой змеи» (Мифы..., с. 291-292).

Представляется, что на Вишерском Писаном Камне сцену с медведем и копытными, дополненными рядами штрихов, можно интерпретировать с позиций смены сезонов года, где осенне-зимний период представлен фигурой копытного, а весенне-летний — медведем. Рядом с этой композицией расположена ещё одна, вероятно, аналогичная, в которой фигура медведя видна только на копии В.Ф. Генинга, а место лосей занимает рисунок, напоминающий оленя. Дополненные символом небосвода и рисунком рыбы, эти композиции обладают комплексным содержанием с символическим воспроизведением разных сфер бытия. В совокупности с группами «счётных знаков» данные зооморфные символы могут отражать цикличность единого континуума (сутки, сезон, год и т.д.), а также воспроизводить архаичную картину мира. По своему составу эта композиция (возможно, две композиции) близки тагильским с копытными, солярными и небесными символами, в отдельных случаях дополненных антропоморфными персонажами необычного облика.

Существуют немногочисленные сцены, составленные из большого количества пятен или небольших отрезков и геометрических знаков, напоминающих изображённые в плане рыболовные ловушки разных типов — котцы, запоры, вентили и другие. Упомянем в качестве примера Бородинскую II писаницу на Реже, «Двуглазый» Камень на Нейве и Корелинскую скалу на Туре. Можно с большой долей вероятности предположить, что в этих композициях с помощью мелких штрихов или пятен изображены рыбы. Этому не противоречат и этнографические материалы, из которых явствует, что у обских угров натуралистичные изображения рыб в культовой практике чрезвычайно редки. В то же время, по сообщению В.Н. Чернецова, во время одного из Больших (в смысле важных) Танцев медвежьего праздника у манси человек, изображающий предка, «беспрерывно строгаёт палку, и чем больше получится стружек, тем больше будет весной рыбы в реках» (Чернецов, 1971, с. 88). По аналогии можно предположить, что на писаницах небольшие отрезки и пятна краски также имеют «рыбий» символик, как стружки во время обряда.

В первобытном искусстве Севера Евразии в неолите-энеолите появляются изображения водоплавающей птицы, часто как украшения деревянных ковшей и ложек, а также в костяной, кремневой, глиняной скульптуре, в орнаментации глиняной посуды (Замятин, 1948; Гурина, 1972; Мошинская, 1976; Шибкина, 1980; Кирюшин, 1983; Искусство..., 1992; Студницкая, 1994; Викторова, Чаиркина, Широков, 1997). Сложившаяся в это время традиция художественной деревянной и костяной скульптуры живёт в Сибири во все последующие времена вплоть до этнографической современности (Косарев, 2003, с. 77).

На Урале и в Приуралье обитает более 200 видов птиц. В их составе выделяются промысловые виды, различающиеся по ландшафтно-биотопической приуроченности. В горно-лесной зоне Урала известно около 20 писаниц с изображениями птиц. Как и на глиняных сосудах, на писаницах представлены исключительно образы перелётных водоплавающих. Группа водоплавающих в крае включает виды из отрядов гагар, поганок, гусей, лебедей, уток. Естественно, видовое, а тем более подвиговое определение птиц в наскальных рисунках невозможно. По пропорциям тела, головы и туловища можно судить о воспроизведениях уток, гусей и лебедей; по хохолку на голове — гагар и поганок.

Характерной особенностью перелётных водоплавающих выступает сезонный характер их обитания на той или иной территории. По числу видов и по количеству особей и биомассе эта группа доминирует среди промысловых птиц. Миграции их происходят преимущественно вдоль крупных рек. Особенность биологии является летняя линька, когда птицы теряют способность летать от 2 до 6 недель у разных видов. В это время они обладают повышенной упитанностью и собираются на водоёмах в стаи.

Промысел водоплавающих осуществляется различными способами, среди которых наиболее эффективными называют перевес и загонную охоту на линную птицу с использованием сетей. В ходу были также силки и петли, стрельба с использованием чучела (Косинцев, 2006, с. 83–86).

Композиции с рисунками птиц В.Н. Чернецов выделял в отдельный, второй сюжет, и считал их связанными как с промысловыми культурами (сцены «загонной охоты» на линную птицу), так и с древнейшими тотемистическими представлениями создателей писаниц. Со своей стороны укажем, что часть композиций, указанных исследователем, неправильно интерпретирована на уровне отдельных фигур, что заставляет сомневаться в конкретном истолковании этих композиций.

Существуют сцены, в которых отражены способы охоты на водоплавающих с помощью перевесов — огромных сетей, навешиваемых на деревья для поимки птиц во время перелётов. Особенно характерна в этом отношении Сохаревская писаница на р. Реже, где изображены две утки, крупная сетчатая фигура, солярный знак и антропоморфное существо (рис. 113–26).

Одна из интереснейших сцен с мифологической символикой имеется на Коптеловом II камне с р. Нейвы. Водоплавающая птица показана там выныривающей, а над ней два гребневидных знака (рис. 113–23), которые могли символизировать небосвод, жизнедательный верх (Широков, Чаиркин, Чемякин, 2000, с.), а также, вероятно, одно из главных божеств пра-финноугров III тыс. до н. э., которое ассоциировалось с воздушной средой, небом (Петрухин, Хелимский, 1992, е. 2, с.564), известное в последствии как Нуми-торум. Образы птиц и связанная с ними символика имеют большое значение в мифопоэтических представлениях уральских народов. Гагара, красношейная поганка, утка, гусь, лебедь, кулик — чрезвычайно распространённые персонажи финно-угро-самодийской мифологии, часто под собирательным названием «лули». В уральской мифологии водоплавающим отводится важная роль в создании мира, то есть в космогонических мифах. В разных их вариантах

одна из водоплавающих птиц, перечисленных выше, ныряют на дно первичного океана и достают в клюве кусочек ила, из которого впоследствии разрастается Земля, заселяемая животными и людьми. В одной из кратких версий хантыйского мифа о происхождении земли рассказывается: «Всех зверей ханты убивают, только кулика-люли не убивают. Он землю наверх поднял, когда наводнение было. В Ханты-Мансийске есть семь холмов, это он поднял их. Когда чек-най (огненный потоп — *авт.*) был, земли после этого не стало. Кон-ики-пах (у восточных хантов самый значительный дух — Золотой Богатырь, тождественный мансийскому Мир-сусне-хуму — «человеку, обрезающему мир», сын божества Нуми-Торума — «Божественного неба» — *авт.*) — ему негде охотиться — думал, думал. Люли послал и говорит: «Хоть бы землю достать для охоты». Люли нырял, вынырнул без земли. Второй раз — опять без земли. Третий раз вышел с землёй. Кон-ики-пах там охотился» (Мифы, предания..., 1990, с. 63).

А вот одна из мансийских версий происхождения земли, которую мы приводим с сокращениями: «Светлый муж-отец создал этот мир, эту Сибирь. Деревьев не было, сухой земли не было, везде была вода, везде был туман. Сын светлого мужа-отца, обходя в тумане, в воде мир после раздела, говорит: «Не мог ли бы я создать тундровый холм такой величины, чтобы он мог меня выдержать?» Тогда выплонул он свои сопки в сажу из глубины глотки — возник тундровый холм. Теперь он проводит время на этом своём холме, пищу варя, время проводя... Светлый мальчик говорит про себя: «Если бы мой отец не рассердился на меня», — говорит он, — «я бы на свой страх и риск дал бы земле подняться», — говорит он. Ему и страшно и не страшно. «Две мои дочери с игольчатыми клювами», — говорит он, — «кто из вас двоих вынесет живую землю», — говорит он, — «кто из вас двоих вызовет мёртвый мир». Тогда они нырнули. Они странствовали, странствовали, семь лет прошло. До семи лет не хватило семи месяцев, тут всплыла гагара и вскрикнула: «Я проснулась в мёртвом мире». И вот по истечении семи лет поднялась на поверхность другая гагара, и там, где она отряхнула свои крылья, появилась куча земли, где она отряхнулась, появилась каменная земля» (Мифы, предания... 1990, с. 291). По мнению В.Д. Викторой, именно миф о создании мира отражён в рисунках на сосуде аятской культуры, найденном ею близ Екатеринбурга на памятнике Палатки I. Эта находка позволяет считать время появления мифа не позднее III тыс. до н.э. Близкая композиция с птицей и двурогим антропоморфным существом известна на Корелинской писанице.

Образ водоплавающих в уральской мифологии имеет и другие важные функции в силу способности этих пернатых перемещаться во всех трёх сферах мифологического мироздания — верхнем, среднем и нижнем. Как кажется, ещё одно своеобразное воплощение этих способностей отражено в писанице Старичной на р. Нейве. Напомним находку человеческой кости вместе с каменными изделиями при раскопках вблизи стены с рисунками. И хотя найдена только одна кость, мы считаем, что имеем дело, скорее всего, с разрушенным захоронением или жертвоприношением (Широков и др., 2000, с. 26–29). На Урале известно несколько пунктов с древними рисунками, возле которых найдены антропологические остатки. Например, в Бурановской пещере на р. Юрюзани (Бибилов, 1950,

с. 95–138), на Старичном Гребне, названном В.Т. Петриным Навесным, в Кульметовском гроте на р. Ае (Широков, 1990, с. 58–70) обнаружены захоронения людей. У нескольких писаниц во время раскопок найдены только отдельные фрагменты скелета: у Аллакской на оз. Большие Аллаки (Чернецов, 1971, с. 47), у Идрисовской II на р. Юрюзани (Широков, 2009, с. 50–51) и в Кульметовском гроте (там же, с. 29, табл. I). Контекст этих памятников указывает на связь рисунков и антропологических остатков. Вероятно, в некоторых пунктах из-за неглубокого положения трупов их части были растащены различными животными; согласно некоторым данным, захоронения могли совершаться и непосредственно на поверхности земли (см.: Косарев 2003; Шорин, 1991), отчего сохранность трупов ещё в большей степени зависела от самых различных факторов. Анализ вещей из культурного слоя показал их одновременность с наскальными рисунками; думаем, не будет преувеличением предположить и содержательную взаимосвязь Старичной писаницы и остатков человека под ней. Композиция лаконична и этим напоминает Бурановскую писаницу, похожую на меморальную «запись». Её составляют необычный антропоморф с шестилучевым головным убором, ещё один антропоморф в скелетном стиле, утка и фрагменты знаков. В этой сцене нет ни намёка на охотничью тематику, что соответствовало бы первому варианту второго сюжета уральских наскальных изображений, по В.Н. Чернецову, ни древовидных или солярных символов, что соответствовало бы второму варианту, хотя по содержанию она близка композиции второго варианта. Мы лишь придаём ему расширительное религиозно-мифологическое толкование, раскрывающее представление древних уральцев о мире и водоплавающей птице. По свидетельству Ф. Карьялайнена, в изобразительной традиции обских угров существовали фигуры «кор» — птиц, в которых воплощались духи-покровители дома и рода (Напольских, 1992, с. 69–70). Связь с духами, а значит и с иными мирами, объясняет и факты использования изображений уток в угорской погребальной практике (Чернецов, 1959, с. 151–156). Интересно, что ещё в погребениях железного века в Западной Сибири известны сопроводительные захоронения водоплавающих птиц (Шишкин, 1999, с. 242). Изображения, или жертвоприношения утки были призваны не только сопроводить душу умершего в «загробный» мир, но и способствовать её (души) возрождению: по представлениям хантов и манси, птицы, и, в частности, утка (или другие водоплавающие) имели связь с сакральным верхом — югом, их прилёт весной означал обновление Природы и всего живого на земле, символизировал вечный круговорот жизни. По мнению В.В. Напольских, изображения водоплавающих птиц «могли использоваться в магических ритуалах общения людей со сверхъестественными существами, обеспечивали связь с духами-покровителями рода и жилища, возможно, олицетворяли души людей чудесного («божественного») происхождения, связывали живущих с душами предков и с потусторонним миром...», откуда приходят и куда уходят души людей. Эти функции изображений были обусловлены представлениями об особой роли водоплавающих птиц — посредников между реальным и сверхъестественным... мирами» (Напольских, 1992, с. 72). Такая интерпретация изображений водоплавающих даёт, как будто, необходимые ориентиры для истолкования древних изобра-

жений Старичной писаницы: мы видим остатки погребения у скалы, изображение птицы с её способностью к совмещению функций перевоплощения и олицетворения душ умерших, и некоего «чудесного» персонажа, связанного с космическими силами.

Согласно анимистическим верованиям многих народов, душа человека после смерти улетает в образе водоплавающей птицы. Так, ханты использовали для ритуала проводов души утку. Через 40-50 дней после смерти человека они строили на окраине селения специальный шалаш и помещали в него деревянное изображение умершего. Перед входом оставляли убитую утку, головой на север. Потом шалаш вместе с «куклой» сжигали, а утку, сварив, съедали. Если смерть случалась поздней осенью или зимой, то изображение покойного хранилось до весны, пока не прилетят утки (Чернецов, 1971). Образы водоплавающих птиц — уток использовались и в погребальной практике. У хантов в конце XIX — начале XX вв. на некоторых кладбищах стали ставить кресты... в некоторых местах над крестом укрепляли деревянное изображение утки (Соколова, 1980, с. 136). В середине XX века на велесских кладбищах в Южном Прионежье можно было встретить деревянные изображения уток на могильных крестах (Винокурова, 2000, с. 96–97).

Имеются сведения о птицах-тотемах и птицах, символизирующих человеческие души. «Одна из душ обских угров ассоциируется с дыханием человека, придаёт человеку силу и мужество. Место её обитания — волосы человека, а её облик — птица. В раннем варианте это ныряющие водоплавающие птицы (черныди, морянки), а в позднем — просто птичка-душа, кукушка, сокол и т. п. У селькупов и ваховских хантов «Мать-жизнедательница посылает души-птицы на Землю на кончиках солнечных лучей: куда попадет луч, там рождается ребенок... Пережитки представлений о птицах-тотемах были особенно сильны у селькупов, имевших родовые группы Орла, Кедровки, Глухаря, Ястреба, Ворона, Лебедя. С особой любовью селькупы относились к лебедю. Считалось, что у него человеческая кровь. Весной, когда лебеди, возвращаясь с юга, пролетали над селькупскими селениями, все жители выходили из жилищ и приветствовали летящих птиц, подражая лебединому крику. «Наши братья прилетели!» — радостно восклицали селькупы и брызгали вверх водой, чаем, березовым соком и пр. Русские, наблюдавшие этот красивый обычай, рассказывают, что лебеди, привыкшие к такому приёму, снижались и оглашали окрестности ответным приветственным кликом. Похожий обычай отмечен у кетов» (Косарев, 2003, с. 79).

Видимо, такую же анимистическую символику имеют и знаки-авиаформы (условные птицевидные рисунки в геральдической позе) в иных композициях, иногда в ассоциации с солярными знаками, символизирующими не только солнце, но и жизнедательный Верх. Птицевидные знаки дополняют эти композиции анимистическими представлениями. Находящаяся в волосах человека «душа-дыхание», имеющая птицевидный облик, после смерти переселяется в новорожденного, являясь тем самым «основой наследования жизни от поколения к поколению» (Косарев, 1981, с. 190). Интересно, что солнечный луч — «ильсат», у селькупов означает «душа» и «то, что оживляет» (см. также: Яковлев, 1996).

Птицы, в том числе перелётные водоплавающие в различных культурных традициях выступают как неприменный и важный элемент религиозно-мифологических систем и ритуалов. Они обладают разнообразными символика и функциями. «Птицы могут быть божествами, демиургами, героями, превращёнными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев; тотемными предками и т. п. Они выступают как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъёма, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т. п. Типология птичьих образов в мифах охватывает не только реально существующие виды птиц, но и фантастических» (Мифы народов мира, 1992, 346–349).

Способность перелётных водоплавающих перемещаться в небе, на земле и под водой, осенью улетать на юг, весной — на север, позволяло использовать их образы в ритуалах в качестве посредника между миром людей и миром духов, миром живых и миром предков. Даже Млечный путь, ориентированный в направлении движения перелётных птиц, у некоторых народов Севера Европы имел поэтическое название — «дорога птиц» (Петрухин, 2003, с. 7). Способность перемещаться в различных сферах Мироздания способствовала использованию роли птицы в структурировании пространства, как в вертикальном измерении, так и в горизонтальном.

Одной из ипостасей важнейшего персонажа обско-угорского пантеона, сына верховного бога Нуми-Торума — Мир-Сусне-Хума, — является гусь. В облике гусыни предстаёт и Калтась-эква, жена Нуми-Торума. Спущенная на землю за некую провинность, она занимала важное место в пантеоне Высших сил — была Матерью Земли, подательницей детей.

Водоплавающая птица в картине мира Северо-евразийского населения маркирует верх, небо. В горизонтальной проекции это соответствует южному направлению. Юг как сторона полуденного расположения солнца, наряду с востоком, стороной восхода, ассоциировалась с положительным началом, соответственно, все природные явления, связанные с ними, приобретали позитивную «окраску».

Прилёт и отлёт пернатых воспринимались как важные вехи года. Отлёт птиц знаменовал наступление наиболее опасного (из-за отсутствия благотворного воздействия тепла и света) периода, когда активизируются вредоносные, отрицательные силы и стихии. Наоборот, прилёт птиц означал весеннее обновление, возрождение природы, новый жизненный цикл, начало летнего охотничьего изобилия (Викторова, Чаиркина, Широков, 1997, с. 48–49).

По данным Е.А. Алексеенко при появлении первых лебедей на стойбище кетов устанавливали специальный чум с двумя входами. В «чистой» части чума находился в это время котёл с водой. Считалось, что это первый лебедь принёс от хозяйки юга — Томам, «живую» воду. Лебедей встречали со словами: «Матери-Томам летающие (ныряющие) звери стали спускаться с живой водой чистым людям». Мужчины черпали воду из котла специально изготовленной для этого ритуала черпалкой и выпивали. Обряд встречи первого лебеда сопровождался шаманским камлани-

ем. Существовал также обряд ритуального кормления первых перелётных птиц: с восточной стороны жилища для них ставили чашку с жиром, хлеб и пр. (Алексеенко, 1976, с. 32–34). Помимо ритуалов ожидания прилёта лебеда, известны ритуалы прощания с этими птицами у многих народов Севера Евразии (Прокофьева, 1976; Винокурова, 2000; Косарев, 2003).

Среди многочисленных символических средств, используемых в ритуалах на онежском святилище, А.М. Жульниковым отмечена особая роль образа водоплавающей птицы в воссоздании мира в его единстве и целостности. При этом семантика данного образа далеко не исчерпывается его значением в качестве календарного символа, связанного с идеей цикличности, круговорота жизни в природе: этот образ воплощает в себе также основные космогонические представления, выполняет медиативную функцию, связан с мифами первотворения, культом предков (Жульников, 2006, с. 45).

В репертуаре уральских писаниц есть изобразительные мотивы, которые можно интерпретировать как рисунки бобра, выдры, змеи, ящерицы, лягушки. Фигуративных мотивов, или натуралистично выполненных образов этих животных на уральских писаницах нет. На Южном Урале известно змеевидное изображение, выполненное с выделенной треугольной головой в рамках стилистики пластических форм неолита-бронзы. Вероятно, такое же изображение было и на Бородинской П, в настоящее время разрушенное. Среди сложных орнаментализованных мотивов, а также знаков с основой в виде зигзага мы склонны видеть, вслед за В.Н. Чернецовым такие виды животных, как змея, ящерица, бобр, выдра и лягушка. Орнаментализованных фигур не так уж много: на Бородинской П, на Зенковской скале, Змиевом Камне, Ирбитском Писаном Камне и некоторых других. Зигзаг встречается значительно чаще. С большой долей вероятности зигзагообразные и «неправильные» крестообразные мотивы можно интерпретировать в качестве змей и ящериц, выдр и бобров. Интерпретация всех этих мотивов опирается на материалы прикладного искусства обских угров. В декоративно-прикладном искусстве манси и хантов среди узоров, относящихся к прямолинейным и криволинейным орнаментам, выделяется группа изображений «бобр» и «выдра», которые существуют наряду с такими важными в сакральном отношении мотивами, как «медведь» и «Мир-сусне-хум» (Рындина, 1995, с. 283–314). Эти же мотивы в некоторых классификациях называются «священными изображениями», «священными образами» (Молданова, 1999, с. 218, рис. 21). В виде орнаментальных мотивов «счастливые гнезда» животные изображаются преимущественно на ритуальных руковицах определенных духов-охранителей: «ящерицы гнездо», «змеи гнездо», «трясогузки гнездо». Эти гнезда нужны, чтобы возродить потомство. По информации Карьялайнена в песнях вогулов часто поётся о гнезде, жилище или пазухе одежды водного животного юр, где полно зверей, иногда ящериц, жуков — помощников духов. В переосмыслении Т.А. Молдановой все животные, имеющие гнезда, связаны с духом Касум ими, и чем больше животных, тем более вездесуща богиня, то есть через посредство этих животных она будет присутствовать везде (Молданова, 1999, с. 151) (Касум-ими — мифологический персонаж казымских хантов, типологически соотносимый с матерями-прародительницами — *авт.*).

В мифологии это так называемые хтонические существа, или существа Нижнего мира. «Во многих традициях хтоническая природа змея отражается в его названии, образованном (как и в славянских языках) от названия земли... С хтонической природой змея связано и представление о богатствах или сокровищах, которые он оберегает в земле или под землёй и может принести в дом... Хтонические черты землицелительницы отчётливо прослеживаются в образе греческого бога врачевания Асклепия, который представлялся в виде змеи (змея была также и атрибут Асклепия). В то же время хтоническое божество — связывается с подземным жилищем мёртвых... (Иванов, 1992, т. 1, с. 470).

Их появление на святилищах не может быть объяснено иначе как воплощением мифологических представлений создателей рисунков, поскольку в повседневной практической жизни лесных охотников они не играют существенной роли.

Хтонические существа являются зооморфными символами подземного, Нижнего мира, где, согласно архаичной мифологии, располагается мир мёртвых. Отчасти данные представления связаны с тем, что эти животные имеют свойство таинственно исчезать осенью под землёй и вновь появляться весной. Они неизменно присутствуют в описании преисподней. Образ змея часто встречается в эпосе и фольклоре, где он является жителем подземного мира, мира мёртвых, обитает в расщелинах, охраняет вход в иной мир.

С другой стороны связь хтонических животных с землёй и водой (животворящей влагой, первоначальной стихией), вероятно, могла обусловить их особое положение в мифологической картине мира. Существуют космогонические мифы, где главными персонажами выступают хтонические существа. Земная твердь создаётся на брюхе лягушки в алтайском мифе (Евсюков, 1988, с. 66). Творцом земли в мифах эвенков является лягушка. Её изображение встречается на костюмах эвенкийских шаманов в качестве символа земли. По данным А.В. Головнёва, лягушка в женской мифологии стоит у начала людского жизнеопределения (Головнёв, 1995, с. 524). Она не только подобна человеку из-за пальцев на руках: если её убить — пойдет сильный дождь (вернется потоп) (там же). А.М. Жульниковым верно подмечена здесь явственно осязаемая метафора лягушки как Мироздания, с гибелью которой наступит Хаос (потоп).

В связи с местом своего обитания хтонические существа в мифологии получают особое осмысление. В представлениях прошлого они амбивалентны: в равной степени связаны как с производительной силой земли/воды и символика плодородия, так и с образами преисподней (Жульников, 2006, с. 185–193). А.В. Головнёв, отмечая двойственное отношение к змее, как и ко всем другим пресмыкающимся и земноводным, указывает на связь её образа с женщиной. Змея в определённых контекстах оказывается представителем не нижнего мира вообще, а природно-женского низа, который не только предопределяет смерть, но и возрождает жизнь (Головнёв, 1995, с. 524). О связи змеи с женским образом, владеющим даром жизни и смерти, упоминают и коми-пермяцкие легенды.

Противоположность с одной, и соотносимость с другой стороны змеи и птицы выразилась в представлениях о летающих змеях. По сведениям

Прокофьевой, таковы крылатая двуххвостая змея-сторож на озере Лозыль-то, летающие на змее темные кат шу (змеи небесного князя) и красные чорыш шу (змеи кровавого моря). Г.И. Пелих приводит данные о неких чудюш-змеях толщиной с бревно, которые, по представлениям нарымских селькупов, выползают из воды во время грозы, чтобы уничтожить злых духов. Шаманская летучая змея-рыба мунга, соотносится с образами красных змей, съедающих тело и кровь, и чёрных змей, пожирающих кости всех живых существ (Головнёв, 1995, с. 524–525). В мифологиях многих народов мира известны летающие змеи-драконы (Иванов, 1992, т. 1, с. 469). В наскальных рисунках Урала выявлена не одна композиция с ассоциированными мотивами змеи и птицы (часто в сочетании с копытными), отражающих представления их создателей о структуре мироздания (подробнее см.: Широков, 2010, с. 92–99).

В архаических космогонических мифах Евразии и Америки змея нередко осуществляет разделение и соединение неба и земли, тем самым становясь изоморфным мировому дереву или мировой горе, столпу мироздания (Иванов, 1992, т. 1, с. 469). Существуют мнения, что образ змеи в мировой мифологии является далёкой претечкой образа мирового дерева, связывающего все уровни вселенной. С этим же связана и символика змеи на шаманском жезле, и на рыболовном молоте. Исследователи также отмечают, что образ змеи, нанесенный рядом со знаком-символом модели мира, может рассматриваться в качестве медиатора между космическими зонами (Окладникова, 1995, рис. 48–49, с. 184–187). Роль посредника-медиатора прослеживается и в представлениях о змее как символе дороги, пути. У нарымских селькупов выражение «по дороге» буквально означает «дорога по змее» (Прокофьева, 1976, с. 118). Змея же служит помощницей шамана в его путешествиях в иные миры (Жульников, 2005, с. 191).

В различных культурах существуют представления о тождестве змеи и молнии, соединяющей небо и землю. Оружие верховного божества при космологической интерпретации обычно соответствует грому и молнии. В венгерской мифологии молния называлась «стрелой бога» (Петрухин, Хелимский, 1992, т. 2, с. 568). В карело-финском эпосе змея нередко является метафорой молнии, в связи с чем, по мнению А.М. Жульникова «выстраивается устойчивая семантическая цепочка, некий нерасчлененный образ — «змея-стрела-молния» (Жульников, 2005, с. 193). Следы молнии на стволах деревьев в Змеином лесу (Сюзель-мач) на Турухане называются сюзель-марг — «великие змеи» (Пелих, 1980, с. 25–27). Заманчиво, с этих позиций, истолковать одну из композиций Караульного Камня с рогатым антропоморфным персонажем в скелетной манере, зигзагами и окруженностью, которая может символизировать верхнюю сферу мироздания (рис. 22). Скелетный стиль, по мнению некоторых специалистов, позволяет семантически соотносить таких персонажей с представителями иного мира, а также шаманами (Окладников, 1974, с. 81–82; Дэвлет..., 2005, с. 320 и далее), возможно, их двойниками. В шаманской космологии змеям отведено существенное место. Змей «живёт в шамане. В его песнях, бубне, костюме. Это на бубне красные змеи обитают в кровавом море недалеко от дома Старухи-прародительницы, а в семи корнях стоящей в верховьях шаманских рек лиственницы живут

семь змей, караулящих хранящиеся в дупле лиственницы души людей...» (Головнёв, 1995, с. 524).

Ящерица выступает, как правило, двойником змеи, её «сетрой». «Казымские женщины... считают, что ящерицы — это завязка на сахе Касым ими, змеи — это её косы, трасогузка... вместо колокольчиков на концах её платка» (Моданова, 1999, с. 151).

Ящерица, как и змея — помощник шамана и его проводник в путешествиях в Нижнем мире.

В целом змея, ящерица (а также земляной червь, или просто червь) связаны с таким семантическим «гнездом», как смерть и реинкарнация, а значит бессмертие; с плодородием и, таким образом, с женским началом; с водной стихией; небом, молнией, а также радугой; с Нижним миром; с шаманской космологией и способностью быть посредником-проводником в «инобытии».

Кульг лягушки, по мнению А.В. Бауло, «относится изначально к палеосибирскому (уральскому) субстрату. Основанием для такого предположения может являться то обстоятельство, что этот культ характерен не только для угров, но и для самодийцев, в частности, селькупов» (Мифология манси, 2001, с. 104). Лягушка под именем Нярас-най эква — «Лягушка-княгиня»; «Порыгпан-эква» — «прыгающая женщина», — являлась духом-покровителем у некоторых групп манси. «Она считалась хозяйкой ценных пушных зверей — соболя, горностая, бобра и выдры. Её почитали за доброту и заступничество... приносили жертвы с просьбой не оставлять людей своим вниманием...». Она «считалась дочерью Нуми-Торума, но чаще упоминалась... как старшая сестра «Среднесосьвинского старика»... выступала тотемом рода Пускиковых из с. Хангласам» (там же, с. 103). Раз в три года ей приносили жертвы с просьбой не оставлять своим вниманием людей. Владения Хангласам-най-эквы простирались на весь бассейн верхнего течения Северной Сосьвы, начиная от с. Нильдино. Данную территориальную группу манси нередко именовали нярас-махум — «лягушки-народ... На протяжении XX в. была неоднократно зафиксирована информация о хранении изображения лягушки в специальном амбаре и принесении ей жертвы. Хранителем изображения Хангласам-эквы в 1960-х гг. был Анемгуров — свойственник потомка ляпинских князев П.Е. Шешкина. В его амбарчике находилась фигура лягушки, выполненная в рост женщины из дерева и мха, одетая в женскую одежду и украшенная парчой и шелками; рядом лежали приношения — оружие, посуда, ткани. По материалам 1997 г., к одним из наиболее почитаемых культовых мест в бассейне р. Ялбынь-я (Ялпынг-я) относилось святилище Лус-хал-эквы — «Между кочек (живущей) женщины», лягушки, фигура которой была сделана из дерева в рост женщины и наряжена в платя и халаты большого размера.

Богиню-покровительницу в облике лягушки, «жившую» на р. Тап, также звали Нярас-най-эква» (Бауло, 2001, с. 104). Лягушка считается самым крупным божеством березовских хантов наряду Небесным всадником (Бауло, 2002, с. 44-45).

По мнению Т.А. Молдановой, лягушка и змея у казымских хантов связаны с богинями-матерями. «Лягушка» — это или Калтащ, или мис-не или мать-Земля, а «змеи» — это прежде всего косы Касум-ими» (Молданова, 1999, с. 142). По её же данным, на обуви, соотносимой с точки зрения «упорядоченности Вселенной, на ногах, связанных с нижним миром, долж-

ны изображаться животные этого мира» типа ящерицы, змеи или мифического ящера (там же, с. 167). Лягушка способна дарить семейное счастье, облегчать роды. Мотив «лягушка», вышитый на платке, давал новорожденному здоровье, долголетие. И у хантов, и у селькупов существует стилизованное изображение антропоморфной фигуры с лучами на голове, что может означать её связь с солярным культом (там же, с. 77). Гондатти приводит легенду, в которой говорится о живой лягушке, найденной в пойманном налиме, превратившейся в ребенка, а затем в сына Нума, называвшегося прежде «в образе лягушки мужчины», а позднее — «Сосьвы середины мужчины». Из этого многие исследователи связывают лягушку с обско-угорской фратрией мось (там же, с. 76).

По данным Е.В. Переваловой, в некоторых районах Западной Сибири лягушка считается «большим шаманом», «она всегда ходит своей дорогой (не видно, что делает) и «знает, когда кто умрёт». Лягушку трогать нельзя. Если же ей был нанесён вред или она была случайно убита, необходимо было изготовить отливку и устроить угощение (2010, с. 119). Отмечено «родство» нижеобской лягушки «с одной стороны, со щукой и зайцем, а с другой — с кукушкой, росомехой и медведем» (там же, с. 120). На её священных местах аганские и васюганско-ваховских ханты устраивали жертвоприношения. «С целью защиты дома от злых духов изображение лягушки выдалбливали на оконных наличниках. Вместе с тем в преданиях лягушка могла выступать в роли «злобного подземного существа» и «хитрой ворожейки» (там же, с. 127). Негативное отношение к лягушке проявляется на Казыме в стойком выражении «без сердца, без печени лягушка», которая, при определенных обстоятельствах, может вызвать у человека депрессию (Молданова, 1999, с. 77). Двойное отношение к амфибии объясняют обладанием ею «плодоносящей» энергией, с одной стороны, и причастностью к болезням и смерти — с другой (Перевалова, 2010, с. 128). В целом «По включенности в местные пантеоны... угорская лягушка... уступает только медведю» (там же, с. 129).

Не менее значимым существом в культуре охотников урало-сибирской тайги был бобр. Бобр на протяжении всего голоцена был одним из основных промысловых видов Западной Сибири и всей Северной Евразии. Промысел его возможен круглый год, так как семьи бобров живут круглый год на одном месте, и только молодежь после достижения двухлетнего возраста переселяется на новые места. Бобр добывался для получения мяса, шкуры и бобровой струи. Она имела, судя по историко-этнографическим источникам, особую ценность (подробнее см.: Косарев, 2003; Косинцев, 2006)

П.А. Косинцев приводит обширную цитату из упоминавшейся уже работы В.Н. Скалона о способах промысла бобра в Сибири. Мы её приводим в сокращении: «Что касается Сибири, то мы уже отметили замечание Г. Ф. Миллера о том, что промысел бобра в его время происходил осенью, незадолго перед замерзанием... П.С. Паллас... говорит о том, что бобров промыслили зимой в норах при помощи собак. По А. Рудольскому на Урале... в половине прошлого столетия бобров промыслили зимой запорами, усложняя этот способ постановкой капканов в «коцах» - овальных загородках у нор. В Минусинском крае по сообщению В.А. Ватина..., бобров промыш-

ляли в декабре и январе. В Якутии... промысел его производился перед ледоставом осенью, когда взматерел бобрята, причём промысел был строго коллективным... Подчеркнём ещё, что, как видно, время промысла в большинстве падало на зимние месяцы, отчасти на позднюю осень. Так как качество бобровой шкуры мало изменяется от времени года, очевидно, что предпочтение трудоёмкого зимнего промысла имело другие основания. Для тех охотников, для которых шкура бобра не была основой промыслового интереса, важно было захватить бобров в момент наибольшего наполнения мешков секретом. Этим временем, как признавали и фармакологи, были январь и февраль... На р. Конде преобладал летний промысел тормованием, на р. М. Сосве практиковалась добыча только запорами.

Тормование заключается в добыче зверя из ружья, во время проезда по речке в лодке... В недавнем прошлом, а у тапсуйских манси, видимо, до сего дня, при добыче бобра тормовкою употреблялись ручные луки. У стрел, предназначенных для этой охоты, железко имело оттянутый стержень с колечком, к которому привязывалась крепкая бечёвка. Последняя в свою очередь наплотно наматывалась на стреловище, к которому в конце и прикреплялась. При попадании в зверя стреловище отламывалось и, всплывши, указывало охотнику местонахождение добычи; последнюю можно было извлечь при помощи бечёвки. Очевидно, что в смысле устранения потерь от подранков и порчи поздно находимой добычи, этот способ имеет большие преимущества... Кроме традиционной тормовки, на р. Конде для ловли бобров по слухам употреблялись ставные луки. Это практиковалось тапсуйскими вогулами, приходившими промысливать на чужие речки. Они же, как говорят, добывали бобров и из засады... Промысел запором, отнимающий очень много времени, требует огромной затраты труда и вовсе не оправдывается необходимостью. Ведь такой беспомощный зверь как бобр может быть добыт несравненно скорее, проще, легче, притом в тёплую пору года. И в то же время этот способ единственно осуществлялся на р. М. Сосве с незапамятных времён и вплоть до организации там заповедника» (цит. по: Косинцев, 2006, с. 27-33).

П.А. Косинцев дополнительно отмечает одну важную особенность в истории промысла и истребления бобра: «Бобры живут семьями (от 3 до 8, в среднем - 5-6 особей), которые ведут практически оседлый образ жизни. Численность вида в природе относительно невелика... Добыча бобров проста и относительно легка. Ценность шкуры, и, особенно, бобровой струи, были очень высоки. За одну охоту можно добыть полностью всю семью. Все это должно было способствовать быстрому истреблению бобра, ещё до прихода русского населения, однако, его истребление завершилось только к середине 19 века, спустя почти 300 лет после начала освоения региона русскими. Очевидно, что количество реально добываемых животных было ниже потенциально возможной их добычи... вероятно существовали ограничения на количество добываемых животных. Судя по всему, у коренного населения существовало своеобразное «бобровое хозяйство», в котором, при необходимости, добывалось нужное количество бобров. С приходом русского населения это «хозяйство» разрушилось, и бобр был повсеместно истреблён» (там же, с. 33).

М.Ф. Косарев пишет о сложности и противоречивости образа бобра в сибирском язычестве: «С одной стороны, он считается «чистым» зверем»;... Жизнь «бобрового народа» в представлении сибирского населения мало чем отличается от жизни людей и даже во многих отношениях превосходит меру людских способностей и возможностей. Бобры заправляют речки и поддерживают их на необходимом уровне. Легко валят деревья, распиливают их на бревна, оценив достоинство которых, доставляют те либо к плотине, либо к жилью, либо к пищевой кладовой. Строят себе прочные и вместительные бобровые «хаты» со спальней и столовой, с лазом под воду, где у них хранится зимний древесный пищевой запас. Западносибирские аборигены верили, что бобры любят ходить друг к другу в гости, празднуют свадьбы, делают своим детям разнообразные деревянные игрушки, изготавливают всякую домашнюю утварь, хоронят своих покойников на особых бобровых кладбищах. Нередко воюют между собой и договариваются о мире. Имеют рабов, которых бывалые охотники легко отличают от других бобров по чрезмерной худобе и сильно потертой шерсти на спине. В то же время, несмотря на многие свои земные, человеческие качества, бобр считался «нижним» зверем — прежде всего из-за своего преимущественно водного образа жизни. Водная стихия практически у всех сибирских народов ассоциировалась с Нижним миром, при этом Водяной и хозяин Преисподней считались одинаково тёмными, опасными существами. В таёжном Обь-Иртышье на бронзовых бляхах и зеркалах эпохи железа с изображениями вселенской символики рисунки бобра всегда расположены в нижней части композиции, т.е. бобр символизирует на этих смесях нижний блок структуры Мироздания» (Косарев, 2003, с. 60-61). В качестве примера изображения бобра на уральских писаницах в рамках орнаментальной традиции обских угров укажем на многоугольную расчерченную фигуру с отрезками на Зенковской скале (фото 44; эта композиция ранее интерпретировалась С.Ф. Кокшаровым: 1990, с. 4-28).

Отдельные изобразительные мотивы можно принять за рисунки выдры (рис. 89-24,25). Промысел этого зверя возможен круглый год, как активными (с собакой), так и пассивными (петлями, капканами на тропах) способами. Костные остатки в культурных слоях поселений встречаются очень редко, что, по мнению П.А. Косинцева, связано с её низкой численностью в природе (2006, с. 58).

У многих народов Сибири выдра отмечалась за хитрость и ловкость, игривость характера. Она считалась также сильным духом — хозяином воды и подземного мира. На нагруднике селькупского шамана имеется изображение выдры, называемое Кошяр — существо нижнего мира, тогда как обычная выдра у селькупов называется иначе (Прокофьева, 1976, с. 116). К выдрам, как и к ящерицам нередко относились как к помощникам духов-покровителей. Ваховские ханты хранили кости, конечности и хвост выдры с целью обеспечения удачи в охоте (Кулемзин, 1984, с. 85), а также, например, в качестве семейного духа-хозяина хранили тушку ящерицы или её скелет. Отмечено хранение нанизанными на заостренную палочку конечностей и хвоста выдры, связанное с промысловыми культурами (Мифология хантов, с. 64).

По мнению А.М. Жульникова, образ выдры на Онежских петроглифах может выступать в каче-

стве символа-посредника для общения с иными мирами. Им приводится пример из карело-финского эпоса «Калевала» превращения героя Вяйнямёйна в выдру и гадюку для возвращения из Туонелы – потустороннего мира:

«Быстренько сменил свой облик,
стал совсем другим внезапно:
прыгнул в море черной тенью,
в камыше укрылся выдрой.
Заскользил змеей железной,
черною пополз гадюкой
поперек потока Туони
сквозь железные тенета»

(Лёнрот, 1998, с. 177: цит. по: Жульников, 2005, с. 34).

Очевидно, эти представления были вызваны способностью выдры обитать в двух стихиях — в Среднем и в Нижнем мире. Именно поэтому изображения выдры считались духом-помощником и проводником шамана в пути в этих мирах (Прокофьева, 1949, с. 344).

В разделе о медведе упомянуты жертвенные пояса с изображениями этого животного. Кроме поясов культовая атрибутика обских угров включала и другие специально изготовленные предметы богатейшего одеяния и снаряжения в дар Небесному всаднику: большинство из них были выполнены из сукна и украшены фигурой скачущего всадника. Среди них и так называемые жертвенные покрывала, которые возлагали на спину жертвенным животным — коню или оленю.

Одна из важнейших функций Мир-сусне хума / Мир ванты хэ (Небесного всадника) — покровительство семье. Считалось, что стабильное существование семьи, дома, равно как и здоровье его обитателей, напрямую связано с наличием в доме покрывала, украшенного изображением божества (Гемув, 1990).

Наиболее часто покрывала выполнялись в виде полотнища прямоугольной формы с четырьмя, шестью или семью фигурами всадников; все они символизировали «седло бога». Богатырю также шили пояс, на котором размещали четыре или пять фигур всадников. Завершал одеяние шлем, украшенный изображениями четырёх или семи всадников. Богатырь был снаряжён суконным колчаном, украшенным по лицевой стороне фигурами **медведей, ящериц или выдр** (– *выделено нами*). Когда в жертву Вэргу приносили лошадь, то полагали, что на церемонию прибудет и сам Небесный всадник. Заранее ставили четыре серебряных блюда, чтобы конь бога не касался копытами грешной земли, а на спину животному клали ритуальные предметы: «седло», пояс, халат, колчан и шлем: в богатырском одеянии на жертвенном коне Вэрт был готов вознестись на небо» (Бауло, 2002).

Таким образом, рисунки хтонических существ, как впрочем и других, рассмотренных выше полисемантичны и двойственны, в разных контекстах они приобретают подчас противоположное символическое значение и их интерпретация невозможна без учёта контекста, в котором они находятся.

Очень многочисленны на уральских скалах антропоморфные и условно-антропоморфные существа. На Северном и Свреднем Урале учтено 90 антропоморфных и антропозооморфных мотивов, включая личины-маски. Выше приводилась их под-

робная характеристика и распределение по регионам. Попоробуем ответить на вопрос, кто скрывается за подобными изображениями.

Вряд ли это рисунки реальных, живых людей. Этнографические материалы недвусмысленно свидетельствуют, что на святилищах обычно хранились или изображались духи предков или вообще умерших, представители потусторонних миров; собственное изображение или вообще кого-либо из живых исключалось (см.: Жульников, 2005, с. 85). Трудно также представить на священном месте рисунки жанрового характера. Из этого можно сделать вывод, что на скалах изображены сверхъестественные существа.

В мифологии обско-угорских народов — хантов и манси, — сверхъестественные существа имели и имеют антропоморфный облик и объединены общим термином «духи». Это самая многочисленная категория из всех сверхъестественных существ обско-угорской мифологии. Речь идёт о сверхъестественных существах — покровителях семьи, рода; хозяина и распределителя охотничьей добычи; распорядителя рыбы и хозяина реки; хозяина Нижнего и Верхнего миров (они отличаются от «настоящих») духов бестелесной природы и потому невидимых). В традиционном мировоззрении это человекоподобные существа. Различные исследователи в основу классификации духов кладут разные принципы: по сфере обитания (небесный, подземный и земной миры); по видам деятельности, которым они покровительствуют (охота, рыбная ловля); по внешнему виду (антропо-и зооморфного вида, а также с возможностями превращений); добрых и злокозненных. Наиболее приемлемым считается подход К.Ф. Карьялайнена, предложившего классифицировать духов по таким трём категориям, как «всеобщие», «местные», «семейно-родовые». Сам К.Ф. Карьялайнен, реконструировав мировоззренческую систему хантов и манси, был поражен её громоздкостью и сложностью. «Современный мир духов остяков... настолько богат, что, наверно, никому и никогда не удастся выявить число и имена всех этих духов, являющихся в этих странах предметом почитания или страха» (Карьялайнен, 1995, т. II, с. 6).

Всеобщие духи не привязаны к месту обитания: их присутствие ощущается повсюду. К всеобщим, возглавляющим пантеон духов трёх сфер (небесной, земной и подземной) относятся Торум (Нуми-Торум), Калташ и дух болезней Куль. Среди всеобщих духов, стоящих рангом ниже, известен хозяин леса, требующий жертв в начале и конце промысла, а также водяной. Характерно, что водяного духа и водяного царя различают: водяной дух является всеобщим, а водяной царь — хозяин места — омута, устья реки и т.п., и только там может принимать жертвы. Дух болезней — обитатель Нижнего мира, но в ночное время посещает людей; он имеет несметное количество посланников и сам может принимать их облик. Он, так же как и водяной, иногда привязывался к совершенно определённому месту обитания — здесь ему приносили жертву в виде одежды из чёрной ткани и остроконечной чёрной шапки. По функциям близок к нему дух поранений, который, вселяясь в человека, толкает его на самоубийство или же нарушает координацию движений, из-за чего случаются поранения. Жертвовали ему куски ткани красного цвета.

К категории «местных» относятся духи, имеющие силу на определённой территории или распространяющие власть на ту или иную социальную группу. Их основная обязанность облегчить жизненный путь человека ежедневным вниманием, обеспечить ему успех в промыслах, оградить от проникновения духов болезней. Таких духов очень много, в каждой местности действуют свои. Одни охраняют оленьи стада, другие загоняют рыбу в расставленные ловушки, третьи посылают под выстрел зверя. Множество духов «узко специализированных». Так, дух юрт Пырчиных даёт удачу при выборе собак, кроме того, он повреждает ноги добычи, чтобы её было легче догнать; жертвуют ему лыжи и деревянные изображения собак.

Особенностью религии обских угров является то, что местные духи — это бывшие герои, сильные личности, основатели родов, получившие известность предки, богатыри, люди, приведшие их в эти безлюдные места или всегда одерживающие победу над врагами. Вопрос о превращении выдающихся героев или их душ в духов-покровителей сложный и малоисследованный, здесь тесно переплелись реальные факты с вымышленными. Известны духи-покровители отдельных родов, селений, обских угров всей реки. Ранее в местах их предполагаемого обитания стояли, а кое-где и сейчас стоят священные лабазы с приношениями-подарками этим покровителям. Отличие местных духов от всеобщих заключается ещё и в том, что всегда делали изображения первых. Это простые деревянные столбы с грубо обозначенными антропо- или зооморфными чертами, известны также изображения из кости, металла; в отдельных случаях это личина, из бисера на ткани. Обычай запрещал придавать изображению сходство с людьми или животными, поэтому они все создают впечатление выполненных неумелой рукой.

Все местные духи играли очень важную социальную роль: требуя периодических и эпизодических посещений, они объединяли в нечто цельное удалённые друг от друга хантыйские роды и даже фратрии.

Следующие из основных категорий духов — «личные» или «семейные»; от их силы и способностей зависит личное и семейное благополучие. Однако сила личных и семейных духов невелика, поэтому в важных жизненных ситуациях следует искать поддержки у духов рангом выше — местных или всеобщих. Раньше, а в отдельных домах и сейчас, изображение домашних духов имелось в каждой семье; это небольшая изготовленная из тряпок, шкурок или дерева антропоморфная фигурка, хранящаяся либо на чердаке, либо в жилом помещении. Как правило, при этих фигурках имелось множество изображений животных, насекомых из бересты, дерева, металла — это помощники домашнего духа, которых он посылает в труднодоступные места, либо сам обретает их форму. Помощники имеют собирательное название — ког, что значит «образ». Не во всех группах хантов и манси имелись личные духи-помощники.

Василий Зуев писал о северных хантах: «Все в чуму, не выключая баб и девок, имеют каждый своего идола, которого каждый день по обыкновению своему тешат». На Васюгане изображения личного покровителя человек делал в среднем возрасте, когда ощущал первые признаки заболеваний. Личные и семейные покровители подвергались побоям, иногда

их выбрасывали, сжигали, заменяли новыми, если они плохо помогали в семейных делах. Отношения с местными и всеобщими духами строились, в отличие от домашних, далеко не на принципах паритета. Это даёт основание местным и всеобщим духам относить к разряду божеств (Мифология хантов, 2000, с. 165-168).

Одной из иконографических особенностей является наличие ряда характерных поз у антропоморфных изображений. В первобытном искусстве большое значение имеют определённые позы и жесты, показ фигур статично или в движении, в фас или в профиль; различные повороты головы, расположение конечностей (Оятева, 2003, с. 37-38; Советова, 2005, с. 238-241). Различные движения, положения рук по отношению к телу в древности имели магическое значение (Маковский, 1996а, с. 281).

Главной особенностью антропоморфных существ на уральских писаницах является отсутствие у них (существ) женских половых признаков. У остальных пол либо не обозначен, либо показан фаллос. Он может одновременно означать и хвост у фигур, изображённых фронтально. У одного персонажа смешанной антропо-зооморфной природы с туловищем в три четверти и двухпальцами кистями рук на Кирьяшевской писанице показаны и хвост, и фаллос. Пальцы на руках обычно не изображались, за исключением упомянутой выше фигуры и трехпалого антропоморфа на Змиевом Камне с раскинутыми в стороны руками. Руки, в свою очередь, могут быть нарисованы прямыми в стороны, вниз, согнутыми в локтях и опущенными вниз, поставленными на бедра или пояс, реже располагаться в антитезе — одна рука вверх, другая вниз. Голова может быть не показана или иметь палкообразную форму, изображена округлой, в виде развилки или, реже многолучевой, а также приплюснутой молоткообразной. На Вишерском Писаном Камне есть рисунки личин-масок. На теле, на руках и на ногах некоторых существ изображены отрезки-выступы.

В долине р. Тагила на двух писаницах — Кирьяшевской и Маскальской, изображены персонажи с положением рук в антитезе: правая рука поднята вверх, левая опущена вниз. Одна из фигур с положением рук в антитезе на онежских петроглифах интерпретирована как изображение шамана-нойда. Этот вывод сделан в силу того, что среди подвесок на шаманском плаще встречаются фигурки, изображающие духа-предка шамана, с правой рукой, поднятой вверх, левой — опущенной вниз (Вселенная шамана, 1996, с. 62). У многих народов шаман воспринимался как существо двойной природы. Он обладал способностью «видеть» в двух мирах: обыденном и сакральном. Кроме того, Вселенная шамана состоит из различных сфер, и чтобы беспрепятственно передвигаться в этих сферах, шаманская одежда снабжена различными зооморфными атрибутами, получившими отражение в наскальном искусстве. В шаманских изображениях обычно справа изображался верхний мир, а слева нижний (Иванов, 1972). Примечательно, что тагильские существа имеют многолучевые окончания голов. Только ещё одно существо на Старичной писанице снабжено многолучевым «головным убором». На Кирьяшевской писанице фигура имеет необычные признаки в виде зооморфной морды и рук, заканчивающихся уголовым мотивом, который некоторыми специалистами интерпретируется как

змеиное « жало » или открытая змеиная пасть (Есин, 2005, с. 116). Эти многолучевые персонажи находят ближайшие аналогии в наскальном искусстве окуневского и андроновского мира, в петроглифах Западной Сибири, Казахстана и Киргизии.

В Карелии также есть похожие существа — на мысе Карецкий Онежского озера с тремя линиями-лучами, отходящими от головы, завершающимися округлым утолщением; на Кольском полуострове на реке Поной также с трёхлучевым «головным убором»; на петроглифах оз. Канозеро имеются антропоморфные фигуры с трёх или пятилучевым «головным убором». Один из этих персонажей держит в руках лук (Жульников, 2006, с. 97).

Существуют различные предположения относительно статуса этих существ. Некоторые исследователи предполагают, что так изображен шаманский головной убор, однако во многих случаях лучи завершаются точками, которые, по мнению других специалистов, символизируют излучаемый персонажами свет. Предполагается, что лучистый диск антропоморфных персонажей на петроглифах связан с представлениями об ауре или нимбе солнечного божества. В фольклоре народов Скандинавии также упоминаются боги с отходящими от их голов лучами (Дэвлет..., 2005, с. 160;). На рисунке телеутского шамана изображено верховное божество Ульгень с лучистой, «солнечной» головой (Сагалаев, 1991, с. 23).

Очень близки к этим фигурам существа с головой в виде развилки, обычно называемые рогами или двурогими. На Северном Урале известен 1 персонаж на Моховом Камне (р. Вишера). На Среднем Урале их 21: 1 на Карелинской (р. Тура), 2 на Бородинской I и 2 на Бородинской II, 1 на Раскатихинской и 2 на Шайтан Камне (р. Реж); 1 на Северной писанице (долина р. Исеть), 1 на Ирбитском Писаном Камне (р. Ирбит), 9 на Тагильском и 2 на Караульном писаных камнях (р. Тагил). Интерпретация их разнится. В.Н. Чернецов считал их духами предков (см. ниже), другие авторы усматривают в них шаманов (Сериков Ю.Б.). А.А. Герасименко, анализируя близкие, но не тождественные рисунки антропоморфов на каменном навалии, найденном близ г. Н. Тагила, отмечает в них синкретичность образа человека и зверя, функционально способных играть роль посредников между мирами, персонификаторами двух времён года (Герасименко, 2004, с. 85-87).

На писаницах эти персонажи находятся вблизи копытных (Бородинская I, Шайтан Камень и др.), с зигзагами, которые можно трактовать как рисунки змей; при этом в руке существа на Шайтан Камне находится какой-то предмет, напоминающий посох, или ритуальную палицу. В одном случае, на Северной писанице это один из центральных персонажей с посохом в руке. Любопытно, что посохи являлись атрибутами персонажей, участвовавших в медвежьих праздниках. Известно, что посох — это первое орудие, упоминаемое в космогонических мифах, первый атрибут божества, используемый в процессе «доставки мира» (Сагалаев, 1991, с. 38). В фольклоре хантов есть сведения об использовании Торумом посоха (в том числе и семиколленного — ср. с мотивом зигзага возле фигуры двурогого существа на Шайтан Камне!) при смене времен года и погоды.

В фольклоре манси упоминается «богатырь с головой в виде вильчатой стрелы»; в обско-угорской изобразительной традиции имеются рисунки птице-

видных существ в геральдической позе с «раздвоенной» головой. В Ханты-Мансийском музее представлен персонаж со святилища с головой из вильчатого наконечника стрелы. Поскольку он «одет» в одежды темного цвета, его соотнесли с духом-хозяином Нижнего мира — Куль-отыром (сведения Е.В. Переваловой).

Т.И. Молданова приводит аналогии двурогим персонажам в орнаментике одной из групп казымских хантов. Орнаментальный мотив, относящийся к священным изображениям, соотносится с «Духом Урала» (Молданова, 1999, с. 151). Вероятно, такие существа на уральских писаницах показывают мифологических персонажей высокой статусности, повелевающими природными стихиями и животными. Несколько двурогих существ включены в композицию «творения мира» на уже упоминавшемся сосуде с памятника Палатки I и Корелинской писанице (см. также: Жульников, 2006, с. 78-84).

На Змиевом Камне антропоморфный персонаж нарисован с раскинутыми в стороны трехпальными руками. Рядом с ним изображены расчерченный четырехугольник и окружность с рисунком копытного в ней и двухголовой змеи. Более всего окружность напоминает шаманский бубен, а вся композиция — сцену камлания. Поскольку предполагается, что на скалах не изображали реальных, живых людей, в том числе и шаманов, то перед нами, скорее всего, его духовная эманация или предок, возможно, некий обобщенный образ (Великого) шамана.

Как отмечает А.М. Жульников, «Неполный комплект пальцев конечностей — довольно обычное явление в древнем искусстве. В наскальном творчестве Фенноскандии и Западной Сибири изображение пальцев на руках антропоморфных персонажей встречается довольно редко. У подавляющей части существ, у которых акцентирован данный признак, на руках изображено три пальца... От Скандинавии до Востока Сибири в фольклоре разных народов присутствует образ трёхпалого духа — существа иного мира. Обитатели мира мёртвых в карело-финском эпосе имеют три пальца на руках:

«В Туонеле старик был дряхлый,
человек с рукой трехпалой ...»
(Цит. оп Жульникову, 2006, с. 93).

Эвенки представляли птицу грома Агды, в образе многоликого пляшущего существа с медвежьей головой, человеческим телом и крыльями орла. Его трёхпалость считается свидетельством принадлежности и властвования в трёх мирах: верхнем, среднем и нижнем (Мазин, 1984, с. 15). В этих примерах трёхпалость связывает персонажей с иными, потусторонними мирами. У некоторых антропоморфных существ туловище, части рук или ног пересечены отрезками, что, вероятно, показывает мощь этих существ и, может быть, принадлежность их к миру духов или мифических героев. Фольклорные герои часто обладают особой крепостью ног и рук, что помогало им одолевать путь в мифическом пространстве и в борьбе с противником (Мелетинский, 1997, с. 294-297). С помощью такого художественного приёма могли обозначаться также кости и рёбра. В мифопоэтической традиции кость считалась символом бессмертия и божественного творения Мироздания, а также вместилищем души (Маковский, 1996б, с. 77). Карело-финский эпос позволяет предполагать также, что скелетный стиль свидетельствует не толь-

ко о сакральной чистоте мифических героев, но и об их принадлежности к нижнему миру (Жульников, 2005, с. 193). Пожилыми хантыйскими женщинами высказано предположение, что таким образом показывалось сердце (Молданова, 1999, с. 150).

Иногда встречаются неполные, «ущербные» антропоморфные изображения. На Зенковской скале и Соколинских утесах нарисовано существо без рук с выступами-ребрами на туловище. Есть изображения без головы. А.М. Жульниковым верно подмечено частое отсутствие конечностей у антропоморфных персонажей в первобытном искусстве. Исследователь упоминает фигурки безрукых антропоморфных существ из мезолитического Оленеостровского могильника на Онежском озере, фигурки со стоянок Веретье и Кубенино в Восточном Прионежье, идолов из Горбуновского торфяника (2006, с. 94-95). Можно вспомнить и знаменитого Шигирского идола, древнейшего скульптурного антропоморфного изображения. У обских угров и других народов Севера деревянные скульптурные изображения духов и предков также не имели конечностей (Иванов, 1970). А.М. Жульниковым со ссылкой на Г.Н. Грачёву, Б.О. Долгих, Ю.Б. Симченко приводятся сведения, согласно которым «В традиционной культуре персонажи с физическими дефектами, у которых отсутствует одна нога, рука или глаз, воспринимались как отмеченные смертью... В фольклоре это обычно жители нижнего мира, мира мёртвых..., которых иногда называют «половинниками». У народов Сибири они часто фигурируют в качестве низших духов» (2006, с. 95). Это мнение справедливо лишь отчасти: упоминавшийся выше Шигирский идол, имевший первоначальную высоту 5,3 м и структурно состоящий из семи условных антропоморфных изображений (Савченко, Жилин, 2004, с. 130-135), никак не может быть отнесён к низшим духам.

Большая часть человекообразных существ на скалах изображена с согнутыми в коленях ногами. Такой приём получил широкое распространение в первобытном искусстве Севера Евразии как в наскальном творчестве, так и в объёмной деревянной скульптуре (Окладников, 1957; Чернецов, 1971; Мошинская, 1976; Советова, 2005, с. 237). Согнутые в коленях ноги характерны для иконографии некоторых энеолитических идолов из Горбуновского торфяника (Гаджиева, 2004). Высказано мнение, что подобная поза могла отражать состояние агрессии, так как в наскальном искусстве Сибири эпохи бронзы - раннего железа с согнутыми ногами в основном запечатлены воины (Советова, 2005, с. 239). Очевидно, что эта трактовка не учитывает широкое распространение данного явления. Представляется, что поза с согнутыми в коленях ногами в первобытном искусстве Северной Евразии зависит от культурно-хронологического контекста. Традиционно исследователи называют их «пляшущими человечками», поскольку в архаичных представлениях души предков всегда пляшут (Мазин, 1984, с. 17).

В.Н. Чернецов интерпретировал образы антропоморфных и антропозооморфных существ на уральских писаницах путем сравнения последних с гравировками на металлических бляхах и зеркалах Урало-Западносибирского ареала, с одной стороны, и с фольклором — с другой.

По его мнению, образы существ на зеркалах и дисках «в целом хорошо совпадают с обликами ан-

тропозооморфных предков генеалогических групп обских угров. Вот несколько примеров для последних: женщина-соболь — предок одной из генеалогических групп в верховьях р. Тапсуя. Медведь — то же на той же реке. Стрекоза (мужчина) — низовья Тапсуя. Люди-лоси — одна главная и две филиальные генеалогические группы — в верховьях рек Лозьвы и Северной Сосвы. Человек-филин — в верховьях Северной Сосвы. Женщина-тетеря — там же, несколько ниже по течению. Человек-волк — верховья Ляпина. Женщина и мужчина жёлтые трясогузки — там же. Щука (мужчина) — там же. Женщина и мужчина филины — р. Ляпин и т. д. Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что антропоморфные и антропозооморфные фигуры в гравировках являются не чем иным, как изображениями предков, а группы последних, представленные на зеркалах из Ханты-Мансийска, отображают танцы, которые предки исполняют, появляясь во время периодических и спорадических празднеств. Предки, изображаемые танцорами в масках или с лицами, закрытыми шапками и облаченные в специальные одежды, являются на празднество, исполняют каждый свой танец «для счастья и удачи в промысле». Для вызова их исполняются специальные «призывные» песни заклинательного характера... в содержании которых хорошо раскрывается как образ призываемого существа, так и смысл всего действия». (Чернецов, 1971, с. 93-94).

Последний аспект антропоморфной темы касается личин-масок. Они бывают оконтуренные и не оконтуренные. На уральских писаницах личины обоих видов встречены на Вишерском Писаном Камне: одна из них так называемой сердцевидной формы, другая овальная. Одна антропоморфная фигура с личиной происходит с тагильского Писаного Камня.

Изображения личин распространены на огромной территории Северной Евразии от Урала до Нижнего Амура. Известны они и на Американском континенте. Е.А. Окладникова считает специфические антропоморфные изображения, оформленные в виде личин, самым характерным элементом наскального искусства Пасифики (Окладникова, 1979, с. 34-35). Многие отечественные и зарубежные исследователи констатируют не только внешнее иконографическое и стилистическое сходство антропоморфных личин по обе стороны Тихого океана, но и предполагают их общую семантическую основу (Дэвлет Е.Г., 1999, с. 131-138; Леви-Стросс, 1985, с. 217-218).

По мнению М.А. Дэвлет, «В наскальном искусстве Северной и Центральной Азии удаётся проследить закономерности в локализации определённых типов личин... несмотря на то, что они находятся в различных климатических поясах, оставлены далёкими предшественниками разных народов, между ними можно обнаружить значительное сходство, иногда доходящее до тождества... И дело не в том, что на скалах изображался один и тот же сюжет — человеческое лицо... важно другое: наличие определённых атрибутов и специфическая, не совпадающая с естественной формой трактовка абриса головы...» (Дэвлет, 1997, с. 240-250).

Согласно Е.А. Окладниковой, сердцевидные личины являются одним из вариантов изображения череповидных (Окладникова, 1979). М.А. Дэвлет предполагает, что на сердцевидных личинах углублением могли обозначать теменное отверстие, в

котором, по представлениям древних, была сосредоточена жизненная сила. Это сакральное место спустя тысячелетия получило в буддизме название «отверстие Брахмы» (Дэвлет, 1997, с. 242).

По мнению А.П. Окладникова и А.И. Мартынова, изображенные на Томской писанице личины связаны с культом мёртвых, с идеями о потустороннем мире (1972, с. 218). Следует отметить весьма близкую, хотя и не тождественную манеру изображения личин на Томской писанице и Вишерском Писаном Камне. Вполне вероятно, что вишерские личины также отражают культ предков, тем более что рядом с ними нарисованы авиаформы, связанные с идеей реинкарнации.

Существуют и другие варианты интерпретации. По мнению А. Заики, проанализировавшего десятки личин Нижней Ангары, эти изображения связаны с широким распространением в эпоху голоцена рыболовства. В наскальном искусстве фантастические изображения в виде личин могли символизировать водных духов, малоизвестность, таинственность и опасность водной среды (Заика, 1991, с. 30-33; 1996, с. 25-39). Автор в своих выводах исходит из того, что «на ранних стадиях развития различных форм религии абстрактные понятия о духах, божествах и т.д. часто отождествлялись с реальными образами, с которыми была сопряжена хозяйственно-культурная деятельность человека и которая, в свою очередь, определяла видовой состав пантеона объектов поклонения... на окуневских изваяниях заложен образ водного духа в виде налима, показанного головой вниз и, соответственно, хвостом вверх. Культовые обряды, связанные с данным образом, отражены на петроглифах, где показаны человеческие фигуры с масками-личинами и длинными островеками головными уборами с развилкой-хвостом в верхней части» (Заика, 1991, с. 30-31, табл. 9-1-3, 8, 10, 13).

По одному из ранних мнений А.П. Окладникова, неоконтурные окуневские личины обозначали духов рек, по его же мнению, антропоморфные фигуры с полукруглыми масками-личинами на берегу оз. Байкал (Саган-Заба) также отражали культ водных духов. В окуневских изваяниях он видел космического быка — владыку вод (Окладников, 1950, с. 308). На неолитических сосудах Нижнего Амура и в окуневских петроглифах Южной Сибири присутствуют изображения личин с глазами каплевидной формы или в виде «рыбок», что также указывает на их связь с водной средой (Заика, 2003, с. 56).

Семантическую связь антропоморфных личин с обитателями водной среды прослеживают на росписях керамических сосудов неолитической культуры Китая яншао (этап баньпо), где изображения в виде рыб не только их сопровождают, но и являются составной частью образа (Евсюков, 1988, с. 80). Т.И. Кашина усматривает в баньпоских личинах рисунок «человеческой головы, обрамленной рыбьим хвостом с двумя маленькими рыбками вместо ушей и плавниками на подбородке» и полагает, что «скорее всего так изображали шамана или предка-прародителя в головном уборе в виде рыбы» (Кашина, 1978, с. 198).

Рисунок неоконтурной антропоморфной личины фантастического облика сочетается с изображением рыбы в петроглифах Северо-Западного побережья Америки (Окладникова, 1979).

А.Л. Заика полагает, вслед за К. Леви-Строссом, что в основе иконографии сердцевидных личин «лежит принцип развёртывания на плоскости объёмного изображения лица (головы) человека. Рационально решая данную задачу, древний художник показал максимально информативное изображение лица в анфас путём симметричного совмещения его профилей. Соответственно, при этом в верхней части изображения, на месте контакта контуров лба появлялся характерный прогиб. Подобный художественный приём (симметричная развёртка, «удвоение», «расчленение» пополам образа) широко распространён в изобразительных традициях народов Тихоокеанского бассейна» (Заика, 2003, с. 56; Заика, 1998, с. 99). По мнению К. Леви Стросса эти способы изображения характерны также для петроглифов северной Австралии и искусства маори в Новой Зеландии (Леви Стросс, 1983, с. 219-220). Этот принцип использовался и окуневцами (Окладникова, 1979, с. 108).

В заключении рассмотрения данного сюжета А.Л. Заика делает следующий вывод: «Учитывая, что с наступлением голоценового периода... в северных широтах жизненно важное (в ряде мест — ведущее) значение в хозяйственной деятельности человека, наряду с охотой, стало приобретать рыболовство, натуральным макетом для сердцевидных личин и маской в ритуальных целях первоначально могла служить развёрнутая на плоскости голова рыбы, которая графически гармонично вписывается в сердцевидный контур. Наглядно иллюстрирует данный процесс трансформации и семантическую связь образов композиция американских петроглифов, где изображения головы рыбы и антропоморфной личины не только композиционно сочетаются, но и иконографически (в контексте нашей концепции) соответствуют друг другу... По мере трансляции образа в пространстве и во времени, в процессе его переосмысления сердцевидные личины... могли приобрести явные антропоморфные черты, что мы можем наблюдать в наскальном искусстве Нижней Ангары» (Заика, 2003, с. 57). Эту версию нельзя сбрасывать со счетов, учитывая, что только на Вишерском Писаном Камне более или менее натуралистично изображена рыба. Вишера — крупная полноводная река, имеющая важное рыболовно-промысловое значение. Напомним, что в грамоте 1689 г. Писаный Камень упоминается как пограничная скала между рыболовными угодьями русских и вогуличей.

Есть на уральских писаницах и схематичные условно-антропоморфные существа с ромбовидной головой. По материалам петроглифов других территорий и этнографическим данным ромбовидные контуры голов, как правило, встречаются в изображениях рыб, амфибий и рептилий (змей, ящериц, лягушек). Графические аналогии, соответственно, предполагают определённую семантическую связь последних с ромбовидными антропоморфными личинами в наскальных изображениях Урала.

На Корелинской писанице есть один мотив смешанной антропо-зооморфной природы — всадник. Широко известен в обско-угорской мифологии образ Небесного всадника, Мир-Суснэ-Хума. Этому младшему из семи сыновей Верховного бога отводится очень важная роль За Миром смотрящего человека. Однако персонаж на Корелинской писанице изображен не на коне, а на обобщенном животном с поднятым вверх хвостом. В мансийской мифо-

логии есть упоминание о мифическом звере Йур, нередко отождествляемом с мамонтом. На его «волосатой спине» обезджал вогулов один из духов-покровителей дер. Елышкина на р. Конде. Здесь же рассказывали о чудовищной озёрной щуке йур сорт с худым телом, но большими головой и глазами. В другом варианте Йур уподобляли ящерице. Считалось, что Йур выгрызал дырки в деревьях. Халев-ойка, дух-покровитель с. Анеево, имел слугу йур-ойку, Йур — «старика», который жил в реке в образе рыбы. Обращаясь к «снабженному глазами кровавому йур-старика», исполняли священное заклинание. На Верхней Лозьве понятие «йур» обозначало рака, которого было запрещено употреблять в пищу; много йур-животных обитало в «водном святилище» на р. Вижай. Песни вогулов, собранные Б. Мункачи, говорят о «живом», «ползающем», «зубастом», «крылатом», «ногастом», «железотелом» Йур. В одной из песен рассказывается, что на священное дерево духа прилетает много крылатых зверей Йур; если верхней ветер качает ветви, то взлетает много зверей Йур.

На Сосьве про бубен шамана нередко говорили, что его «одолели шесть йур-животных, семь йур-животных». Вертикально установленные на внешней стороне обечайки столбики назывались «йур-зверь волшебного бубна». Шаман мог навести данных чудищ на человека, вызвав у него тяжёлую болезнь (Мифология манси, с. 8).

Среди археологических находок можно отметить бронзовую фигурку всадника на медведе, найденную, предположительно в специализированной мастерской со свидетельствами металлообработки, переплавки бронзы и изготовления бронзовых изделий на острове в протоке Юганская Обь между городами Сургут и Нефтеюганск (Арефьев, Карачаров, 2003, с. 31). Находка выполнена в стиле культовой кулайской бронзовой пластики с территориальной спецификой Среднеобской низменности и датирована III в. до н.э. — III в. н.э. По мнению авторов, отливка воспроизводит всадника на медведе, в связи с чем они упоминают «смутные» представления аганских хантов о «езде» на медведе, который «в нашем мире... независим, «он хозяин», а на том свете — слуга» (там же, с. 32). В.А. Арефьев и К.Г. Карачаров приводят аналогии композиции «человек (всадник) на звере» в изобразительном искусстве народов Урала и Западной Сибири в раннем железном веке и средневековье (там же). К ним можно добавить фигурку всадника на неопределимом до вида животном из «клада» на Азов горе, датированном, ориентировочно, второй половиной I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. и состоявшего из 40 предметов, по большей части из птицевидных фигурок (Бортвин, 1949). Вполне вероятно, что уже на ранних этапах культурогенеза обских угров сложились представления о мифическом звере с человекообразным существом на спине и с функциями «За миром смотрящего человека».

Любопытно, что согласно традиционному мировоззрению хантов все животные — результат творчества различных антропоморфных существ. Так, по материалам К.Ф. Карьялайнена, В.Н. Чернецова и В.А. Кулемзина, рыбу «делает» обской старик — «рыб делающий человек». Рыба якобы возникает из стружек обрабатываемого им дерева. Согласно этим воззрениям, речная рыба принадлежит ему, и он её распределяет в зависимости от устанавливаемых с ним отношений. К.Ф. Карьялайнен приводит свиде-

ния о происхождении животных от тех или иных духов. По сообщению хантов Нижней Оби, птиц «делают» старик со старухой, которые живут далеко на юге и питаются птицами, но костей не ломают, а бросают; из них-то и вырастают новые птицы (Кулемзин, и другие).

В целом рассмотренные материалы позволяют видеть в антропоморфных существах изображение не реальных, а мифических персонажей сверхъестественной природы, или обожествленных предков, духов-предков, а так же различной категории духов.

К немногочисленным на уральских писаницах относятся древовидные и лодкообразные мотивы. Есть только одна достоверная лодкообразная фигура — на Камне Балабан I; близкий мотив с неоднозначной трактовкой известен на Косом Камне с р. Нейвы. Семантика этих мотивов может быть самой различной. Для передвижения по воде ханты и манси пользовались небольшими лодками-долбленками (обласками) либо дощатыми калданками, а для дальних семейных переездов — большими дощатыми каюками.

Ю.Б. Симченко у нгансан отмечено представление о лодке как «живой вещи»: носовая часть, называемая «горлом», определяет «жизненность» лодки. В отличие от объектов неживой природы, мифических предков и животных нгансаны называли «имеющими горло» (1976, с. 144). В то же время у обских угров, а также у многих других народов Севера отмечена традиция погребения покойного в лодке или ее имитации (Косарев, 2003, с. 99; Жульников, 2006, с. 106 и далее). В этом проявляются полисемантизм и амбивалентность, уже отмечавшиеся выше по отношению к другим предметам изображения на уральских писаницах.

В ритуальной сфере культуры обских угров известны гонки на лодках — Каснэ-хап. Жители селений в бассейнах рек Ляпин и Северная Сосьва перед посещением в летний период святилища высокого ранга торум-кан близ с. Ломбовож в течение 7 дней устраивали гонки на лодках. Каждое селение выставляло свою команду из 12 человек со специально к этому случаю изготовленной лодкой. Кроме гребцов, сидевших попарно и работавших каждый одним веслом, в лодке находились рулевой (на корме) и музыкант с инструментом (на носу). Во время гонки музыканты исполняли ритмичные мелодии, задавая темп гребле. После тренировок устраивали гонки на две дистанции. По результатам нескольких заездов команда-победитель получала приз — оленя.

Соревнования на лодках происходили и при поездках на другие культовые места. При этом считалось благоприятной и обязательной победа лодки, в которой везли жертвенное животное. В.Н. Чернецов наблюдал подобные гонки (две лодки по шесть гребцов с рулевыми) на Северной Сосьве в конце сентября 1931 г. Гребли ручными вёслами, стоя в лодках. Когда доходили до определённого места, все по команде поворачивались, и лодки шли обратно кормой вперёд.

Ляпинские манси перед выездом на рыбные промыслы в низовья Северной Сосьвы и на Обь устраивали праздник каснэ порат («время соревнования») — соревнование на лодках. Он проходил в начале июня и был приурочен ко времени, когда цветёт черемуха. (Бауло, 2001).

Интересна свинцовая отливка «ладьи» длиной 10 см, найденная на святилище хантов из Зелено-

го Яра на р. Полуй на нарте старика-шамана. Вот как описывает её А.В. Бауло: «Основная часть «ладьи»... в виде узкого прямоугольника, от передней части которого вверх поднимается изогнутый «нос» с наверхшим ромбом... На «ладье» показаны семь фигур: три из них — в виде ромбов на столбиках, одна — в виде столбика, одна — в виде **двухконечной вилки** (выделено нами — авт), одна — бутылочной формы, и одна — в виде тулова человека с разведенными в стороны руками (согнуты в локтях и подняты вверх)... Семантика найденных атрибутов затруднительна. В мифологии обских угров ладья связана с фигурой владыки Нижнего мира Хинь ики (Хинь вэрт), он постоянно направляет вверх по рекам берестяные лодки с духами болезней, которые забирают покойников и направляют их на север, в страну мёртвых... можно высказать предположение, что к антропоморфам на ладье относятся две фигуры: бутылочной формы (образ безмолвного перевозчика душ) и та, что изображена с поднятыми руками (плачущая душа; ср. у Е. Шмидт: душа умершего, «крича и плача», отправляется в последнее путешествие в мир мёртвых)... Возможно, впрочем, обратное прочтение фигур: с поднятыми руками — торжествующий Хэнь ики, на корме — понишая фигура умершей души... Трудно сказать, с какой целью изготовлял и использовал «ладью» шаман, однако у северных хантов известна его важная роль при прощании с покойником. В ходе похоронного обряда шаман «переворачивает покойника, рассматривает со всех сторон» и сообщает родственникам, «что такой-то бог был причиной его смерти, и именно: полубога его добродетели, или огорчась пороками» (Бауло, 2002, с. 93).

Помимо ладьи здесь крайне интересен для нас и персонаж с головой в виде «двухконечной вилки»: это явная параллель двурогим существам на писаницах.

У многих народов Севера, от Скандинавии до Сибири существовали представления о плавании душ умерших в страну смерти, в мифологическую страну предков. Мифологические транспортные средства, соединяющие два мира, известны не только в погребальной практике, но и в шаманском фольклоре. В нем фигурирует и образ лося или оленя, сопровождающего лодки мёртвых по «реке смерти» (Окладников, Мартынов, 1972, с. 232). В этой связи уместно еще раз обратиться к писанице на Косом Камне. Если специфический гребневидный знак на нем интерпретировать в качестве рисунка лодки, тогда одну из версий истолкования этой композиции можно представить как «путешествие в страну мертвых».

Деревья занимали очень большое место в традиционном мировоззрении: деревья якобы могли мстить друг за друга, перешёптываться листвою; дерево, имеющее на вершине семь ветвей, считалось священным; берёза связывала Средний мир с Верхним и т.д. К.Ф. Карьялайнен отмечал: «Васюганец представляет, что на небе есть берёзовый лес, и свои дары солнцу, небу, ветру и небесным духам привязывает к берёзе». Считалось, что черёмуха привлекает к себе злых духов, а рябина, наоборот, отпугивает; для духа поранений жертвы привязывали на сосну, для духа голода, распугивающего в лесах дичь — на осину (листья дрожат, как человек от слабости); (Кулемзин, 1984, с. 165-166).

Прежде чем свалить нужное дерево, обращались к нему и местному духу-хозяину с объяс-

нением, что это не прихоть, а жизненная необходимость. В.М. Кулемзин отмечает, что верхнюю ветку втыкали в пень срубленного дерева, обеспечивая тем самым сохранение его души. «Во время полевых исследований нам неоднократно приходилось быть свидетелем, когда решение хантов свалить дерево для изготовления лодки внезапно менялось по той причине, что кому-либо приснился сон о запрете на него: ханты в течение нескольких дней были вынуждены заниматься поиском другого дерева. Ханты полагают, что бывают люди, которые могут слышать едва уловимый разговор деревьев; такой человек может общаться с деревом, не испрашивая разрешения у лесного хозяина» (1984, с. 62).

У некоторых народов Севера, в том числе у обских угров, в практике погребальной и жертвенной обрядности использовалось дерево. «Этот способ «транспортировки» жертвенных приношений, души... был направлен только вверх и никуда более — к солнцу, к небу, в высшие сферы Вселенной. Водружение даров на священный столп или на ветви дерева, по верованиям сибирских язычников, способствовало прямому попаданию их к верхним божествам. Та же самая идея «возвышения» лежит в основе так называемых «воздушных» захоронений» (Косарев, 2003, с. 156). Захоронения на деревьях, в корнях дерева, в дуплах и на пнях у селькупов имеют место и в настоящем (Степанова, 2007, с. 115). Дерево считалось ипостасью Матери-прародительницы, дупло — её утробой, являвшей собой иной мир, откуда приходили и куда возвращались души земных людей. Когда-то у селькупов существовало предание о происхождении человека из развилки берёзы. Изображение развилки дерева — распространенная родовая тамга у всех народов Западной Сибири. Палки с развилкой на верхнем конце ставили на могилах шаманов в качестве духов-охранителей погребений (Прокофьева, 1976, с. 114; Симченко, 1965; Степанова, 2007, с. 116) (сравни с рисунками V-образных знаков на уральских писаницах!).

Во многих мифологиях мира известен мотив Мирового древа. Образ мирового древа в различных культурных традициях представлен как в чистом виде, так и множеством изофункциональных вариантов: ось мира, «мировая гора», крест, шаманский посох, шести с духами-птицами у сибирских народов и так далее. В мифах уральских народов мировой осью служило дерево, столп или гора (Петрухин, Хелимский, 1992, т. 2, с. 564).

Логика архаичного мировоззрения была такова: равновесие между частями мироздания не есть нечто неподвижное и неизменное. Жизнь как бы перетекает из верхнего мира в средний, а затем из среднего мира в нижний. Объекты, которые соединяют сакральный верх и низ: река, гора, дерево, становятся природными аналогами мифического столба-подпорки, по которому «переливается» жизнь между мирами вселенной (Сагалаев, 1991, с. 112-113).

При членении мирового древа по вертикали выделяются три яруса, которые символизируют трёхчленное деление мира. Верхний мир (небесная сфера) символизируют ветви кроны, средний (земля) — ствол, нижний (подземное царство) — корни. К каждой части относится особый класс существ, чаще всего животных или, изредка, мифологизированных персонажей. В архаичных изображениях мирового древа у жителей тайги верхнюю часть

мира символизирует птица, среднюю часть — копытное, нижнюю — змеи, лягушки, бобры, выдры и т.п. (Топоров, 1992, т. 1, с. 400).

Мировое дерево связывает все три мира, а птица является посредником между ними (сравни композиции с мотивами птицы и дерева на тагильских писаницах). Исследователи отмечают, что эти два образа составляют неразрывное единство: «В совокупности «птица/дерево» образуют такое множество мифопорождающих ситуаций, которое исчерпывает все потребности традиционного сознания... Эта тема, вероятно, относится к древнейшим слоям мировоззрения и восходит к некоему урало-алтайскому архетипу» (Сагалаев, 1990, с. 32).

Образ мирового древа в различных культурных традициях реконструируется на основе изучения ритуала, мифологических представлений, зафиксированных в памятниках изобразительного искусства, фольклорных текстах. О его устойчивости свидетельствует то, что прямо или косвенно образ мирового древа восстанавливается для разных традиций в диапазоне от эпохи бронзы (в Европе и на Ближнем Востоке) до настоящего времени (Топоров, 1997, с. 398).

Однако есть справедливые представления, что границе появления данного изобразительного символа следует отнести к более раннему периоду. М.Ф. Косарев считает, что символика мирового древа и связанных с ним представлений существовала уже «в канун энеолита» (2003, с. 157). Близки этому мнению и представления А.М. Жульникова, который в качестве доказательства приводит две уникальные археологические находки, обе — с побережья Онежского озера. Одна из них происходит с поздне-неолитического поселения Пегрема II в Заонежье. На внутренней стороне «явно ритуального сосуда с гре-

бенчато-ямочной орнаментацией имеется несколько геометрических фигур и схематичное изображение дерева с направленными вверх ветвями, которое А.П. Журавлев интерпретирует как одно из ранних изображений мирового древа... На энеолитическом поселении Челмужская Коса XXI найдена сланцевая галька с процарапанным изображением ели» (Жульников, 2006, с. 77).

Сам образ мирового древа в качестве доминанты архаичного сознания (поскольку могут быть и другие его эквиваленты) складывается на основе развитой системы космологических представлений, структурно организованной модели мира, основанной на целом ряде основных семантических противопоставлений. По В.Б. Мириманову, семантические и морфологические корни мифограммы мирового древа находятся в первобытном искусстве (Мириманов, 1997, с. 65). Такие символы, как мировое дерево и его семантические эквиваленты, например, гора, жезл и т.п. позволяли древнему человеку осмыслить и образно описать любые процессы и состояния мира. При этом люди оперировали не абстрактными понятиями, а их конкретными воплощениями в виде ритуальных вещей или символических изображений.

Их появление на петроглифах даёт, по мнению А.М. Жульникова «дополнительное основание поставить вопрос о существовании в неолитическую эпоху на Севере Европы «шаманского» комплекса с характерными для него мифопоэтическими концепциями структуры мира по вертикали и, соответственно, особых лиц, которые могли использовать данные символы в ритуалах, открывающих границу между мирами» (Жульников, 2006, с. 77). Однако дерево являлось не только символом мировой оси, но и воплощением Матери-предка, защитника и охранителя (Степанова, 2007, с. 117).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Среднем и Северном Урале известно 54 пункта с древними наскальными изображениями. Когда готовилась эта книга, в долине Тагила была обнаружена ещё одна крайне интересная писаница, которую ещё необходимо скопировать. Хотя о некоторых пунктах остались лишь упоминания в литературе (бассейн р. Исети), большая часть писаниц сохранилась до наших дней удовлетворительно. Отдельные фигуры выглядят до сих пор так, как будто они были созданы совсем недавно. Таковы 1-я группа Зенковской скалы, 1-я группа Писаного Камня на р. Серге, отдельные изображения на Змиевом и Писаном камнях по Тагилу, «Двуглазом» Камне на р. Нейве и многие другие. Подавляющая часть рисунков сделана красной краской с различными оттенками, на Исаковской I скале открыты гравировки.

Рисунки на скалах — это лишь часть сложной обрядово-ритуальной практики древнего населения Урала, фрагменты которой сохранились до настоящего времени в культуре коренных народов Урала и, шире, народов Севера. Их мифология и фольклор, вместе с традиционными представлениями и культами, прокладывают зыбкий путь познания в прошлое, которое не явлено нам в непосредственном опыте, а потому и не поддающееся верификации. Отсюда, а также исходя из многозначности изображений, лишенных письменного или вербального контекстов, следует вывод, согласно которому мы не в состоянии построить одну единственно верную реконструкцию содержания воспроизведенных на скалах фигур. Многовариантные попытки истолкования наскального искусства необходимы ещё и в силу иной логики, — её называют первобытной, мифологической, мифопоэтической, языческой и т.п., — в соответствии с которой строились культурные коды создателей древних изображений. В соответствии с ней «все взаимостречное переходит в свою противоположность: добро — в зло, зло — в добро, свет — в тьму, тьма — в свет и т.д.» (Косарев, 2003, с. 166; очень схожие размышления содержатся в статье D. Lewis-Williams «Light and Darkness: Earliest Rock Art Evidence for an Archetypal Metaphor»). Такое «перетекание» свойств и состояний, несводимость графических «текстов» к другим культурным «текстам» изрядно затрудняет попытки дешифровки древних наскальных изображений.

Мы постарались показать, вслед за Валерием Николаевичем Чернецовым, богатство символики фигур и композиций на писаницах Северного и Среднего Урала. Выявленный культурный отбор образных фигур на скалах позволил считать их универсальными доминантными символами, в которых или через которые выражен чуть ли не весь комплекс мифологических представлений. Акцент при интерпретации содержания сцен и композиций делался на их контекст, который и помогал, как нам кажется, найти близкие фольклорно-мифологические соответствия. В поисках этих соответствий мы обращались, в первую очередь, к финно-угорскому и самодийскому наследию, так как данные археологии и антропологии позволяют считать создателями писаниц древних уральцев — далеких предков современных обских угров. Их

сложный генезис и контакты с другими группами населения позволили обращаться к индоевропейскому и алтайскому наследию (см. также статьи в энциклопедических изданиях «Мифология хантов» и «Мифология манси»).

Наскальные рисунки отражают, в целом, две важнейшие темы: привлечение добычи в ловушки и удержание её в них; весеннее оживление природы и идея увеличения количества рыбы и зверя. Некоторые композиции отражают анимистические и тотемистические представления, связанные с идеей размножения в едином комплексе с весенним оживлением природы и растительности и появлением потомства, а также предками генеалогических групп, изображенными в момент исполнения ими танцев «для счастья и удачи в промысле» (Чернецов, 1970, с. 6-29). Обосновывается связь фигур и композиций с мифологическими представлениями древних уральцев и шаманской идеологией, а также их мемориальная функция. Вслед за В.Н. Чернецовым подчеркивается связь наскальных изображений с календарной обрядностью их творцов. Писаницы и участки возле них (над ними) были священными местами, что подтверждают и археологические раскопки. Сама же скала выступала мифологической священной горой, прорывом в сакральное, связующим звеном в вертикальной структуре мира. В этом случае гора подобна «мировому дереву», священному дереву культовых мест обских угров, на которые вешали черепа животных. Возможно, образ мировой горы древнее образа мирового дерева в мифологических представлениях предков уральских народов, что дает ответ на вопрос, почему вообще создавались изображения на скалах.

Остается добавить, что каковы бы ни были наши представления об уральских писаницах, мы имеем дело с уникальными изобразительными памятниками, которые нуждаются в сохранении и деликатной интеграции в современную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

Айхенвалд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. М., 1982.

Алексеев Е. А. Представление кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). Л., 1976. С. 67-105.

Алисов Б.П. Климат СССР. М., 1956.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л., 1958.

Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959.

Арефьев В.А. Прочерчено-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск, 1986.

Арефьев В.А., Карачаров К.Г. Всадник на медведе // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003, с. 31-34.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Серия препринтов «Научные доклады». Сыктывкар, 1985. Вып. 19.

Ашихмина Л.И. Сейминский и предананьинский горизонты в Уральском регионе // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным Камнем на р.Вишере // СА. 1954. Т. XXI.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 10-31.

Байбури А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Сборник музея антропологии и этнографии, 1981, т. 37, с. 215-226.

Бауло А.В. Жертвенные покрывала обских угров из Ханты-Мансийского музея // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997, с. 90-101.

Бауло А.К. Статьи // Мифология манси. Новосибирск, 2001.

Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск, 2002.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. Л., 1935.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: издательский дом БГПУ, 2009, 285 с.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981, с. 173.

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, №21. М., 1951, с. 182-243.

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитиче-

ские остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА, 1950, т. XIII.

Богомолов Д.В. Почвы Башкирской АССР. М., 1954.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург, 1992.

Бортвин Н.Н. Находки на горе Азов // КСИ-ИМК, XXV, 1949, с.

Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Г. Шадринск, 5-6 ноября 2007. Челябинск-Шадринск, 2008.

Булычев Н.П. Камень писаниц (с рисунками) // ЗУОЛЕ, т. III, вып. 2. Екатеринбург, 1876, с. 120-123.

Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001

Вайсброт Р.Л. Методы датирования наскального искусства // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993, с. 21-37.

Васильев Е.А. Миграционные процессы в таежной полосе Западной Сибири в энеолитическую эпоху: причины и динамика // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987.

Васильев Е.А. Особенности формирования и генезиса первобытных культур таежной полосы Западной Сибири // культурно-генетические процессы в Западной Сибири: тезисы докладов. Томск, 1993.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Горашук И.В., Зайберт В.Ф. Поселение Ук VI и проблемы боборыкинской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Вереш П. Этиологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990, с. 72-78.

Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н.э. // Труды Камской археологической экспедиции. Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1968, № 191.

Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Викторова В.Д. Жертвенные места на горах и холмах // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004, с. 174-191.

Викторова В.Д. Эволюция одного знака и его значения // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2006, с. 35-50.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург, 2008.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у оз. Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1997, № 4, с. 40-65.

Викторова В.Д., Шорин А.Ф. Коптяки V, селище, коптяковская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 276.

Викторова В.Д., Колмакова В.В., Федорова А.Ю. И разные народы побывали здесь // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.

Винокурова И.Ю. Водоплавающие птицы в мифологических представлениях вепсов // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000, с. 93-98.

Вселенная шамана. СПб., 1996.

Гаджиева Е.А. Идолы VI разреза Горбуновского торфяника (несколько замечаний по вопросу культурно-хронологической принадлежности) // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004, с. 91-99.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.

Гемуев И.Н. Религиозно-мифологические представления манси: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1991, 45 с.

Гемуев И.М., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места (XIX-начало XX в.). Новосибирск, 1986.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999.

Генинг В.Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере // СА, 1954, с. 259-280.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Камского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук, т. 2. Казань, 1959.

Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология древнего населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004, с. 83-90.

Глушков И.Н. Чердынские вогулы. ЭО, т. XV, № 2. М., 1900.

Глушков И.Г. О роли и характере южных связей населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху доандроновской бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987.

Голдина Р.Д. История финно-пермских народов Приуралья в эпоху железа по археологическим данным // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993 а.

Голдина Р.Д. Основные проблемы взаимодействия народов Приуралья в эпоху железа по археологическим материалам // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы международной теоретической конференции. Ижевск, 26-28 октября 1993 г. Ижевск, 1993 б. Ч. 1.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

Гондатти Н.Л. Куль медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Тр. ИОАЛЕЭ. СПб., 1888, т. 48, вып. 2, с. 61-90.

Горчаковский П.Л. Широколиственные леса и их место в растительном покрове Южного Урала. М., 1975.

Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986, с. 216-222.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.

Грачева Г. Н. Представления нганасан о природе // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX в.). М., 2002. С. 95-112.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. МИА, №47. М.-Л., 1956.

Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. 1972. Вып. № 131. С. 36-45.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание 1882 года. Том третий. М., 1980.

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. 1951. № 21, с. 70, рис. 7-5.

Дьяконов И.М. Введение // Мифологии древнего мира. М., 1977.

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург, 2011.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М., «Наука» 1982.

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997, с. 240-250.

Дэвлет Е.Г. Некоторые орнитоморфные и антропоморфные изображения: Америка-Азиатские параллели // Международная конференция по первобытному искусству. Т.1. Кемерово, 1999, с. 131 - 138.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства. М., 2002.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М., 2005.

Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988.

Ермолова Н. В. Олень в традиционных представлениях эвенков // Традиционные верования в современной культуре этносов. Санкт-Петербург, 1993, с. 152-167.

Есин Ю.Н. О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (22), 2005, с. 114-128.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006, с. 26-29.

Жульников А.М. О хронологии наскальных изображений Белого моря // Уральский исторический вестник, № 1 (26), 2010, с. 62-69.

Заика А.Л. К интерпретации окуневских изображений // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991, с. 30-34.

Заика А.Л. Наскальное искусство Среднего Енисея // Тайны Среднего Енисея. Железногорск, 1996, с. 25- 35.

Заика А.Л. Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. Сборник научных трудов. Вып. II. Красноярск, 2003, с. 48-58.

Зах В.А., Зах Е.М. О культурно-исторической ситуации в Нижнем Притоболье на рубеже бронзового и раннего железного веков // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Замятнин С. Н. Миниатюрная кремневая скульптура на неолитических памятниках Северо-Востока Европы // СА. 1948. Т. X. С. 85-123.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Зданович Г.Б. Аркаим // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 26-27.

Зданович Г.Б. Петровская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 411.

Зданович Г.Б. Синташта // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 478-479.

Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. I. Екатеринбург, 1996.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М., Л., 1954.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX - первой половины XX в. Л., 1970.

Иванов В.В. Статьи // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992, т. 1, 2.

Игошина К.Н. Растительность Урала // Растительность СССР и зарубежных стран. М., Л., 1964.

Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.

Историческая экология животных гор Южного Урала. Свердловск, 1990.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

Кадильникова Е.И. Ландшафтные исследования. Уфа, 1983.

Казаков Е.П. Комплексы культур Большого Урала VI-XIV вв. н.э. в Волго-Камье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов. Томск, 1995, т. II, с. 174.

Кашина Т.И. Семантика орнамента неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск, 1978, с.188-203.

Кашина Е.А. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный редмет в древности. Екатеринбург – Сургут, 2007, с. 125-135.

Кернер В.Ф. Определение границ хозяйственно-культурных типов по материалам поселений и жилищ народов лесной полосы Урала в эпоху железа // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3.

Кирюшин Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-алтаистика: Археология; Этнография; Язык. Новосибирск, 1985.

Классификации в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990. Ред. В.С. Бочкарев. 156 с.

Ковалева В.Т. Боборыкинская культура: итоги изучения // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск, 1986.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.

Ковалева В.Т. Динамика культуры и общества в Среднем Зауралье (неолит-бронзовый век) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Ковалева В.Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препринт. Екатеринбург, 1995.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. О соотношении кошкенинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени) // СА. 1984. № 1.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного - начале бронзового века: итоги и проблемы исследований // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о Зауральском неолите // ВАУ, вып. 25, Екатеринбург, 2008, с. 30-43.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2011.

Ковригин А.А., Шаралова С.В. Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем / Материалы научной конференции. Ч. I. Екатеринбург, 1998, с. 67-73.

Коишевский Б.А. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. Историко-археологический сборник Института краеведческой и музейной работы. М., 1948.

Кокшаров С.Ф. О содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990, с. 80, рис. 1.

Кокшаров С.Ф. Опыт реконструкции мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Препринт. Свердловск, 1990.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Кокшаров С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральско-

го населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993, с. 1.

Колев Ю.И. К вопросу о культурно-хронологическом соотношении комплексов позднего бронзового века Волго-Камья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Колчин Б.А., Шер Я.А. Абсолютное датирование в археологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1979.

Конаков Н.Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990, с. 103-121.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и Подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва 2011.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Корякова Л.Н. Тоболо-Иртышская провинция в системе культур железного века // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993, с. 97-99.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Докл. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1993.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.

Косинская Л.Л. Проблемы хронологии и культурных взаимодействий в неолите таежной зоны Западной Сибири // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.

Косинцев П.А. Жертвенные животные обских угров (по археозоологическим материалам) // Обские угры. Тобольск-Омск, 1999, с. 234.

Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург-Салехард, 2006, 272 с.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовой культуры // СА. 1981. № 2.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. 1977. № 3.

Крашенинников И.М. Географические работы. М., 1954.

Кривошёков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губ. Пермь, 1910.

Кривошёков И.Я. Словарь географическо-

статистический Чердынского уезда Пермской губ. Пермь, 1914.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

Ласло Д. К вопросу о формировании финно-угров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.

Лепехин И. Продолжение дневных записок по разным провинциям Российского Государства в 1771 году. СПб., 1814.

Лобанова Н.В. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера (по материалам близлежащих археологических памятников) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993, с. 39-49.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // ТЗС. Тарту, 1971, т. 5, вып. 284.

Лукина Н.В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Лукьянченко Т.В. Этногенез саамов // Этногенез народов Севера. М., 1980, с. 28-40.

Мажитов Н.А. Происхождение башкир: историко-археологический анализ // АЭБ. 1971. Т. 4.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996 а, с. 34-45.

Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996 б.

Максимова И.Е., Мец Ф.И. К проблеме интерпретации одного из сюжетов Томских писаниц // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

Малахов М.В. Курганы в окрестностях города Екатеринбурга // Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1884, т. I, с. 114-117.

Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978.

Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. Ученые записки ПГУ. Пермь, 1968, № 191.

Матвеев А.К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

Мельничук А.Ф., Изосимов Д. Жертвенное место у Писаного Камня // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004, с. 315-316.

Мельникова Л.И. Новое в изучении Шишкинских писаниц на реке Лене // Памятники наскального искусства. М., 1993, с. 30-53.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.–Л., 1937.

Мириманов В.Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М., 1997.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Мифология хантов. Энциклопедия уральских мифологий. Томск, 2000. Т. III.

Мифология манси. Энциклопедия уральских мифологий. Новосибирск, 2001. Т. II.

Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991.

Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 66-86.

Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992, с. 292-311.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб., 1999.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.

Молюдин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

Мосин В.С. Уфа IV – новый памятник эпохи энеолита в Южном Зауралье // Бронзовый век урало-иртышского междуречья. Челябинск, 1984, с. 97-104.

Мосин В.С. К вопросу о преемственности энеолита-бронзы в Южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.

Мосин В.С., Беспрозванный Е.М. Новые материалы со стоянок каменного века озера Чебаркуль // Энеолит и бронзовый век урало-иртышского междуречья. Челябинск, 1985, с. 72-93.

Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

Напольских В.В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предистории) // Исследования по древней истории и этногенезу финно-язычных народов. Ижевск, 1990 а, с. 40-67.

Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990 б, с. 5-17.

Напольских В.В. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // СЭ. 1990 в. № 1.

Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). // Материалы к серии «Народы Советского Союза». М., 1991 а. Вып. 5.

Напольских В.В. К реконструкции прауральской космогонии: Мать Юга (возможность воссоздания образа) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991 б, с. 79-87.

Напольских В.В. Опыт реконструкции семантики Мальтинских орнитоморфных изображений // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.

Напольских В.В. Введение в историческую Уралистику. Ижевск, 1997.

Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII УАС. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). Екатеринбург – Сургут, 2007, с. 41-42.

Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005.

Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1995.

Оглоблин Н.Н. Знамена сибирских инородцев // ЗУОЛЕ, №10, вып. 1. Екатеринбург, 1891-1892.

Оборин В.А. К этнической интерпретации средневековых культур Урала // ВАУ. 1991, вып. 20.

Овчинникова Б.Б. Лыбаевская культура сылвенской этно-культурной общности на Урале (конец I – начало II тыс. н.э.) Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС 19-22 апреля 1993. Екатеринбург, 1993, с. 160-162.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I-II // МИА. 1950. №18.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М., – Л., 1959.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёмки и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.

Окладников А. П. Космический лось // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX в.). М., 2002. С. 300-312.

Окладникова Е.Н. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979.

Окладникова Е.А. Модель вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки. Проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. Санкт-Петербург, 1995.

Ошибкина С. В. Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА. М., 1980. Вып. № 161

Оятева Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь, 2003.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского Государства. Ч. II, кн. I., 1770 год. СПб., 1786.

Пантелеева С.Е. Гороховская культура: формирование и динамика развития (по материалам керамических коллекций) // УИВ, № 2 (27), 2010, с. 87-101.

Пастушенко И.Ю. К вопросу о «сылвенской культуре» // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993, с. 169-170.

Пастушенко И.Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980.

- Перевалова Е.В. «Между кочек живущая женщина» (культ лягушки у обских угров) // УИВ, № 1 (26). Екатеринбург, 2010, с. 119-129.
- Петрин В.Т. Новые данные о писаницах с озера Большие Аллаки // СА, 1976, № 1, с. 153-158.
- Петрин В.Т. Писаница на р. Уфе около железнодорожной станции Арасланово // СА, № 4, 1971, с. 236-239.
- Петрин В.Т. Отчет об исследованиях наскальных изображений на Урале в 1976 г. Т. III. Свердловск, 1976. Личный архив.
- Петрин В.Т. К вопросу о датировке Араслановской писаницы на р. Уфе // СА, № 2, 1977, с. 246-249.
- Петрин В.Т. Находки новых наскальных изображений в Кыштымском озерном крае // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 66-67.
- Петрин В.Т. Наскальные изображения Южного Урала // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983, с. 150-159.
- Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // СА, 1984, № 4, с. 96-103.
- Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986, с. 99-132.
- Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2003.
- Петрухин И.Я., Хелимский Е.А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992, т. 2, с. 563-568.
- Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804.
- Почвы Башкирии. Уфа, 1973.
- Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). Л., 1976. С. 106-128.
- Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973, т. V.
- Ражев Д.И. Расотаксономическое положение населения Урала в период неолит – энеолита // Проблемы общей и прикладной экологии. Екатеринбург, 1996, с. 187-208.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995.
- Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири. Екатеринбург, 2001.
- Сабанеев Л.П. Охотничьи звери. М., 1992.
- Савельева Э.А. Этногенез народа коми // Материалы VI МКФУ. М., 1989. Т. 1.
- Савченко С.Н. История формирования коллекций Шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 1. Екатеринбург, 1999, с. 46-53.
- Савченко С.Н., Жилин М.Г. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004, с. 130-135.
- Сагалаев А.М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990, с. 21-34.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
- Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, с. 125, рис. 41-9.
- Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. 1964. Вып. 6.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сериков Ю.Б. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник САИПИ, Вып. 5, 2002, с. 31-33.
- Сериков Ю.Б. Культурные пещеры реки Чусовой // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004, с. 38-62.
- Сериков Ю.Б. Ловчие ямы в каменном веке Среднего Зауралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург, 2007, с. 114-123.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2 (38), 2009, с. 67-78.
- Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
- Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири. М., 1965.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
- Советова О.С. «Язык жестов» в наскальном искусстве // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М., 2005, с. 37-41.
- Соколова З.П. Современные этнические процессы у обских угров // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 85-105.
- Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенетическая и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 186-210.
- Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 89-117.
- Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв.: проблема фратрии и рода. М., 1983.
- Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2(2). 2000.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
- Степанова О.Б. Мифологический образ Матери-дерева в традиционном мировоззрении селькупов // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (31), 2007, с. 115-118.
- Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3, с. 164, рис. 2.
- Столяр А.Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983, с. 141-158.
- Студизцкая С.В. К семантике изображения лося и змеи на сейминско-турбинских бронзовых кинжалах «княжеского типа» // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 4. Донецк, 2006, с. 237-248.
- Тектоника Урала (Объяснительная записка к тектонической карте Урала). М., 1977.
- Топоров В.Н. Статьи // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1982, т. 1: т. 2.
- Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Тиваненко А.В. Древние культовые святилища – новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979, с. 11-141.
- Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.
- Урал и Приуралье, 1968.
- Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР. Уфа, 1964.
- Формозов А.А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // СЭ, 1950, № 3, с. 71-76.
- Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969.
- Формозов А.А. Новые книги о наскальных изображениях // СА, 1973, № 3, 257-265.
- Формозов А.А. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // СА, 1979, №3, с. 5-15.
- Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
- Хомич Л. В. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX века). Сборник МАЭ. Вып. XXXIII. 1977. С. 5-28.
- Хрушев Н.С. Писаный Камень на реке Серге // Уральский следопыт, 1959, № 5, с. 75.
- Цивьян Т.В. Змея ≡ птица: к истолкованию тождества // фольклор и этнография. У этнографических истоков вожетов и образов. Л., 1984, с. 45-57.
- Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004, с. 24-37.
- Чаиркина Н.М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тезисы докладов XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.
- Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005, 313 с.
- Чемакин Ю.П. Писаницы реки Нейвы // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998, ч. I, с. 123-126.
- Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л., 1935.
- Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. 1939. № 2.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. МИА. 1953. № 35.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1957. Вып. 58.
- Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Материалы и исследования по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. САИ. В4-12. 1964.
- Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. САИ. В4-12 (2). 1971.
- Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктических зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Бронзовый век лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинский транскультурный феномен // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 471.
- Чикунова И.Ю. Керамика кашинского типа в комплексах раннего железного века Зауралья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск. 2006, т. 2, с. 67-68.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шер Я.А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Тропой тысячелетий. Сборник научных трудов, посвященных юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. Кемерово, 2008, с. 28-34.
- Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале. Свердловск, 1990.
- Широков В.Н. Писаницы реки Ай // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1990.
- Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1, с. 41-48.
- Широков В.Н. Писаницы бассейна реки Туры // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998 с. 176-184.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Кирьяшевская писаница (река Тагил, Средний Урал) // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999, с. 92-96.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П. Уральские писаницы. Река Нейва. Екатеринбург, 2000.

Широков В.Н. Древнее наскальное искусство (в верховьях р. Исети) // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002, с. 169-171.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А. Уральские писаницы. Река Тагил. Екатеринбург, 2005.

Широков В.Н. Проблем возраста настенных рисунков Игнатьевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // Рссийская археология, № 2, 2006, с. 99-105.

Широков В.Н. Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит. Екатеринбург, 2007.

Широков В.Н. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург, 2009.

Широков В.Н. Композиции с рисунками птиц, копытных и змей в наскальных изображениях Урала // УИВ, № 1 (26). Екатеринбург, 2010, с. 92-99.

Шишкин А.С. Животные в идеологии населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железного века // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999, с. 241-243.

Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V г в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

Шорин А.Ф. О зауральской области ареала лесных неолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ, вып. 21, . Екатеринбург, 1993, с. 84-92.

Шорин А.Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры // Советская археология, 1994, № 4, с. 54-62.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблемы культурогенеза): Автореф. дис...докт. ист. наук. Новосибирск, 1995.

Шорин А.Ф. Черкаскульская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 587-588.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: учебное пособие к спецкурсу. Екатеринбург, 1999.

Шорин А.Ф., Корочкова О.Н. Бронзы эпоха // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998, с. 96-97.

Шорин Д.П. «О древностях в окрестностях Нижне-Тагильского завода Пермской губернии». Рукопись Дмитрия Петровича Шорина, приобретенная у его наследников в 1914 году Влад. Толмачевым для Императорской Археологической Комиссии. ГАСО. Д. 139, п. 22.

Щукина Е.Н. Четвертичные отложения Среднего Урала // Труды Института геологических наук: вып. 94, геол. серия № 29. М., 1948.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. М., 1940.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.

Юсупов Р.М. Краниологическая характеристика башкир в сопоставлении с финно-угорскими и тюркскими народами // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982, с. 101-131.

Якимов В.П. О древней «монголоидности» в Европе // КСИЭ. 1957. Вып. XXVIII.

Якимов В.П. Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей // ВА. 1960. Вып. 4.

Якимов В.П. Население европейской части СССР в позднем неолите и мезолите // ВА. 1961. Вып. 7.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996.

Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ugrien. Helsinki, 1877.

Bahn P.G. & Vertut J. Images of the Ice Age. Windward, 1988.

Bahn P.G. and Vertut J. Journey through the Ice Age. Weidenfeld & Nicolson, London, 1997.

Bowman S., 1990. Interpreting the Past: Radiocarbon Dating. University of California Press, Los Angeles, pp.23-30.

Chaffee S.D., Hyman M. And Row M.W., 1994. Radiocarbon dating of rock paintings. In Whitley D. & L.L.Loendorf, eds., New Light on Old Art: Recent Advances in Hunter-Gatherer Rock Art. University of California Press, Berkeley/Los Angeles, pp. 9-12.

Lymer K. Shamanistic Rock Art Images from the Republic of Kazakhstan // Shimmering Visions. Vol. 46, #1, expedition // www.museum.upen.edu/publications.

Pentikäinen J.Y. Kalevala Mythology. Bloomington and Indnanapolis, 1989

Poikalainen V., Ernits E. Rock Carvings of Lake Onega. The Vodla Region. Estonian Society of Prehistoric Art. Tartu, 1998, 431 s.

Russ, J., Hyman, M., Shafer, H. J. & Rowe, M. W. 1990. Radiocarbon dating of prehistoric rock paintings by selective oxidation of organic carbon. Nature 348: 710-711.

Steelman K.L., Row M.W., Shirokov V.N. and Southon J.R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. 2002. 76. pp. 341-348.

Tschernjeczow V.N. Barenfest bei den Ob-ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1974, T. 23 (2-4).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

ВА – Вестник антропологии

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГМЭ – Государственный музей этнографии народов СССР

ЗУОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

ИИС – Из истории Сибири

ИЛГО – Известия Ленинградского государственного университета

ИОАИЭИ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИОЛЕАЭ – Известия императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете

ИПОС – Институт проблем освоения Севера

ИРГО – Известия Русского географического общества

ИСО АН СССР – Известия Сибирского отделения Академии наук СССР

ИЭ – Институт этнографии

ИЭА – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

ИЭАС – Историко-этнографический атлас Сибири

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИЭ – Краткие сообщения института этнографии Академии наук СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии

МКФУ – Международный конгресс финно-угроведов

ПГУ – Пермский государственный университет

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

УАС – Уральское археологическое совещание

УИВ – Уральский исторический вестник

ЭО – Этнографическое обозрение

**Владимир Николаевич Широков
Сергей Евгеньевич Чаиркин**

**НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
СЕВЕРНОГО И СРЕДНЕГО УРАЛА**

Рекомендовано ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Оформление и верстка:
Широков В.Н., Крупп А.С.

Подписано в печать 08.12.2011

Формат 60x90/8.

Усл. печ. л. 25,1.

Заказ № 08/12-2

Отпечатано ООО «Издательский Дом «Ажур»

620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54